Ref. Ares(2022)5811357 - 18/08/2022

VISUAL HISTORY OF THE HOLOCAUST
Rethinking Curation in the Digital Age

# Deliverable D4.4

## Translation of Selected Russian Text Documents

| | |
|---|---|
| Lead-beneficiary | *CERCEC* |
| Work Package No. and Title | *WP4 Curation and enrichment of metadata* |
| Work Package Leader | *JLU* |
| Relevant Task | *Task 4.4 Performing manual annotation* |
| Task Leader | *JLU* |
| Main Author(s) | *CERCEC (Irina Tcherneva)*<br>*LBI (Marie Sevela, Ingo Zechner)*<br>*TUW-TA (Pia Pachinger, Mete Sertkan)* |
| Contributor(s) | *TUW-TA (Allan Hanbury)*<br>*JLU (Ulrike Koppermann)* |
| Reviewer(s) | *LBI (Sema Colpan)* |
| Dissemination Level | *Public* |
| Due Date | *M44 (2022-08)* |
| Version (No., Date) | *V1.9, 2022-08-18* |

This project has received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement No 822670. www.vhh-project.eu

VISUAL HISTORY OF THE HOLOCAUST
Rethinking Curation in the Digital Age

# Translation of Selected Russian Text Documents

## Table of Contents


**1. INTRODUCTION ..... 3**
**2. TYPES OF TEXT DOCUMENTS SELECTED ..... 5**
2.1. Caption sheets of Soviet cameramen ..... 5
2.2. Reports of the Extraordinary State Commission (ChGK) ..... 6
2.3. Soviet press articles ..... 6
**3. SELECTION CRITERIA OF TEXT DOCUMENTS FOR MANUAL AND MACHINE TRANSLATION ..... 7**
**4. MANUAL TRANSCRIPTION AND TRANSLATION OF THE SELECTED DOCUMENTS ..... 8**
**5. MANUAL TRANSLATION QUALITY CONTROL ..... 10**
**6. NEURAL MACHINE TRANSLATION ..... 11**
6.1. Preprocessing the documents for neural machine translation ..... 11
6.2. Neural machine translation models and services ..... 11
**7. EVALUATION OF THE MACHINE TRANSLATIONS ..... 13**
7.1. The BLEU Score ..... 13
7.2. The ChrF++ Score ..... 13
**8. RESULTS OF THE EVALUATION OF THE MACHINE TRANSLATIONS ..... 15**
**9. SUMMARY AND CONCLUSION ..... 18**
**10. GLOSSARY OF ABBREVIATIONS AND TERMS USED IN THIS DOCUMENT ..... 19**
**11. DOCUMENTS: MANUAL TRANSCRIPTS & TRANSLATIONS – INVENTORIES ..... 20**
11.1. Caption sheets of Soviet cameramen – Inventory ..... 20
11.2. Reports of the Extraordinary State Commission (ChGK) – Inventory ..... 25
11.3. Soviet press articles – Inventory ..... 30
**12. DOCUMENTS: MANUAL TRANSCRIPTS & TRANSLATIONS ..... 32**

## 1. Introduction

The aim and scope of this deliverable was significantly expanded: initially intended as a collection of translated text documents related to the filmic documentation of the Holocaust by Soviet cameramen, the team of the Visual History of the Holocaust (VHH) project decided to use these documents also as a test case for the prospects, challenges, and limits of machine translations of historic text documents.

This decision was based on the fact that any project, regardless of its scope, always has limited time and resources. The vast textual documentation of the Holocaust includes a large number of languages. While key Holocaust scholars such as Omer Bartov rightly argued that it is crucial for Holocaust research to understand a variety of languages, translations are still the only path to understanding for those who do not speak or at least read all or most relevant languages. Moreover, machine translations can be an alternative route in addition to manual translations, particularly when dealing with large text archives that canonly be translated manually under the theoretical condition of unlimited time and resources.

Translations are always interpretations. There is no doubt that any translation, even the most thorough one by an expert, will always provide a limited or at least altered understanding of the original, not only but particularly of its most idiomatic parts and its connotations. However, the research question of the test case in this deliverable is not to compare the translation to the original but to compare machine translations to manual translations.

Exploring the options of an automated process that may be applied to large text archives, the test case also had to take into account that historic text documents are not machine-readable before they are transcribed. A human translator may create a translation directly from the analog original or from its digital copy without a transcript, while a machine translation always requires a transcript.

The test case therefore comprised two different scenarios:

- Machine translations of manual transcripts
- Machine translations of machine transcripts

In both cases, the machine translations were compared to the manual translations which served as the ground truth or gold standard.

For creating machine transcripts, we used BOW, the Batch OCR Webservice developed by TUW-TA in the course of the VHH project. The test case did not include a systematic comparison of machine transcripts created by different OCR applications as this was already done in an earlier deliverable dealing with BOW (see below). However, before starting the process, several other OCR applications (Abbyy FineReader OCR Pro, Adobe Acrobat Pro, and a number of free online services) were tested on a selected number of documents. None of them achieved better results than BOW. (BOW uses the state-of-the-art OCR engine Tesseract.)

It was expected that the results of machine translations of machine transcripts will be rather disappointing as many OCR results turned out to be fragmentary and/or highly inaccurate. This is due to the fact that some of the documents were hard to read even for human readers, partly because of deficiencies of the digital facsimile copies, partly because of specific characteristics of the originals. Both are discussed in chapter 8 "Results of the evaluation of the machine translations" of this deliverable report. It was also expected that the results may improve with the readability of the digitized documents (e.g., printed documents as compared to typewritten documents with handwritten notes).

BOW pursues a human-in-the-loop approach. The online application has a web interface for a highly sophisticated manual correction of OCR errors. However, in the test case none of these features were applied as the aim was to compare a fully automated process to a partly manual process. A semi-automated process with manually corrected machine transcripts and machine translations may be the way to go if OCR results are disappointing.

The documents for this deliverable were selected by CERCEC (Irina Tcherneva). They were transcribed and translated by Marie Sevela (commissioned by LBI and supervised by CERCEC). Machine transcripts were generated with BOW by LBI (Ingo Zechner). Machine translations were generated and evaluated by TUW-TA (Pia Pachinger and Mete Sertkan, supervised by Allan Hanbury).

The manual transcripts and translations are included in this report and will be made available in the project's Visual History of the Holocaust Media Management and Search Infrastructure (VHH-MMSI) together with facsimile copies of the originals.

Relation to other deliverables:

- D2.1 Advanced Digitization Tool Kit (M12) comprises guidelines and checklists for film and text digitization. The latter were not directly applied to the documents in this deliverable as all of them are reused digital copies created before the VHH project started.
- D2.3 Digitized Collection of Text Documents related to Footage and Films (M24) contains additional details on the research and selection of text documents in the VHH project.
- D6.2 Link Creation Prototype of Concepts in Text Documents (M18) has the evaluation metrics of BOW.
- D6.4 Prototype for Link Creation Between Multimodal Concepts (M30) provides a detailed description of an updated version of BOW.

## 2. Types of text documents selected

Within the framework of the project, the search for textual documents informing about the filmed events was conducted in 2019–2020 and resumed in late 2021. The Covid-19 pandemic, which led to the closure of many archives, made it impossible to collect any material between March 2020 and late fall 2021.

Of the documents collected and described in Deliverable D 2.3 Digitized Collection of Text Documents related to Footage and Films (M24), three types were selected for translation into English:

- Caption sheets of Soviet cameramen
- Reports of the Extraordinary State Commission to Investigate German-Fascist Crimes Committed on Soviet Territory from the USSR (ChGK – Chrezvychaynaya gosudarstvennaya komissiya po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyany nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov)
- Soviet press articles covering the subject of the atrocities

### 2.1. Caption sheets of Soviet cameramen

The caption sheets of the Soviet cameramen are preserved within two collections: personal collection of Valerij Fomin and institutional archives of the Russian State Archives of Film and Photo Documents, Krasnogorsk (RGAKFD). The period covered by these documents is 1942–1945.

The first part was acquired in 2020 by the VHH project from the private collector Valerij Fomin. Originally, it came from the holdings of the Central Studio of Documentary Cinema (CSDF), part of which is kept in the Russian State Archive of Literature and Arts, Moscow (RGALI) and the Film Museum (Moscow). The collection contains detailed descriptions of footage that cameramen sent from the fronts of World War II. For the purposes of the VHH project, an analytical selection was carried out, resulting in a curated collection of 374 sheets dealing exclusively with the filming of Nazi atrocities. The original documents are both handwritten and typescript, signed, dated, and geographically located by the filmmakers.

The second part, comprising 169 sheets, completes Valerij Fomin's collection, and sheds light on the dispersion of the original documents during the post-war period. Digital copies of the original caption sheets have been aggregated for the first time. The descriptions of the film footage of Nazi atrocities are again handwritten and typescript, dated, and signed by the filmmakers.

## 2.2. Reports of the Extraordinary State Commission (ChGK)

The reports of the Extraordinary State Commission to Investigate German-Fascist Crimes Committed on Soviet Territory from the USSR (ChGK) are preserved in the State Archive of the Russian Federation, Moscow (GARF), f. 7021. They cover the years 1942–1946. CERCEC conducted a selection within the ChGK fond, which includes the documentation gathered by the regional and district commissions. Targeted at certain locations it contains the verbatim records of local commissions and medical experts, queries and interrogations of witnesses and survivors, lists of victims and lists of looted properties, letters and postcards sent by forced laborers from Germany, forensic photos and materials for the Soviet prosecution in Nuremberg. The digital copies have been provided by Associated Partner USHMM with permission from GARF.

## 2.3. Soviet press articles

The press articles were selected on the basis of explicit mention of Nazi crimes and the use of visual material in the articles. The research was conducted in the Russian Historical Library, Moscow, in the summer of 2020. This resulted in the identification and copying of 13 brochures of the Extraordinary State Commission to Investigate German-Fascist Crimes Committed on Soviet Territory from the USSR (ChGK), two collections of articles, several dozen articles published in Komsomolskaya Pravda, Izvestija, Krasnaya Zvezda, Krasny flot, Ogonek, Pravda, Smena, Vechernyaya Moskva, Frontovaya illiustratsia, Illustrirovannaja Gazeta, Britanskij sojuznik, Krestyanka, Fotogazeta, Slaviane, Rabotnitsa, Stalinskij sokol. These are both general periodicals and specialized press organs (army, fleet, aviation, foreign public, or feminine public orientation). The articles and pamphlets on crimes include photographic documents by Soviet photographers, photograms taken from films and sometimes photographs found on dead or captured Wehrmacht soldiers. The articles cover the period 1941–1946. Thus, the articles provide an opportunity to study the text/image relationship, including several registers of discourse (media, propagandist, expert) and several types of images (liberation, atrocity, and perpetrator images).

## 3. Selection criteria of text documents for manual and machine translation

The three criteria that determined the selection of documents included

- *the relationship to the atrocity sites listed according to the footage identified*

Thus, texts that dealt with other atrocity sites, where Soviet operators had not filmed, were discarded. In some cases, only the caption sheets attest to the existence of filming, as the footage itself has not been found (probably lost during the war or currently preserved in non-public institutional collections).

- *the legibility of the texts for both humans and OCR software*

The overwhelming majority of the caption sheets were written under wartime conditions, on scraps of paper, using pencil or pen. The majority of them are handwritten. Because OCR software cannot process these documents, they were not included in this deliverable. Similarly, the reports of the Extraordinary State Commission to Investigate German-Fascist Crimes Committed on Soviet Territory from the USSR (ChGK) contain statements from witnesses, survivors, and bystanders. They also include letters sent by the Ostarbeiter and complaints from citizens whose property had been looted. These documents are handwritten. It was therefore decided that only the final reports of the investigators and forensic scientists would be included, as they are typewritten and sufficiently synthetic. Subsequently, not included were reports on which the ink had faded, making them readable by humans but not by software.

For the same reason, personal identity documents and mostly handwritten excerpts from cameramen's diaries have been excluded.

In this way, the selection clearly favored the caption sheets written under good conditions (typing machine) and well preserved. Occasionally, small handwritten notes can be seen on these caption sheets. The selection process also favored articles and investigators' reports.

- *the probability that the atrocity site in question will appear in films included in the VHH-MMSI*

Only text documents that refer to places visible in the films made available in the VHH-MMSI were selected.

## 4. Manual transcription and translation of the selected documents

The manual translation of the selected documents involved two phases: the transcription of the Russian documents and their translation into English.

### Transcription

For the transcription, translator Marie Sevela used an online resource for “Speech to Text” (STT), where one dictates the document text and then copies and pastes the text generated by the software. She chose speechpad.ru[1] for this purpose, as it proofed to be the most efficient for the Russian language. However, working with speechpad.ru is not entirely satisfactory, as one has to pronounce each word very clearly, and even then, the result contains numerous errors. The translator was also asked to align the lines of the transcripts with the lines of the original text and to recreate peculiarities of the typed text. She thoroughly double-checked and corrected the speech-to-text based transcription result by comparing the original text.

The aim was to transcribe the text as closely as possible to the original. Therefore, the page layout was also made to reproduce the source document. Capital letters, crossed-out or underlined words were always transcribed as such. Handwritten remarks in the text were transcribed in italics. Signatures were also italicized and put in square brackets. The Russian letter "ъ", non-existent in the typewriters of the time, was transcribed as in the original, using the inverted commas ("). The only aspect which was not transcribed was the obviously erroneous punctuation, as it made the text difficult to understand.

The translator experienced that transcribing was nearly as time-consuming as translating.

### Translation

The main challenge for the translator was to keep the unique ‘Soviet language’ in the English translation. According to the translator, the level of education of the authors of the documents often was rather poor (or they simply typed in a hurry), and some editing was therefore necessary. The spelling mistakes have been left as they are, with corrections in bold and square brackets. When a phrase was unclear due to a missing word or a wrong tense, it was also clarified in square brackets. All foreign names (places and personal) were checked, and added, whenever possible, in square brackets. In very few cases, the translator used a question mark in square brackets.

[1] https://speechpad.ru (09.07.2022)

As for the military terms, she used specialized dictionaries.[2] Specific German army terms and ranks were left in German, as finding the right equivalent was not always possible. For abbreviations and Holocaust-related terms, she used USHMM's ITS Glossary of Terms and Abbreviations.[3] The translator checked every single event described (on the Internet and in publications), but also had to verify many toponyms and personal names, since they appear in the documents the way the Russians heard them. For a correct translation, thorough research (again, with the help of various publications as well as Irina Tcherneva's comments and research) as well as knowledge of history (USSR, Germany, WWII) seemed to be indispensable.

[2] Russian military dictionary: English-Russian, Russian-English (= Department of the Army Technical Manual, TM 30-544), Washington DC, 1945; Англо-русский военный словарь терминов по тылу и снабжению, Судзиловский Г.А., 1958 [English-Russian military dictionary for the Rear and Supply terminology, Moscow, 1958]; Glossary of Soviet Military and Related Abbreviations (= Department of the Army Technical Manual, TM 30-546), Washington DC, February 1957.
[3] United States Holocaust Memorial Museum (ed.), Glossary of Terms and Abbreviations found in the Archive of the International Tracing Service (ITS), August 6, 2021.

## 5. Manual translation Quality Control

All manually translated documents were checked and proofread by Irina Tcherneva.

To enable the translator to familiarize herself with the particular vocabulary, a glossary of common terms used by filmmakers of the time was prepared and made available. The translator was encouraged to add terms and to consult Irina Tcherneva to discuss certain terms. For example, a semantic and ethical issue emerged: it was difficult to translate the term “filming” as “shooting”, since it refers to filming of people who were mostly shot. A short list of synonyms for the terms shooting and shot was drawn up. In contrast, no film specific terminology was used in the investigators’ reports or in the press. Instead, many of the texts required an excellent knowledge of medical vocabulary, as the documents describe in detail the exhumation and the exam of corpses.

In addition to the subject-specific terminology, the issue of transliteration played an important role. The documents contain many proper names of perpetrators, collaborators, victims, Soviet and foreign officials, etc. The translator was asked to compare them with the VHH Lists of Names in which various proper names are transliterated following the same rules. Thus, the translator went back and forth between the texts to be translated and this repertoire of proper names of Agents. The same applied to the transliteration of names of Places. Some names required additional research by Irina Tcherneva during the proofreading of the translations.

The translator, Marie Sevela, was also encouraged to compare passages documented in the ChGK reports and the corresponding coverage in the press articles. The comparison could lead to changes in the translation as a result.

# 6. Neural machine translation

Neural machine translation (NMT) has outperformed statistical machine translation in recent years and provides state-of-the art performance in machine translation. It has become the standard for large-scale machine translation and has been widely adopted by the industry in a short period of time. Translation is conducted using a single neural network that directly transforms the sentence which shall be translated into the translated sentence.

For the machine translation of the selected Russian text documents, NMT models having Russian as a source language and English as a target language were evaluated on 157 files. They were assessed on 73 caption sheets of Soviet cameramen, 70 ChGK files and 14 Soviet press articles. For every document, both its manual transcript and the automatically generated transcript using BOW were machine translated. Four distinct NMT models from distinct proprietary and open sources were used to translate the different document types: DeepL, GoogleTrans, Meta's (Facebook's) wmt19-ru-en, and Helsinki-NLP's Opus-mt-ru-en. Python and the Transformers library were used to create the distinct translation pipelines.

## 6.1. Preprocessing the documents for neural machine translation

The NMT models come with limitations on the dimensions of the input data. Texts which were too long to be processed as a whole had to be chunked according to the models' input dimensions. These input dimensions differed for the distinct models. Subsequently, the chunks were translated. Finally, the translated chunks were concatenated again to obtain a complete translation of each document.

For all four translation models, predefined translation pipelines preparing the text data for the translation model were applied to the Russian input documents. The complete Meta AI translation pipeline and the Opus translation pipeline can be downloaded and applied to the data locally on a PC using Python. For the models provided by DeepL and Google Translate, the translation pipelines are applied remotely to the data at the servers of the providers. These services can also be accessed via Python API.

## 6.2. Neural machine translation models and services

NMT models can be based on different architectures of neural networks. Most are based on RNNs, LSTMs or transformers, with transformers being used predominantly in recent years.[4] Part of the accuracy and fluency of NMT comes from the distributed representation of language. This means that a single concept such as a word is represented by multiple

[4] Cf. Stahlberg, Felix. "Neural machine translation: A review." Journal of Artificial Intelligence Research 69 (2020): 343-418.

processing units (dimensions).[5] These representations, also called word embeddings or sentence embeddings, are learnt from large language corpora.

NMT models can be designed to process texts in multiple languages resulting in multilingual neural machine translation. In the following, the NMT proprietary and open source models selected for machine translation are shortly introduced.

**DeepL** is a NMT service formerly part of Linguee. Its service can be accessed via a Python API, the whole translation pipeline is conducted on their servers. It is free of charge until a certain limit of characters has been translated. After this limit is reached, distinct plans offer the translation of a certain number of characters per month.[6] The algorithm used for DeepL's translation is proprietary and therefore not publicly available for inspection. DeepL has repeatedly provided translations with the highest quality as reported in the literature.

**Google**Trans is a Python API for Google's free of charge translation service.[7] It is one of the most popular services publicly offering NMT. The company gathers data for conducting representation learning from their users through the Translate Community initiative[8]. The translations are computed at the servers of the company. In numerous cases in the literature, GoogleTrans provides high quality translations which are nevertheless often outperformed by DeepL's translations.

**Meta**'s **(Facebook**'s**)** wmt19-ru-en model is an open source NMT model. They use English and Russian Newscrawl data as well as a parts of the Russian CommonCrawl data as training data for their translation models.[9] Their model architecture is based on transformers.[10] As this project is open source, it is publicly and freely available. Meta's distinct models can be downloaded via the Transformers library in python. This library is part of the Huggingface project.

**Helsinki-NLP**'s **Opus**-mt-ru-en model[11] was developed by the Language Technology Research Group at the University of Helsinki. It consists of a transformer-based architecture and was trained on the Opus dataset. Similar to Meta's wmt19-ru-en model, it is open source and can be accessed via the Transformers library in Python.

---

[5] Cf. Dabre, Raj, Chenhui Chu, and Anoop Kunchukuttan. "A survey of multilingual neural machine translation." ACM Computing Surveys (CSUR) 53.5 (2020): 1-38.
[6] https://www.deepl.com/pro?cta=header-prices (10.08.2022).
[7] https://pypi.org/project/googletrans/ (10.08.2022).
[8] Cf. Prates, Marcelo OR, Pedro H. Avelar, and Luís C. Lamb. "Assessing gender bias in machine translation: a case study with google translate." Neural Computing and Applications 32.10 (2020): 6363-6381.
[9] Cf. Ng, Nathan, et al. "Facebook FAIR's WMT19 news translation task submission." arXiv preprint arXiv:1907.06616 (2019).
[10] Cf. Vaswani, Ashish, et al. "Attention is all you need." Advances in neural information processing systems 30 (2017).
[11] https://huggingface.co/Helsinki-NLP/opus-mt-ru-en (10.08.2022).

# 7. Evaluation of the machine translations

All machine translated documents were quantitatively evaluated using evaluation metrics which were especially developed for machine translations. For this purpose, the manually created reference translations were used as gold standard. The two evaluation metrics selected for the machine translation of the selected Russian documents appear frequently in the literature and allow for comparison with results appearing in other scientific works. They will be described briefly in the following.

## 7.1. The BLEU Score

The BLEU score is an evaluation metric widely used for evaluating machine translations. However, it should be taken with a grain of salt when comparing between external results, as it might be implemented differently.[12] It consists of a brevity penalty and an n-gram overlap. The brevity penalty penalizes translations which are too short. The n-gram overlap describes how precise the translation is. It measures both the correctness and the fluency of the translation compared to the gold standard. The values of the BLEU score range from zero to one. A BLEU score of one means that the reference translation and the machine translation are identical.

- A score of **less than 0.1** is said to be almost useless.
- A score **between 0.1 and 0.2** indicates that the translation transmits some information but is hard to follow.
- A score **between 0.2 and 0.3** indicates that the most important information is communicated by the translation, nevertheless, the translation contains grammatical errors most certainly.
- A score **between 0.3 and 0.4** indicates that the NMT model provides understandable translations.
- A score **above 0.4** is said to provide high quality translations.

These statements shall only serve as a rough interpretation of the BLEU score.

## 7.2. The ChrF++ Score

It was shown that the ChrF++ score[13] correlates better with human judgments of machine translations than the BLEU score. The ChrF++ score is computed using word and character n-gram precision and word and character n-gram recall and word uni-grams and bi-grams. The word and character n-gram precision describes the percentage of word and character n-grams in the machine translation which also appear in the reference

[12] Cf. Post, Matt. "A call for clarity in reporting BLEU scores." arXiv preprint arXiv:1804.08771 (2018).
[13] Cf. Popović, Maja. "chrF++: words helping character n-grams." Proceedings of the second conference on machine translation. 2017.

translation. The word and character n-gram recall defines the percentage of n-grams in the reference translation which appear in the machine translation. Similar to the BLEU score, the ChrF++ score ranges from zero to one as well, where, once again, a ChrF++ score of one means that the machine translation and the reference translation are identical. Thus, a high ChrF++ score indicates that the machine translation is accurate and fluent.

## 8. Results of the evaluation of the machine translations

The outcomes of the evaluation of the neural machine translations are shown in the tables underneath. A summary and an interpretation of the quantitative evaluation outcomes can be found in the remaining parts of this section.

### Caption sheets of Soviet cameramen

| | Manual Transcripts | | | | BOW Transcripts | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Deepl | Google | Facebook | Opus | Deepl | Google | Facebook | Opus |
| BLEU | **0.4** | 0.29 | 0.16 | 0.18 | **0.1** | 0.06 | 0.05 | 0.03 |
| chrF++ | **0.69** | 0.6 | 0.42 | 0.43 | **0.34** | 0.32 | 0.21 | 0.17 |

### Reports of the Extraordinary State Commission (ChGK)

| | Manual Transcripts | | | | BOW Transcripts | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Deepl | Google | Facebook | Opus | Deepl | Google | Facebook | Opus |
| BLEU | **0.44** | 0.31 | 0.20 | 0.24 | **0.21** | 0.14 | 0.11 | 0.09 |
| chrF++ | **0.7** | 0.62 | 0.44 | 0.5 | **0.46** | 0.42 | 0.31 | 0.27 |

### Soviet press articles

| | Manual Transcripts | | | | BOW Transcripts | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Deepl | Google | Facebook | Opus | Deepl | Google | Facebook | Opus |
| BLEU | **0.48** | 0.34 | 0.19 | 0.26 | **0.26** | 0.16 | 0.17 | 0.14 |
| chrF++ | **0.77** | 0.7 | 0.46 | 0.57 | **0.67** | 0.6 | 0.45 | 0.46 |

**All three types of documents**

| | Manual Transcripts | | | | BOW Transcripts | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Deepl | Google | Facebook | Opus | Deepl | Google | Facebook | Opus |
| BLEU | **0.46** | 0.32 | 0.19 | 0.23 | **0.24** | 0.15 | 0.13 | 0.11 |
| chrF++ | **0.73** | 0.66 | 0.44 | 0.52 | **0.55** | 0.5 | 0.37 | 0.36 |

According to the evaluation metrics, DeepL produces the most accurate and fluent translations of the documents for all document types, regardless of whether the document was transcribed manually or using BOW. Similarly, the translations computed by Google provide the second highest scores for all document types, regardless of the means of transcribing the document.

The translations of the manual transcripts of all types of documents produced by DeepL and Google can certainly be used for full-text search of the documents and to reflect the suitability of the documents according to certain criteria. Although the translations might contain some grammatical errors, their content is clearly understood and even allows for a basic hermeneutic analysis of the texts. Similarly, the translations of the manual transcripts of the ChGK reports and the Soviet press articles produced by Helsinki-NLP's model can certainly be used for further analysis of these documents. They transmit most of the information appearing in the original documents. In some cases, details appearing in the original texts might not be understood from the translated texts due to substantial grammatical errors in the translations. Therefore, for a hermeneutic analysis of the documents, the translations computed with DeepL or Google's are more appropriate.

The translations of the BOW transcripts of the caption sheets of Soviet cameramen can most certainly not be used for further analysis. Nevertheless, the translations of the BOW transcripts of the Soviet press articles provided by DeepL and Google indicate suitability for deciding over the further use of these documents. Qualitatively examining the machine translations of this type of documents supported this assumption. This evaluation has to be interpreted cautiously though, since only 14 Soviet press articles were considered for computing the evaluation metrics. The evaluation metrics of the translations of the BOW transcripts of the reports of the Extraordinary State Commission (ChGK) indicate that the translations might be useful for future purposes. However, manually examining the resulting machine translations lead to the conclusion that the quality of the translations of the BOW transcripts of this document type varies strongly, including texts of very low quality.

Optical character recognition (OCR) is still an active field of research due to the complexity of recognizing hand printing, cursive handwriting, and printed text. BOW, the OCR tool used for automatically transcribing the Russian documents specifically had problems with

handwritten documents, table structures and poor quality of scans of the documents. As the press articles were printed texts, while the caption sheets and the ChGK files were typewritten, the BOW transcriptions of the press articles had the best quality and allowed for better translation based on those transcripts. Moreover, the caption sheets contained tables which represented an additional challenge for transcription using BOW.

## 9. Summary and Conclusion

We evaluated the suitability of four distinct neural machine translation systems for enhancing the selection of Russian documents giving insights on the discovery of atrocity sites and the liberation of concentration camps in World War II for further research. The suitability of the models was evaluated for three different types of documents, namely, caption sheets of Soviet cameramen, reports of the Extraordinary State Commission (ChGK) and Soviet press articles. These documents had previously been transcribed manually and using BOW, an automatic transcription tool developed in the course of the VHH project. We evaluated the suitability of the neural machine translation models for both manners of transcription. Two evaluation metrics designed for evaluating machine translations were computed for all combinations of all types of documents, all neural machine translation models and all transcription methods.

The neural machine translation system DeepL produced the most accurate and fluent translations compared to the other neural machine translation models for all document types regardless of the kind of transcription. It is suitable for producing insightful translations for all document and transcription types except for the BOW transcripts of the caption sheets of Soviet cameramen and the BOW transcripts of the reports of the Extraordinary State Commission (ChGK). None of the neural machine translation models produced promising translations for these types of transcriptions and these types of documents. The cause for this issue lies in the BOW transcripts themselves, the tool's performance decays with decreasing quality of the scans of the documents.

The usage of DeepL costs after translating a certain number of characters, therefore, the neural translation model offered by Google might be considered as a free of charge alternative. This model also provided suitable translations allowing for selecting appropriate documents where DeepL performed well. Just as DeepL and the other neural machine translation models, translations not suitable for further use were computed from the BOW transcripts of the caption sheets of Soviet camera men and the BOW transcripts of the reports of the Extraordinary State Commission (ChGK). Again, this can be related to the bad quality of the BOW transcripts in the case of these documents.

## 10. Glossary of abbreviations and terms used in this document

### Abbreviations

| | |
|---|---|
| API | Application Programming Interface |
| BOW | Batch OCR Webservice |
| CERCEC | Center for Russian, Central European and Caucasian Studies, Paris |
| ChGK | Extraordinary State Commission to Investigate German-Fascist Crimes Committed on Soviet Territory from the USSR |
| CNRS | National Center for Scientific Research |
| CSDF | Soviet Central Studio of Documentary Cinema |
| GARF | State Archive of the Russian Federation, Moscow |
| JLU | Justus Liebig University Giessen |
| LBI | Ludwig Boltzmann Institute for Digital History |
| LSTM | Long short-term memory |
| MMSI | Media Management and Search Infrastructure |
| NMT | Neural machine translation |
| OCR | Optical character recognition |
| RGAKFD | Russian State Archives of Film and Photo Documents, Krasnogorsk |
| RGALI | Russian State Archive of Literature and Arts, Moscow |
| RNM | Recurrent neural network |
| TUW-TA | TU Wien – Text analytics group |
| USHMM | United States Holocaust Memorial Museum |
| USSR | Union of Soviet Socialist Republics |
| VHH | Visual History of the Holocaust |
| VHH-MMSI | Visual History of the Holocaust Media Management and Search Infrastructure |

### Archival terms

| | |
|---|---|
| Fond | Fonds |
| Opis | Series |
| Delo | File |

# 11. Documents: Manual Transcripts & Translations – Inventories

## 11.1. Caption sheets of Soviet cameramen – Inventory

### Part 1

VF_CSDF_opis-3_delo-23_BC-1164_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-3_delo-23_BC-1164_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-3_delo-23_BC-1164_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-3_delo-23_BC-1164_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0471_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0471_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0625-0626-0627_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0625-0626-0627_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0625-0626-0627_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0625-0626-0627_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0625-0626-0627_3-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-44_BC-0625-0626-0627_3-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-46_BC-0566-0567-0568_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-46_BC-0566-0567-0568_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0657_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0657_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0657_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0657_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0837_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0837_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0837_3-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0837_3-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0837_4-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0837_4-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0897-0898_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0897-0898_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0976_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf

VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0976_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0976_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0976_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0977_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0977_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0978_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-0978_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1005_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1005_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1008_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1008_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1008_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1008_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1008_3-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1008_3-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1020-1021_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1020-1021_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1050_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1050_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1051_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1051_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1052_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1052_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1053_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1053_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1104_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1104_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1104_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1104_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1132_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1132_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1133_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf

VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1133_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1641_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-47_BC-1641_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-54_BC-1319_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-54_BC-1319_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-54_BC-1319_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-54_BC-1319_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_3-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_3-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_4-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0116_4-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0566-0568_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0566-0568_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0566-0568_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0566-0568_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0576-0578_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-59_BC-0576-0578_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-60_BC-1639_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-4_delo-60_BC-1639_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-None_delo-None_BC-0174_1-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-None_delo-None_BC-0174_1-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf
VF_CSDF_opis-None_delo-None_BC-0174_2-l_TDig_AC-VHH-U_transcRUS.pdf
VF_CSDF_opis-None_delo-None_BC-0174_2-l_TDig_AC-VHH-U_translENG_final.pdf

## Part 2

RGAKFD_UN-06043_BC-1257_2-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06043_BC-1257_2-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_3-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_3-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_3-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-002_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_3-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-002_transENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_3-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_3-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-002_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-002_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_Scenario_4-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_TchGK_Act_1-l_IMG_001_PM-VHH-P_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-I_TchGK_Act_1-l_IMG_001_PM-VHH-P_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-001_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-002_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-002_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-005_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-06068-l_l-3_TDig_PM-VHH-P_IMG-005_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-003_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-006_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-006_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-008_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-008_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-010_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-010_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-012_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-012_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-014_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-014_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-016_tanscRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-016_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-018_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-018_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-020_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-020_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-022_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-022_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-024_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-024_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-026_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-10915_BC-0333-0171-0172-0173-0174-0177_27-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-026_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-11182_BC-1106_9-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-11182_BC-1106_9-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-004_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-11182_BC-1106_9-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-005_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-11182_BC-1106_9-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-005_translENG_final.pdf

RGAKFD_UN-11182_BC-1106_9-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-006_transcRUS.pdf

RGAKFD_UN-11182_BC-1106_9-ll_TDig_PM-VHH-P_IMG-006_translENG_final.pdf

## 11.2. Reports of the Extraordinary State Commission (ChGK) – Inventory

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0110_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0110_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0111_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0111_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0112_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0112_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0113_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0009-0038_0113_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0007_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0007_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0008_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0008_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0009_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0009_translENG_final.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0010_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0010_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0011_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0011_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0012_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0012_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0013_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0013_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0014_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0014_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0015_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0001_0015_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0004_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0004_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0005_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0005_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0006_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0006_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0007_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0007_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0008_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0008_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0009_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0009_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0010_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0010_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0011_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0011_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0012_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0012_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0090_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0090_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0091_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0011_0091_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0003_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0003_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0004_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0004_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0005_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0005_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0006_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0006_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0007_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0007_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0008_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0008_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0009_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0009_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0010_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0010_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0011_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0011_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0012_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0012_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0013_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0013_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0014_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0014_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0015_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0015_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0016_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0040-0014_0016_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0013_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0013_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0014_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0014_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0015_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0015_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0016_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0016_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0017_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0017_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0023_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0023_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0024_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0024_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0025_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0025_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0026_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0026_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0027_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0027_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0028_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0028_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0029_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0029_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0030_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0030_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0044_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0044_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0045_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0045_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0046_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0046_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0047_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0047_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0048_transcRUS.pdf

USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0048_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0049_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0065-0006_0049_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0073_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0073_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0074_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0074_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0075_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0075_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0076_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0076_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0077_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0077_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0078_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0072-0009_0078_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0026_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0026_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0027_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0027_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0028_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0028_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0029_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0029_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0030_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0030_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0031_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0031_translENG_final.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0032_transcRUS.pdf
USHMM_RG-22.002_D_7021_0087-0123_0032_translENG_final.pdf

## 11.3. Soviet press articles – Inventory

ANONYMOUS_ChGK-O-Minsk_1944-09-19_Izvestija_003_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_ChGK-O-Minsk_1944-09-19_Izvestija_003_translENG_final.pdf

ANONYMOUS_ChGK-O-Osventsime_1945-05-08_Izvestija_002_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_ChGK-O-Osventsime_1945-05-08_Izvestija_002_translENG_final.pdf

ANONYMOUS_ChGK-O-Osventsime_1945-05-08_Izvestija_003_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_ChGK-O-Osventsime_1945-05-08_Izvestija_003_translENG_final.pdf

ANONYMOUS_Soobshcheniye-ChGK-O-zlodeyaniyakh-v-Estonskoy-SSR_1944_n-280_Komsomolskaya-Pravda_001_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_Soobshcheniye-ChGK-O-zlodeyaniyakh-v-Estonskoy-SSR_1944_n-280_Komsomolskaya-Pravda_001_translENG_final.pdf

ANONYMOUS_Soobshcheniye-ChGK-O-zlodeyaniyakh-v-Estonskoy-SSR_1944_n-280_Komsomolskaya-Pravda_002_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_Soobshcheniye-ChGK-O-zlodeyaniyakh-v-Estonskoy-SSR_1944_n-280_Komsomolskaya-Pravda_002_translENG_final.pdf

ANONYMOUS_Sudebny-protsess-Kharkov_1943-12-16_Pravda_002_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_Sudebny-protsess-Kharkov_1943-12-16_Pravda_002_translENG_final.pdf

ANONYMOUS_Sudebny-protsess-Kharkov_1943-12-16_Pravda_003_transcRUS.pdf

ANONYMOUS_Sudebny-protsess-Kharkov_1943-12-16_Pravda_003_translENG_final.pdf

ChGK_Gross-lazaret-Slavuta_1944-08-03_Izvestija_003_transcRUS.pdf

ChGK_Gross-lazaret-Slavuta_1944-08-03_Izvestija_003_translENG_final.pdf

ChGK_Istrebleniye-sypnym-tifom_1944-04-30_Pravda_002_transcRUS.pdf

ChGK_Istrebleniye-sypnym-tifom_1944-04-30_Pravda_002_translENG_final.pdf

ChGK_O-Latvyskoy-SSR_1945-04-05_Pravda_002_transcRUS.pdf

ChGK_O-Latvyskoy-SSR_1945-04-05_Pravda_002_translENG_final.pdf

GORBATOV-Boris_Lager-na-Maydaneke_1944-08-11_Pravda_002_transcRUS.pdf

GORBATOV-Boris_Lager-na-Maydaneke_1944-08-11_Pravda_002_translENG_final.pdf

SIMONOV-Konstantin_Lager-unichtozheniya_1944-08-10_Krasnaya-Zvezda_003_transcRUS.pdf

SIMONOV-Konstantin_Lager-unichtozheniya_1944-08-10_Krasnaya-Zvezda_003_translENG_final.pdf

SIMONOV-Konstantin_Lager-unichtozheniya_1944-08-11_Krasnaya-Zvezda_003_transcRUS.pdf

SIMONOV-Konstantin_Lager-unichtozheniya_1944-08-11_Krasnaya-Zvezda_003_translENG_final.pdf

TOLSTOY-Aleksey_Korichnevy-durman_1943-08-05_Pravda_002_transcRUS.pdf
TOLSTOY-Aleksey_Korichnevy-durman_1943-08-05_Pravda_002_translENG_final.pdf

# 12. Documents: Manual Transcripts & Translations

ВС 1164
Ю[ж]ный фронт
[*85*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Снимали операторы: Асланов, Хнкоян
Снято 300 метров, пленка панхром,
эмульсия №№ 150, 140, 156.

МАТЕРИАЛ ПО ОСВОБОЖДЕННОМУ ДОНБАССУ.

I-й эпизод.

Немцы изгнаны из Донбасса. Страшные следы остались после них. Всесоюзная кочегарка походит сейчас на пустыню. Металлургические заводы, шахты, города – все стоит мертвым и пустынным. На высоких доменных печах нашли себе приют вороны и галки.

2-й эпизод.

Родина Стаханова – Ирмино. На экране шахта Центральная-Ирмино /снято с террикона/. На этой шахте впервые прозвучал на весь Советский Союз рекорд СТАХАНОВА. Сейчас здесь груда камней и металла. Ирмино освобождено. С первых же дней к шахте стекаются ее настоящие хозяева, те, кто уцелел.

Митинг у шахты Центральная-Ирмино. Митинг открывает председатель горсовета ВОРОБЬЕВ Федор Иванович. После него выступает старый шахтер-крепильщик АСТАНИН Дмитрий Гаврилович. Выступает старая работница шахты гражданка КАТУШКИНА Федосея Федоровна. От молодежи и комсомола выступила товарищ БОРИСЕНКО Надежда Прокофьевна.

Все выступавшие говорят о жутких днях немецкого владычества и наступивших светлых днях счастья. Каждый из выступавших призывает скорее приступить к восстановительным работам.

3-й эпизод.

Город СЕРГО /общий план, на переднем плане проезжают машины/. Сегодня жители города [стали, увидели] ~~свидетелями~~ жуткие злодеяния, совершенные немецкими захватчиками несколько дней тому назад. Перед своим отступлением немцы на шахте 3-БИС расстреливали молодых шахтеров и сбрасывали их в ствол шахты.

Снято, как извлекаются из ствола трупы расстрелянных. Опускаясь в шахту, рабочие надевают противогазы ввиду сильного запаха от разлагающихся трупов. Крупно снят среди зрителей один из старейших шахтеров, проработавший 35 лет на этой шахте товарищ *ПОВЕТКИЙ Петр Никанорович*.

BC 1164
The Southern Front
[*85*]

CAPTION SHEET

Cameramen: Aslanov, Khnkoyan
Footage: 300 meters; Film: Panchrom,
emulsion: No 150, 140, 156.

FOOTAGE ON THE LIBERATED DONBASS.

Episode 1.

The Germans got expelled from the Donbass. Awful traces have been left. All-Union Boiler-house [*Kochegarka*] now resembles a desert. Steel factories, mines, towns, everything is dead and abandoned. Jackdaws and ravens found refuge on the blast furnaces.

Episode 2.

Irmino, the birthplace of Stakhanov. We can see on the screen the Tsentralnaia-Irmino mine (filmed from the waste bank). It was right at this mine that STAKHANOV'S record first resounded throughout the Soviet Union. Now it's a pile of stones and metal. Irmino was liberated. From the very first days its real owners, the survivors, flocked to the mine.

Gathering outside the Tsentralnaia-Irmino mine. The meeting is opened by Fiodor Ivanovich VOROB'EV, Chairman of the City Council. After him, it's the turn of an old miner-timberman, ASTANIN Dmitry Gavrilovich. [*Another*] old mine worker, Citizen KATUSHKINA Fedosia Fedorovna, is next. Cde Nadezhda BORISENKO speaks on behalf of the youth and the Komsomol.

All speakers mention the dreadful days of German domination and the luminous days of happiness that have arrived. Each speaker calls for the reconstruction work to be started as soon as possible.

Episode 3.

The town of SERGO (a long shot, cars passing by in the foreground). Today, its inhabitants [became ~~witnesses to~~] can see the terrible atrocities committed by the German invaders a few days ago. Before retreating, the Germans shot young miners at the 3-BIS mine and threw them down the shaft.

We filmed how the bodies of the men killed were pulled from the shaft. Workers wear gas masks while going down the mine due to the strong smell of decomposing corpses. A close-up in the crowd of one of the oldest mine workers, POVETKII Peter Nikanorovich, who has been working at the mine for 35 years.

[*86*]

4-й эпизод.

Город Дебальцево год и девять месяцев был под гнетом немцев. Буквально через несколько дней после освобождения города войсками Южного фронта, 9-го сентября, пришел на станцию первый советский поезд. Все жители города вышли его встречать.

Митинг у паровоза этого поезда открыл генерал-майор технических войск тов. КАРТЕНЕВ Илья Семенович – начальник военно-восстановительных работ Южного фронта. Вторым выступает второй секретарь Сталинского обкома ВКП(б) тов. ЦУЦИН Василий Иванович.

Первый военный эшелон проходит перед собравшимися жителями города Дебальцево.

В этом материале имеется несколько планов памятника в городе Ворошиловграде.

Памятник сооружен в честь освобождения города.

ОПЕРАТОРЫ [подпись]

/АСЛАНОВ/

[подпись]

/ХНКОЯН/

10-го сентября 1943 года

[*86*]

Episode 4.

The town of Debaltsevo had been under German domination for the past year and nine months. Just a few days after the liberation of the town by the troops of the Southern Front on 9 September, the first Soviet train had arrived at the station. All the residents came out to greet it.

Major-General of the Technical Troops, Cde Il'ia KARTENEV, head of the Southern Front military reconstruction works, opens the meeting by the locomotive of this train. The next to take the floor is the All-Union Communist Party [AUCP (B)] Stalin Regional Committee Second secretary, Cde Vasilii Ivanovich TSUTSIN.

The first military echelon passes in front of the gathered residents of Debaltsevo.

This footage contains several images of a monument in Voroshilovgrad.

This monument was erected to commemorate the liberation of the city.

CAMERAMEN

[signature] ASLANOV

[signature] KHNKOYAN

10 September, 1943.

ВС 471
[*13, 13*]
Оператор ЗАПОРОЖСКИЙ

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ СЮЖЕТА

# «ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В СИМФЕРОПОЛЕ»

Внимание! Ранее был выслан материал, в котором был снят совхоз «Красный», превращенный немцами в лагерь заключенных, где они убили и замучили тысячи мирных жителей – мужчин и женщин, стариков и детей. В ранее отосланном материале нет снятых трупов, тогда еще не производились раскопки и расследования злодеяний.

В присланном сейчас материале найдете:

I. [1.] Колодец, в который бросили свои жертвы немецкие варвары. Вытаскивают очередной труп, несут носилки с трупом и кладут на землю. Их уже много, но колодец еще глубок. В нем находятся расстрелянные и брошенные живьем.

2. Жители Симферополя и ближайших районов пришли разыскивать своих сыновей, отцов и матерей.

У трупа своей сестры тов. БАКУЛОВА, с ней девочка Люба Комарова. Ее мать, Комарову Полину Васильевну, замучили немцы. Кроме Любы осталось еще двое ребят.

Труп кладут в гроб. Везут на тележке гроб, за гробом идёт Люба Комарова.

II.

Вокруг совхоза «Красный» обнаружено несколько ям, где были загнаны и расстреляны жители гор. Симферополя и близлежащих районов. Сверху трупы были засыпаны землей.

У одной из ям начаты раскопки. Извлекают трупы, кладут на носилки.

Жители опознают родственников и знакомых.

Один из многочисленных трупов – артистка Симферопольского театра ПЕРЕГОНЕЦ /одета в светлую кофточку/, этот кадр идет после общего плана прохода с носилками мимо лежащих на земле трупов.

Плачущая женщина /в бел. платке/ – ЧЕЧЕТКИНА Прасковья – опознала брата Чечеткина Павла Ипатьевича, 42 года. Театральный работник, машинист сцены.

Кр. план – /труп артистки Яковлевой /
/взялась за голову руками/.

Труп сына разыскал САВАТЕЕВ Федор, его сыну Олегу 19 лет /отец САВАТЕЕВ в черном плачет у трупа сына/.

ДОРОНКИНА Евгения Лаврентьевна /в бел. платке/ опознала мужа ДОРОНКИНА Ивана Федоров. 45 лет, техник стройконторы г. Симферополь.

КРАСОВСКАЯ Ольга Дмитриевна опознала мужа, КРАСОВСКОГО Александра Ефимовича, 43 г., служащего «Бытремонт» /Женщина в белом платке, на шее косынка/.

Снятый материал является лишь частью того, что происходит вокруг Симферополя.

Раскопки и расследования продолжаются. Все, что будет интересно и значительно, будет заснято и выслано дополнительно. В связи с жарой нет возможности показать массу трупов, их хоронят к концу дня.

Монтажный лист не напечатан, дабы не задерживать отсылку материала.

Матер. снят 21–23 апреля 1944 г Нач. к/гр. /ЛИТВИН

BC 471
[*13, 13*]

Cameraman: ZAPOROZHSKY

CAPTION SHEET
SUBJECT: "THE GERMAN ATTROCITIES IN SIMFEROPOL"

Attention! The footage of the state farm "Krasnyi", turned by the Germans into a prison camp, where they murdered and tortured to death thousands of civilians – men, women, old people and children was sent earlier. These images did not include any corpses, as no excavations or investigations of the atrocities had yet been carried out.

In the present footage you will find:

I. [1.] The well into which the German barbarians threw their victims. Yet another corpse is being pulled out, a stretcher with the corpse is carried and placed on the ground. There are already many corpses, but the well is still deep. The well contains [both] those shot and thrown into it alive.

2. Residents of Simferopol and nearby areas have come to look for their sons, fathers and mothers.
Cde BAKULOVA is standing beside her sister's body; a girl, Liuba Komarova is with her. Her mother, Komarova Polina Vasil'evna, was tortured to death by the Germans. Besides Liuba, she has two other children.
The corpse is placed in a coffin. A trolley carries the coffin, with Liuba Komarova following behind.

II.

Several pits were found around the state farm "Krasnyi", where Simferopol and the neighbouring communities' residents were hunted down and shot. The corpses were covered with earth.

Digging began at one of the pits. The corpses are extracted and put on stretchers.

Residents are identifying relatives and acquaintances.

One of the numerous corpses is that of a Simferopol theatre actress, PEREGONETS (dressed in a light blouse). This film shot follows the long shot of the passage with a stretcher by the corpses lying on the ground.

The weeping woman (wearing a white headscarf) – CHECHETKINA Praskovia has just identified her brother Chechetkin Pavel Ipatevich, aged 42. He was a theatre worker – a scene-shifter.

A close-up: The artiste Iakovleva's corpse (holding her head with her hands).

SAVATEEV Fedor found his son's body, Oleg, aged 19 (the father, in black, is weeping by his son's body).

DORONKINA Evgenia Lavrent'evna (white headscarf) has identified her husband, DORONKIN Ivan Fedorov. Aged 45, a technician at a Simferopol construction bureau.

KRASOVSKAIA Olga Dmitrievna has identified her husband, KRASOVSKII Alexandr Efimovich, aged 43, an employee of “Bytremont” (the woman with a white headscarf and a kerchief around her neck).

This footage is only part of what is going on around Simferopol.

Excavations and investigations are ongoing. Anything of interest and significance will be filmed and sent out additionally. Due to the hot weather, there is no way to show the mass of corpses, they get buried by the end of the day.

The caption sheet has not been typed so as not to delay the sending of the footage.

Footage shot on 21-23 April, 1944.

Head of the crew, LITVIN

ВС 625, 626, 627
[*24*]

Черноморский флот
метраж 268 м и 60 м
снято в погоду пасмурную и солнце

Операторы Ф. Овсянников
Н. Петросов
Асс. опер. И. Голумб

ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ ФАШИСТОВ В СЕВАСТОПОЛЕ

29-го мая спасшиеся население Севастополя, совместно с представителями партийных и советских организаций города собралось на кладбище Коммунаров на похороны жертв фашизма. Братская могила была выкопана рядом с тем местом, где были похоронены в 1920 году расстрелянные белогвардейцами 49 коммунистов подпольщиков.

Была похоронено 38 трупов расстрелянных немцами жителей города и среди них – члены подпольной организации: ТЕРЕЩЕНКО Н., ГОРЛОВ В., ПИМЕНОВ И.Д., ГУЗОВ Г.П., МЯКОТА А.С., ГУФЕРЧИК В., ИВАНЕНКО Я., СОРОКИН А.И., КИСЛОЗИМОВ, РЕВЯКИНА Л.

Траурный митинг открыл депутат Верховного Совета СССР ЕФРЕМОВ В.П. Первое слово имеет второй секретарь севастопольского горкома ВКП/ б, САРИНА. От моряков черноморцев выступил Капитан БОЛГАРИ.

На братскую могил[у] были возложены венки.

На другой день состоялось отпевание расстрелянных православной церковью. На кладбище собрались верующие города. Отпевали священник Борис Пекарчук и настоятель Покровского севастопольского собора Стефан Жолтиков.

Что снято:

1. Планы родственников около гробов.
2. Кр. и ср. планы родственники оплакивают расстрелянных.
3. Общие планы митинга.
4. Общ. планы опускания гробов – на переднем плане салютующие моряки.
5. Ср. и кр. планы моряков.
6. Ср. и кр. планы жителей на фоне памятника 49-ти.
7. Памятник 49-ти расстрелянным коммунистам. На памятнике надпись: «Памяти 49 большевиков подпольщиков и участников революционного движения в Севастополе. Жертвам белогвардейского террора». Доска на памятнике носят следы недавних боёв, следы снарядов.

8. Открывающие митинг депутат Верх. Совета СССР ЕФРЕМОВ /в костюме, с депутатским значком/ – снят оператором Петросовым.
9. Выступает женщина – 2-ой секретарь Севаст. Горкома ВКП/ б/ т. САРИНА.
10. От моряков черноморцев выступает капитан БОЛГАРИ П.
11. Группа представителей с венками.
12. Ср. пл. Подпольщики-моряки из разведотряда – капитан-лейтенант Глухова с венком.
13. Крупн. планы подпольщиков-моряков в фланелевках и тельняшках без погон и без бескозырок. Первый в куске – член подпольной организации краснофлотец-коммунист Воронов А.М., следующий кадр после него – парень помоложе, в фланелевке и тельняшке, без погон и без бескозырки, комсомолец АНЗИН К.М. Они же возлагают венок от подпольной организации и кладут бескозырку на могилу.
14. Различные планы отпевания. [О]тпевали: священник в чёрном – настоятель Покровского Севастопольского собора ЖОЛТИКОВ; в светлом – Б. ПЕКАРЧУК.

BC 625, 626, 627
[*24*]

The Black Sea Fleet
268 m and 60 m
filmed in cloudy and sunny conditions

Cameramen: F. Ovsyannikov
N. Petrosov
Assist. cameraman: I. Golomb

BURIAL OF THE VICTIMS OF FASCISM IN SEVASTOPOL

On 29 May, the survivors among the people of Sevastopol, together with the city Party and Soviet organisations' representatives, gathered at the Communards' cemetery to bury the victims of fascism. A mass grave was dug next to the site where the 49 underground communists, slaughtered by the White Guards in 1920, were buried.

38 corpses of the city inhabitants, shot by the Germans, were buried; among them members of the underground organization: TERESCHENKO N., GORLOV V., PIMENOV I. D., GUZOV G. P., MIAKOTA A. S., GUFERCHIK V., IVANENKO Ia, SOROKIN A. I., KISLOSIMOV, REVIAKINA L.

The memorial meeting was opened by a deputy of the Supreme Soviet of the USSR, V. P. EFREMOV. The first to address was the Second Secretary of the Sevastopol City Committee of the AUCP (B), SARINA. Captain BOLGARI spoke on behalf of the Black Sea Fleet sailors.
Wreaths were laid on the mass grave.

The next day, the Orthodox Church held a memorial service for those who were gunned down. The city's faithful gathered at the cemetery. The priest Boris PEKARCHUK and the dean of the Sevastopol Pokrovskii Cathedral, Stefan ZHOLTIKOV, conducted the service.

<u>Was filmed</u>:

1. Film shots: relatives by the coffins.
2. Close-ups and medium shots of relatives mourning the executed.
3. Long shots of the meeting.
4. Long shots of lowering the coffins, the saluting sailors at the forefront.
5. Medium and close-ups of the sailors.
6. Medium and close-ups of residents against the background of the monument to the 49.
7. The Monument to the 49 executed communists. Inscription on the monument: "In memory of the 49 underground Bolsheviks and participants in the

revolutionary movement in Sevastopol. For the victims of the White Guard terror". The monument plaque bears traces of recent battles, shell tracks.
8. EFREMOV, a deputy of the USSR Supreme Council is opening the meeting. (wearing a suit, with a deputy badge) – filmed by the cameraman Petrosov.
9. A woman speaker, the 2nd Secretary of the Sevastopol City Committee of the AUCP (B), Cde SARINA.
10. Captain BOLGARI P. is speaking on behalf of the Black Sea Fleet sailors.
11. A group of representatives with wreaths.
12. A medium film shot. Underground sailors from a Survey Corps – Lieutenant-Captain GLUKHOVA, with a wreath.
13. Close-ups of the Underground sailors in flannels and striped shirts, without shoulder straps or peakless caps. The first in the frame is a Red Navy communist, A. M. Voronov, a member of the underground organization; in the next frame after him – a younger guy in a flannel and a striped shirt, without shoulder straps or a peakless cap, a Komsomol member, ANZIN K. M. They are the ones who are also laying a wreath on behalf of the Underground organization and placing a peakless cap on the tomb.
14. Various shots of the funeral service, performed by: the priest in black is the dean of the Sevastopol Pokrovskii Cathedral, ZHOLTIKOV; the one wearing light coloured clothes is B. PEKARCHUK.

ВС 625, 626, 627
[*26*]
[*23*]

Черноморский флот
Метраж – 130 метров
Снято в пасмурную погоду

Кинооператор Ф. ОВСЯННИКОВ
Асс. опер. И. ГОЛОМБ

# Раскопки жертв фашистов в г. Севастополе.

По предварительным данным, имеющимся на сегодня, за время оккупации Севастополя немцы расстреляли около 15-ти тысяч жителей города. Противотанковые рвы и воронки от снарядов, находящиеся вблизи города, наполнены трупами жертв фашистского «нового порядка».

28-го мая 1944 г. начались раскопки первых ям, находящихся на 8-ом километре Балаклавского шоссе, в районе химзаводов. Одними из первых были обнаружены трупы членов подпольной организации, расстрелянных гитлеровскими извергами.

Подпольная организация существовала в г. Севастополе с первых дней фашистской оккупации и, несмотря на жестокий фашистский режим, имела свой радиоприемник, выпускала листовки, накопляла и ремонтировала оружие. Подпольная организация финансировала и снабжала продовольствием партизанские отряды. Члены ее выполняли функции разведчиков нашей армии. Члены организации были предательски выданы немцам за месяц до прихода в Севастополь Красной Армии и расстреляны в апреле 1944 г. Среди расстрелянных – член подпольной организации комсомолка Лидия Ревякина, молодая женщина восемнадцати лет, жена руководителя подпольной организации Александра Ревякина. Немцы взяли ее, беременную, из родильного дома, повезли на расстрел и расстреляли вместе с мужем, труп которого еще не найден. Обнаружен труп члена подпольной организации моряка, старшины 2-й ст. Горлова Василия Григорьевича. Во флоте с 1936 г. По словам очевидцев, находясь в фашистском застенке, Горлов подвергался избиениям и пыткам и, несмотря на это, при очной ставке не выдал членов организации. Вооруженные немцы боялись безоружного моряка – руки его были связаны. На руках его трупа обнаружены следы проволоки.

Мария Микотова обнаружила труп своего брата Александра Микотова. До войны он был преподавателем морского техникума. Будучи членом подпольной организации, он ремонтировал их радиоприемник. Жительница Севастополя Глущенко опознала своего брата Шапошникова. Нося Иваненко нашла труп мужа – Якова Иваненко, – пекаря хлебозавода.

Среди расстрелянных найден труп одного из руководителей подпольной организации, заместителя Ревякина – Николая Игнатьевича Терещенко, бывшего второго секретаря Севастопольского горкома ВКП(б). Он руководил подпольной организацией в лагере военнопленных.

Что снято:

1. Общие планы трупов, вынутых из воронки.

2. Место и яма, где были расстреляны и закопаны жители города.

3. Группа с военным. Мать – Нефедова и две бабушки – Плаксенко и Потапова оплакивают Лидию Ревякину.

4. Труп моряка Горлова со следами тельняшки и проволоки на руках.

5. Члены комиссии по раскопкам – капитан 3-го ранга Ямпольский, работник Политуправления ЧФ и священник Покарчук Б.Е.

BC 625, 626, 627
[*26*]
[*23*]

The Black Sea Fleet
Footage: 130 m.
filmed in overcast weather.

Cameramen: F. OVSYANNIKOV

Assist. cameraman: I. GOLOMB

# Excavations :Victims of Fascism in Sevastopol

According to preliminary data available today, during the occupation of Sevastopol the Germans shot about 15,000 of its residents. The anti-tank trenches and shell pits near the city are full of the bodies of the victims of the fascist “new order”.

Excavations of the first pits, on the 8th km of the Balaklava motorway, near the chemical factories, began on 28 May 1944. Among the first to be discovered were the corpses of the Underground organisation’s members, shot by Hitler’s monsters.

The Underground organisation had existed in Sevastopol from the first days of the fascist occupation, and despite the regime’s brutality, it had its own radio, produced leaflets and amassed and repaired weapons. The Underground organisation financed and supplied food to partisan units. Its members acted as secret-service agents for our army. They were handed over treacherously to the Germans one month before the Red Army reached Sevastopol and shot in April 1944. Among them, Lidia Reviakina, a member of the Komsomol, an eighteen-year-old wife of Alexandr Reviakin, leader of the Underground organisation. The Germans took her to be shot – pregnant, from a maternity ward; she was executed along with her husband, whose body is yet to be found. The remnants of Vasilii Grigor'evich Gorlov have been recovered. He was a member of the Underground organization, marine since 1936, petty officer 2nd class. According to witnesses, despite of the fact that Gorlov was beaten and tortured while in the fascist jail, he did not give away any members of the organisation during the confrontation. The armed Germans feared the disarmed seaman – his hands were tied. Traces of wire were found on the hands of his corpse.

Maria Mikotova found the body of her brother, Alexander Mikotov. Prior to the war he had taught in the Maritime technical school. As a member of the Underground organization, he used to fix their radio. One Sevastopol resident, Gluschenko, identified her Nosia Ivanenko found her husband’s body, Iakov Ivanenko, a baker at a bread factory.

Among those executed, the body of one of the leaders of the Underground organization was discovered. Nikolai Ignat'evich Tereshchenko, former Second Secretary of the Sevastopol City Committee of the AUCP (B), was Revakin’s deputy; he was in charge of the Underground organisation in a POW camp.

Was filmed:

1. Long shots of the corpses, taken out of the shell hole.

2. The site and the pit where the city residents were shot and buried.

3. A group with a soldier. Mother Nefedova and two grandmothers – Plaksenko and Potapova are mourning for Lidia Reviakina.

4. The corpse of sailor Gorlov, with traces of striped shirt and wire on his arms.

5. Members of the excavation commission: an employee of the political administration of the Black Sea Fleet, 3rd-line Captain Iampolskii, and a priest, B. E. Pokarchuk.

6. Мария Микотова – в платочке и сером плаще – у трупа брата А.С. Микотова.

7. Анна Иваненко – в белом шерстяном платке – оплакивает труп мужа, Якова Иваненко.

8. Женщина в плаще и темном платке – Ленюк – около трупа ТЕРЕЩЕНКО.

9. Жительница Севастополя Глущенко /в пальто и белом берете/ у трупа брата Шапошникова.

10. Трупы укладывают в гробы.

30/У-44 Кинооператор Овсянников.

К сожалению, это событие происходило в очень плохую погоду – моросил дождь.

6. Maria Mikotova – in a headscarf and grey cloak, by the corpse of her brother, A. S. Mikotov.

7. Anna Ivanenko – in a white woollen headscarf, crying over the corpse of her husband, Iakov Ivanenko.

8. Woman in a cloak and dark-coloured headscarf, Leniuk, by the corpse of TERESHCHENKO.

9. Gluschenko, a resident of Sevastopol (in a coat and white beret), by the corpse of her brother, Shaposhnikov.

10. The remains are placed in coffins.

30/5/1944 Cameraman: Ovsyannikov.

Unfortunately, this event took place in very bad weather, it was drizzling.

[?…*1944*] [*6095, 6096*]

ВС 566, 567, 568

[*121*]

СВЕДЕНИЯ К МАТЕРИАЛУ

снятого для киноархива Чрезвычайной Госуд. Комиссии

1. Разрушения, сделанные румынами в гор. Могилев-Подольске.

Снято: разрушения улицы Ленина, Обком партии, школа, жилые дома, Дом Кр. Армии и т.д.

2. Место, где румыны сделали еврейский лагерь. В лагере за 2 г. 8 мес. умерло с голода и издевательств 7-8 тыс. евреев. Снято в м-ке Чег**а[е?]**ры* Шниговский [Шпиковский у ВФ?] р-н Винницкая обл.

3. Снято – некоторые живые свидетели, находившиеся в лагере:

1. т. АГЛЕСМАН Мейлах Фроимович житель села Чег**е**ры.
2. ПЛЯМ Маня Хаимовна.

/ЦЫТРОН/

* Чег**е**ры не существовало, так же как и района.

[?…*1944*]

[*6095, 6096*]

BC 566, 567, 568

[*121*]

INFORMATION FOR THE FOOTAGE:

filmed for the Extraordinary State Commission

1. The destruction carried out by the Rumanians in Mogilev-Podolsk.

The damage to Lenin Street, the Communist Party headquarters, the school, residential buildings, the Red Army House and others were filmed.

2. The site of the Jewish camp, set up by the Romanians. In two years and eight months, some 7 to 8 thousand Jews died of starvation and abuse. Filmed in the village of Tchegary Shnigovskii district, Vinnitsa region.

3. Several living witnesses that were in the camp were filmed:

1. Cde AGLESMAN Meilakh Froimovich, a resident of the village of Tchegary.

2. Mania Haimovna PLIAM.

/TSITRON/.

[*6287*]

Киногруппа 3-го Белорусского фронта

ВС 657
[*78*]
[*75* ?]

# «ЛЮДИ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ»

Оператор Голубов Г.А.
Снято на пленке СЧС-1

Юго-восточней Витебска, в районе озера Шелохово, враг отступил на 3 км, отойдя на правый берег р. Суходровка. Операция сколь-нибудь значительными боями не сопровождалась. На освобожденной территории немцы оставили лагерь, где они держали 8000 жителей г. Витебска и пригородных районов. Трудоспособные были отправлены в Германию на каторгу, остальные – старики, больные, женщины и дети.

Лагерь расположен в лесу в 800 -1000 м от немецкой передней линии траншей /новой/. Заключенные жили под открытым небом. Свирепствовал тиф и проч. болезни. Люди умирали от болезней и истощения. Перед уходом немцы расстреляли несколько десятков человек: среди них был мальчик 15 лет /фамилию установить не удалось/.

Как только немцы ушли, люди стали уходить из лагеря, направлялись в наш тыл большими группами. Оставались те, кто не мог идти.

Так как отступление немцев было неожиданным, то сведения о лагере пришли с запозданием тогда когда люди начали проходить в наш тыл. Я добрался в лагерь в пять часов утра. Шел проливной дождь. В этих условиях я произвел с"емку, т.к. оставшихся должны были срочно отправлять /лагерь простреливался/.

Технически съемка должна быть невысокого качества вследствие дождя и раннего утра. Затем я догнал идущих. Снял их. Снял также на бивуаках. К сожалению, встречу нельзя было снять как следует, т.к. был дан приказ, запрещающий бойцам подходить к эвакуированным /очень много инфекционных больных/. После этого я вернулся в пустой лагерь. Снял часть расстрелянных, которые еще не были похоронены, могилы замученных в лагере, лес с передним краем лагеря.

Данный материал, с моей точки зрения, может быть полезен для фильма «Освобождение Белоруссии». В основном с этим расчетом я и снимал.

Снято 4 июня 1944 г.

СНЯТО:
---

1. Общий план леса с передним краем лагеря.

2. Трупы умерших стариков и женщин.

3. Застреленный фашистскими извергами 15-летний мальчик /след от пули на щеке/.

4. Бойцы снимают пилотки перед истерзанным телом мальчика.

5. Могилы замученных советских людей. В 50 метрах отсюда их расстреливали.

6. Больные и умирающие.

7. Мальчик с опухшим лицом больной тифом Витя Оганченко. Ему 4 года. Больным, вместе с матерью, его заключили в лагерь.

[*см. на обороте*]

The Third Belorussian Front film crew

BC 657
[*78*]
[*25* ?]

PEOPLE FROM THE CONCENTRATION CAMP

Cameraman: Golubov G. A.
Film: SChS-1

Southeast of Vitebsk, near Lake Shelokhovo, the enemy retreated 3 km, to the right bank of the Sukhodrovka River. There was not any significant fighting during this operation. On the liberated territory Germans left the camp where they had kept 8,000 inhabitants of Vitebsk and its outskirts. The able-bodied were sent to Germany for hard work, the remainder were the elderly, ill, women and children.

The camp is located in the woods, about 800 to 1000 meters from the German trench frontline (the new one). The detainees lived outdoors. Typhus, along with other diseases, were endemic. People were dying of disease and exhaustion. The Germans shot several dozen men before leaving, one of whom was a 15-year-old boy (his name could not be ascertained).

As soon as the Germans left, people started to leave the camp, heading to our rear in large groups. Those who were unable to walk remained.

Since the German retreat was unexpected, the information on the camp arrived late, only when people began to pass into our rear. I have reached the camp at five in the morning. It was raining heavily. I filmed in these conditions, since the remaining people had to be evacuated urgently (the camp was being shelled).

Technically, the footage must be of poor quality due to the rain and the early morning hours. Then I caught up with the walking [evacuees]. I filmed them. I also filmed at the bivouacs. Unfortunately, the meeting moment could not be filmed properly as there was an order forbidding the soldiers to approach the evacuees (too many infectious patients). Then, I returned to the empty camp. I filmed some of the executed who had not yet been buried, the graves of those slaughtered at the camp, the forest with the front edge of the camp.

This footage, in my opinion, could be useful for the film “The liberation of Belorussia”. It was mainly with this calculation in mind that I had filmed it.

Filmed on 4 June 1944

WAS FILMED:
---

1. Long shot of the forest, with the front edge of the camp.
2. Dead bodies of elderly men and women.
3. A 15-year-old boy shot by the fascist monsters (a bullet mark on his cheek).

4. Soldiers taking off their caps in front of the boy's bludgeoned body.
5. Graves of the Soviet people tortured to death. They were gunned down 50 meters away.
6. The sick and the dying.
7. A boy with swollen face, typhoid-affected, Vitia Oganchenko. He is 4 years old. He and his mother were taken to the camp when he was sick.

[*see overleaf*]

8. Пелагея Небывалова и ее мать плачут над умершим от истощения сыном Николаем /3 года/.

9. Инвалид финской войны БОГДАНОВ И.Г. /на костылях на одной ноге/ со своими 3-мя детьми. В фашистских застенках с марта. За неделю до прихода наших частей БОГДАНОВ и его жена были жестоко избиты фашистскими зверьми. На глазах у Ильи Григорьевича немцы ударом приклада в грудь убили его жену. 2-летний Шура /сын/ тоже погиб в лагере.

10. 3-летний Валерий КОЛЕСНИКОВ /с перебинтованной головой/. Отец его сражается в рядах РККА, а мать и бабушка погибли в лагере.

11. Дети, оставшиеся без родителей /кр. пл. – панорама/.

12. Общий, средний и крупный планы идущих.

13. В бричке едут дети, оставшиеся без родителей.

14. Группа, расположившаяся на привале.

15. Оказание помощи тифозным больным. Сестра поит МОРОЗОВУ мать, дочь /взрослая/.

16. Раздача хлеба.

17. Бойцы и офицеры с детьми из лагеря.

18. Ген. м-р член Военного Совета армии ПОНОМАРЕВ беседует с группой освобожденных из Витебска.

19. Кр-ц ВЕТКИН угощает 3-летнюю Дину БОГОЛИДОВУ сахаром из своего пайка.

20. М.Л. ЗАГАДСКИЙ /1880 г. р./ три месяца пробывший в лагере, с удовольствием читает «Правду».

21. Бойцы угощают махоркой старика.

22. Н. ФЕДЕНКО подстригает бороду.

23. Кавалер ордена Славы 3-й степени старший сержант КЛИНЕНОВ беседует с Наташей РЫБИНОЙ.

24. Митинг в одной из групп. Выступает освобожденный заслуженный учитель БССР, награжденный медалью «За трудовую доблесть», депутат Витебского райсовета С.С. Дрожкин /снято отдельно, снизу крупно/.

Оператор Голубов Г.А.

5/У-44 г.

8. Pelageia Nebyvalova and her mother, crying over their son Nikolai (3 years), died from cachexia.

9. I. G. BOGDANOV – a disabled Finnish war veteran (on crutches, one leg), with his 3 children. He's been in fascist prisons since March. One week prior to the arrival of our troops, Bogdanov and his wife were severely beaten by fascist beasts. The Germans murdered Il'ia Grigor'evich's wife with a blow to the chest with a buttstock, before his eyes. Their 2-year-old Shura also died at the camp.

10. Valerii KOLESNIKOV, aged 3 (with a bandaged head). His father is fighting in the Red Army and his mother and grandmother died at the camp.

11. The children left without parents (a panoramic close-up).

12. Long, medium and close-up shots of people walking.

13. The children without parents riding in a horse-drawn carriage.

14. A group of people at a rest stop.

15. Providing assistance to typhoid patients. A nurse giving water to a mother and her (adult) daughter.

16. Bread distribution.

17. Soldiers and officers along with camp children.

18. Major-General PONOMAREV, member of the Army Military Council, talking to a group of liberated people from Vitebsk.

19. The Red Army soldier VETKIN sharing sugar from his rations with a 3-year-old Dina BOGOLIDOVA.

20. M. L. ZAGADSKII (born in1880), 3 months at the camp, enjoying reading "Pravda".

21. Soldiers treating an old man with tobacco.

22. N. FEDENKO trimming his beard.

23. Knight of the Order of Glory (3rd degree) Staff Sergeant KLINENOV in conversation with Natasha RYBINA.

24. A meeting in one of the groups. S. S. DROZHKIN, deputy of the Vitebsk District Soviet and an honoured teacher of the BSSR (awarded with a medal "For Work Excellence") is taking the floor (filmed separately, a close-up from below).

Cameraman: Golubov G. A.

5/6/1944

[*10*] [*11*]

ВС 837

I-й Белорусский фронт

Кинооператор СОФЬИН А.П.

метраж 240 метр. пленка СЧС-2

СЮЖЕТ гор. СЛОНИМ

Отступая, немцы сожгли город; цветущие маки на фоне пожарища – яркие свидетели о жизни города, над которым сейчас поднимается над языками пламени горячий воздух и дым.

В первый день освобождения в городе было мало жителей – они ушли в леса, спасаясь от немцев.

За три года немцы расстреляли десятки тысяч жителей.

Отступая, немцы старались замести следы своих преступлений – на седьмом километре Барановичского шоссе /одно из мест расстрела советских людей/ обнаружено 24 костра, на которых немцы сжигали трупы расстрелянных и замученных. Над кучей костей поднимается дым. Среди костей видны пряжки, металлические женские гребенки, табакерки. Костей много, они лежат грудой, среди них много детских костей. Здесь же были расстреляны и сожжены жители города перед уходом немцев.

В этом лагере все было организованно: на заготовленные дрова складывались трупы, обливались горючей жидкостью и в этот костер клались зажигательные бомбы, стабилизаторы которых в изобилии валялись вокруг костров. Над полузасыпанной траншеей валяются крючья, которыми убитые перетаскивались на костер.

Кинооператор Софьин

13/УП-44 г.

[*10*] [*11*]

BC 837

P .The First Belorussian Front Cameraman: SOFIN A

Footage: 240 meters, film: SChS-2

TOPIC: THE TOWN OF SLONIM

When retreating, the Germans burned down the town; the poppies in bloom against the site of fire – are vivid witnesses to the life of the town, over which hot air and smoke now rises above the flames.

On the first day of the liberation, there were few people in the town – they fled to the woods to escape the Germans.

Over the past three years, the Germans have slaughtered tens of thousands of residents.

When retreating, the Germans tried to cover up their crimes: at the seventh kilometre of the Baranovichi Road (one of the sites where Soviet people were shot), 24 pyres were found where the Germans had burnt the corpses of those who had been gunned or tortured [to death].

The smoke is rising above the bone heap. Among the bones may be seen buckles, women's metal combs, snuffboxes. Lots of bones, they are piled up, with many children's bones among them. The citizens of the town were also shot and burned here, before the departure of the Germans.

Everything in this camp was organised: corpses were stacked on the prepared firewood, then doused with flammable liquid; incendiary bombs were then placed in pyres, their stabilisers lying around in abundance. Above the half-full trench are the hooks used to drag the dead to the pyre.

Cameraman: SOFIN

13/7/1944

I-й Белорусский фронт [*13*] [*12*]

ВС 838

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Оператор СОЛОВЬЕВ Г.

ГОРОД СЛОНИМ

Город сожжен и разрушен немцами перед уходом. Снято на фоне сгоревших зданий [:] проезды танков, артиллерии и т.п. Общие планы города. На реке Шара идет строительство моста [.] Местное население помогает Красной Армии строить мост.

Восстановление Барановичского аэродрома. Общ., средн. планы.

СОЛОВЬЕВ.

13/УП-44 г.

аб

The First Belorussian Front [*13*] [*12*]

BC 838

CAPTION SHEET

Cameraman: SOLOVYOV G.

THE TOWN OF SLONIM

The town was burned and destroyed by the Germans before leaving. Passage of tanks, artillery, etc., was shot against a backdrop of burnt buildings. Long film shots of the town. Bridge building on the Shara River. The local population is helping the Red Army construct the bridge.

Reconstruction of the Baranovichi aerodrome. Long and medium shots.

SOLOVYOV.

13/7/1944

ab

[*11*]

ВС 837

[*121*]

К МОНТАЖНОМУ ЛИСТУ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

В лагере перед отходом немцы сожгли 300 врачей, 1500 заключенных.

В двух лагерях под городом Слоним было расстреляно 75.000 человек.

Кинооператор *Софьин*

аб

]*11*[

BC 837

[*121*]

CAPTION SHEET (addings)

ADDITIONAL INFORMATION

The Germans burned 300 doctors and 1,500 prisoners in the camp before retreating.

In the two camps near Slonim 75,000 people were shot .

Cameraman *Sofin*

ab

[*17*]

ВС 897, 898

[*18*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ К С"ЕМКАМ

«ГОРОД ЛЮБЛИН И УЛИЧНЫЕ БОИ»

Снято 700 мет.

Бои за город Люблин. Артиллерия на подступах к городу. Уличные бои /артиллерия, минометчики, танки и пехота/. В городе ведет огонь гаубичная 120 м/м артиллерия лейтенанта СИДОРОВА. У телефона в городе нач. разведки подразделения артиллеристов гвардии лейтенант ШАТРАФКА. Минометная батарея 120 м/м гвардии ст. лейтенанта ДМИТРИЕНКО ведет бой в городе. Дает данные гвардии ст. сержант РОМАНОВ (Сталинградец).

Перевязывает раненого танкиста гвардии старшину ФЕДОСЕЕВА санитарка гвардии сержант Катя БЛАГОДАРОВА.

Движение наших войск по городу.
Город Люблин. Вокзал города. Оставленные эшелоны немцев на пути Люблин – Варшава.

В городской тюрьме /замок/. Немцы при отступлении здесь расстреляли в камерах 700 заключенных. В тюремном дворе работает судебно-врачебная комиссия в составе доктора ВАЙСА, доктора БРОНИЦКОГО, вскрывает санитар СТАНИСЛАВ ОРЛОНЬ.

25/УП-44 г. Операторы: МУХИН, ПОСЕЛЬСКИЙ

[от руки, неразборчиво]

[*17*]

BC 897, 898

[*18*]

CAPTION SHEET FOR THE FOOTAG

"THE CITY OF LUBLIN AND STREET WARFARE"

Footage: 700 meters

Fighting for the city of Lublin. Artillery on the approach to the city. Street combat (artillery, mortars, tanks and infantry). Lieutenant Sidorov's 120 mm howitzer artillery is firing in the city. Lieutenant SHATRAFKA, commander of the reconnaissance artillery unit is on the telephone in the city. Guards First Lieutenant DMITRIENKO's 120 mm mortar battery is fighting in the city. Guards First Sergeant ROMANOV (a Stalingradian) is giving data.

Guards Sergeant Katia BLAGODAROVA, an orderly, is bandaging a wounded tankman, Guards Sergeant-Major Fedoseev.

Our troops are moving through the city.

City of Lublin. Railway station. Abandoned German trains on the way Lublin - Warsaw.

City prison (the castle). The Germans, when retreating, shot 700 prisoners in the cells. In the prison courtyard, a forensic medical committee consisting of Dr. Weiss and Dr. Bronicki is at work; an orderly, STANISŁAW ORŁOŃ, is performing the autopsy.

25/7/1944 Cameramen: MUKHIN, POSELSKY

[handwritten, illegible]

I-й Белорусский фронт [*26*]

ВС 976

[*25*]

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ

---

Кинооператор: В. ТОМБЕРГ

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

В городской тюрьме в городе Люблине после изгнания немцев обнаружено большое количество трупов /мирных жителей, большинство поляков и часть евреев, зверски замученных и потом застреленных.

На телах видны огромные синяки, кровоподтеки и ссадины. У некоторых видна содранная кожа с рук и обожженные руки. Среди трупов есть юноши 16-18 лет, молодые девушки, все в гражданском.

Снята тюрьма, трупы и население, опознающее трупы своих родных.

Прилагаю копию акта от 24 июля 1944 года.

КИНООПЕРАТОР ТОМБЕРГ

25/УП-44

аб

] *26* [

BC 976 [*25*]

The First Belorussian

GERMAN ATROCITIES IN LUBLIN

---

Cameraman: V. TOMBERG

CAPTION SHEET

After the expulsion of the Germans, a large number of bodies were found in Lublin's city prison: civilians, for the most part Polish and some Jews, brutally tortured before being shot.

The corpses show massive contusions and abrasions. Some show skin scraped off their arms and burned hands. Among the bodies are 16- to 18-year-old boys, young girls, all in civilian clothes.

I have filmed the prison, the corpses, and people identifying their relatives among the dead.

Enclosed is a copy of the report, dated 24 July 1944.

CAMERAMAN TOMBERG

25/7/1944

ab

*1 Белорусский*

На могиле польских патриотов ВС 976
[*24*]
[*25*]

Кинооператор В. ТОМБЕРГ

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

1. Снято несколько кусков проходов по городу Люблин польских партизан.

2. На могиле и зверски замученных немецкими оккупантами польских патриотов собралось население г. Люблина отдать последний долг погибшим.

3. Состоялась панихида, после которой выступили:

   1/ Ксенз каноник Ян Подембиняк

   2/ Генерал-лейтенант, командующий польской армией БЕРЛИНГ.

   Тексты выступлений спросите в польской миссии.

Кинооператор ТОМБЕРГ

27.7. 44 г.

*The 1st Belorussian* [Front]

At the Polish patriots' grave

BC 976
[*24*]
[*25*]

Cameraman: V. TOMBERG

CAPTION SHEET

1. Some film shots of Polish partisans, passing through Lublin.

2. The civilians of Lublin on the tomb of the Polish patriots, paying their final respects to the dead who were brutally tormented by the German occupants.

3. Subsequent to the memorial service, speeches were given by:

   1) Jan Podiembiniak, Canon Priest.

   2/ Lieutenant-General BERLING, Commander of the Polish Army.

For the text of the speeches, ask at the Polish mission.

Cameraman TOMBERG

27/7/1944

*1 Белорусский* ВС 977 [*26, 27*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Оператор И. АРОНС

Снято 180 метров
СЧС-2 эм. 5-18-2
Натура. Камера Аймо
пленку списать с Аронса

Снято 26–27 июля 1944 г.
в г. Люблине

К ДОС"ЁМКАМ «ЛЮБЛИН»
---
/дос"ёмки к материалам операторов СОЛОВЬЕВА И ТОМБЕРГА/

Снято:
---

1. Встреча населением Люблина польского войска. Проезды по городу артиллерии, самоходных орудий и автомашин с офицерами и солдатами. На машине стоит генерал-лейтенант БЕРЛИНГ, его приветствует население.

2. Над Люблином взвивается польский национальный флаг /флаг устанавливают подпоручик Натек ГРУБЕР и капрал СТЕФАН ЛЮСНЯК/.

3. Из лесов возвратились в город польские партизаны. Их встречает население. Партизаны проходят мимо разбитой немецкой техники. Командир партизанских отрядов Люблинской области подполковник ПШЕГОШ КОРЧИНСКИЙ беседует с населением.

4. Похороны 800 расстрелянных немцами польских мирных жителей.

И. АРОНС

Оператор:

[*The 1st Belorussian* [Front] ] BC 977 [*26, 27*]

CAPTION SHEET

Cameraman: I. ARONS
Filmed on 26–27 June 1944
In Lublin

Footage: 180 meters
SChS-2, em. 5-18-2
Outside. Camera Eyemo
Film to be deducted from Arons

ADDITIONAL FOOTAGE FOR LUBLIN

---

(Additional footage for filming by cameramen SOLOVYOV & TOMBERG)

WAS FILMED:

1. Lublin's population greeting the Polish troops. Artillery, self-propelled cannons and vehicles with officers and soldiers crossing the town. Lieutenant-General BERLING standing on the vehicle, and is greeted by the people.

2. The Polish national flag floats over Lublin (the flag is hoisted by Lieutenant Natek GRUBER and Corporal STEFAN LUSNJAK).

The Polish partisans have returned to the city from the forest. They are greeted by the local population. The guerrillas are passing by the broken German machinery. Lieutenant-Colonel PRZEGOSZ KORCZYNSKI, commander of the Lublin regional guerrilla units, is talking with the locals.

4. Funeral for the 800 Polish civilians shot by the Germans.

I. ARONS

Cameraman:

[*27*]
ВС 978
[*28*]

I-й Белорусский фронт

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ
---

Оператор: СОЛОВЬЕВ В.
---

Город Люблин

ПРОХОЖДЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ ПО ГОРОДУ
---

а) Население города приветствует проходящие войска.

б) Встреча генерала БЕРЛИНГА с горожанами.

в) Выступление генерала БЕРЛИНГА /Краковская улица/.

Город Люблин
---

а) Общ. планы города, улиц и т.п.

б) Исторические здания: Ратуша, здание Трибунала, на улице рынок, дом со львами, дом короля Яна III СОБЕСКОГО, в нем останавливался Иван Грозный и Карл XII /рельефный орнамент/ [.] Городская улица, городские ворота.

Зверства немцев в г. Люблине
---

а) Замок-тюрьма; здесь перед уходом немцы расстреляли мирных жителей, население опознает трупы.

б) Слотвинская Болеслава у трупа своего сына Мариана.

в) Крематории в концлагере на Майдане; яма-место расстрела, 22.7.44г. немцы отравили газом и сожгли в помещении массу жителей. Следы зверств.

27/УП-44 г. Соловьёв

[*27*]
BC 978
[*28*]

The First Belorussian Front

CAPTION SHEET
---

Cameraman: SOLOVYOV V.
---

Lublin

POLISH ARMY MARCHING THROUGH THE CITY

a) The local population welcomes the passing troops.

b) General BERLING is meeting the local people.

c) General BERLING's speech (Krakowska Street).

The city of Lublin
---

a) Long film shots of the city, its streets, etc.

b) Historic buildings: the Town Hall, the Court, a street market, a house with lions – King Jan III Sobieski's house, where Ivan the Terrible and Karl XII stayed (relief ornament). A street, the city gate.

German atrocities in Lublin
---
a) The Castle-prison; the Germans shot civilians here before leaving, the locals are identifying the bodies.

b) Slotvinskaja Boleslava is by the corpse of her son, Marian.

c) Crematorium at the concentration camp of Majdan; the execution pit, on 22/7/44, the Germans gassed and burned indoors lots of people. Traces of atrocities.

27/7/1944 Solovyov

I-й Балтийский фронт ВС 1005

ассистент оператор
И. КОМАРОВ
метраж 270 метров
пленка СЧС-2-32 эм
СЧС-2 эм 5-20

ГРАЖДАНСКАЯ ПАНИХИДА В гор. ЛЮБЛИНЕ ПО ПОГИБШИМ В КОНЦЛАГЕРЕ МАЙДАНЕК /ЛЮБЛИН/ и в ЗАМКЕ 6.8.44 г.

Снято:
---

1. ОБЩИЕ ПЛАНЫ площади перед замком, где проходила панихида.

2. Молитва. Молится ксендз доктор КРУШИНСКИЙ. Ректор Люблинского университета.

3. Ксендз КРУШИНСКИЙ произносит речь.

4. Генерал ЗАВАДСКИЙ выступает с речью.

5. Выступает ГРУБЕЦКИЙ /в очках/, член Комитета национального освобождения.

6. Группа членов правительства, польских офицеров и генерал-лейтенаната.. Генерал-майора ТРУФАНОВА, начальн. гарнизона гор. Люблин.

7. Возложение венков.

8. Урна с прахом погибших устанавливается и замуровывается в стену замка.

9. Мемориальная доска.

10. Ср., кр. планы панихиды.

Комаров.

7/УШ-44 г.

аб

The First Baltic Fleet

BC 1005

Assist. Cameraman:
I. KOMAROV
footage: 270 meters
film: SChS-2-32 em[ulsion]
SChS-2 em. 5-20

CIVIL FUNERAL IN LUBLIN FOR THE VICTIMS OF
MAJDANEK CONCENTRATION CAMP (LUBLIN) AND IN THE CASTLE, 6. 8. 1944

Was filmed
---

1. Long film shots of the square in front of the castle where the memorial service was held.

2. Prayer. The priest, Dr KRUSZYNSKI is praying. He is the Rector of the University of Lublin.

3. Priest KRUSZYNSKI is giving a speech.

4. General ZAWADZKI is giving a speech.

5. GRUBECKI (with glasses), a member of the National Liberation Committee, is taking the floor.

6. A group of members of the government and Polish officers, Lieutenant-General..[? *a mistake not crossed out*] Major-General TRUFANOV, the garrison commander of Lublin.

7. Laying of wreaths.

8. The ashes urn of the perished is placed and immured in the castle wall.

9. Memorial plaque.

10. Medium and close-ups of the memorial service.

Komarov.

7/8/1944.

ab

ВС 1008

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Оператор Р. КАРМЕН

---

# «ЛАГЕРЬ СМЕРТИ ВСЕЕВРОПЕЙСКИЙ "КОМБИНАТ" УНИЧТОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ В МАЙДАНЕ»

Майдан – концентрационный лагерь, построенный немцами близ Люблина.

Этот лагерь замечателен тем, что он имел всеевропейское значение. Для убийства сюда свозили эшелонами людей со всей Европы: из Дании, Норвегии, Чехословакии, Франции. Свозили людей специально для уничтожения.

«Душегубка» на фоне этого лагеря – кустарный метод убийства. В Майдане были построены капитальные здания, в которых уничтожение людей было доведено до уровня и темпов конвейерного производства. Убивали газом, вслед за тем сжигали в специальных печках. Сейчас, когда особая комиссия изучает и расследует все, что происходило в Майдане, можно утверждать, что здесь было истреблено свыше миллиона людей всех национальностей.

Сюда направляли людей, которые, потеряв силы и здоровье на каторжных работах в Германии, становились непригодными к работе. Их пропускали через майданские печи.

Страшная деталь: жертвы Майдана шли на удобрение немецких полей! Промышленная конвейерная система убийства завершалась последней своей стадией: кости, пепел сожженных людей упаковывались в банки, эти банки с пеплом отправлялись в Германию на удобрение почвы помещичьих усадеб.

Вот этот лагерь. Он раскинулся на огромной территории, обнесен колючей проволокой. Отсюда ни один человек не убежал, ибо это невозможно.

Между двумя заборами колючей проволоки пропускался через линии проводов ток высокого напряжения. Через каждые 15 метров вышка с часовым. Сотни собак, система сигнализации, чудовищные пытки за подозрение в намерении бежать.

Охрана лагеря состояла из отборных палачей СС во главе с садистом-комендантом лагеря ШТУРМБАНФЮРЕРОМ ТУМАНОМ.

По строгости, жестокости режима не было равного в Европе места, чем ставший легендарным Майдан. Из самых страшных лагерей Германии – из Дахау, Монтхаузена [Маутхаузена], Роз-розена [Гросс-Розена] привозили сюда неблагонадежных, ослабленных, привозили на убийство.

BC 1008

CAPTION SHEET

Cameraman: R. KARMEN

---

"A DEATH CAMP. ALL-EUROPEAN HUMAN EXTERMINATION 'FACTORY' IN MAJDAN*[MAJDANEK]"

Majdan is a German-built concentration camp close to Lublin.
The camp was remarkable for being of all-European importance. People from all over Europe – Denmark, Norway, Czechoslovakia, France were brought here by trainloads to be murdered. They were transported here to be exterminated.

The "gas van" [Gaswagen], compared to this camp, is an artisanal method of killing. Major buildings were constructed in Majdan, where the killing of people was brought to the level and pace of an assembly-line production. After being gazed, they were then incinerated in special furnaces. Now that a special commission is examining and investigating everything that happened in Majdan, it can be argued that over a million people of all nationalities were exterminated here.

People who had lost their strength and health due to the hard labour in Germany and had become unfit for work were brought here. They were put through the Majdan furnaces.

One frightening detail: the victims of Majdan used to fertilize fields in Germany! The industrial conveyor system of murder culminated in its final stage: the bones and ashes of the burnt were packed into jars, and these jars with ashes were sent to fertilise the soil of the German landowners' estates.

This is the camp. It is spread over a huge area, surrounded by barbed wire. Not a single person got out of here, because it's impossible.

Between the two fences of barbed wire, a high voltage current was running through the wire lines. Every 15 metres there was a tower with a sentry. Hundreds of dogs, a warning system and monstrous torture – for a suspicion of wanting to escape.

The camp guards were selected SS executioners, led by the sadistic camp commander, the Sturmbanführer TUMAN.

When it comes to the severity and cruelty of the regime, there was no place in Europe equal to Majdan, which became legendary. From Germany's most dreadful camps – Dachau, Monthausen [Mauthausen], Ros Rosen [Groß-Rosen] – the unreliable and fragile were brought here to be murdered.

* Roman Karmen filed a story on the camp, translated as Maidan in the English version sent over the wire that appeared a few days later in the *Daily Worker*, the newspaper of America's Communist Party USA. (source: HISTORYNET)

[*34*]
[*33*]

Убивали так: партия в 50-100 человек приводилась в камеру, где людей раздевали, потом пускали газ. Вот эта камера /вернее, ее следы, ибо немцы сожгли здание газокамеры и крематория/ – вот одежда последней партии уничтоженных здесь людей.

Вот отверстия в стене, через которые в камеру пропускался газ.

Вот «сырье» – б[о]чки с хлорной известью для массового промышленного производства газа. По количеству этих бочек можно заключить, каких масштабов достигали убийства.

Вот печи, где сжигали удушенных людей. Особой тележкой труп подавался в печь. Внутренность печи, где видны груды человеческих костей. И груды полусожженных трупов.

Вот банки, в которые упаковывалось «удобрение» для немецких помещиков.

Над грудой пепла и костей рыдает Настасья Антоновна КОЗЛОВА. Ее мужа Николая Ивановича КОЗЛОВА замучили и сожгли здесь. Их вывезли из Киева сюда, 19-ти летнюю дочь Надю угнали в Штутгарт.

Команда этого крематория периодически здесь же уничтожалась. Палачи шли в печь вслед за своими жертвами.

Вот те, которые уцелели. Их немного осталось. Это советские военнопленные. Искалеченные люди, на костылях, они до сих пор не могут прийти в себя, поверить в свое спасение. На их одежде клеймо «……» /Советский Союз/. Мало того: немцы клеймили наших военнопленных. На груди у каждого был вытатуирован его номер.

ЛОБАНОВ Гаврил Павлович – рядовой, был взят немцами в плен под Харьковом, его подобрали раненым на поле боя. Он помешался. Его морили голодом, он ел траву и сейчас он не выпускает из рук пучка с травой /крупный его план/.

Узники страшного Майдана в сердцах своих хранили мечту о свободе, о жизни. Они построили замок.

Немцы хотели, чтобы лагерь снаружи выглядел красиво. Они разрешили построить заключенным этот замок.

В этом маленьком замке, построенном руками обреченных людей, те, кто создали его, воплотили мечту о прекрасной родине, о свободной жизни, от которой отделяли их ряды проволоки, тока, сотни озверелых палачей.

Майдан – воплощение концентрат гитлеризма. Майдан это есть «новый порядок в Европе». Майдан оставил далеко позади кустарную душегубку. Это – индустрия убийства людей

[*34*]
[*33*]

That is how they murdered: groups of 50 to 100 people were brought to the chamber, stripped naked and gassed. Here is the chamber (or rather what is left of it, as the Germans burned down the gas chamber and crematorium buildings); here are the clothes of the last murdered group.

This are the openings in the wall where the gas was introduced into the chamber.

These are the "raw materials": barrels of lime chloride destined for industrial mass gas production. The barrel count is indicative of the extent of the murders.

These are the furnaces where the gassed were burned. A special trolley was used to transport the corpse into the furnace. And inside the furnace, where you can see heaps of human bones, and heaps of half-burned corpses.

These are the containers into which the "fertiliser" for German landowners was packed.

Nastasia Antonovna KOZLOVA is weeping over a pile of ashes and bones. Her husband, Nikolaii Ivanovich KOZLOV, was killed and burned there. They were brought here from Kiev, their 19-year-old daughter Nadia was forcibly taken to Stuttgart [as a manpower].

The workers of this crematorium have also been regularly exterminated here. The executioners followed their victims into the furnace.

These are the people that survived. There aren't many of them left. They are Soviet prisoners of war. Mutilated persons, on crutches, are still unable to reason, to believe in their salvation. Their clothes are branded "....." (USSR). And more: the Germans marked our prisoners of war. Each of them had his number tattooed on his chest.

Gavril Pavlovich LOBANOV, a private, was taken prisoner by the Germans near Kharkov. He was picked up, wounded, on the battleground. He became insane. He was starved, he ate grass and now won't let a bundle of grass out of his hands (a close-up of him).

The prisoners of the terrible Majdan kept the dream of freedom and life in their hearts. They built a castle.

The Germans wanted the camp to look nice from the outside. They allowed the prisoners to build this castle.

In this small castle, the doomed men who built it with their own hands, made the dream of a beautiful homeland, of a free life comes true; rows of wire, currents and hundreds of brutal executioners separated them from this dream.

Majdan is the concentrate of Hitlerianism. It is the "new order in Europe". Majdan left the handicraft gas van far behind. It is the murder industry of all European

[*35*]
[*34*]

всех народов Европы. О том, что происходило за колючей проволокой германского всеевропейского комбината смерти, нужно рассказывать всему миру, поколениям.

Поэтому я очень подробно, не жалея пленки, снял все, что сохранило следы немецкого концентрационного лагеря, в котором палачи Гитлера убили больше миллиона свободолюбивых людей.

Справка:
---

Установлено, что в Майдане был уничтожен немцами Леон Блюм.

Оператор: КАРМЕН.

[*35*]
[*34*]
peoples. What happened behind the barbed wire of Germany's all-European death factory must be told to the whole world, to all generations.

I have therefore filmed in great detail, sparing no film, all the possible traces of the German concentration camp, in which Hitler's executioners murdered over a million freedom-loving people.

Note:

It was established that Leon Blum was murdered in Majdan.

Cameraman: KARMEN

ВС 1020, 1021
[*36*]
[*35*]

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Оператор В. ШТАТЛАНД
ассист. оператора КОМАРОВ
Метраж 420 м. СЧС-2 эм. 520

## «ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В МАЙДАНЕ»

Материал снимался с учетом специального выпуска. Некоторые планы дублированы с Карменом, учитывая возможность как союзного, так и экспортного выпуска.

СНЯТО:

1. Крематорий, сожженный немцами.

2. Общ. планы лагеря.

3. Ров, заполненный трупами расстрелянных.

4. Эксгумация трупов, вскрытие трупов врачами-экспертами.

5. Население у рва, заполненного трупами. Плачет, потрясая руками, мать Пеплевская Паулина, мужчина Роженский Петр. Их сыновья уничтожены немцами в этом лагере.

6. Немецких пленных и их сателлитов венгеров проводят по лагерю смерти.

7. Банки с ядом, которым травили заключенных (этикетки прилагаются).

8. Обувь: детская, женская, мужская – это целые горы от уничтоженных людей.

9. Представитель совет. Правительства при Польском Комитете Ник. Александр. БУЛГАНИН и секретарь Чрезвычайной комиссии тов. КУДРЯВЦЕВ осматривают лагерь смерти.

10. Проволочные заграждения лагеря смерти, по которым пропускался электроток.

11. Н.А. БУЛГАНИН беседует с быв. военнопленными, освобожденными Красной Армией из лагеря смерти.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Чрезвычайная комиссия ведет пока еще следствие, и материалы для диктор. текста будут высланы дополнительно после заключения Чрезв. комиссии, а также дополнительно будет снято: со звуком: опрос свидетелей из лагеря смерти. Этот лагерь представлял из себя место заключения и уничтожения людей со всей Европы. На днях должна быть духовная панихида по жертвам. Материал буду высылать систематически, согласовывая работу и дикторский материал с Чрезвычайной комиссией.

BC 1020, 1021
[*36*]
[*35*]

CAPTION SHEET

Cameraman: V. SHTATLAND
assist. cameraman: KOMAROV
footage: 420 m. SChS-2 em. 520

"DEATH CAMP IN MAJDAN"

All was filmed with a special edition in mind. Some of the images are duplicated with Karmen, considering the potential for domestic release and export.

Was filmed:

1. The crematorium, burned down by the Germans.
2. Long shots of the camp.
3. A ditch filled with the corpses of those shot.
4. Exhumation of bodies, autopsy by medical specialists.
5. Civilians by the ditch filled with corpses. A mother, Peplevskaia Paulina, is crying and shaking hands; a man, Rożenski Petr. Their sons were killed by the Germans in this camp.
6. German POWs and their Hungarian satellites are being escorted through the death camp.
7. Cans of poison used to poison the prisoners (labels attached).
8. Footwear: children's, women's, men's – mountains of them are left from the exterminated people.
9. Nikolaii Alexandrovich BULGANIN, the Soviet G-nt representative to the Polish Committee and Cde KUDRIAVTSEV, the Extraordinary Commission secretary, are inspecting the death camp.
10. The death camp wire fences, through which the electric current was passed.
11. N. A. BULGANIN is talking with the former POWs, liberated from the death camp by the Red Army.

NOTE:

The Extraordinary Commission's inquiry is still going on, and the material for the speaker's narration will be dispatched after its conclusion; also, interviews with the death camp witnesses, will be filmed additionally, with sound recording. This camp was a place of detention and extermination of people from all over Europe. A religious service for the victims should take place in the next few days. I will be sending the footage systematically, coordinating my work and speaker's commentaries with the Extraordinary Commission.

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ ВС 1050
[*42*]
[*41*]

Оператор – Р. Кармен

К ЗВУКОВЫМ С"ЁМКАМ В ЛАГЕРЕ МАЙДАНЕК

I. На фоне крематория снят Михаил Петрович АБРОХОВ, заключенный лагеря, фельдшер /в очках/. Он дал Чрезвычайной комиссии весьма ценные показания. Он – советский военнопленный, находился при лазарете лагеря, был свидетелем всего, что происходило на Майданеке.

2. Король Лев Августович – капитан Красной Армии /безногий/ был освобожден нашими войсками из Майдана.

3. Допрос захваченных в лагере эсэсовцев: Антон Термес, оберштурмфюрер СС, был в лагере заведующим питанием офицерского персонала лагеря.

Второй – ротенфюрер СС Тео Жолин, был в лагере начальником рабочей команды.

Оба, конечно, отрицают свое участие в убийствах, но рассказывают все, что знали об убийствах людей.

Допрашивают:

1. Генерал-майор юстиции – прокурор I-го Белорусского фронта Л.И. ЯЧЕНИН /в центре/.

2. Д.И. КУДРЯВЦЕВ – представитель Чрезвычайной комиссии.

3. Поручик Проконович Яков, Зам. прокурора I польской армии.

С"ёмку я производил на аппарате группы Форда. Оператор Форберт, звукооператор Сенкевич.

CAPTION SHEET BC 1050
[*42*]
[*41*]

Cameraman: R. Karmen

ADDITION TO THE SOUND FOOTAGE AT THE MAJDANEK CAMP

1. Mikhail Petrovich ABROKHOV, a camp inmate and a medical assistant (with glasses), is filmed in front of the crematorium. His testimony is quite precious to the Extraordinary Commission. A Soviet prisoner of war, attached to the camp's infirmary, he is a witness to everything that happened at Majdanek.

2. Korol Lev Avgustovich, a captain of the Red Army (without legs), was liberated by our troops at Majdanek.

3. Interrogation of the SS men captured at the camp: Anton Termes, a SS-Obersturmführer, was in charge of the camp's officers' catering staff.

The other one, a SS-Rotenführer, Theo Jolin, was the camp's labour team commanding officer.

Both of them, obviously, deny their involvement in the extermination, but recount everything they knew about the acts of killing.

The interrogation is conducted by:

1. Major General of Justice, Prosecutor of the First Belarusian Front, L. I. IACHENIN (in the centre).

2. Representative of the Extraordinary Commission, D. I. KUDRIAVTSEV.

3. Deputy Procurator of the First Polish Army, Lieutenant Prokonowicz Jacob.

I filmed with a Ford [line] camera. The cameraman was Forbert, the sound technician was Senkevich.

[*см. [на обороте*]]
ВС 1051
[43]
[42]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Оператор КАРМЕН
110m

Дос"ёмки к «лагерю смерти»

1. Немцы раскапывают братские могилы казненных на Майданеке людей.

   Они как руки-могильщиков копаются в человеческих костях.

2. Г-н Осутко-Муравский на территории Майданека.

Оператор: КАРМЕН

[*see [overleaf*]]
BC 1051
[43]
[42]

CAPTION SHEET Cameraman: KARMEN, 110 m.

## Additional footage to "The Death Camp"

1. The Germans are digging up the mass graves of the executed at Majdanek.
   They are like gravediggers' hands, digging into human bones.

2. Mr. Osutko-Murawski on the grounds of Majdanek.

Cameraman: KARMEN

ВС 1052
[*44*]
[*43*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

«ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В МАЙДАНЕКЕ» /возле Люблина/

Оператор М. ШНЕЙДЕРОВ

Снят с самолета лагерь смерти. Разные планы более и менее общие.

Виражи у печи – крематория, где немцы сжигали людей.

Несколько планов гор. Люблин с самолета.

Всего 90 метров.

13/VIII-44 г.

*Хорошая*
*с''ёмка*

_____

Оператор: Шнейдеров.

BC 1052
[*44*]
[*43*]

CAPTION SHEET

"THE DEATH CAMP AT MAJDANEK" (near Lublin)

Cameraman: M. SHNEIDEROV

The death camp is filmed from an airplane. Various film shots, long ones and closer ones. Going in circles over the furnace – the crematorium, where the Germans burned people. Several shots of Lublin [seen] from the plane.

Total of 90 metres.

13/08/1944

[*Good footage*]

Cameraman: Shneiderov

ВС 1053
[*45*]
[*46*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Ассист. оператор И. КОМАРОВ
плёнка СЧС-2 эм. 5-20
метраж 150м

РЕПОРТАЖ

СНЯТО:

1. Выступление ансамбля Красноармейской песни и пляски 1-го Белорусского фронта в парке гор. Люблин перед жителями города.

2. Польская дивизия проходит по городу.

3. Председатель Национального Комитета гр. Ошуб Моравский на осмотре лагеря смерти в Майдане.

8/VIII-44

Ассистент: Комаров.

аб

BC 1053
[*45*]
[*46*]

CAPTION SHEET

Assist. cameraman: I. KOMAROV
Film: SChS-2, em. 5-20
Footage: 150 m.

REPORT

FILMED

1. Performance of the Red Army Song and Dance Ensemble of the First Belorussian Front in a Lublin park, in front of the local population.

2. Polish Division is passing through the city.

3. Chairman of the National Committee, Citizen Oszub Morawski, inspecting the death camp at Majdan.

8/8/1944

Assistant: Komarov

ab

[*см [на обороте]*] ВС 1104

1-й Белорусский фронт

[*52*]
[*54*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Кинооператор СОФЬИН А.П.

Материал для выпуска «Лагерь уничтожения» /Майданек в гор. Люблин/

Пленка панхром и СЧС-2
Метраж немой – 480 метр. звуковой – 600 метр.

Снято

1. Массовое посещение жителями города Люблина Майданека.

2. Раскопка массовой могилы в Кремпецком лесу. Установлено, что некоторые мертвые с немецкой ненавистью были закапываемы живьем. Найдена женщина, на которой нет следов ударов или пуль. Она держит младенца, прижимающегося к ее телу, и так погибшую. Этот случай свидетельствует, что женщина с ребенком была зарыта живьем. Из могилы извлечен труп грудного ребенка с разбитой головой. На груди трупика висит соска.

3. Груда обуви, 800 000 пар, находящейся на 6-м поле лагеря. Галоши, дамские туфли, детские ботиночки ярко характеризуют, кому они принадлежали. Склад на улице Шопена, дом 27. Одежда, перчатки, головные щетки, очки, детские игрушки.

4. В Майданек почти все народности Европы вложили вклад своего горя и слез; документы, паспорта и удостоверения французов, поляков, чехословак[ов], греков, бельгийцев и др. диплом об окончании физико-химической академии /город ....., Италия/. Гр. Мартинели.

5. Фотографии уничтоженных в лагере. Мать обнимает улыбающегося ребенка /монтажный кусок к плану труп матери с ребенком/. Улыбающийся ребенок /~~ребенок~~ монтажный план к плану трупик ребенка с соской/.

6. Куча навоза, перемешанного с пеплом и остатками человеческих костей, приготовленных для удобрения. Поле капусты, удобренное человеческим пеплом.

7. Крематорий снят силуэтом через колючую проволоку.

8. Работа польско-советской Чрезвычайной комиссии по исследованию немецких злодеяний на Майданеке в г. Люблино.

9. Собрание Чрезвычайной комиссии под председательством гр. Витоса, вице председателя Польского комитета национального освобождения.

Открыл заседание гр. Витос. После слова председателя Витоса присутствующие заслушали доклад председателя Христианса председателя судебно-следственной коммиссии.

[*see [overleaf]*] BC 1104

The First Belorussian Front

[*52*]
[*54*]

CAPTION SHEET

Cameraman: SOFIN A. P.

## Footage for the edition of "Extermination camp" (Majdanek in Lublin)

Film: Panchrom and SChS-2
Footage without sound: 480 meters, with sound: 600 meters.

### Was filmed

1. A mass visit to Majdanek by the Lubliners.

2. Excavation of a common grave in Krempecki Forest. It is established that [as a result of] German hatred, some of the dead were buried alive. A woman was found without any signs of hitting or bulleting. She died holding an infant clinging to her body. This case demonstrates that the woman and her baby were interred alive. The body of a child with the broken head is recovered from the tomb; a dummy is hooked to his chest.

3. Pile of shoes, 800,000 pairs, located on the camp's filed n° 6. Galoshes [rubber overshoes], ladies' shoes, children's footwear clearly indicate who they belonged to. Warehouse at 27 Chopin St. Clothes, gloves, head brushes, glasses, children's toys.

4. Almost all European nationalities brought their sorrow and tears to Majdanek; documents, passports and identity cards of French, Polish, Czechoslovak, Greek, Belgian and other people. Diploma from the Physics and Chemistry Academy (city ....., Italy). Citizen Martineli.

5. Photographs of the exterminated at the camp. A mother hugging a smiling child (footage piece [to be added] to the film shot: Mother's corpse with a child). A smiling child (footage shot [to be added] to the film shot: Child's corpse with a dummy).

6. A pile of manure mixed with ashes and the remains of human bones, prepared for fertiliser. Field of cabbage, fertilized with human ashes.

7. The crematorium filmed in outline, through the barbed wire.

8. Polish-Soviet Extraordinary Commission at work, investigating the German atrocities at Majdanek in Lublin.

9. Extraordinary Committee meeting chaired by Citizen Vitos, Vice-President of the Polish National Liberation Commission.

Citizen Vitos called the meeting into session. After a word from the Chair, attendees listened to the report of the Chair of the Judicial Inquiry Commission, [M.] Hristians.

После прочтения доклада председателем судебно-следственной комиссии слово было пред[о]ставлено профессору доктору ШИЛИНГ СЕНГАЛЕВИЧУ председателю судебно-[м]**с**едицинской комиссии.

После доклада архитектор КРАУЗЕ – председатель комиссии технической экспертизы.

10. Синхронно:

Допрос свидетелей. Бывший заключённый Майданека немец

Бывший узник Майданека. – Галандец [Голландец]

Бывший узник Майданека – француз

Бывший узник Майданека – Австрияк

Немец эсэсовец, Гермес.

Вопросы членов комиссии.

Заключительное слово Кудрявцева.

(Немец командофьюрер Шоле и поляк, подпоручик Будзиль сняты польской группой.)

Председатель судебно-медицинской комиссии профессор ШИЛИНГ **С**СИНГАЛЕВИЧ приметы имеет лысину в сером костюме, полный.

Председатель следственный комиссии он же председатель польского Красного Креста. приметы: худощавый, в сером костюме, на костюме значе[о]к Красного Креста.

Председатель технической экспертизы инженер и архитектор Краузе. Приметы седой в очках.

Со следующей партией негатива будут высланы фото членов комиссии, свидетелей с указанием фамилии.

Со следующей партией негатива будут высланы фото членов комиссии, свидетелей с указанием фамилий.

Following the report by the Chairman of the Judicial Inquiry Commission, Prof. Dr SCHILING SENGALEVICZ, the Forensic Commission Chairman.

After this presentation, [it was the turn of] the architect, KRAUZE, chair of the Commission of Technical Expertise.

10. Synchronously:

Witness Interrogation. A former Majdanek prisoner (German).

Former Majdanek prisoner (Dutch).

Former Majdanek prisoner (French).

Former Majdanek prisoner (Austrian).

German SS, Hermes.

Questions from the board members.

Concluding statement by Kudriavtsev.

(Kommandoführer Schole, a German, and sub-lieutenant Budzil, a Polish, were filmed by the Polish crew.)

Chairman of the Forensic Commission, Prof. SCHILING SINGALEWICZ. Distinctive features: bald spot, grey suit, full build.

Chairman of the Judicial Inquiry Commission, he is also the Chairman of the Polish Red Cross. Distinctive features: slim, in a grey suit and a Red Cross badge.

Chairman of the Technical Expertise, engineer and architect Krause. Distinctive features: grey hair, with glasses.

Photographs of the commission members and witnesses, along with their names, will be sent with the next series of negatives.

I-й Белорусский фронт

ВС 1132 [*66*]

Кинооператор СОФЬИН А.П.

Материал к выпуску «ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ»

Пленка СЧС-2 эм. 5-24
метраж 330 метров
[*64*]

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

1. Газовые камеры – лагеря уничтожения

2. Окно, через которое немцы наблюдали за отравляемыми

3. Иностранные корреспонденты около газовых камер.

4. Осмотр крематория иностранными корреспондентами.

5. Иностранные корреспонденты осматривают могилы-рвы.

6. Резьба на кольях проволочного заграждения – на разных языках.

7. Корреспондент считает количество черепов.

8. Осмотр склада обуви, принадлежавшей уничтоженным в лагере людям. Склад находится в г. Люблине на ул. Шопен**о**[а]-27.

9. Замки и ручки от разобранных немцами чемоданов.

10. Чемоданы, сваленные в подвал

11. Тюки с разобранными чемоданами

12. Костер во дворе склада, на котором сжигались чемоданы.

13. Иностранные корреспонденты осматривают склад чемоданов.

14. Иностранные корреспонденты на пресс-конференции /монтажные куски к синхронному материалу/.

28/VIII-44 г.

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Кинооператор: СОФЬИН А.П.

К СЮЖЕТУ: «Открытие памятника в гор. Люблине»
---

Пленка СЧС-2 эм. 5-24
метраж 120 метров

СНЯТНО:
---

1. Жители Люблина перед открытием памятника.
2. Открытие памятника
3. Возложение венков
4. Проход войск.

ПРИМЕЧЯНИЕ: Памятник открыт павшим польским и русским солдатам.

Кинооператор: – СОФЬИН А.П.

аб

The First Belorussian Front

BC 1132 [*66*]

Cameraman: SOFIN A. P.

Footage for the edition of "EXTERMINATION CAMP"

Film: SChS-2 em. 5-24
Footage: 330 meters
[*64*]

CAPTION SHEET

1. Gas chambers – extermination camps.

2. The window through which the Germans watched the poisoning happen.

3. Foreign correspondents beside the gas chambers.

4. Foreign correspondence examining the crematorium.

5. Foreign correspondents visiting the graves (ditches).

6. Carvings on wire fence posts – in different languages.

7. A correspondent is counting the skulls.

8. Inspecting the warehouse with shoes that belonged to the people massacred at the camp. The warehouse is in Lublin, on Chopin St., 27.

9. Locks and handles of suitcases dismounted by the Germans.

10. Suitcases piled up in the cellar.

11. Bales of disassembled suitcases.

12. A bonfire in the warehouse yard where the suitcases were burned.

13. Foreign correspondents are inspecting the suitcase storage.

14. Foreign correspondents at a press conference (additions to synchronic footage).

28/8/1944

CAPTION SHEET

Cameraman: SOF'IN A. P.

FOR THE TOPIC [PLOT]: “The monument opening in Lublin”

---

Film: SChS-2 em. 5-24
Footage: 120 meters

WAS FILMED:

---

1. Lublin residents before the opening of the monument.
2 Opening of the monument.
3. Laying wreaths.
4. Passage of troops.

NOTE: Monument to the fallen Polish and Russian soldiers.

Cameraman: SOFIN A. P.

ab

ВС 1133
[*47*]

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Оператор В. ШАТЛАНД
240 мет. плёнка СЧС-2 эм. 5-20
Снято на контр**о**[а]жур

1. Иностранные корреспонденты осматривают Майданек /у крематории и рвов/.

2. Открытие памятника в г. Люблине освободителям /Красной Армии/.

3. Возложения венков у памятника /от Рады, от Польской Армии и населения г. Люблина/.

4. На трибуне сняты: т. Булганин, гр. Моравский и Рокоссовский.

5. Члены Национального комитета Освобождения.

6. Общие и средние планы манифестации и парада войск – советских и польских на открытии памятника освободителям.

7. Выступления гр. Моравского, гр. Завадского.

8. Звуковую на открытии памятника и на пресс-конференции иножурналистов чрезвычайной комиссии – снимала по моему указанию польская группа.

9. Парад войск.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Прошу см. газеты по поводу открытия памятника освободителям. При осмотре журналистами Майданека операторы не снимали умыш[л]енно **на** то что осматривали корреспонденты, т.к. это всё было снято ранее и отправлено вам.

Это последняя с"ёмка по Майданеку.

BC 1133
[*47*]

CAPTION SHEET

Cameraman: V. SHATLAND
240 meters, film: SChS-2 em. 5-20
filmed with backlighting

1. Foreign correspondents inspect Majdanek (near crematorium and ditches).

2. Inauguration of the Monument to the Liberators in Lublin (Red Army liberators).

3. Laying wreaths at the monument (of the Rada, the Polish army and the population of Lublin).

4. On the podium: Cde Bulganin, Citizens Morawski and Rokossowski.

5. The [Polish] Committee of National Liberation*.

6. Long and medium shots of the demonstration and parade of the troops (Soviet and Polish) at the opening of the Monument to the Liberators.

7. Speeches from Citizens Morawski and Zawadski.

8. According to my instructions, the audio shoot of the opening of the monument and the press conference of foreign journalists of the Extraordinary Commission was made by the Polish crew.

9. Troops parade.

NOTE:

Please consult the newspapers on the opening of the Monument to the Liberators. During the inspection of Majdanek by the journalists, the cameramen intentionally did not film what the journalists were inspecting, since everything had [already] been filmed and sent to you earlier.

This is the last filming on Majdanek.

27/8/1944

*the correct term.

ВС 1641

[*90*]
[*86*]

# «ГИТЛЕРОВСКИЕ УБИЙЦЫ ПЕРЕД ПОЛЬСКИМ СУДОМ»

Операторы: А. СОФЬИН
Д. ИБРАГИМОВ

Пленка СЧС-2 – 700 м.
Аппаратура: «Аймо»

Снято в помещении с миним. количеством света и на натуре, пленка была крайне низкой чувствительности.

Негатив проявлен. /Все снято на пленка[е] опер. А. Софьина./

27 ноября 1944 г. в г. Люблине предстали перед польским судом 6 убийц – немцев с Майданека.

Сняты следующие эпизоды:

1. Проводка подсудимых по г. Люблину, вылившаяся в демонстрацию народного гнева.

2. Судебный процесс:

а) заседание суда;

б) допрос свидетелей – бывших узников Майданека;

в) речь прокурора;

г) зачитка приговора председателем суда;

д) подсудимые слушают приговор.

3. Приведение приговора в исполнение на Майданеке /3 декабря 1944 г./.

При сем прилагаю фотографии с описанием на обороте /всего 10 штук/.

Снимали – Софьин
Ибрагимов

BC 1641

[*90*]
[*86*]

# "HITLER'S MURDERERS ON TRIAL IN POLAND"

Cameramen: A. SOFIN
D. IBRAGIMOV

Film: SChS-2, 700 meters.
Camera: "Eyemo"

Filmed indoors, with minimal light, and outdoors; the film had an extremely low sensitivity.

Negative has been developed. (All was done with A. Sofin's film.)

On 27 November 1944, 6 German murderers from Majdanek were brought before a Polish tribunal in Lublin.

The following episodes were filmed:

1. The defendants led through Lublin, which ended up in a demonstration of popular anger.

2. The trial:

a) Court hearing.

b) Questioning of witnesses, former detainees of Majdanek.

c) Speech from the Prosecutor.

d) Verdict read by Presiding Judge.

(e) Defendants listening to the verdict.

3. The execution of the sentence at Majdanek (3 December 1944).

Attached are photographs with a description on the reverse (total of 10).

Photographed [*filmed* ?] by Sofin and Ibragimov.

ЛЕНИНГРАД-КИНОХРОНИКА ВС 1319

[*23*]
[20]

Операторы: ИВАНОВ
УЧИТЕЛЬ

ОБ"ЯСНЕНИЕ К СЮЖЕТУ N° …

«ЛАГЕРЬ СМЕРТИ»

---

В 45-ти километрах от города Таллина немцами был организован лагерь для советских граждан, в местечке Клога.

В лагере находилось 650 женщин и 750 мужчин, кроме этого было большое количество детей /Шестьдесят человек детей/.

19 сентября 1944 года, при отходе немецких войск из Эстонии, ими было совершено преступление следующего содержания: рано утром часть лагеря была отправлена в лес. Кроме того, к ним присоединили прибывших из других лагерей 1500 человек. Всех их партиями гнали в лес и сжигали на специальных кострах. Несмотря на желание немцев скрыть свои следы зверского преступления, им это не удалось.

СНЯТО:
---

1. Общие планы лагеря.

2. Барак, в котором расстреляно 200 человек, среди них женщины и дети.

3. Барак, в котором сожжено 700 человек. На месте остались не совсем сгоревшие трупы. Общие, средние и крупные планы.

4. Костры с останками сожженных людей. Из 4-х костров один остался целым и три полусгоревшими. Общие, средние и крупные планы.

5. Площадка для раздевания людей, приговоренных к сожжению.

6. Оставшиеся в живых в лагере – 80 человек. Сняты общие планы. Из них крупно: два брата по 12 лет, Вениамин и Самсон Лаханицкие, Бальбершинский со своим сыном Теодором 14-ти лет, провизор Вилинской аптеки. Кассер Нафталий, 45-ти лет /в очках/. Алийский Лазарь – по специальности адвокат /в комбинезоне/.

7. Эстонский крестьянин Эйге Михаил Петрович из хутора Ранна, спасший 20-летнюю девушку Энну Гренгольд, которую забрал из горящего барака. /Стоят у костра, девушка в полушубке/.

8. Аранцон Абрам показывает у костра, каким образом сжигали людей.

[*См. на обороте*]

LENINGRAD - NEWSREEL BC 1319

[*23*]
[20]
Cameramen: IVANOV
UCHITEL

EXPLANATION REGARDING THE TOPIC N° …

"THE DEATH CAMP"
---

The Germans set up a camp for Soviet citizens 45 kilometres from the city of Tallinn, in a village called Kloga.

There were 650 women and 750 men in the camp, along with many children (sixty of them).

On 19 September 1944, as the German troops were retreating from Estonia, they committed the following crime: early in the morning, part of the camp was sent to the forest. On top of that, 1,500 people from other camps joined them. All were taken to the forest by batches and burned on special pyres. Despite the Germans' desire to hide the traces of this heinous crime, they failed.

WAS FILMED:
---

1. Long shots of the camp.
2. The barrack in which 200 people were shot, including women and children.
3. The barrack in which 700 people were burned. Some not entirely burned corpses were left at the site. Long, medium and close-ups.
4. Pyres with remains of the burned people. Of the 4 pyres, one remains intact and three half-burned. Long, medium and close-ups.
5. A platform to strip people doomed to be burned.
6. Camp Survivors – 80 individuals. Long shots, out of which some close-ups: two brothers, aged 12, Benjamin and Samson Lakhanitskii, Balberyszski (a pharmacist at the Vilno [Vilnius] pharmacy) with his son Theodore, aged 14. Kasser Naftalii, 45 years old (with spectacles). Aliiskii Lazar, a lawyer (wearing overalls).
7. An Estonian peasant, Eige Mikhail Petrovich, from the hamlet of Ranna, who saved the 20-year-old Enna Grängold, whom he rescued from a burning barracks. (They are standing by the fire, the girl in a fur coat).
8. Arantson Abram, by the fire, is showing how people were burned.

[*see overleaf*]

9. Бежавшие в лес и вернувшиеся в лагерь после прихода Красной Армии – Асс, Мотель Наумович, Ванник, Абрам Моисеевич, Беспрозванная Дора. Советские граждане из города Вильно.

10. Прибывшая в лагерь Эстонская комиссия во главе с секретарем ЦК ЭКП(б) т. Каротамми и священником православной церкви – отцом Иоанном Богоявленским.

11. Станок для порки жителей лагеря.

Операторы: Иванов
Учитель

С подлинным верно:

9. Those who fled to the forest and returned to the camp after the Red Army arrived: Ass Motel Naumovich, Vannik Abram Moiseevich, Dora Besprozvannaia. Soviet citizens from the city of Vilno [Vilnius].

10. The Estonian commission that arrived at the camp, headed by the secretary of the ECP(B)* Central Committee, Cde Karotamm and Father Ioann Bogoiavlenskii, an Orthodox Church priest.

11. A facility to whip the camp detainees.

Cameramen: Ivanov
Uchitel

Identical to the original:

* Estonian Comminst Party

[*23/2 – 1944* ??]

ВС 116

[*1*]

# МОНТАЖНОЕ ПОСТРОЕНИЕ СНЯТОГО МАТЕРИАЛА

## «НА КЕРЧЕНСКОМ /ПОЛУОСТРОВЕ/ ПЛАЦДАРМЕ»

Операторы М. ПОЙЧЕНКО
Д. ШОЛОМОВИЧ

С"ёмка материала «На Керченском плацдарме» велась по линии отображения будней Отдельной Приморской армии, подчеркивания специфических особенностей и тех трудностей, которые приходится преодолевать бойцам и командирам армии, а также населению, оставшемуся в этих местах после отступления немцев.

Передний край на этом участке фронта имеет свои особенности.

Бывшие каменоломни, расположенные на окраине г. Керчи, теперь являются естественными блиндажами, в которых и расположились наши войска. Здесь развернули свою работу санчасти полков. Работают кухни, готовят бойцам, находящимся на передовой /катакомбы находятся в 800 мтр от передового края/ – горячий и вкусный обед.

Здесь же нашли себе приют мирные жители, спрятавшиеся в катакомбах от немцев. Бойцы и офицеры живут с ними единой дружной семьей, делясь с ними куском своего хлеба.

Показаны отдельные моменты работы артиллерии, санитарной авиации, работы в порту, жизнь и быт армии.

Показаны отдельные герои – артиллеристы, пехотинцы, летчики.

Снято:

1/ Общие планы катакомб, вдали виден гор. Керчь. Панорама. Видны входы внутрь катакомб. Проходят бойцы. Здесь огневые позиции 120 мм минометов, они ведут огонь по городу.

2/ Вход в катакомбы, куда проносят раненых. Кадр изнутри. На носилках проносят раненых в санчасть, оборудованную в катакомбах. /Санитарная рота 779-го полка 227-й стр. див./ Врач капитан медицинской службы т. КАРАХАЕВ Е.И. и медсестры тт. Титова К.Е. и ОДАРЕНКО А.С. оказывают первую помощь раненому. Круп. и сред. планы. Медсестра т. ОДАРЕНКО А.С. с фонарем обходит раненых. Ср. и кр. планы.

Ст. врач капитан мед. службы тов. Ворона осматривает раненого /раненного в руку/.

Общий план катакомбы, ведущей к выходу. Бойцы проходят с факелами. Длинным рядом спят бойцы, вышедшие из боя. Группа бойцов сидящих у костра.

Уныло играет гармонь.

Крупные и средние планы спящих утомленных бойцов.

Ярко горит «Гильза», вокруг нее бойцы бреют бороды, стригутся.

[*29/2 – 1944* ?]

BC 116

[*1*]

EDITING LINE FOR THE RAW FOOTAGE OF:

"AT THE KERCH (PENINSULA) BRIDGEHEAD"

Cameramen: M. POYCHENKO
D. SHOLOMOVICH

This is the line we were following while filming the “On the Kerch Bridgehead”: to depict the everyday life of the Independent Coastal Army, highlighting the specific characteristics and the difficulties encountered by the soldiers and commanders of the Army, as well as by the civilians remaining in the area after the German retreat.

The frontline in this section of the front has its own characteristics.

The former quarries on the outskirts of Kerch are now natural dug-outs, and that is where our troops are stationed. Here, the regimental medical units are up and running. The kitchens operate, preparing hot and tasty meals for the soldiers on the front line (the catacombs are 800 metres from the front line).

The civilians, hiding in the catacombs from the Germans, have also found shelter here. The soldiers and officers live with them as one close family, sharing with them all food they have.

Our footage shows some moments at work of: the artillery, the air medical service, the port; army life and everyday life.

Additionally, we show individual heroes – gunners, infantrymen, pilots.

Was filmed:

1) Long film shots of the catacombs, with the city of Kerch in the distance. Kerch. Pan shots. You can see the catacombs' entrances. Passing soldiers. The firing positions of the 120-millimeter mortars are here, they're firing at the city.

2) The entrance to the catacombs where the wounded are taken. An indoor scene. The wounded on stretchers, taken to the medical unit, set up in the catacombs (the Medical company of the 779th regiment, 227th infantry division). The physician, Captain of the Medical Corps, Cde E. I. KARAKHAEV, and the nurses, Cdes K. E. Titova and A. S. ODARENKO, providing first aid to a wounded. Close-ups and medium shots. The nurse, Cde A. S. ODARENKO, with a flashlight, is checking on the wounded. Medium and close-ups.

The chief physician, Captain of the Medical Corps, Cde Vorona, is examining a wounded man (in the arm).

A long shot of the catacomb leading to the exit. Soldiers are passing through with torches. A large line of soldiers, sleeping after a battle.

A group of soldiers sitting around a campfire.

The sad sound of harmonica.

Close-ups and medium shots of the sleeping, tired soldiers.

The “Shell”* is burning brightly, and around it men are shaving their beards and getting their hair cut.

* A lamp made from a shell casing, flattened at the end.

Здесь же рядом командир 696 ст. полка 383 дивизии – Герой Сов. Союза гвардии полковник т. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Василий Степ. – ставит задачу командирам подразделений /звание Героя т. Александровский получил за десант в Крым/.

Ср. и крупные планы – командование полка.

Начальник штаба полка подполковник т. АРТЮШЕНКО В.Г. у рации – передает шифровку на Большую землю.

Спят усталые бойцы, а на «кухне» повара подразделений варят пищу.

Частые гости у Василия Степановича – Лена Солдатова /5 лет/ и Коля Ивченко /8 лет/. Они знают, что здесь встретят их с нежностью и заботой.

Ср. и кр. планы полковника, заботливо ухаживающего за ребятами.

Ср. и кр. планы – Лена на руках у полковника кушает бутерброд.

Час раздачи пищи. Бойцы один за другим подходят к котлу. Здесь же получают свою порцию и дети, живущие в катакомбах. Они идут со своими кастрюльками мимо лежащих бойцов, кушая на ходу.

Кр. планы – Виля Лебедева /4-х лет/ и Коля Хрони – получают кашу.

Более 5 месяцев здесь, под землей, в катакомбах, укрывшись от немецкого рабства, проживают мирные жители. 80 семей, ведущих страшный образ жизни, лишенных пищи, света и воздуха. Немцы продолжают вести методически пулеметно-минометный обстрел подступов и подходов к катакомбам. Здесь же под землей вместе с жителями находятся 7 коров /и один теленок/.

В кадре. На первом плане, навалившись на ручку жернова, Лукерья Григорьевна Токарева 56 лет, и девочка Барышкина, 10 л. крутят камень мельницы /муж Лукерьи убит/.

На втором плане крутит камень молодая девушка /21 год/ Лариса Джава и Дуся Геходенко /6 лет/ – это их повседневная работа.

На кровати лежит раненый партизан – Петр Семенович Шатокин. Рядом с ним сидит танкист, оба закуривают.

На кровати лежит Мария Чичкарева, тут же у ее ног завтракают Аня и Коля. В углу за кроватью стоит корова.

Тося Белоненко кормит своего брата 4-х лет.

Общий план катакомбы, заселенной мирными жителями.

Nearby is the commander of the 383rd Division's 696th Regiment, Hero of the Soviet Union, Guards Colonel, Cde Vasilii Stepanovich ALEKSANDROVSKII. He is giving instructions to the commanding officers of the units. Cde Aleksandrovskii received the title of "Hero" for the Crimean Landing Operation.

Medium and close-ups of the regimental command.

Regiment Chief of Staff Lieutenant-Colonel, Cde V. G. ARTIUSHENKO on the radio, transmitting a cipher message to the mainland.

The tired soldiers are asleep, while the units' cooks are preparing food in the "kitchen".

Lena Soldatova (5 years old) and Koia Ivchenko (8 years old) often come to see Vasilii Stepanovich. They know that they are welcome here, with affection and care.

Medium and close-ups: the Colonel is taking care of the kids.

Medium and close-ups: Lena is eating a sandwich, in the Colonel's arms.

Meal time. One by one, the men are approaching the cauldron. The children who live in the catacombs also get their meals here. They are carrying their pots past the soldiers, eating along the way.

Close-ups: Vilia Lebedeva (4 years old) and Kolia Khroni, getting porridge.

Civilians have been living here, underground, in the catacombs, for over 5 months, hiding from German slavery. 80 families, leading an appalling life, deprived of food, light and air. The Germans continue to fire machine guns and mortars methodically in the entrances and approaches to the catacombs. Seven cows and one calf also live there, underground, with the people.

In the frame: in the foreground, Lukeria Grigor'evna Tokareva, 56 years old, and a girl Baryshkina, 10 years old, are turning the millstone with their whole weight on its handles (Lukeria's husband was killed).

In the background, a young girl (21 years old), Larissa Djava and Dusia Gekhodenko (6 years old) are turning the millstone. This is their daily work. on the millstone handle,

Piotr Shatokin, a wounded partisan, is lying on the bed. Next to him is a tanker, sitting; both of them smoking cigarettes.

Maria Chichkareva is lying on the bed, with Ania and Kolia eating breakfast right at her feet. In the corner, behind the bed, a cow.

Tusia Belonenko is feeding her 4-year-old brother.

A long shot of the catacomb, where civilians live.

[*2 ?*]

Блиндаж. Вокруг раскаленной печки сидят греются бойцы – 63 Таманской танковой бригады.

Крупные планы бойцов, сидящих у печки.

Сюда непосредственно на позиции, в блиндажи принес обед повар т. Иванов Григорий Наумович.

Кр. и средний планы бойцов, получающих обед.

Кр. пл. бойцов, кушающих из котелков.

## САНАВИАЦИЯ.

Здесь, на нашем участке фронта, санитарная авиация является главным средством переброски в Крым медикаментов и санимущества и эвакуации раненых на Большую землю, в госпиталь.

Пилоты 3-й эскадрильи, которой командует капитан т. Гендельман, летают в любую погоду, делая в короткий зимний день по 8-10 рейсов, нередко подвергаясь налетам вражеских истребителей. Эти труженики воздуха выполняют поистине героическую работу.

Общие планы посадочной площадки на Керченском полуострове. Здесь, прижавшись к морю, в нескольких километрах от передовой – садятся и взлетают санитарные самолеты.

Один за другим садятся и взлетают самолеты.
Из гондол самолетов выгружают санимущество.
В самолеты погружают раненых.
Ср. и кр. планы, медсестры укутывают раненых и укладывают в гондолы для отправки.

Пилот Катя Краснокутская и медсестра санотдела ГОПЭПа № 209 Надежда Самарина укладывают раненого старшину Ушакова М.А. /34-го Краснознам. истр. противотанк. арт. полка/.

Катя садится в самолет.

Самолет выруливает на старт.

Самолет отрывается от земли и поднимается над проливом.

Самолет летит над проливом, затем пересекает косу Чушку летит над лиманами. Подходит на посадку, садится.

Здесь на аэродроме большое оживление. Раненых разоружают и разносят в санитарные машины.

Майор медицинской службы т. ЗУЛЬФУГАРОВ Г.А. – руководитель воздушной эвакуации раненых. Он беседует с пилотом тов. Василенко И.Г.

Портрет тов. Василенко, дважды орденоносца – налетавшего 4000 часов. Он на 3-х местном самолете нередко перевозит 3 и даже 4-х человек.

Командир эскадрильи капитан т. Гендельман дает указание командиру звена –дважды орденоносцу мл. лейтенанту Абашкину Г.А.

[*2* ?]

A dugout. Soldiers of the 63rd Taman Tank Brigade are warming themselves around a heated stove.

Close-ups of soldiers sitting by the stove.

The cook, Cde Grigorii Naumovich Ivanov, brought food directly to the emplacements, in the dugouts.

Close-ups and medium shots: soldiers receiving the food.

Close-ups and medium shots: soldiers eating from mess tins.

## AIR MEDICAL SERVICE

Here, on our section of the front, Air Medical Service is the main means of transporting medicines and medical appliances to the Crimea, and evacuating the wounded to the mainland, to the military hospital.

The pilots of the 3rd squadron, under the command of Captain Gendelman, fly in all weathers, making 8 to10 flights in a short winter day, often under the attack by the enemy fighters. The work of those air workers is truly heroic.

Long shots of the landing ground on the Kerch Peninsula. Here, nestled against the sea, just a few kilometres from the front line, air ambulances land and take off.

One by one, planes land and take off.

The medical material is discharged from the nacelles of the planes.

The wounded are placed in the planes.

Medium and close-ups: the nurses wrap up the wounded and put them in the nacelles for departure.

The pilot, Kata Krasnokutskaia, and the nurse, Nadezhda Samarina of GOPEP n° 209 [Field Evacuation Point Head Office], are placing the wounded Petty Officer M. A. Ushakov (the 34th Red Banner and Infantry Anti-Tank Artillery Regiment).

Katia's getting onto the plane.

The plane taxis to start.

The plane takes off the ground and rises above the strait.

It flies over the strait, then crosses Chushka Spit, flies over the estuaries. It is ready for landing, then it lands.

Quite an excitement at the airfield. The wounded are disarmed and taken to ambulances.

Major of the Medical Corps, Zulfugarov G. A. is Chief of air evacuation of the wounded. He is talking with a pilot, Cde Vasilenko I. G.

A portrait of Cde Vasilenko; he was decorated twice, and has accomplished 4,000 hours in the air. He often carries 3 or even 4 persons aboard a 3-seater plane.

Squadron commander Capt. G. Gendelman is giving instructions to the two-time decorated flight commander, Lieutenant G. Abashkin.

Самолеты идут в Крым. Летят над проливом над караваном судов, доставляющих боеприпасы и пополнение.

Внизу проходят крутые крымские берега.

Самолет пролетает над причалами, напоминающими муравейник. Так проходят будни летчиков санавиации.

С"ЁМКА В ПОРТУ.

Панорама порта. К причалам пристают груженые баржи и катера.

Идет выгрузка боеприпасов.

На берег катятся вагонетки, несут на плечах ящики с минами.

Машина, груженная боеприпасами, уходит на позиции.

Там, где не проходит автотранспорт, боеприпасы доставляются на ишаках.

АРТИЛЛЕРИЯ.

Батарея мл. лейт. тов. Чернова А.Д. ведет огонь прямой наводкой по городу /батарея 966-го арт. полка/.

203 мм пушка ведет огонь по укреплениям немцев.

Отдельные кадры дневных и ночных залпов.

КОМАНДОВАНИЕ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ.

Маршал Советского Союза Кл**е**[и]мент Ефремович Ворошилов беседует с командующим армией генералом армии тов. Петровым Иваном Ефимовичем, командующим Азовской флотилией контр-адмиралом т. Холостяковым и другими.

ПЛЕННЫЕ.

Немцы, взятые в плен под Керчью. Их вид говорит сам за себя.

Общие, средние и крупные планы – проходы пленных.

Кр. пл. /стоят/ солдаты 288 стр. полка 98 стр. дивизии Бенедикт Эрхарт, обер-ефрейтор Эрвин Нитшке, солдат-гренадер Пауль Никко и обер-ефрейтор Себастьян Баухгер.

Кинооператоры Пойченко
Шоломович

29/II-1944 г.
Отдельная Приморская армия
Снято – 1510 метров
Пленка – СЧС-4, СЧС-2, СЧС-1, панхром, «Дюпон», инфрахром. Натура солнце, пасмурно.

верно:

Planes are en route for Crimea. Hovering over the strait, above a caravan of ships carrying ammunition and reinforcements.

The precipitous coast of Crimea passes below.

The plane flies over the quays, resembling an anthill. It is a day-to-day routine for Air Medical pilots.

FILMING THE PORT.

A pan shot of the port. Laden barges and boats are docked at the quays.

The ammunition is being unloaded.

Trolleys rolling on the ground, men carrying boxes with landmines on their shoulders.

A vehicle full of ammunition is leaving for the positions.

The ammunition is delivered by donkeys where the vehicles cannot go.

ARTILLERY.

Junior Lieutenant A.D. Chernov's battery is making a direct targeting on the city (the battery of the 966th Artillery Regiment).

The 203 mm cannon is firing at German fortifications.

Separate scenes of day and night volleys.

COMMAND OF THE COASTAL ARMY.

Marshal of the Soviet Union Kliment Efremovich Voroshilov is speaking to the army commander, Army General, Cde Ivan Efimovich Petrov, to the commander of the Azov Flotilla, Rear Admiral, Cde T. Kholostiakov and others.

POWS.

The Germans captured near Kerch. The way they look says it all.

Long, medium and close-ups: the passage of captives.

Close-ups (standing) – soldiers of the 288th regiment's 98th division: Benedict Ehrhart, Corporal Ervin Nitschke, Grenadier-Private* Paul Nikko and Corporal Sebastian Bauchger.

Cameramen POYCHENKO

SHOLOMOVICH

29/2/1944

* perhaps – *Panzergrenadier*

The Independent Maritime Army
Footage: 1,510 meters.
Film: SChS-4, SChS-2, SChS-1, Panchrome, “Dupont”, Infrachrome.
Outdoors. Sunny, overcast.

Valid:

[*6025, 6026*]

ВС 566, 567, 568
[*10*]
[*23*]

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

## сюжета «УМЕРЩВЛЕНИЕ БОЛЬНЫХ»

В городе Винница на берегу Буга находилась старейшая на Украине психиатрическая больница. До занятия города Винницы немецкими войсками, в Винницкой п/больнице находилось на излечении до двух тысяч психических больных. В момент занятия немцами города Винницы, больница располагала большими запасами продуктов питания и, несмотря на это, немецкие оккупационные власти установили такую низкую норму питания для психических больных, которая влекла за собой резкое истощение и голодную смерть.

Немецкие оккупационные власти, не ограничиваясь установленным голодным режимом для больных, произвели массовое умерщвление больных, путем расстрела осенью 1941 г. и отравлением зимой и весной 1942 г. После того, как б-ца была расформирована, здание были использовано немцами под санаторий и казино «Вальдгар», для офицеров ставки Гитлера, прибывший в то время в г. Винницу.

29-го апреля 1944 г. Винницкая городская комиссия по учёту ущерба принесенного немецко-фашистскими захватчиками, произвела на территории психиатрической больницы эксгумацию и вскрытие трупов психических больных, находившихся на излечении в момент оккупации немцами г. Винница.

В кадрах:

1/ Общ. пл. Река Буг

2/ Общ. пл. больницы

3/ Общ. и ср. планы Роща, где захоронены умерщвленные больные

4/ Общ. пл. Вскрытие могил.

5/ Ср. пл. –"–

6/ Ср. пл. Комиссия по расследованию

7/ Кр. планы: представитель чрезвычайной государств. комиссии т. МАКАРОВ Владимир Николаевич /в шинели и серой ушанке/.

8/ Кр. пл. Армейский судебно-медицинский эксперт т. КОПЕЛОВИЧ Галина Михайловна /в белом халате/.

9/ Кр. пл. Протоиерей Винницкой Замостьянской церкви ЛОПУХОВ Михаил Игнатьевич /в очках и ушанке/.

10/ ВАКУЛЕНКО Николай Иванович – зав. кафедрой патологической анатомии Винницкого мединститута /в шляпе/

11/ Кр. пл.: КАЛАШНИКОВ Григорий Филиппович секретарь Горисполкома г. Винницы /в кепи и пальто/

12/ Кр. пл. Зам Завгорздравом т. ЩАВИНСКИЙ Мечислав Мечислав. /в серый кепи без пальто/.

[*6095, 6096*]

BC 566, 567, 568
[*10*]
[*23*]

CAPTION SHEET
For: “KILLING THE SICK”

Vinnitsa, on the shores of the Bug River, had the oldest psychiatric hospital in Ukraine. Before the German occupation of Vinnitsa, up to 2,000 psychiatric patients were treated in this hospital. At the start of the German occupation, the hospital had a large supply of food, but despite this, the German occupying authorities had set such a low ration for mental patients that it had caused a drastic cachexia and death by starvation.

The German occupying authorities did not limit themselves to establishing a starvation regime for the sick; they carried out mass exterminations of the patients by shooting in the autumn of 1941, and by poisoning in the winter and spring of 1942. After the hospital was disbanded, the building was used by the Germans as a sanatorium as well as casino “Valdgar” – for the officers of Hitler's staff who arrived in Vinnitsa at that time.

On 29 April 1944, the Vinnitsa City Commission for recording the damage caused by the German fascist invaders, exhumed and autopsied the corpses on the psychiatric hospital grounds; these were the corpses of mental patients who were undergoing a treatment at the time of the German invasion of Vinnitsa.

In the footage:

1/ Long shots: the River Bug.

2/ Long shots: the Hospital Square.

3/ Long and medium shots: the grove where the murdered patients were buried.

4/ Long shots: the exhumation.

5/ Medium shots: the exhumation.

6/ Medium shots: the Investigative Commission.

7/ Close-ups: the Extraordinary State Commission representative, Cde Makarov Vladimir Nikolaevich (wearing an army overcoat and a grey cap with ear-flaps).

8/ Close-ups: the Army Forensic expert, Cde KOPELOVICH Galina Mikhailovna (in a white coat).

9/ Close-ups: Archpriest Mikhail Ignat'evich LOPUKHOV, of the Vinnitsa Zamostianskaia Church (spectacles and a cap with ear-flaps).

10/ VAKULENKO Nikolai Ivanovich, Head of the Pathologic Anatomy dept., of the Vinnitsa Medical Institute (wearing a hat).

11/ Close-ups: KALASHNIKOV Grigorii Filippovich, Secretary of the Vinnitsa City Executive Committee (a kepi and a coat).

12/ Close-ups: Deputy Head of the City Health Department, Cde Shchavinskii Mechislav Mechislavovich (wearing a grey kepi, without a coat).

13/ Ср. пл. приносят труп кладут на стол

14/ Ср. пл. вскрытие трупа. Вскрытие делает армейский судебно-медицинский эксперт т. КОПЕЛОВИЧ

15/ Ср. пл. подходит заведующий кафедрой патологическ. анатомии. Эксперт показывает сердце на котором видно кровоизлияние.

16/ Кр. пл. сердце

17/ Кр. пл. протоиерей ведёт запись

18/ Ср. пл. Эксперт берёт жидкость мозга и наливает в банку для химического исследования

19/ Кр. пл. кладёт в банку сердце

20/ Общ. пл. место, где немцы захоронили расстрелянных больных и потом устроили там свалку для мусора.

21/ Кр. пл. показывает место где закопанные расстрелянные т. КОЛЕСНИК, могильщик б-цы

22/ Ср. и кр. пл. мусор

/ЦЫТРОН/

Р.С. Без разрешения Чрезвычайной Государственной Комиссии материал не использовать.

13/ Medium shot: a corpse is brought in and placed on the table.

14/ Medium shot: the autopsy, carried out by the Army Forensic expert, Cde KOPELOVICH.

15/ Medium shot: the Head of the Pathologic Anatomy dept. approaches. The expert shows the heart, with a haemorrhage.

16/ Close-up: the heart.

17/ Close-up: the Archpriest takes notes.

18/ Medium shot: the expert takes the cerebral liquid and pours it into a jar for a chemical examination.

19/ Close-up: he places the heart in the jar.

20/ Long shot: the site where the Germans buried the executed patients, then set up a rubbish dump there.

21/ Close-up: Cde KOLESNIK, gravedigger of the hospital, shows the site where the shot patients were buried.

22/ Medium and close-up: the rubbish.

(TSITRON)

P.S. No material may be used without the permission of the Extraordinary State Commission.

[*10.V.44*] ВС 576, 578
[*78*]

3-ий Украинский фронт для СКЖ и фильма «Украина»

Операторы: С. Коган
А. Сологубов

# ПОХОРОНЫ РАССТРЕЛЯННЫХ ГИТЛЕРОВЦАМИ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В ОДЕССЕ

Во время хозяйничанья в г. Одессе немецко-румынских захватчиков было замучено, повешено и расстреляно больше ста тысяч мирных граждан: мужчин, женщин и детей.

В течение 8 и 9 мая с.г. в разных частях города производились раскопки, где были обнаружены тысячи замученных и расстрелянных мирных жителей.

Нами снято одно из мест, где производились раскопки /район стрельбищного поля/.

СНЯТО:

1. Общ., средние планы места раскопок, лежащих трупов. Жители Одессы опознают погибших близких и родных.

2. Ср. и крупн. планы: у трупа расстрелянного рабочего Одесского порта Беляева Павла /37 лет/ склонилась его жена Феодосия и дочь Лида /13 лет/. Лида снята также слушающая на митинге. – Оператор Сологубов.

3. Ср. и крупн. планы: у трупа Г.Н. Герасимова /1919 г. рожд./, токаря з-да № 2, склонилась его жена Дубенная В.А. и мать – Герасимова Е.К. /склонилась у гроба/.

Операторы Коган, Сологубов.

4. У трупа мужа ЕМУРЖЕВСКОГО Н.Р. (39 лет) его жена Анна Ивановна /сидит на земле, на коленях сумка/.

Операторы Сологубов, Коган

5. Гражд. Вольсами у трупов брата, сестры, дяди и шурина /на коленях, в руках продуктовая сумка/. Опер. Коган, Сологубов.

6. Она же стоит, обхватив дерево, плачет. Оператор Коган.

7. Общ., средн., крупн. планы митинга. Оператор Сологубов.

8. Кр. планы выступающих:

а) Председ. Ильичевского райисполкома депутатов трудящихся г. Одессы т. СВЯТЕНКО К.Т.

б) Член Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств, совершенных немецко-румынскими оккупантами – Протоиерей Одесской православной церкви Василий Иванович Брага /отец Василий/. Оператор Коган.

9. Общ. планы: засыпка могилы. Примечание: самый момент опускания трупов в могилу не показан, т.к. их хоронили без гробов.

10. Общ., средн. планы: могила.

11. Крупно: надпись на могиле.

---

Всего снято 240 метров. 1. Оператор Коган, 120 м, пл. СЧС-2, эм. № 54, панхром, эм. № 2334 – 4 куска.

2. Оператор Сологубов, 120 м, пленка СЧС-2, эм. № 38 – 4 куска.

Снято при разном освещении /солнце, пасмурно/

С"ёмка производилась 9-го мая 1944 г.

10/У-44 г.

Операторы: / Коган/
/Сологубов/

[*10.V.44*] BC 576, 578
[*78*]

The Third Ukrainian Front For SKZh [Newsreel]* and the film “Ukraine”

Cameramen: S. Kogan
A. Sologubov

FUNERAL OF ODESSA CIVILIANS SHOT BY HITLERITES

During the German-Romanian occupation of Odessa, over a hundred thousand civilians – men, women and children – were tormented to death, hanged and shot.

On 8 and 9 May this year, excavations were carried out in various parts of the city where thousands of civilians were found tortured and shot.

We have filmed one of the excavation sites (around the shooting-ground).

WAS FILMED:

1. Long and medium shots: excavation site, dead bodies lying on the ground. The residents of Odessa are identifying their loved ones.

2. Medium and close-ups: by the body of an Odessa harbour worker who was shot, Pavel Beliaev (37 years old), is his wife Feodosia and his daughter Lida (13 years old). Lida is also filmed listening at the mass-meeting. – Cameraman Sologubov.

3. Medium and close-ups: by the body of G. N. Gerasimov (b. in 1919), turner at Plant n° 2, is his wife, Dubennaia V. A. and his mother, Gerasimova E. K. (leaning over the coffin). Cameramen Kogan, Sologubov

4. By the body of EMURZHEVSKII N. R. (aged 39) is his wife, Anna Ivanovna (sitting on the ground, bag on her lap). Cameramen Sologubov, Kogan.

5. Citizen Volsami by the bodies of her brother, sister, uncle and brother-in-law (kneeling, holding a grocery bag). Cameramen Kogan, Sologubov.

6. The same woman, again – standing, hugging a tree, crying. Cameraman Kogan.

7. Long, medium and close-ups of the meeting. Cameraman Sologubov.

8. Close-ups of speakers:

a) Chairman of the Il'ichevsk District Executive Committee of Odessa’s Workers’ Deputies, Cde SVIATENKO K.T.

b) Member of the Extraordinary Commission of Inquiry on the atrocities committed by the German and Romanian occupiers – Archpriest Vasilii Ivanovich Braga of the Odessa Orthodox Church (Father Vasilii). Cameraman Kogan.

9. Long shots: infilling the grave. Note: The very moment of lowering the corpses into the grave is not shown, as they were buried without coffins.

10. Long, medium shots: the tomb.

11. Close-up: inscription on the tomb.

---

A total of 240 metres. 1. Cameraman Kogan: 120 m, film SChS-2, em. n°. 54; panchrome, em. n°. 2334 – 4 strips.

2. Cameraman Sologubov: 120 m, film SChS-2, em. n°. 38 – 4 strips.

Filmed under different light conditions (sunny, cloudy), on 9 May 1944.

10/5/1944. Cameramen:

/Kogan/

/Sologubov/

* «Союзкиножурнал», the *UnionNewsreel*, 1941-44.

[*подпись* ?] ВС 1639

[*7543*]
[*131*]

Оператор Марченко
г. Рига

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

«САЛАСПИЛС»
/концентрационный лагерь/

В 15 км от г. Риги был расположен богатейший парк, в центре которого находился замок рыцарских времен. Немцы не случайно выбрали место для «фабрики смерти» «Саласпилс» /в переводе это Островной Замок/. По Двине и шоссейной дороге сюда доставлялись тысячи мирных жителей, которые никогда уже отсюда не уезжали.

Огромная территория была обнесена 3-4-х ярусными проволочными заграждениями, внутри которых были выстроены бараки. Их ровно столько сколько нужно, чтобы вместить до 10 тысяч человек. Из бывшего парка осталась только одна аллея – «Аллея Смерти», по этой тенистой дороге проходила узкоколейка, и далее стрелки уводили пути по квадратам бывшего парка. Более 15 га было полностью механизировано.

Расстрелянных, измученных, повешенных не носили – их развозили по квадратам и сваливали в огромные продольные рвы.

В этот район категорически запрещалось входить, так гласит надпись на немецком и русском языках.

Материал снят в лагере Саласпилсе.

Оператор Марченко

Возможно, много будет не в фокусе, – обнаружен дефект в аппарате, аппарат в ремонте, о чем сообщено телеграммой.

[*signature* ?] BC 1639

[*7543*]
[*131*]

Cameraman: Marchenko
Riga

CAPTION SHEET

"SALASPILS"
(Concentration camp)

At 15km from Riga there was an abundant park from the time of chivalry, with a castle in the center. The Germans did not choose the location for the "Death factory 'Salaspils'" (which means 'Island Castle') by chance. Thousands of civilians were brought here by the Dvina River and the motorway; they never left.

The vast area was surrounded by fences on three or four levels, and barracks were built within.

There are exactly enough barracks for as many as 10,000 people. Only one alley – the "Death Alley", remains of the former park; a narrow-gauge railway ran along this shady road, and further arrows took the tracks through the squares of the former park. Over 15 hectares have been completely mechanised.

People – the gunned, the exhausted, the hanged were not carried but driven to squares and piled into huge longitudinal ditches.

It was strictly prohibited to enter the area, a sign in German and Russian tells us so.

The footage was taken at the Salaspils camp.

Cameraman Marchenko

Much of the footage might be out of focus, a camera malfunction has been detected; it is being repaired now, as indicated by the telegram sent.

ВС 174

[*23*]

Киногруппа 1-го Украинск. фронта

Оператор Павлов А.

# Монтажный лист

## ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В ОСВЕНЦИМЕ

180 мтр.

Мною снято:

1. лагерь заключённых Биркенау /возле Освенцима/ с воздуха

2. Химический завод, построенный руками заключенных с воздуха

3. Общие планы лагеря в Биркенау

4. Трупы умерших от голода и болезней заключённых, валяющихся на территории лагеря в Биркенау

5. Около одной из печей в Биркенау нашему бойцу рассказывает об ужасах Биркенау югослав Милан Штембаль, ему 22 года [?0] месяцев он провёл в 8 различных лагерях Европы /Милан в очках и арестантской шапке/. Женщина – югославка из Триеста – Эмилия де Санте

   вторая женщина /меньше ростом/ итальянка Норма Тревижан из г. Поля.

6. Рядом с лагерем в Биркенау гитлеровцы подвели ж.д. ветку по ней прибывали составы смертников – пища для крематориев Освенцима
   Сейчас на ней стоят вагоны с одеждой и обувью сожжённых. Немцы не успели прицепить их паровозу и увезти.

7. Из лагеря выходит группа русских женщин, находившихся в заключении в лагере Биркенау.

   Снята крупно:
   1. Каболесь Мария Дмитриевна /в капюшоне/ из Воронежа
   2. Ружить Милка из Югославии /одета – 2 платка/ заключена в лагерь за то, что муж был партизаном
   3. Авилина Степанида Ануфриевна возраст – 73 г. из Витеб-

*BC 174*

[*23*]

The film crew of the First Ukrainian Front

Cameraman: Pavlov A.

# Caption sheet

## DEATH CAMP AT AUSCWITZ.

180 meters

I filmed it as follows:

1. Birkenau camp (near Auschwitz), from the air.

2. A chemical plant built by prisoners, from the air.

3. Long photographs of the Birkenau camp.

4. Bodies of prisoners, died of starvation and disease, lying on the Birkenau grounds.

5. Near a furnace at Birkenau, a Yugoslav, Milan Shtembal, 22 years old, [40?] months in 8 different camps across Europe, is telling one of our soldiers about the horrors of Birkenau (Milan is wearing glasses and a prisoner's hat). A Yugoslavian woman, from Trieste, is Emilia de Sante.

The second woman (the shorter one), an Italian, Norma Trevijan, from Paul.

6. Next to the Birkenau camp, the Hitlerites built a railway line so that the trains could bring those who were destined to die – food for the Auschwitz crematoria.

Now there are wagons with clothes and shoes of the burnt people. The Germans didn't have time to hitch them to a locomotive and take them away.

7. A group of Russian women, imprisoned at Birkenau, is emerging from the camp.

Close-ups:

1. Kaboles' Maria Dmitrievna (with a hood), from Voronezh.

2. Ružić Milka, from Yugoslavia (2 headscarves), taken to the camp because her husband was a partisan.

3. Avilina Stepanida Anufrievna, 73 years old, from Vitebsk,

[*24*]

ска, заключена была вместе с дочкой, судьба которой неизвестна /старуха самая старая из всех снятых/

4. Шилина Екатерина Ивановна из города Витебска была отправлена с сыном 12 лет за то, что муж был партизан. Сына отправили в другой лагерь, судьба его неизвестна /женщина со вставными зубами/.

Мною снят с воздуха также город Катовице, взятие которого я снимал совместно с оператором Сущинским.

Оператор /Павлов/

8.II-45

was imprisoned with her daughter, whose fate is unknown (the old woman is the oldest of all those filmed).

as her ,was taken away with her 12-year-old son ,from Vitebsk ,Shilina Ekaterina Ivanovna .4 his fate is unknown (the woman ,Her son was sent to another camp .husband was a partisan with false teeth)

I have also made aerial shots of the city of Katowicze, the capture of which was filmed together with the cameraman Suschinskii.

Cameraman Pavlov

8/2/1945.

[*4581*]

ВС 1257

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ Оператор Ефимов
240 метров

ПОЛТАВА ОСВОБОЖДЕНА [*6043*]

Из-за недостатка плёнки приходилось снимать мало и сжато:
Съёмка исторических мест не интересна, так как там не было разрушений/.

СНЯТО:

1. Областной городской музей на музейной улице. Музей при отступлении немцев был подожен.

В музей были брошены 5 мужчин и 3 женщины – они сгорели. Вытащенные трупы, осматриваются горожанами.
Из музейного подвала, где ещё виднеется пламя сотрудники САМУЙЛО и ЛАКМАНИЗОВА вытаскивают разбитые музейные ценности

2. Городская баня на Дворянской ул. /……../

Немцы подожгли её. В бане жена Серафима ГЕВЧЕНКО укладывает в гроб своего мужа Савелия ГЕВЧЕНКО, 59 лет /сапожник/, он был сожжен с другими 8-ю стариками в этой же бане немцами при отступлении.

3. Горит 26-я мельница по …….. ул. [им.] Кропорушко.

горят куча проса.

4. Горит маслозавод N° 15.

5. Чутовские крестьяне бывшие в оккупации возвращаются к себе домой. Они проходят с возами по улице города.

6. Разрушенный и сожжённый клуб Карла Маркса /дом с колоннами/

7. Сожжённый педагогический институт /на Контрожуне/

8. Улица Ленина /2 плана/ с просветами на асфальте от оконных проёмов.

9. На улице Гоголя драматический гос. театр сожжён и разрушен. Внешний вид /два плана/ Внутренний – видно партер, балконы и сцену.

10. Музей домик Короленко на улице Короленко сожжен до тла.

11. Дом Панаса Мирного /ГУДЧЕНКО/ где он родился и жил на ул. Короленко сожжен до тла /жёлтый дом над входом вывеска/

12. У церкви Петра 1-го идёт панихида жертв немецких зверств. Священник отпевает три сожжённых трупа.

13. В корпусном саду где стоит обелиск горожане, бойцы и командиры беседуют с горожанами.

14. Генерал-майор ТАРАНЕНКО /зам комиссара возд. армии фронта/ слева и генерал-майор Гуденко жители преподносят цветы.

[*4581*]

BC 1257

CAPTION SHEET Cameraman: Efimov
240 meters

POLTAVA LIBERATED [*6043*]

Due to the lack of film stock we had to film little and concisely:
The historical sites' filming is not interesting as there is no destruction/.

FILMED:

1. The Regional City museum on Museum Street. The museum was set ablaze during the German retreat.

5 men and 3 women were thrown into the museum – they were burned.

The pulled out corpses are being examined by the locals.

Employees SAMUILO and LAKMANIZOVA are pulling out the broken museum valuables from the museum basement, where flames can still be seen.

2. City bathhouse on Dvorianskaia Street /...../.

The Germans had set it on fire. Inside the bathhouse, Serafima GEVCHENKO, the wife, is laying into a coffin her husband Savelii GEVCHENKO, aged 59 /a shoemaker/; he was burnt together with 8 other old men in the same bathhouse, by the Germans, during their retreat.

3. Mill 26 on ..... Kroporushko Street is on fire.

A pile of millet is burning.

4. Butter factory N° 15 is on fire.

5. The peasants of Chutovo, who had been under occupation, are returning to their homes. They are walking down the city street with their wagons.

6. The destroyed and burned down Karl Marx Club /the house with columns/.

7. The burned down Pedagogical institute /on Controzhun [contre-jour]/

8. Lenin Street /2 film shots/ with gleams on the pavement from window openings.

9. The Drama State theatre on Gogol Street is burned down and destroyed. Exterior view /two film shots/ Interior – one can see the stalls, the balconies and the stage.

10. Korolenko's home-museum on Korolenko Street is burnt to the ground.

11. Panas Mirnyi's house /GUDCHENKO/, where he was born and lived, on Korolenko St., is burned to the ground /the yellow house, with a sign above the entrance/

12. A memorial service for the victims of German atrocities is taking place at the Church of Peter the Great. A priest is saying funeral prayers for the three burnt corpses.

13. In Corpus Park, where the obelisk is located, soldiers and commanders are talking to the locals.

14. Major-General TARANENKO / Deputy Commissar of the Air Forces Front /on the left, and Major-General Gudenko; the local people are giving flowers.

Монтажный лист

к киносъёмкам, произведённым в Орджоникидзевском районе города Керчи, в посёлке Камыш-Бурун с 29 января по 7 февраля 1942 года кино-бригадой из сектора хроники Тбилисской кино-студии: режиссёра ЧАГУНАВА Ш.Т., оператора АДЖИБЕГИШВИЛИ А.Н., ассистента оператора ДЕКАНОСИДЗЕ О.К. При старшем политруке Политуправления крымского фронта МОИСЕЕВЕ П.Н.

Примерный метраж 490 метров

СЛЕДЫ ФАШИСТСКИХ ЗЛОДЕЯНИЙ В КАМЫШ-БУРУНЕ

В ныне освобождён частями Красной армии от немецких захватчиков в рабочем районе Камыш-Буруне полтора месяца хозяйничали немцы. Бандиты врывались в квартиры рабочих, грабили, истязали, расстреливали мужчин, женщин и детей. Они издевались над советской культуры. Клуб, больницу, школу и детские ясли они разрушили, загадили, превратили в конюшню для лошадей.

Сняты следующие кадры: общий вид посёлка Камыш-Бурун, полуразрушенный клуб им. Серго Орджоникидзе. Общий план здания школы им. Орджоникидзе. Из здания школы красноармейцы выводят трофейных немецких лошадей. Снят армейский комендант старший лейтенант Елизбарашвили /в телогрейке/.

Трофейная большая пушка, оставленная немцами при бегстве. Осмотр пушки группой красноармейцев.

По посёлку «Самострой» проходят: [*т. Долина*] комендант Камыш-Буруна и бывший партизан, заместитель председателя райсовета т. ШУЛЬГИН Захар Денисович, комендант т. ДОЛИНА с ручным пулемётом на спине. Они подходят к дому рабочего КОБЕЦА, убитого немцами. Семья Кобеца потеряла пятерых мужчин. Жена убитого Михаила Кобеца 52 летняя Зинаида Евгеньевна рассказывает пришедшим о зверствах немецких захватчиков.

Рядом с т. Долиной стоит Зинаида Евгеньевна. Она держит на руках осиротевшего внучку. Справа от неё стоит Вера Токарева – её дочь, которая также осталось с четырьмя осиротевшими детьми.

CAPTION SHEET

to the filming, made in Ordzhonikidze district of Kerch, in the village of Kamysh-Burun, from January 29 to February 7, 1942, by the Tbilisi Film Studio newsreel department crew: Film director Chagunava Sh.T., cameraman Adzhibegishvili A.N., assistant cameraman Dekanosidze O.K., and the Crimean Front Political Department's Senior political officer Moiseev P.N.

Approximate footage 490 meters.

TRACES OF FASCIST ATROCITIES IN KAMYSH-BURUN

In the now liberated by the Red Army units from the German invaders Kamysh-Burun's working sector, the Germans were the masters for a month and a half. These bandits broke into workers' apartments, robbed, tortured and shot men, women and children. They mocked the Soviet culture. They destroyed and fouled the clubhouse, the hospital, the school and the nursery, and turned it into a horse stable.

The following footage was filmed: A general view of the village of Kamysh-Burun, the half-destroyed club named after Sergo Ordzhonikidze. A general film shot of the school building named after Ordzhonikidze. Soldiers leading the left behind German horses out of the school building. The army commandant, Senior Lieutenant Elizbarashvili /wearing a padded jacket/ is filmed.

A large cannon left behind by the fleeing Germans. A group of Red Army soldiers examining the cannon.

The village of Samostroi is visited by: [*Cde. Dolina*] The Commandant of Kamysh-Burun and a former partisan, deputy chairman of the district council Cde. SHULGIN Zakhar Denisovich, the Commandant Cde. DOLINA, an automatic rifle on her back. They are approaching the house of the worker Kobets, killed by the Germans. Kobets' family has lost five men. Zinaida Evgen'evna, age 52, the wife of the murdered Mikhail Kobets, is telling them about the German occupants' atrocities.

Zinaida Evgen'evna is standing next to Cde. Dolina. She is holding an orphaned granddaughter in her arms. To her right is Vera Tokareva, her daughter, who is also left with four orphaned children.

Вправо от Веры ее сестра Фаина, жена убитого немцами Николая Тихоновича Лемещенко. Тов. Шульгин ведет запись в блокноте.
На собрании населения поселка был составлен акт о немецких зверствах. Присутствуют только одни женщины. Среди них всего трое мужчин, оставшихся в живых: 63-летний старик Токарев Григорий Петрович (в ушанке), рядом стоит 14-летний подросток с перевязанной рукой ГАЗИЕВ.
Всего в поселке было расстреляно 350 человек. За столом стоят члены комиссии: т.т. ШУЛЬГИН, ДОЛИНА, АЛЬШЕВСКАЯ и бывший партизан, ныне секретарь райкома ВКП(б) т. КУРТИХАНОВ.
После слов товарища ШУЛЬГИНА, читает текст акта тов. ДОЛИНА. Среди слушающих, АЛЬШЕВСКАЯ Анастасия Ивановна, потерявшая мужа. Она стоит рядом с КУРТИХАНОВЫМ (с банкой в руках) и плачет (*Копия акта при сём прилагается*.)

## ПАРТИЗАНЫ ВОССТАНАВЛИВАЮТ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ

В Камыш-Буруне фашисты разрушили железнодорожный парк и частично путевое хозяйство. После освобождения поселка от немецких захватчиков, в депо Камыш-Бурун доставлено 9 паровозов и 123 вагона. Восстановлено также всевозможное механическое оборудование, паровые краны и станционно-маневровые пути.
В ночь с 1 го на 2 января 1942 года партизан тов. ЕМЕЛИН Александр Иванович получил задание отправить первый поезд.
Тов. Емелин, ныне комиссар Камыш-Бурунской ветки Сталинской железной дороги. Партизан тов. АСАНОВ Мустафа. Машинист тов. (*нрзб*) и машинист ГАЛАГАНЕНКО организовали и повели первый партизанский поезд от ст. Камыш-Бурун до станции Салын.
Сняты следующие кадры: Камыш-бурунское депо. На его фоне идет поезд. Ремонт паровозов. Комплексная бригада мастера КАЗАНСКОГО Валентина Владимировича чинит

To the right of Vera is her sister Faina, wife of Nikolai Tikhonovich Lemeshchenko, killed by the Germans. Cde Shul'gin is making notes in a notebook.

A statement of German atrocities was drawn up at this village meeting. Only women are present. There are only three surviving men among them: an elderly, Tokarev Grigory Petrovich, 68 years old (wearing a cap with earflaps), a 14-year-old teenager with a bandaged hand, GAZIEV, is standing nearby.

A total of 350 people were shot in the village. The members of the commission are gathered around the table: Cdes SHUL'GIN, DOLINA, AL'SHEVSKAIA and a former partisan, today secretary of the District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Cde KURDIKHANOV.

Following the address by Cde Shulgin, Cde DOLINA reads the text of the Statement. Amongst the listeners, Anastasia Ivanovna ALSHEVSKAIA, who lost her husband. She is standing next to KURDIKHANOV and weeping (with a jar in her hands). (*A copy of the Statement is attached*).

## PARTISANS ARE RESTORING THE RAILWAY

In Kamysh-Burun the fascists destroyed the railway park as well as, partially, the track facilities. Following the liberation of the village from the German invaders, 9 locomotives and 123 carriages were delivered to the Kamysh-Burun depot. In addition, all kinds of mechanical equipment, steam cranes and yards have been restored.

On the night of 1 to 2 January 1942, Cde Alexandr Ivanovich IEMELIN, a partisan, received the task to send the first train.

Cde Iemelin is now the commissar of the Kamysh-Burun branch of the Stalin Railway. Cde Mustafa ASANOV, a partisan. A foot-plateman, Cde [?] and a foot-plateman, Galaganenko, organized and drove the first partisan train from Kamysh-Burun station to Salyn station.

We have the following footage: the Kamysh-Burun depot. A train is running in the background. Locomotives are being repaired. The foreman Valentin Vladimirovich KAZANSKII’s integrated team is repairing

паровоз. Мастер тов. КАЗАНСКИЙ подходит к слесарю ШОРИНУ (Казанский в кепке, Шорин в ушанке).

Текстовой материал.

Мастер Казанский с 1 по 24 января 1942 года выпустил и восстановил 9 паровозов, а тов. ШОРИН лично отремонтировал три паровоза. Электросварщик тов. НЕФЕДОВ Илья Сергеевич заваривает тендерный бак, пробитый пулями.
За паровоз заходят тов. (*нрзб*) АСАНОВ, РЕНЕВСКИЙ И ГАЛАГАНЕНКО. Они проверяют состояние паровоза. Тов. Реневский (в зимнем штатском пальто). Тов. Галаганенко (с маленькими усами). Тов. Асанов (в военной шинели с винтовкой). Они поднимаются на паровоз. Паровоз трогается с места и уходит.

## ДОБЛЕСТНЫЕ ЗЕНИТЧИКИ

Генерал-майор начальник противовоздушной обороны Крымского фронта тов. ТЫСИН Ян Августович и старший батальонный комиссар военный комиссар противовоздушной обороны Крымского фронта тов. ЗУБ Иван Григорьевич подходят к зенитной батарее. Комиссар зенитной батареи политрук тов. МАТЕУШЕВ докладывает им о готовности к стрельбе.
Генерал-майор подходит к телефону и дает команду. Из блиндажа выбегают бойцы. Они начинают наводить цель. Дальномерщик определяет высоту. Снят крупно наводчик зенитной пушки тов. МЕДЕНОВ Сарсембай.

За проявленное во время последних боев с воздушными налетчиками исключительное умение красноармеец наводчик тов. МЕДЕНОВ представлен к правительственной награде.
Бойцы кладут снаряды. Батарея готова к стрельбе.

- *Ряд кадров разрушений, произведенных немцами в гор. Керчи.*

КИНОРЕЖИССЕР [*подпись]* /Ш. ЧАГУНАВА/

КИНООПЕРАТОР [*подпись]* /А. АДЖИБЕГАШВИЛИ/

8 февраля 1942 г.

a steam locomotive. The foreman, Cde Kazanskii, is approaching the locksmith, Shorin (Kazanskii with a cap, Shorin with a cap with earflaps).

For the Text:

The foreman, Kazanskii, released and restored 9 steam locomotives between January 1–24 1942, and Cde SHORIN personally repaired 3 steam locomotives. The electric welder Cde Il'ia Sergeevich NEFEDOV is weldering the tank that was punctured by bullets.

Cdes [?] ASANOV, RENEVSKII and GALAGANENKO are behind the locomotive. They are checking its condition. Cde Renevskii (in a winter overcoat). Cde Galaganenko (with a small mustache). Cde Asanov (in a military overcoat, with a rifle). They're boarding the locomotive. The locomotive starts moving and departs.

## THE VALIANT ANTI-AIRCRAFT GUNNERS

Major-General of the Air Defence of the Crimean Front Cde Ian Augustovich TYSIN and Senior Battalion Commissar of the Air Defence of the Crimean Front Cde Ivan Grigor'evich ZUB are approaching the anti-aircraft battery. The Commissar of the anti-aircraft battery, political instructor Cde MATEUSHEV, is reporting to them on the readiness to fire.

The Major-General is going to the phone and giving a command. The soldiers are running out of the dugout. They are beginning to target. The rangefinder is determining the altitude. A close-up of an anti-aircraft gunner, Cde Sarsembai Medenov.

For his exceptional skill in recent battles with air fighters, Cde Medenov, the gunner, is honoured with a government award.

The soldiers are putting in the shells. The battery is ready to fire.

- *A number of film shots of the destruction wrought by the Germans in the city of Kerch*.

Film director [signature] /Sh. CHAGUNAVA

Cameraman [signature] /A. ADZHIBEGASHVILI/

February 8, 1942.

*[...]*

СЦЕНАРНЫЙ ПЛАН-СХЕМА

КИНОЖУРНАЛА

КРЫМ БЫЛ И БУДЕТ СОВЕТСКИМ.

Первый N° этого киножурнала посвящён освобождённому от фашистских захватчиков городу Керчи.

- Карта крымского полуострова
- Керченский пролив. На его берегу выделенное местонахождение города Керчи.
- Общие виды керченского пролива со стоящими кораблями.
- Вмёрзшие в лёд спокойно стоят катера, участвовавшие в десанте высаженным на берег в дни освобождения Керчи от немецких оккупантов.

Примерный текстовой материал:

Через керченский полуостров немцы стремились пробраться к плодородной Кубани, к богатому Кавказу. Освобождая Крым, мы окончательно захлопывает дверь перед фашистским зверьём. Освобождая Крым, мы помогаем защитников Москвы и Ленинграда, мы помогаем нашим братьям украинцам и белоруссам.

- Со стороны керченского пролива видна панорама города Керчи.
- Над городом развивается красное знамя.

Текст: части красной армии и военно-морского флота смелыми действиями выбили немецких оккупантов из Керчи, положив начало освобождению Крыма.

- Улица города
- По ним проходят войска
- Едут орудия
- Идут краснофлотцы
- Оживлённые улицы заполнены пешеходами, автомашинами.

Текст: Полтора месяца хозяйничали немцы в Керчи, но сколько бед они успели натворить здесь.

- Разрушенные дома и здания
- Виды развалин, пожарищ
- Разрушенное здание большого клуба им. С. Орджоникидзе в посёлке Камыш-Бурун.

*[...]*

SCRIPT OUTLINE

OF A NEWSREEL EDITION

CRIMEA WAS AND WILL BE SOVIET.

The first issue of this newsreel focuses on the city of Kerch, liberated from the Nazi occupation.

- Map of the Crimean Peninsula.

- The Kerch Strait. On its banks, the location of Kerch is marked.

- General views of the Kerch Strait, with anchored ships.

- Frozen into the ice, calmly standing launches that took part in the landing on the shore during the liberation of Kerch from the German invaders.

Sample text:

Through the Kerch Peninsula the Germans sought to sneak to the fertile lands of Kuban, to the rich lands of Caucasus. By liberating the Crimea, we are definitively slamming the door in front of the fascist beast. By liberating Crimea, we are helping the defenders of Moscow and Leningrad, we are helping our brothers – Ukrainians and Belarusians.

- Panoramic view of the city of Kerch can be seen from the Kerch Strait.
- Red flag is fluttering over the city.

Text: Units of the Red Army and Navy courageously knocked the Germans out of Kerch, initiating the liberation of Crimea.

- City streets.
- Troops are marching in the streets.
- Guns are passing by.
- Red Army marines are marching.
- Lively streets filled with pedestrians and cars.

Text: The Germans stayed in Kerch for a month and a half, but they have managed to do a lot of damage.

- Destroyed houses and buildings.
- Views of ruins and conflagrations.
- A destroyed building of a large club named after S. Ordzhonikidze in the village of Kamysh-Burun.

Текст: С варварской жестокостью дикари немцы уничтожали все культурные учреждения.

- Вывеска клуба.
- Внутренний вид исковерканных клубных помещений.

Текст: Озверелые варвары имеющие наглость называть себя избранной нацией устроили из школы конюшню.

- Здание новой школы им. С. Орджоникидзе в посёлке Камыш-Бурун.
- Из здания школы красноармейцы выводят трофейных лошадей, оставленных там немцами при паническом бегстве.
- Вид рабочего посёлка «Самострой».
- По улице его идут два человека: это комендант посёлка Камыш-Бурун и заместитель председателя райсовета. Они обходят дома посёлка, регистрируя следы фашистских злодеяний.

Текст: В рабочем посёлке «Самострой» из 400 жителей фашисты расстреляли 350.

- Двое подходят к одному из домиков посёлка. Их встречают женщины с детьми на руках.
- Беседа с женщинами.

Текст: В семье рабочего товарища КОБЕЦА фашисты расстреляли пятерых мужчин, обвиняя их в пособничестве партизанам.

- Женщины с осиротевшими детьми. Их крупные планы.
- Общее собрание населения посёлка «Самострой». Сюда собрались лишь одни женщины, мужчин нет, их расстреляли немцы.

Текст: Во всём посёлке осталось в живых всего трое мужчин.

- За столом президиума собрания выбранные люди составляют акт о расстреле немцами мужского населения посёлка.
- Текст акта и его подписание.
- Лица плачущих женщин.
- Трупы расстрелянных немцами советских граждан у противотанкового рва.
- Скрюченные предсмертной судорогой лежат на земле сотни трупов. Панорамой проходят женщины, маленькие дети, седобородые старики. Никого не пощадили фашистские убийцы.

Text: It is with a barbarous brutality that the savage Germans destroyed all cultural institutions.

- Clubhouse signboard.
- Interior view of the warped clubhouse rooms.

Text: The brutal barbarians, who have the audacity to call themselves The chosen nation, have also turned the school into a stable.

- The building of the new S. Ordzhonikidze school in the village of Kamysh-Burun.
- Red Army soldiers are leading out the trophy horses from the school building, left by the Germans during their panic flight.
- View of the workers' village of Samostroi.
- Two men are walking along the street: the Kamysh-Burun Commandant and the Deputy Chairman of the District Council. They are going around the village houses, registering the traces of the Nazi atrocities.

Text: In the worker's village of Samostroi, the Nazis shot 350 of the 400 inhabitants.

- The two men are approaching one of the village huts. They are met by women with children in their arms.
- Talking to the women.

Text: Five men were shot by the Nazis in the family of a worker, Cde. KOBETS, all accused of collaborating with the partisans.

- Women with orphaned children. Their close-ups.
- General meeting of the Samostroi inhabitants. Only women are present here, no men, they were shot by the Germans.

Text: Only three men of the entire village have survived.

- At the presidium table of the meeting, the elected draw up a report of the execution by the Germans of the village’s male population.
- The text of the act and its signing.
- Faces of weeping women.
- Corpses of those shot by the Germans by the anti-tank ditch.
- Hundreds of corpses, crouched by death convulsions, lie on the ground. A pan shot of women, small children, grey-bearded old men. No one was spared by the Nazi killers.

Текст: Весь мир знает о неслыханных зверствах немцев в Керчи. В противотанковом рве около города лежат свыше семи тысяч расстрелянных немцами советских граждан.

- Длинный противотанковый ров, полузасыпанный снегом.
- К нему подходит женщина с мальчиком. Одна рука ее на перевязи. Это Рая Белоцерковская с братом Иосифом, живая свидетельница расстрела.
- Они медленно проходят мимо вереницы трупов, внимательно вглядываясь в обезображенные лица и фигуры мертвецов.

Текст: Рассказ Раи Белоцерковской о том, как были убиты ее дети, как она была при расстреле ранена, выползла из под трупов и спаслась от гибели в день занятия Керчи Красной Армией.

- Рая Белоцерковская подходит к месту, где были расстреляны трое ее малолетних детей, она опускается на колени около трупов.

Текст: При поспешном бегстве из Керчи, немцы оставили трофеи.

- Огромная пушка, оставленная немцами в Камыш-Буруне.
- Пушку осматривает группа красноармейцев.
- Трофейные автомашины и тягачи.
- Сбитые немецкие самолеты.

Текст: (иронического порядка) Тоже трофеи, но менее ценные –

- По улицы конвойные ведут старика, бывшего городского голову Керчи Токарева.
- С ним рядом идут другие члены городской управы. Их крупные планы, чтобы можно было рассмотреть лица предателей.

Текст: Иллюстрирующий «деятельность» предателей, продавшихся немцам.

- Проход по улицам бывших городских голов.
- Улицы города.
- Восстановление связи.
- Установка электрического освещения.

Text: The entire world is aware of Germany's unprecedented atrocities at Kerch. Over seven thousand Soviet citizens shot by the Germans are in an anti-tank ditch near the city.

- A long anti-tank ditch, partly covered with snow.

- A woman with a boy approach the pit. One of her hands is bandaged. It is Raia Belotserkovskaia, with her brother Iosef, a living witness to the shooting.

- They walk slowly past the line of corpses, scrutinising the disfigured faces and figures of the dead.

Text: Raia Belotserkovskaia's account of how her children were killed, how she was wounded during the shooting and crawled out from under the corpses; and how she escaped death on the day the Red Army occupied Kerch.

- Raia Belotserkovskaia approaches the site where her three young children were shot and kneels next to the corpses.

Text: On their hasty escape from Kerch, the Germans left trophies behind.

- A huge cannon left behind by the Germans in Kamysh-Burun.

- The cannon is inspected by a group of Red Army soldiers.

- The left behind cars and artillery tractors.

- The knocked down German planes.

Text: (somewhat ironic) Trophies too, but less precious.

- An old man, the former mayor of Kerch, Tokarev, is escorted down the street.

- Other City council members are marching by his side. Their close-ups, so that their traitors' faces can be clearly made out.

Text: Illustrating the "activities" of the traitors, sold out to the Germans.

- Passage through the streets of the former town leaders.

- The city streets.

- Restoration of communications.

- Installation of electrical lighting.

Текст: Город залечивает раны, нанесенные хозяйничаньем фашистских оккупантов.

- Вставляют стекла в окна.
- Починка мостовой, пострадавшей от бомб и снарядов.
- Начала работать баня.
- Парикмахерская.
- На метзавод идет трамвай.

Текст: Восстанавливаются промышленные предприятия.

- Общий вид Керченского металлургического завода.
- Восстановление разрушенных цехов.
- Установка станков.
- Лучшие работники завода — в прошлом партизаны. Их деятельность.

Текст: Керченский металлургический завод уже выпускает продукцию, необходимую фронту.

- Погрузка на платформы противотанковых «ежей».
- Поезд на заводских путях.
- Железнодорожное депо в Камыш-Буруне.
- Рабочие ремонтируют паровоз.

Текст: Бывшие партизаны, теперь железнодорожники, в короткий срок отремонтировали подвижной состав и пустили первые поезда.

- Паровоз, готовый к отправлению
- Железнодорожный состав уходит со станции с грузом.

Текст: Крым должен быть освобожден от немецких оккупантов. Такова воля советского народа. Таков приказ великого СТАЛИНА.

- На фронт подтягиваются новые части.
- Идут тяжелые орудия и танки.
- Работают зенитчики.
- Мчатся казаки, на груди у них лента с надписью «Краснодар-Берлин»
- Всесокрушающей лавиной несутся они на врага.

Кинорежиссер

[*Подпись*] (В. Митрофанов)

7.2.42 г.
г. Керчь

*P.S. Материалы для концовки фильма (кавалер. дивизия) снимаются и будут высланы позднее.*

[*Подпись*]

Text: The city is healing the wounds inflicted by the fascist occupiers.

- Glass is being placed in the windows.
- Pavement damaged by bombs and shells is repaired.
- A bath-house is reopened.
- A hairdressing salon.
- A tram en route to the metallurgical plant.

Text: Industrial enterprises are being reconstructed.

- A long shot of the Kerch Metallurgical Plant.
- Repair of destroyed plant shops.
- Installing machines.
- The best workers of the plant – former partisans. Their activities.

Text: The Kerch metallurgical plant is already manufacturing what is needed for the front.

- Loading anti-tank “hedgehogs” on platforms.
- The train on the factory tracks.
- The railway depot in Kamysh-Burun.
- Workers are repairing a locomotive.

Text: Former partisans, now railroaders, have in a short time repaired the rolling stock and made the first trains run.

- A steam locomotive, ready to operate.
- A train is leaving the station with cargo.

Text: Crimea must be liberated from the German occupiers. It is the desire of the Soviet people. It is the order of the great STALIN.

- New units are reaching the front.
- Heavy guns and tanks are going by.
- Anti-aircraft gunners are at work.
- Cossacks are racing along, with a band on their chests, saying “Krasnodar-Berlin”.

- They are rushing towards the enemy as a devastating avalanche.

Film director [Signature] (V. Mitrofanov)

7/2/1942

Kerch

*P.S. Parts for the film's ending (cavalry division) are being filmed and will be sent later.*

[Signature]

*4199*

# АКТ

гор. Керчь. Камыш-Бурун. Орджоникидзевский район

Мы, нижеподписавшиеся: командир взвода партизанского отряда Старо-Карантинских каменоломен (ныне второй секретарь РК ВКП(б) тов. КУРТИХАНОВ А.Б., командир взвода партизанского отряда (ныне зам председателя райсовета тов. ШУЛЬГИН Захар Денисович), комендант Камыш-Буруна тов. ДОЛИНА И.Ф., от интеллигенции района АЛЬШЕВСКАЯ А.И. составили настоящий акт о том, что при временной оккупации немецко-фашистскими извергами указанного района Камыш-Буруна выявлено следующее:

При разгроме фашистских оккупантов на Керченском полуострове оказалось, что все мужское население, а также старики, женщины и дети поселка Самострой Камыш-Буруна было зверски расстреляно фашистскими бандитами. В числе зверски расстрелянных находятся: КОБЕЦ М.М. – 56 лет конюх авто-гужетранспорта, сыновья его Виктор – 22 лет, токарь литейного завода, и Серафим – 31 года, вагонщик литейного цеха, зять его – Сергей Токарев – 30 лет, вагонщик литейного цеха, осталось сирот четверо детей. ЛЕМЕЩЕНКО Н.Т. – 28 лет, начальник станции желдорцеха; в общем в одной семье расстреляно 5 человек и ряд других граждан. Всего триста пятьдесят человек. Осталось в поселке из мужского населения всего три человека: старик 68 лет гражданин ТОКАРЕВ Г.Н., подросток 14 лет ГАЗИЕВ И. и ЗАБИЯКА – мужчина лет 38-ми.

Кроме того в районе все лучшие здания: школа им. С. Орджоникидзе, школа им. М. Горького, клуб, больница, детские ясли и другие помещения были разграблены, разрушены и превращены в конюшни.

Вот какую «культуру» и «цивилизацию» принесли фашистские изверги.

О чем и составлен настоящий акт.

ПОДПИСИ:
ШУЛЬГИН, КУРТИХАНОВ, ДОЛИНА, АЛЬШЕВСКАЯ.

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО: [*Подпись*]

[*4199*]

STATEMENT

The city of Kerch. Kamysh-Burun. Ordzhonikidze district.

We, the undersigned: platoon commander of the partisan detachment of the Staro-Karantinskie quarries (now the second secretary of the RC VKP(b)) Cde A.B. KURTIKHANOV, platoon commander of the partisan detachment (now Deputy Chairman of the District Council) Cde Zakhar Denisovich SHUL'GIN, commandant of Kamysh-Burun Cde I. F. DOLINA, and AL'SHEVSKAIA A.I. on behalf of the district intelligentsia have drawn up the present statement. During the temporary occupation by the German Fascists of the above-mentioned Kamysh-Burun, the following facts were revealed:

During the defeat of the fascist invaders on the Kerch Peninsula it was revealed the entire male population, as well as the elderly, women and children of the village of Samostroi in Kamysh-Burun had been brutally shot by the fascist bandits. Among the brutally shot are: KOBETS M. M., a 56-years-old groom of the motor and cartage transport; his sons – Victor, 22 years old, a foundry turner, and Serafim, 31 years old, a foundry wagoner; his son-in-law, Sergei Tokarev, 30 years old, a foundry wagoner. Four children were orphaned. LEMESHCHENKO N. T., 28 years old, station master of the railway workshop. In total, five members of the same family and some other citizens were shot. All in all, three hundred and fifty people. Only three men remained in the village: an old man, 68 years old, Citizen TOKAREV G. N., a teenager, 14 years old, GAZIEV I., and a man, about 38 years old, ZABIIAKA.

In addition, all the best buildings in the district – the S. Ordzhonikidze school, the M. Gorky school, the club, the hospital, the preschool and other buildings – were looted, destroyed and turned into stables.

This is the kind of “culture” and “civilization” that was brought by the fascist monsters.

This statement refers to the aforementioned facts.

SIGNATURES:

SHUL'GIN, KURDIKHANOV, DOLINA, AL'SHEVSKAIA.

CONFORM TO THE ORIGINAL: [Signature].

*приложение к коробкам N° 1 и 2*

# МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

к съёмкам, произведённым в городе Керчи с 29 января по 8 февраля 1942 года кино-бригадой сектора кинохроники Тбилисской кино-студии в составе режиссёра МИТРОФАНОВА В.С., оператора АРЗУМАНОВА Л.Ш., ассистента оператора КИЛОСАНИДЗЕ В.В. при старшем политруке Политуправления Крымского фронта тов. МОИСЕЕВЕ П.М.

примерный метраж 400 метров.

## ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В гор. КЕРЧИ

Свыше 7000 советских граждан расстреляли немецкие изверги в городе Керчи.

Противотанковый ров за городом, где производился расстрел и где лежат жертвы немецких оккупантов.

Нами в этом эпизоде снята Раиса Анатольевна Белоцерковская 29 лет, член ВКЛСМ, жена краснофлотца – живой свидетель страшной картины. При расстреле она была ранена и, придя в чувство, выползла изо рва.

Вот её краткая история:

Раю взяли в тюрьму немцы вместе с её детьми: Бетичкой – 5 лет, Изиком, которому было 2,5 года, с ней так же был 13-ти летний брат Иосиф. За дни пребывания немцев в Керчи ими было расстреляно тысячи евреев. Рая с детьми и братом ждали своей очереди.

Рая была на последнем месяце беременности, не выдержав побоев и издевательств, она родила в тюрьме дочь, названную ею Аня.

Утром 29 декабря вместе с большой партией евреев семью Белоцерковских повезли на расстрел.

Дорогой Рая выбросила из автомашины брата. Его исчезновения не заметили.

- Пуля фашистов прострелила мне лопатку, - рассказывает Рая, - я упала на моих уже мёртвых детей. Сколько я пролежала – не знаю. Очнулась оттого, что липкая кровь заливала мне рот, шею, нос. Неужели я жива, промелькнуло в сознании. Собрав все силы, я выползла из-под груды трупов. Кое-как

*appendix to boxes no. 1 and 2*

CAPTION SHEET

to the filming in Kerch, from January 29 to February 8, 1942, by the Tbilisi film studio newsreel sector crew: Film director V.S. MITROFANOV, cameraman L.S. ARZUMANOV, assistant cameraman V.V. KILOSANIDZE, with Cde. P.M. MOISEEV, the Crimean Front Political Department's Senior political officer.

Approximate footage 400 meters.

GERMAN ATROCITIES IN THE CITY OF KERCH

More than 7 000 Soviet citizens were shot by German beasts in Kerch.

The anti-tank trench outside the city, where the shooting took place and where the victims of the German occupiers lie.

In this episode, we filmed Raisa Anatol'evna Belotserkovskaia, 29 years old, a member of the All-Union Young Communist League, a Red Navy officer's wife, a living witness to the terrible scene. She was wounded during the shooting and crawled out of the ditch after regaining consciousness.

Her story, briefly:

Raya was taken to prison by the Germans along with her children: Betichka, 5 years old, Izik, 2.5 years old, and her 13-year-old brother Iosef. While the Germans were in Kerch, they shot thousands of Jews. Raya, her children and her brother were waiting their turn.

She was in her last month of pregnancy, unable to bear the beatings and humiliations, she gave birth to a daughter in prison, whom she named Ania.

On the morning of December 29, the Belotserkovskis were taken along with many other Jews to be shot.

On the way, Raia pushed her brother out of the car. His disappearance was not noticed.

"A Nazi bullet shot through my scapula, says Raia, "I fell on my already dead children. I don't know how long I lay there. I came to my senses because sticky blood was pouring into my mouth, neck, and nose. Am I alive? – my mind flashed. Gathering my strength, I crawled out from under the pile of corpses.

замотав рану одеялом, я поползла в сторону от ужасного места гибели моих детей. Потом пробираясь к городу, я опять попала в руки к убегающим фашистам, прячась от них, съела свои документы. Окончательно выбившись из сил, я зашла в один дом и неожиданно встретила людей с красной звездой на ушанках. Это были наши родные красноармейцы. Части Красной Армии в этот день заняли Керчь. Они спасли мою жизнь, жизнь тысячи советских людей от бесчисленных зверств и издевательств фашистских оккупантов.

Снято: противотанковой ров и трупы расстрелянных немцами жертв у рва.

Рая и её брат Иосиф подходят ко рву, к месту расстрела её детей. Их средние и крупные планы. Белоцерковские опознают знакомых.

## ПРЕДАТЕЛИ ПРОДАВШИЕСЯ НЕМЦАМ.

Городские головы, и члены городской управы города Керчи и города Феодосии.

Городской голова города Керчи ТОКАРЕВ Тимофей Васильевич /снят без шапки, в пальто, с меховым воротником, рубашка без воротничка/.

Родился в 1869 году, до революции был управляющим у помещика. Домовладелец. В 1919 году при белогвардейцах был так же городским головой Керчи.

При советской власти лишался избирательных прав.

Целые дни «отец города» пропадал в немецкой комендатуре. Выслуживался. Помогал составлять списки людей, которые должны быть расстреляны. Обеспечивал немецких господ офицеров и немецкую армию всем необходимым.

Однако немцы не очень-то считались с фигурой городского головы. Отняли отремонтированную им машину.

А в дневнике Токарева мы встретили такую запись:

- Доложить коменданту, что солдаты /немецкие В.К. / сбрасывают с подвод. Случай со мной /его немецкие солдаты сбросили с брички/.

I have somehow wrapped a blanket around my wound, and crawled away from the terrible scene of my children's death. Then, making my way towards the city, I again fell into the hands of the fleeing fascists, and hiding from them I ate my documents. Totally exhausted, I entered a house and there, unexpectedly, saw people with red stars on their earflaps. They were our dear Red Army men. Units of the Red Army had taken over Kerch that very day. They saved my life and that of thousands [other] Soviet people, from countless atrocities and humiliation by the fascist occupiers.

Was filmed: The anti-tank ditch and the corpses of the victims by the ditch, executed by the Germans.

Raia and her brother Iosef are approaching the ditch where her children were shot. Medium and close-ups of the two. The Belotserkovskis are identifying people they knew.

## TRAITORS SOLD OUT TO GERMANS.

City mayors, and members of the City Council of Kerch and Feodosia.

The mayor of Kerch, Tokarev Timofei Vasil'evich /was filmed without a hat, in a coat with a fur collar, in a shirt without a collar/.

Born in 1869, he was a landlord's manager before the revolution. Owner of houses. In 1919, during the reign of the White Guards, he was also the head of Kerch.

Under the Soviet regime he was deprived of electoral rights.

The “father of the city” spent his entire days at the German commandant's office, was their committed servant. He helped draw up lists of those to be shot. He provided the German officers and the army with everything they needed.

However, the Germans didn’t consider him all that much. They took away the car he had repaired.

And in Tokarev's diary we came across this entry:

“Must report to the commandant that the soldiers /German V.M./ throw [people] off carts. This happened to me /German soldiers threw him off the light carriage/”.

Вот ещё строчки из дневника предателя, где как в капле воды отражается его «деятельность»:

- О тёплой одежде для немцев.

- Закрыть катакомбы путём замуровывания /в катакомбах-каменоломнях находился партизанский отряд/.

- Несколько раз в дневнике повторяется запись:

- Что делать с евреями и крымчаками /это о их расстреле/.

Сняты кадры: конвоиры ведут группу из 4 человек – это члены керченской городской управы. Рядом с Токаревым идёт высокий старик – Петров, заместитель городского головы. Сзади идут: БАМБУХЧИАНЦ – заведующий торговым отделом городской управы, пользовался особым расположением немцев. Ему было поручено формирование городской управы и распределение «портфелей».

Рядом с Бамбухчианцем идёт Михайлов – секретарь городской управы, работал у Токарева, когда он был городским головой при белых, главным бухгалтером.

Подлую компанию керченских «градоуправителей» [?] немецких прислужников ждёт заслуженная казнь.

Далее снят городской голова города Феодосии – ГРУЗИНОВ. Одет в немецкую шинель. Работал Грузинов на этой «должности» последние 11 дней перед взятием города частями Красной Армии. Жена Грузинова немка, служила в Феодосии в гестапо.

На заседании немецкой комендатуры Грузинов произнёс речь «Я благодарен немецкому командованию за оказанное мне доверие и даю слово его оправдать».

Кадры шефа Феодосийского района Андржеевского.

До назначения Грузинова был городским головой в Феодосии. Бывший дворянин. Революцию 1905 года встретил как монархист. По его инициативе была организована церковь и заканчивалась организация дома терпимости. Городской управой Феодосии был подписан приказ о явке на регистрацию /сиречь на расстрел/ крымчаков.

Here are more lines from the traitor's diary, reflecting perfectly his “activities”:

- On the warm clothes for the Germans.

- To immure the catacombs / there was a partisan detachment in the catacombs-quarries/.

This entry is repeated several times in the diary:

- What is to be done with the Jews and the Krymchaks */meaning their execution/.

The following was filmed: Guards leading a group of four men – members of the Kerch city council. Next to Tokarev is a tall old man – Petrov, the deputy mayor. Behind them: BAMBUKHCHIANTS – the head of the City Council commercial department who enjoyed a special treatment from the Germans. He was entrusted with the formation of the city council and the distribution of “portfolios”.

Next to Bambukhchiants goes Mikhailov – the secretary of the City Council, used to work for Tokarev as chief accountant, when he was the mayor under the Whites.

This vile bunch of Kerch “city managers”, these German acolytes, is awaiting a well-deserved punishment.

Next, the mayor of Feodosia is filmed – GRUZINOV. He is dressed in a German overcoat. Gruzinov had been working at this “post” for the last 11 days before the capture of the city by the Red Army. Gruzinov's wife is German, served at the Feodosia’s Gestapo.

At a meeting of the German commandant’s office [Kommandatur], Gruzinov gave a speech “I am grateful to the German command for the trust placed in me and give my word to justify it”.

Film shots of the Feodosia district head, Andrzheevski.

Prior to Gruzinov's appointment, he was the mayor of Feodosia. A former nobleman. He met the 1905 revolution as a monarchist. He initiated the opening of a church and a house of tolerance was about to be set up. The Feodosia city council signed an order for the Krymchaks to show up for registration /meaning for execution/.

*[A Jewish ethno-religious community of Crimea – M.S.]

Андржеевский получил от немецкого командования благодарность за «плодотворную и деятельную работу».

Конвойяне проводят по улицам городских голов гор. Феодосии. Грузинов одет в немецкую шинель и папаху, а Андржеевский в шубу, с палками.

В комнате сняты средние крупные планы городских голов. По порядку съёмки: Токарев, Грузинов, Андржеевский. Допрос проводит сотрудник НКВД тов. Жданов.

Ряд сведений и актов предательской деятельности бывших городских голов можно подчеркнуть также из статей опубликованных в газетах «Красная звезда», «Известия» и др. в январе 1942 года.

## ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРЫМА

Керченский металлургический завод крупнейший индустриальный гигант Крымской АССР. Сразу же после освобождения города от немцев, в Сталинском районе появился приказ: «вся власть в районе переходит в руки партизанского отряда».

Лучшие люди были посланы штабом партизанского отряда на восстановление завода. С огромной энергии они начали восстанавливать в первую очередь те цехи завода, которые могут выпустить продукцию для фронта.

Снято: общие планы завода.

Погрузка на железнодорожные платформы противотанковых ежей. Рабочая очищают разрушенный котельно-сборочный цех. В цеху уже установлены и работают несколько прессов. У пресса снят главный инженер завода Павел Николаевич Иванов /в ушанке и пальто, с очками/. Осматривают пресс. Его крупный план. В недавнем прошлом тов. Иванов активный участник партизанского отряда. Пулемётчик. Директор метзавода тов. Кущевко Апполинарий Иванович. /Средний план, делает запись в книжке/. Также активный партизан из отряда разведки. И ранее, до прихода немцев, эти товарищи работали на заводе.

Рабочие ремонтируют походную кухню.

Andrzheevskii received a commendation from the German command for his “fruitful and active work”.

Feodosia city heads are escorted through the streets by convoys. Gruzinov is dressed in a German overcoat and a cape, and Andrzheevskii in a fur coat, with sticks.

Medium and close-ups of the city heads are done in the room. In order of filming: Tokarev, Gruzinov, Andrzheevskii. NKVD officer, Cde. Zhdanov is conducting the interrogation.

Some information and acts of treacherous activities of former city leaders can also be underlined from articles published in the newspapers Krasnaia Zvezda, Izvestiia and others, in January 1942.

## RESTORATION OF CRIMEAN INDUSTRY

The Kerch metallurgical plant is the largest industrial giant in the Crimean ASSR. Immediately after the city's liberation from the Germans, an order was issued in the Stalin district: “all power in the district passes into the hands of the partisan detachment”.

The best workers were sent by the headquarters of the partisan unit to restore the plant. With great energy they began to restore first those shops of the plant which can produce products for the front.

Were filmed: General plans of the plant.

The loading of antitank hedgehogs on railway platforms. Workers are clearing the ruined boiler and assembly shop. Several presses are already installed and working at the shop. The chief engineer of the plant, Pavel Nikolaevich Ivanov /in a fur cap and coat, glasses/, is filmed near a press. He is examining the press. His close-up. In the recent past, Cde Ivanov was an active member of the partisan detachment, a machine gunner. The director of the plant, Cde Apolinarii Ivanovich Kushchevko. / Medium shot of him writing something down in his notebook. He is also an active partisan of a reconnaissance detachment. In the past, before the Germans came, these men were also working at the plant.

Workers are repairing the camp kitchen.

Далее снята бригада тов. Борзенко, ремонтирующая котельные установки. В полуразрушенных цехах завода идёт работа не только по восстановлению оборудования, завод даёт продукцию фронту.

ПО ГОРОДУ КЕРЧИ

- Общие планы города
- Главные улицы города *и разрушенные немцами здания*
- Восстановление связи электросети
- Баня
- Парикмахерская
- Сбитой зенитчиками самолёт «Хейнкель»
- *Две трофейных немецких пушки*

КИНОРЕЖИССЁР [подпись] /В. Митрофанов/

ОПЕРАТОР [подпись] /Л. Арзуманов/

8 февраля 1942 года

Next, Cde Borzenko's brigade, repairing the boiler equipment, is filmed. Not only the equipment is being repaired in the half-destroyed workshops, but the plant is actually supplying products to the front.

AROUND THE CITY OF KERCH

- General plans of the city
- Main streets of the city *and buildings destroyed by the Germans*
- Restoration of electric network connection
- Bathhouse
- Barber shop
- 'Heinkel' plane shot down by the anti-aircraft gunners
- *Two captured German cannons*

FILM DIRECTOR [signature] /V. Mitrofanov/

CAMERAMAN [signature] /L. Arzumanov/

8 February 1942

[*ВС 333*]

[*39*]

Эпизод 1.

ШИМЕРЛИНГ Армин, портной из Братиславы /Чехословакия/ 37 лет, хоронит свою старушку-мать, застреленную немцами при эвакуации лагеря. Она не могла двигаться к транспорту от истощения[.] Катерина УНГАР /мать/ прибыла в лагерь с последним транспортом из Чехословакии. В лагере находилась 3 месяца, здесь же была расстреляна её дочь Флора, 39 лет.

Снято: Группа чехословаков, товарищей Шимерлинга по лагерю, выносят мёртвую на носилках, проходы по лагерю, вынос за лагерную решётку, молитва над гробом, прощание.

Эпизод 2.

Семья члена Югославского правительства доктора Анте МАНДИЧ находится в лагере 8 месяцев. Жена /старшая женщина/ Ольга МАНДИЧ 68 лет, сноха – Неванка МАНДИЧ 35 лет с сыном Олегом 12 лет.

Снято: Семья выходит из барака, в котором находилась в лагере Бир-

[*BC 333*]

[*39*]

Episode 1.

SHIMERLING Armin, a tailor from Bratislava /Czechoslovakia/ aged 37, is burring his old mother, shot by the Germans during the evacuation of the camp. She could not make it to the transport from exhaustion [.] Katerina UNGAR /the mother/ arrived in the camp with the last transport from Czechoslovakia. She was held there for 4 months; her daughter Flora, aged 39, was shot there as well.

Filmed: A group of Czechoslovaks, Shimmerling's fellow camp mates, carrying the dead woman on a stretcher from a ward, passing through the camp and going behind the camp bars, praying over the coffin, saying goodbye.

Episode 2.

The family of Dr. Ante MANDIĆ, a member of the Yugoslav government, has been in the camp for 8 months. The wife / the older woman / Olga MANDIĆ, aged 68, the daughter-in-law – Nevanka MANDIĆ, aged 38 years, with her son Oleg, aged 12.

Filmed: The family coming out of the barracks where they were kept in the camp of Bir-

[*40*]

кенау, в сопровождении военного коменданта лагеря старшего лейтенанта БОГРАД М.А. и представителя политотдела 60-ой армии майора АРТЁМОВА М.Е. Старший лейтенант БОГРАД читает телеграмму советского правительства следующего содержания:

Коменданту города Краков.

По указанию товарища БУЛГАНИНА находящейся в бывшем лагере Освенцим семье члена Президиума антифашистского Вече народного освобождения Югославии – доктора, жене и снохе с сыном немедленно оказать квалифицированную медицинскую помощь, выдать необходимое количество продуктов до приезда за ними.

В Югославию об этом сообщено.

Об исполнении сообщить в Варшаву.

ШАТИЛОВ.

Принято 12.2.45 г., 12 ч, 20 мин.

Эпизод 3.

Выход заключённых из барака. Перед входом лежат трупы людей, умерших от истощения. Из двери выходят – ТАУС Бояна 38 лет из города Новый сад /Югославия/, в лагере находилась 10 месяцев, и девочка БЕРК Катерина из Братиславы /Чехословакия/, в лагере находилась 5 месяцев. Её родители сожжены в крематории.

Эпизод 4.

Портрет Варшавского рабочего КОМЕРОВСКОГО, 42 лет, на фоне колючей проволоки. В лагере он доведён до последней степени истощения.

[*40*]

kenau, accompanied by the military commandant of the camp, Senior Lieutenant M.A. BOGRAD and a representative of the Political Department of the 60th Army, Major M.E. ARTIOMOV. Senior Lieutenant Bograd is reading the following telegram from the Soviet government:

To the Commandant of the city of Krakow.

On the instructions of comrade Bulganin, the family of a doctor, member of the Presidium of the Anti-Fascist Council [Veće] for the National Liberation of Yugoslavia – his wife and daughter-in-law with her son, who are now in the former camp of Auschwitz, must be immediately provided with a qualified medical care and given the necessary quantity of food, while waiting to be evacuated.

Yugoslavia is informed.

The execution of this order is to be reported to Warsaw.

SHATILOV.

Received on 12.2.45, at 12:20.

Episode 3.

Prisoners are leaving the barracks. In front of the entrance the corpses of those died of exhaustion. Coming out of the door are TAUS Bojana, aged 38, from Novi Sad /Yugoslavia/, 10 months in the camp, and a girl, BERK Katerina, from Bratislava /Czechoslovakia/, 5 months in the camp. Her parents were burned in a crematorium.

Episode 4.

Portrait of a Warsaw worker, KOMEROWSKI, aged 42, against a background of barbed wire. He is driven to the highest degree of exhaustion in the camp.

Эпизод 5.

Проход массы заключённых, оставшихся в живых по лагерю Биркенау. Общие планы прохода, крупные портреты отдельных заключённых.

Эпизод 6.

Внутренность одного из 500 бараков лагеря Биркенау. Старые женщины из Варшавы, прибывшие после Варшавского восстания в конце 1944 года в числе 150 тысяч человек.

Сняты: Общие планы барака, крупные портреты отдельных заключённых: а/ Бабушка с номером сидит на дымоходной трубе барака /на общем плане сидит впереди/– Муравская Франческа, 75 лет; б/ Равва Бронислава 60 лет сидит, опершись рукой на палку; в/ Елена Яблунская 73 года лежит на дымоходной трубе; г/ Красновская Розалия 60 лет лежит на нарах – плачет; д/ Шатковская Станислава 54 года /в чёрном, лежит на нарах, плачет, групповой портрет 3-х женщин/; е/ Вейс София 71 год, Прусиновская Олимпия – крупно. Лежат на нарах, опустив головы; ж/ Левандовская София 42 года, в голубом платье сидит на дымоходе; з/ Мария Коровская 68 лет, начало панорамы, лежит на нарах слева, плачет; и/ Юлия Масянс, крупно. Седая женщина 70 лет.

Надписи в бараке:

Один побег – твоя смерть.

Следи за тем, кто перед тобой.

Разговор серебро – молчание золото.

Episode 5.

The passing en masse of prisoners, the survivors, through the Birkenau camp. Long film shots of the crowd, close-ups of individual prisoners.

Episode 6.

The interior of one of the 500 barracks of Birkenau. Old women from Warsaw, arrived after the Warsaw Uprising at the end of 1944, are among the 150 thousand people.

Filmed: Long film shots of the barrack, close-up portraits of individual prisoners: a/ a granny with a number sitting on the chimney of the barrack /in the long shot, she is sitting in front/ – Murawska Franceska, aged 75; b/ Rawa Bronislawa, aged 60, sitting, with her hand on a stick; c/ Helena Yablunska, aged 73, lying on the chimney; d/ Krasniowska Rozalia, aged 60, lying on the plank bed and crying; e/ Szatkowska Stanislawa, aged 54 / in black, lying on the plank bed, crying, a group portrait of 3 women/; f/ Weiss Sofia, aged 71, Prusinowska Olimpia – close-ups. Lying on plank beds, heads down; g/ Lewandowska Sofia, aged 42, in a blue dress, sitting on the chimney; h/ Maria Korowska, aged 68, the beginning of a pan shot, lying on the plank bed, on the left, crying; i/ Julia Masians, a close-up. A grey-haired woman, aged 70.

Inscriptions in the barracks:

One escape and you are dead.

Watch the one in front of you.

Speech is silver, silence is golden.

[*42*]

Эпизод 4. [7 ?]

Пищеблок в лагере Биркенау, организованный советским военным госпиталем для больных заключённых. Снят момент раздачи пищи представителям бараков. Снимает пробу старший лейтенант медицинской службы Н. ГЕРЦЕНБЕРГ. Больные получают обед из трёх блюд, диетическое питание, белый хлеб.

Эпизод 8.

Эвакуации больных заключённых из лагеря Биркенау в госпиталь. Выноска больных санитарами польского Красного Креста, посадка на подводы, выезд из лагеря.

Эпизод 9.

Медицинская экспертиза истощённых, замученных и убитых немцами заключённых перед эвакуацией. Вскрытие трупов.
Экспертизу проводят: главный судебно-медицинский эксперт 1-ого Украинского Фронта доцент подполковник БРЫЖИН Ф.Ф. /на переднем плане в фартуке и шапке-ушанке/; майор ЧУРСАНОВ М.Г. /в очках и фуражке/. На втором плане патологоанатом 60-ой Армии майор медицинской службы ЛЕБЕДЕВ Н.А.
Вскрытие, на столе лежат убитые дети и взрослые, вокруг столов кучи трупов. Майор ЧУРСАНОВ поднимает прямо на аппарат мёртвого ребёнка.

Эпизод 10.

Раскопки 5-ого крематория в лагере Биркенау. Сняты общие планы раскопок, отдельные планы раскопанного кре-

[*42*]

Episode 4.

The nutrition unit in the Birkenau camp, organised by the Soviet military hospital for sick prisoners. The moment of meals distribution to the barracks' representatives is filmed. The Medical Services Senior Lieutenant, N. GERTSENBERG, is tasting the food. The sick receive a three-course meal, special nutrition, white bread.

---

Episode 8.

Evacuation of sick prisoners from Birkenau to the hospital. Paramedics from the Polish Red Cross transporting the sick, putting them on carts, leaving the camp.

Episode 9.

Medical examination before the evacuation of the emaciated, tormented and murdered prisoners by the Germans. Autopsy of corpses.

The expertise is conducted by: The Chief forensic expert of the 1st Ukrainian Front, Lieutenant Colonel F. F. Bryzhin /foreground, wearing an apron and cap with earflaps/; Major M.G. Chursanov /with glasses and cap/. In the background, the pathologist of the 60th Army, Medical Services Major LEBEDEV N. A.

Autopsy, dead children and adults lying on the table, piles of corpses around the table. Major CHURSANOV is lifting a dead child right onto the camera.

Episode 10.

Excavations of the 5th crematorium at the Birkenau camp. Long shots of the excavation, separate close-ups of the excavated crematorium,

матория, печь и приспособления около печи /в топке видны остатки обгоревшего трупа/. Груда искусственных зубных коронок, найденных при раскопках, щипцы для удаления золотых коронок и т.д.

Эпизод 11.

Последний костёр в Биркенау. Пять русских военнопленных были расстреляны и сожжены перед самым уходом немцев. Около костра лежат ещё пять трупов, приготовленных для той же цели.

Эпизод 12.

Общий план крематория N° 3. Планы газовой камеры и печи крематория.

Эпизод 13.

Дорожные вагоны, нагруженные подушками и перинами для отправки в Мюнхен. Титульный лист снят и прилагается к монтажному листу.

Эпизод 14.

“Канада” /страна богатств/, как называют заключённые “Эффектенлагерь”. Место, где у прибывших вновь заключённых отбирались все вещи, сортировались и складывались в огромные склады-магазины и затем отправлялись в Германию. Гора эмалированной посуды, оставшейся от сожжённой “Канады”. Объектив акцентируют внимание на большое количество детских горшочков. Ещё один план

эмалированной посуды. Здесь хранились личные и бытовые вещи мучеников, газированных и сожжённых немцами.

of the furnace and equipment near the furnace /remnants of a burnt corpse can be seen in the firebox/. A pile of artificial dental crowns found during the excavations, dental forceps for removing gold crowns, etc.

Episode 11.

The last pyre in Birkenau. Five Russian POWs were shot and burnt just before the Germans had left. Near the pyre lie five more corpses, prepared for the same purpose.

Episode 12.

A long film shot of the crematorium N° 3. Shots of the gas chamber and furnace of the crematorium.

Episode 13.

Road wagons loaded with pillows and featherbeds for shipment to Munich. Title page is taken as a close-up and attached to the caption sheet.

Episode 14.

“Kanada” /the land of wealth/, as prisoners call the “Effektenlager”. A place where newly arrived prisoners had all their belongings taken away from them, sorted and stacked in huge storehouses and then shipped to Germany. A pile of enamel crockery that remained from the burnt-down “Kanada”. The lens is focused on the large number of children's poets. Another shot of the enamel crockery. This is the place where the personal and household belongings of the martyrs, gassed and burnt by the Germans, were stored.

[*44*]

Эпизод 15.

Открытие ямы с трупами. Общие и крупные планы. Группа бойцов осматривает ямы.

Эпизод 16.

Члены комиссии осматривают взорванный крематорий N° 4. Председатель комиссии знакомит представителей Польской местной общественности – бургомистра города Осьвенцим КШЕМЕНЬ Мартина и ксёндза СКАРБЕКА [?] с остатками крематория.

Эпизод 17.

Освобождение заключённых лагеря Осьвенцим советскими бойцами. Взвод автоматчиков взламывают ворота лагеря. Огромная толпа заключённых, ожидающих освобождении. Крупные и средние планы встречи бойцов Красной армии и заключённых. Иезуитская надпись на лагеря. – работа делает свободным.

Эпизод 18.

Общие, средние и крупные планы детей, заключённых в лагере между колючей проволокой. Их сопровождают русские и польские медицинские сёстры и монахини. Дети показывают на аппарате ручки с номерами.

Эпизод 19.

Профессора, находящаяся в лагере, показывают председателю государственной комиссии КУДРЯВЦЕВУ Д.И. и главному прокурору майору ПАХОМОВУ блок пыток /N° 11/, и виселицу в его дворе, на которой происходило показательное повешение заключённых. Сняты профессора: слева-направо – профессор ЛИМУЗЕН Анри ГАВ

[*44*]

Episode 15.

The opening of the pit with corpses. Long film shots and close-ups. A group of soldiers inspecting the pits.

Episode 16.

Members of the commission are inspecting the blown-up crematorium No. 4. Chairman of the commission is presenting the remains of the crematorium to the representatives of the Polish local community – the Mayor of Auschwitz, KRZEMIEŃ Martin, and a priest, SKARBEK [?].

Episode 17.

Liberation of Auschwitz prisoners by the Soviet soldiers. A platoon of machine gunners is breaking down the camp gate. A huge crowd of prisoners is waiting to be released. Close-up and medium shots of the meeting between Red Army soldiers and prisoners. A Jesuitical inscription on the camp [gate] – Work will set you free.

Episode 18.

Long, medium and close-ups of children at the camp, in-between [two rows of] barbed wire. They are accompanied by Russian and Polish nurses and nuns. Children are showing their little arms, with numbers on them, to the camera.

Episode 19.

Professors, present at the camp, are showing the Chairman of the State Commission KUDRIAVTSEV D. I. and the Chief Prosecutor Major PAKHOMOV the torture unit /N° 11/ and the gallows in its yard, where the show hanging of prisoners took place. Professors, as they are filmed: from left to right – Professor LIMOUSIN Henri GAV

[*45*]

Габриэль из университетов Клермон-Ферран /Франция/, доктор экспериментальной медицины теротолог и токсиколог 52 года. Имеет учёные труды, изданные на французском и немецком языках. Сидел в Дахау 6 месяцев и 2 месяца в Осьвенциме.

ЭПШТЕЙН Бертольд Вильгельмович, профессор педиатрии при Пражском университете /Чехословакия/. Директор детской клиники в Праге, президент секции педиатрии на Интернациональном конгрессе в Риме 1937 года. Имеет около 150 отдельных научных работ, переведённых на английский и немецкий языки. Арестован в 1942 году. В лагере 27 месяцев.

Профессор доктор МАНСФЕЛЬД Пауло Геза [?] /Венгрия/ специалист по экспериментальной патологии и фармакологии при университете в городе Печ. Член Академии Наук в городе Хале. Президент первой секции Интернационального Конгресса в Ленинграде в 1935 году. Имеет отдельные научные труды, вышедшие в Швейцарии в 1943 году. Арестован в 1944 году за участие в Ленинградском конгрессе физиологии и как противник режима САЛАШИ.

Приват-доцент Пражского университета чех ФИШЕР Бруно Сигизмунд. Невропатолог и психиатр, имеет работы по оттоневрологии, психотерапии и гипнозу. 56 лет, арестован в 1942 году. Сидел в Терезиенштадте 1 год и в Осьвенциме 14 месяцев.

Эпизод 20.

Общий план лагерей Биркенау и Осьвенцим, снятые с верхней точки объективами 35 мм, 50 мм и 75 мм. Панорамные и статические планы.

Gabriel, from the Clermont-Ferrand University /France/, Doctor of Experimental Medicine, a teratologist and toxicologist, aged 52. A number of his scientific works were published in French and German. Was a prisoner in Dachau for 6 months, 2 months in Auschwitz.

EPSTEIN Bertold Wilgelmovich, Professor of Pediatrics at the University of Prague /Czechoslovakia/. Director of the Prague Children's Hospital, President of the Pediatrics Section at the 1937 International Congress in Rome. He is the author of some 150 scientific works, translated into English and German. Arrested in 1942. 27 months in the camp.

Prof. Dr. MANSFELD Paulo Geza [?] /Hungary/, Experimental Pathology and Pharmacology specialist at the University of Pécs [Pech]. Member of the Academy of Sciences in Halle. President of the First section of the International Congress in Leningrad, in 1935. He is the author of several scientific works, published in Switzerland in 1943. Arrested in 1944 for his participation in the Leningrad Congress of Physiology and as an opponent of the SZÁLASI [Salashi] regime.

Private lecturer, Professor at the University of Prague, Bruno Sigismund Fisher, Czech. Neurologist and psychiatrist, with [published] works in otoneurology, psychotherapy and hypnosis. Aged 56, arrested in 1942. Was imprisoned for 1 year in Theresienstadt and 14 months in Auschwitz.

Episode 20.

A long shot of Birkenau and Auschwitz, taken from a bird’s eye view, with a 35 mm, 50 mm and 75 mm lenses. Panoramic and static shots.

[*46*]

Эпизод 21.

Груды очков, отнятых у заключённых и подлежащих отправке в Германию.

Эпизод 22.

Медицинская экспертиза больных заключённых Осьвенцима.

Судебно-медицинская экспертиза в составе главного судебного эксперта 1-ого Украинского Фронта подполковника медицинской службы БРЫЖИНА Ф.Ф., судебно-медицинского эксперта 60-ой Армии майора медицинской службы ЧУРСАНОВА М.Г., эксперта-терапевта майора медицинской службы доцента ПЕРЦОВОГО Н.И. и бывшего заключённого доктора ШТЕЙНБЕРГА из парижа проводит обследование больных-заключённых:

ШПАУ В.А, 26 лет,
венгерский подданный

на задней поверхности голени следы экспериментов – искусственной язвы неизвестным веществом. опыты проводились немцами в связи с участившимися случаями искусственного травматизма в немецкой армии.

БОРДИ 21 год
французский подданный. /то же/
/первый к зрителю/

Розенбаум 10 лет
[N°] А.7587 Венгрия истощение третьей степени.

АПЕЛЬ Симон 21 год
N°9757, Румыния резкое истощение 3-ей степени.

ЛЕВАН Гильда 42 года
N°3636 Франция

истощение 3 степени.

Через из неё снята надпись на немецком языке – сегодня ты красный/здо-

[*46*]

Episode 21.

Piles of spectacles taken from prisoners and to be sent to Germany.

Episode 22.

Medical examination of the Auschwitz sick prisoners.

The forensic medical examination, consisting of: Chief forensic expert of the 1st Ukrainian Front, Medical Services Lieutenant Colonel BRYZHIN F. F., Forensic medical expert of the 60th Army, Medical services Major CHURSANOV M. G., Expert therapist, Medical Services Major, Associate Prof. PERTSOV N. I., and a former prisoner, Dr. STEINBERG, from Paris, is examining the sick prisoners:

| | |
|---|---|
| V. A. SHPAU, aged 26,<br>Hungarian national | traces of experiments on the posterior surface of the tibia, an artificial ulcer caused by an unknown substance. Experiments carried out by the Germans due to the growing number of artificial injuries in the German army. |
| BORDI, aged 21<br>French national. | /idem/<br>/facing the audience/ |
| ROSENBAUM, aged 10<br>[N°] A.7587, Hungarian | 3rd degree cachexia. |
| APEL Simon, aged 21<br>N° 9757, Romania, | drastic 3rd degree cachexia. |
| LEVAN Gilda, aged 42<br>N° 3636, France | 3rd degree cachexia. |

The inscription in German is filmed through her: Today you are red/healthy,

ровый/ – завтора мёртв/

| | |
|---|---|
| ПЕНЦЕЛЬ София 20 лет,<br>девочка N° 88972, Германия | Истощение 3-ей степени. |
| ШАПС Павел 42 года<br>[N°] A. 117 23, Чехословакия | Истощение 3-ей степени с отёками ног. |
| ХАЙМАН 4 года<br>N° Б-14094, мальчик чех | Истощение 3-ей степени<br>авитализм С. |
| Девочка без родителей<br>2 года N° A. 5133, Венгрия | Истощение 3-ей степени.<br>Цынга с подкожным кровоизлиянием на животе, коклюш.<br>Родители сожжены в печи.<br>Через неё показано орудие тату[и]ровки. |
| БЛЮМ Пащько<br>B N° 13979, 6 лет, Чехословакия | Истощение 3-ей степени. |

/ХАЙМАНА/, девочку без родителей и БЛЮМА демонстрирует профессор-педиатр Эпштейн/

| | |
|---|---|
| СКУРНИК Яков 20 лет<br>Поляк из Варшавы N° 80629 | Двухсторонняя кастрация. |
| СУРЕС Давид 29 лет<br>N° 112596, грек из Салоник | Левосторонняя кастрация. |
| ВАЛИГРАМ 22 года<br>Поляк N° 83511 | Левосторонняя кастрация. |
| МАНГЕГЕЛЬПЕРУД<br>девочка 12 лет, Чехословакия<br>N° A. 27165 | Обморожения стоп.<br>За невыполнение норм по плетению верёвки была поставлена на двор в декабре месяце с утра до вечера. |
| ЦИМЕРИН 19 лет<br>N° A. 27218 | Обморожение 2-ой степени<br>/причина та же., |
| МЕЛЬНИКОВ А. 31 год<br>Русский N° 1739 828 | Восемь рубцов на спине после заживления ран от побоев штыком. Невыполнение нормы. |

tomorrow you are dead/.

| | |
|---|---|
| PENZEL Sophia, aged 20<br>Girl, N° 88972, Germany | 3rd degree cachexia. |
| SHAPS Paul, aged 42<br>[N°] A. 117, 23, Czechoslovakia | 3rd degree cachexia, leg oedema. |
| HAIMAN, aged 4<br>N° B-4094, Czech boy | 3rd degree cachexia,<br>avitalism C [?]. |
| Girl without parents<br>aged 2, N° A. 5133, Hungary | 3rd degree cachexia.<br>Scurvy with subcutaneous haemorrhage on abdomen, whooping cough. Parents burned in a furnace. Tattoo tool is shown behind her. |
| BLUM Paschko<br>V N° 13979, aged 6, Czechoslovakia | 3rd degree cachexia. |

/HAIMAN/, the girl without parents and BLUM are shown by Professor Epstein, the paediatrician.

| | |
|---|---|
| SKURNIK IAKOV, aged 20<br>Pole from Warsaw, N° 80629 | Bilateral castration. |
| SURES David, aged 29<br>N° 112596, Greek from Thessaloniki | Left castration. |
| VALIGRAM, aged 22<br>Polish, N° 83511 | Left castration. |
| MANGEGELPERUD<br>Girl, aged 12, Czechoslovakia<br>N° A. 27165 | Feet frostbite.<br>Barefoot, she was put in the yard in December, from morning till night, for not meeting the rope-weaving quota. |
| TSIMERIN, aged 19<br>N° A. 27218 | 2nd degree frostbite<br>/same cause/ |

MELTNIKOV A. aged 31

Russian, N° 1739 828

Eight scars on the back – healing wounds from beatings with a bayonet. Failure to meet the quota.

[*48*]

БЕНКЕЛЬ Файвель
Венгрия N° 7576
/демонстрирует эксперт-психиатр
подполковник медицинской
службы ВАНОВСКИЙ/

Огнестрельная рана головы по касательной с повреждением черепа и вещества мозга, в следствии чего мальчик имеет правосторонний паралич руки и ноги. Ранен эсэсовцем за передачу женщине куска хлеба.

Эпизод 23.

Техническая экспертиза.

Экспертиза по разбору и определению мощности крематорий Осьвенцима
Техническая комиссия в присутствии бывших заключённых, рабочих крематорий изучает планы и проекты крематорий и газокамеры.
Состав комиссии: профессор доктор-инженер Роман Андреевич ДАВОДОВСКИЙ /из Кракова/ специалист-теплотехник /в очках, полный, в сером костюме/ профессор доктор-инженер Ярослав Иванович ДОЛИНСКИЙ /из Кракова/ специалист химик /в чёрном костюме, худой/.
Кандидат химических наук инженер-майор Владимир Фёдорович ЛАВРУШИН /полевая почта 19701/.

Капитан Абрам Моисеевич ШУЕР /полевая почта 42638/

Свидетели бывшие заключённые – «зондеркоманда» ТАУЕР Генрих Абрамович, бывший заключённый лагеря Осьвенцим, рабочий особой команды по сжигание трупов в крематориях /спиной к аппарату, в общем плане, отдельно крупно/.

ДРАГОН Шлёма Данилович, рабочий особой команды по сжигании трупов. /Стоит с левой стороны кадра/.

Свидетель НОСАЛЬ Евгенюш, архитектор-строитель, бывший заключённый лагеря Осьвенцим, чертёжник технического бюро по проекти-

[*48*]

BENKEL Faivel
Hungary, N° 7576
/presented by the Expert-psychiatrist,
Medical services Lieutenant Colonel
VANOVSKII/

Tangential gunshot head wound, with skull and brain matter damage, resulting in the right-sided paralysis of arm and leg. Wounded by an SS for handing a woman a piece of bread.

Episode 23.

Technical expertise.

Examination of the Auschwitz crematorium's dismantling and determining its capacity.
A technical commission, in the presence of former inmates and crematoria workers is examining the plans and drafts of the crematoriums and gas chamber.
Commission members: Prof. Dr. Engr. Roman Andreevich DAVODOVSKI /from Krakow/, /a thermal engineer /, /with glasses, overweight, in a grey suit/, Prof. Dr. Engr. Iaroslav Ivanovich DOLINSKI /from Krakow/, a chemist /in a black suit, thin/.
Dr of Chemistry, engineer, Major Vladimir Fiodorovich LAVRUSHIN /field post [number] 19701/.
Captain Abram Moiseevich SHUER /field post [number] 42638/.

Witnesses are former prisoners, the "Sonderkommando", TAUBER Genrikh Abramovich, a former Auschwitz prisoner, worker in the special team for burning corpses in crematoria /with his back to the camera, part of the long shot, a close-up separately/.

DRAGON Shlioma Danilovich, a worker of the special team for burning corpses. /standing on the left side of the frame/.

Witness NOSAL Eugeniusz, a structural architect, former Auschwitz prisoner, draftsman at the crematorium

рованию крематорий /поляк/. /Снят рядом с профессором ДОЛИНСКИМ/.

Эпизод 24.

Репродукции с планов лагерей, крематорий, газовых камер. Альбом заключённых, сожжённых в крематориях. Группа СС"евцев, возглавлявший их лагерь.

1. ЗЕЛЬ – руководитель работ лагеря в Осьвенциме.
2. БЕР – комендант лагеря.
3. Надсмотрщица женского лагеря, отличавшаяся садистскими способами издевательство над заключёнными.

Эпизод 25.

Группа чемоданов заключённых, еврейские молитвенные одежды /для Америки/, щётки для одежды и обуви, зубные щётки и помазки для бритья.

Эпизод 26.

Отдельные платы проволочного ограждения лагерей под током высокого напряжения. Рубильник для включения тока 6000 вольт. /Надпись по-немецки /раум//. /Желательно монтировать с детской массовки/. Надпись стой! Детали проволочных заграждений с изоляторами.

Эпизод 27.

Похороны жертв Осьвенцима. Процессия с гробами направляется из лагеря Биркенау в Оьсвенцим к месту погребения. Планы общие и крупные прохода процессии. Делегация общественных и политических организаций. Траурный митинг у могилы.

engineering design office /Polish/. /Filmed with Prof. DOLINSKI./

Episode 24.

Reproduction of the camps, crematoria and gas chambers layouts.
Album of prisoners burned in crematoria. A group of the SS men, in charge of their camp.
1. ZEL – Work manager at Auschwitz.
2. BER – Commandant of the camp.
3. A women's camp overseer, famous for her sadistic ways of abusing prisoners.

Episode 25.

A pile of prisoners' suitcases, Jewish prayer clothing /for America/, brushes for clothes and shoes, toothbrushes and shaving brushes.

Episode 26.

Several wire fence boards of the camp, under high voltage current. Switch for switching on the current of 6,000 volts. /Inscription in German /Raum/. /Preferably, to be assembled with the children's crowd [scene]/. Inscriptions "Stop!" Parts of wire barriers and insulators.

Episode 27.

Funeral for the Auschwitz victims. Procession with coffins, proceeding from Birkenau camp to the burial place in Auschwitz. Long shots and close-ups of the procession. Representatives of social and political organizations. Memorial rally at the grave.

[*50*]

Выступление:

1. Бургомистр – КШЕМЕНЬ Мартин.
2. Секретарь ППР СПИСАК Илиан.
3. Председатель Государственной комиссии КУДРЯВЦЕВ Д.И.
4. Ксёндз – ДЬЕКАН Скарбек.
5. Польский профессор доктор химических наук ДОЛИНСКИЙ.
6. Представитель Красной Армии полковник САМУАЛАЙНЕН.
7. Бывший заключённый французский профессор ЛИМУЗЕН.
8. Бывшая заключенная София ЛОМАЙКО из Белоруссии.

Гробы опускают в могилу, кладут венки и засыпают могилы. –

Эпизод 28.

Склады детского и женского белья, обуви и одежды. Общие, средние и крупные планы детских вещей, женских туфель и т.д. Бойцы Красной Армии рассматривают детские распашонки, платье.

Эпизод 29.

Склады человеческих волос.

Первый на заводе Батя. Члены государственной комиссии и представители местной общественности осматривают огромное количество мешков с волосами, приготовленными для отправки в Германию. Общее количество волос порядка *семи* тонн. Приблизительно с *140* тысяч заключённых.

Второй склад человеческих волос в бане на территории «Канады».

[*50*]

Speech:

1. Mayor [Bürgermeister], Martin KRZEMIEŃ.
2. Secretary of the PPR [Polish Workers' Party], SPISAK Ilian.
3. Chairman of the State Commission, KUDRIAVTSEV D. I.
4. Priest, DIEKAN Skarbek.
5. Polish Doctor of Chemistry, Prof. DOLINSKI.
6. Representative of the Red Army, Colonel SAMUALAINEN.
7. Former French prisoner, Prof. LIMOUSIN.
8. Former prisoner, Sofia LOMAIKO, from Belarus.

Coffins are lowered into the grave, wreaths are placed and graves are filled in.

Episode 28.

Stocks of children's and women's underwear, shoes and clothing. Long, medium and close-ups of children's clothes, women's shoes, etc. Red Army soldiers examining baby shirts, dress.

Episode 29.

Stocks of human hair.

The first one is at the plant, Batia. Members of the state commission and representatives of the local community, examining the huge number of sacks of hair prepared for shipment to Germany. The total amount of hair is about *seven* tons. From approximately *140* thousand prisoners.

The second stock of human hair is inside the bathhouse, where "Kanada" is located.

[*51*]

Куча человеческих волос.

На заводе Батя волосы рассматривают члены Государственной Комиссии: полковник СУОМАЛАЙНЕН, помощник военного прокурора 1-ого Украинского Фронта майор ПАХОМОВ, бургомистр города Осьвенцим КШЕМЕНЬ М., профессор ЖИГАН /с усами в кепке/ и переводчик МЩИНСКИЙ.

Эпизод 30.

Осмотр членами технической комиссии газовой камеры.

Снято: общий план осмотра камеры, детали – глазок, герметическая дверь, ящики с газом «Циклон», специальные противогазы для работы с синильной кислотой, индивидуальный прибор для определения присутствия в воздухе синильной кислоты. Осматривают камеру: профессор-теплотехник ДАВИДОВСКИЙ /в шляпе/, кандидат химических наук инженер майор ЛАВРУШИН, инженер-капитан ШУЕР и бывшие заключённые, рабочие зондеркоманды ДРАГОН Шлёма Данилович И ТАУБЕР Генрих Абрамович.

Эпизод 31.

Завод синтетического каучука и бензина.

Общие планы завода, отдельные цеха, химические цистерны с маркой завода в Осьвенциме., пульточки., охрана завода /завод Фарбениндустри, построенный заключёнными Осьвенцима, основная рабочая сила на заводе – бывшие заключённые/.

Эпизод 32.

Оборудование крематориев на железно-дорожных путях, приготовленное для отправки в Германию.

Снято в присутствии технической комиссии.

[*51*]

A pile of human hair.

At the Batia plant, members of the State Commission examine the hair: Colonel SUOMALAINEN, Assistant Military Prosecutor of the 1st Ukrainian Front, Major PAKHOMOV, Auschwitz Mayor, KRZEMIEŃ M., Prof. ZHAGAN /with a moustache, a cap/ and the interpreter, Mszczinski.

Episode 30.

Members of the Technical commission are inspecting the gas chamber.

Filmed: Long shot of the chamber inspection, details – a peephole, sealed door, boxes of gas "Zyklon B", special gas masks for working with hydrocyanic acid, indicating device for determining the presence of hydrocyanic acid in the air. The chamber is being examined by: Prof. DAVIDOVSKI/wearing a hat/, Dr of Chemistry, Engineer Major LAVRUSHIN, Engineer Captain SHUER, and former prisoners, Sonderkommando workers DRAGON, Shlioma Danilovich and TAUBER, Genrikh Abramovich.

Episode 31.

Synthetic rubber and petrol plant.

Long shots of the plant, individual workshops, chemical tanks with the mark of the Auschwitz plant, machine-gun nests, plant security /Farbenindustrie plant, built by the Auschwitz prisoners, the main workforce at the plant being ex-prisoners/.

Episode 32.

Crematorium equipment on the railway tracks, prepared for shipment to Germany.

Filmed in the presence of the Technical commission.

[*К ВС 1106*]

[*подпись 7.7.45*] [*206*]

## [*1.*] ШТУТТХОФСКИЙ ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ

Штуттховский лагерь уничтожения расположен на болотистых дюнах, неподалеку от побережья Северного моря, в 40-45 клм от гор. Данцига, с котором он связан узкоколейной железной дорогой, пересекающей р. Висла. К югу от лагеря простирается морской залив Фриш-Гав. Море и залив окружают лагерь с трёх сторон.

Строительство лагеря было начато немцами в 1939 г. и продолжалось во все последующие годы, причём строительства всё время возрастали. К 1941 г. лагерь имел только лишь до 15 деревянных стандартного типа бараков и необходимые мелкие здания службы и предназначался в основном для политзаключенных. Но с расширением контингента заключённых, количество построек многократно возрастает. В конце 1944 г. их уже имелось 112. Согласно макета [у], обнаруженного в канцелярии коменданта лагеря СС «Штуттхоф» лагерь в своей значительной части ещё не был достроен, так как предполагалось общую численность жилых бараков довести до 180, причём новая часть лагеря в отличие от старой строилось кирпичной. Всё строительство производилось силами заключенных.

При нормальном расселении, лагерь мог вместить 32.400 человек, фактически же общая численность заключенных, размещённых в лагере, периодами достигало от 62 до 72 тысяч.

Вся территория концлагеря была обнесена забором из колючей проволоки. Кроме того, жилая часть лагеря обнесена отдельным забором из колючей проволоки, установленным на фарфоровых изоляторах. Через проволоку пропускается электрический ток высокого напряжения. На подходах колючей проволоки со стороны бараков дополнительно установлена колючая проволока в наброс глубиной до 3 метров.

Предназначенный в первое время для политзаключенных, лагерь в дальнейшем, вместе со своим расширением, заполни-

[*K BC 1106*]

[*signature 7.7.45*] [*206*]

# [*1.*] STUTTHOF EXTERMINATION CAMP

Stutthof camp is located on marshy dunes, close to the North Sea coast, 40-45 km from the city of Danzig. Danzig can be reached by a narrow-gauge railway, which crosses the Vistula River. To the south of the camp stretches Frisches Haff bay. The sea and the bay surround the camp on three sides.

The camp construction began in 1939 and continued, increasingly, throughout the following years. By 1941, the camp had only about 15 standard wooden barracks and some basic small office houses, and was mostly used for political prisoners. However, as the incarcerated population expanded, the number of constructions grew significantly. At the end of 1944, there were already 112 of them. According to a model found in the office of Stutthof commandant, a large part of the camp had yet to be completed, as the total number of residential barracks was supposed to reach 180; also, the new part of the camp was built of brick, unlike the old one. All the construction work was done by the prisoners.

While the camp could normally accommodate 32,400 people, in reality, at times, there were as many as between 62,000 to 72,000 prisoners.

The entire area of the concentration camp was surrounded by a barbed wire fence. In addition, the residential part of the camp was enclosed by a separate barbed wire fence, mounted on porcelain insulators. High voltage electric current passes through the wire.

From the side approaching the barracks, the barbed wire had an addition, of 3 meters deep.

Intended at first for political prisoners, subsequently, along with its expansion, the camp

[*207*]

ся самыми разнообразными людьми. В отделении лагеря, построенном в 1943 г. в 3 клм. от центра, и называемом «германский лагерь», немцы поместили около 300 человек норвежских полицейских и служащих полиции. В другом отделении, выстроенном в 1944 г., ближе к центру, называемом особый лагерь, содержались заключённые, привозимые из Познани, по всем данным немцы, которых держали в очень строгой изоляции. Сюда присылали за самые разнообразные «преступления»: принадлежность к политическим партиям, тайным организациям, в сопротивлении властям и т.п. Сюда присылали за вредные высказывания о государстве, за гонку самогона и просто за воровство.

В декабре 1944 г. в лагере находились люди 22 национальностей, в основной своей массе русские и поляки. Состав заключённых систематически пополнялся привозом новых, которых группами от 12 до 80 человек присылали под строгой охраной из Данцига, Мариенбурга, Эльбинга, Кёнигсберга, Тильзита, Бромберга и других городов. В 1944 году стали прибывать всё большие партии с востока, с эвакуируемых немцами русских областей. В конце этого года порядковый номер заключённого перевалил за 100 тысяч. Из Штуттхофа партии заключённых направлялись иногда в другие лагери, как например Максганзен [Mauthausen ?], Да[х]ау, Бухенвальд, Равенсбрук (специально женский лагерь), Гросс-Розен, Саксенгаузен, Ной-Гаммерн [Neuhammer].

Многие заключённые ещё до прибытия в лагерь Штуттхоф при допросах избивались полицией, направлялись прямо в больницу, а то и просто умирали. Некоторые умирали по дороге в лагерь. Невыносимые антисанитарные условия, в которых находились заключённые, голодные нормы питания, непосильная физическая работа по 16-17 часов в день, отсутствие надлежащей обуви и одежды, особенно в зимнее время, наконец, изощрен-

was filled with all sorts of people.

In a ward built in 1943, 3 km from the center, called the “German Camp”, the Germans housed about 300 Norwegian police officers and police employees. Another ward – built in 1944, closer to the center – called a “special camp”, housed prisoners brought in from Poznan. Apparently, they were Germans and were held here in very strict isolation. They were sent here accused of all kinds of “crimes”: membership in political parties and secret organisations, resisting the authorities, etc. It could be for making harmful statements about the State, for distilling moonshine or simply for stealing.

In December 1944, the camp housed 22 nationalities, mostly Russians and Poles. The prisoner population was systematically replenished by new arrivals, sent in groups of 12 to 80 people, from Danzig, Marienburg, Elbing, Königsberg, Tilsit, Bromberg and other cities, under high security. In 1944, increasingly larger consignments began to arrive from the east, from the Russian provinces evacuated by the Germans. At the end of that year, the prisoner serial number got over 100 thousand. From Stutthof, batches of prisoners were sometimes sent to other camps, such as Mauthausen, Dachau, Buchenwald, Ravensbrük (female only camp), Gross-Rosen, Sachsenhausen, Neuhammer.

Many prisoners were beaten by the police during interrogations before their arrival at Stutthof camp, were taken directly to hospital, or simply died. Some died on the way to the camp. The unbearable unhygienic conditions, starvation-like food ration, hard labour of 16 –17 hours a day, lack of proper footwear and clothing, particularly in winter, and finally

[*208*]

ные зверские расправы и экзекуции, которые проводились в лагере избиение, расстрелы, вешание, впрыскивание яда и тп приводили в итоге к массовому уничтожению людей.

Для сжигания трупов умерщвлённых в 1942 г. немцы построили крематории с 2 печами, а в 1946 г. другой с двумя новыми печами. При крематории находилась так называемая «баня особого назначения», газовая камера для удушения людей отравляющим веществом «циклон».

Предназначенных для умерщвления заставляли раздеваться, а потом ударами палок, ружейных прикладов и другими физическими средствами загоняли в «баню». Все двери камеры герметически закрывались и в круглые отверстия в перекрытии засыпался «циклон». Процесс удушения продолжался 45 минут, после чего трупы вытаскивались из сжигались в печах крематория.

Перед сжиганием у трупов вырывались золотые зубы и коронки. На небольшой в 24 кв метра внутренней площади газовой камеры одновременно отправлялось до 96 до крайней степени изнемождённых и истощённых людей.

В каждой кремационной печи одновременно сжигалось до 12 трупов, положенных продольно в два ряда. Вследствие того что «производительность бани» значительно превышала пропускную способность печей крематория, немцы сжигали умерщвлённых на кострах, несколько в стороне от лагеря. На костёр обычно укладывалось 800-900, а иногда свыше 1000 трупов, затем гигантский штабель человеческих тел и дерева поливался смолой или другим горючим веществом и зажигался. Процесс сожжения на костре продолжался 2-3 дня. В Штуттхофском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали сотни заключённых. А в общей сложности они умертвили здесь ~~свыше~~ [*около*] 100 тысяч людей.

[*208*]

the elaborately brutal reprisals and corporal punishments that took place in the camp, such as beating, shooting, hanging, poison injections, etc., eventually led to the mass extermination.

To incinerate the bodies of those killed, the Germans built crematorium with two furnaces in 1942, and another one, in 1943, with two new furnaces. Inside the crematorium was a so-called “bathhouse for special purpose”, a gas chamber for suffocating people with a poisonous substance called “Zyclon”.

Those to be put to death were forced to undress and then beaten with sticks, rifle butts and other physical means to force them into the “bathhouse”. All chamber doors were then hermetically shut and “cyclone” was poured into round openings [in the ceiling]. The asphyxiation process lasted 45 minutes, after which the corpses were pulled out and burned in the crematorium furnaces.

Gold teeth and crowns were extracted from the corpses before the incineration. Up to 96 extremely exhausted and famished people could be put, at a time, into a rather small, 24 square meter area of the gas chamber.

Up to 12 corpses were burned simultaneously in each furnace, laid longitudinally in two rows. Due to the fact that the “bathhouse output” exceeded by far the capacity of the crematorium furnaces, the Germans burned the dead on pyres, somewhat away from the camp. Usually, some 800 to 900 corpses were laid on a pyre, at times even over 1,000, and then the tar or other combustible was poured over the giant stack of human bodies and wood, and lit. The process of burning would last 2 to 3 days. At Stutthof camp, the Germans killed and burned hundreds of prisoners every day. In total, they put to death ~~over~~ [*about*] 100,000 people here.

# АКТ [*№ 3*]

[*68*]

О массовом расстреле фашистскими оккупантами граждан Керчи в Багеровском рву в 1941 году.

гор. Керчь 2 августа 1944 года

Комиссия Кировского района г. Керчи по расследованию фашистских злодеяний в составе Председателя комиссии секретаря Кировского РК ВП/б/ – тов. Яценко Михаила Алексеевича, заместителя Председателя комиссии – ответственного секретаря Горисполкома тов. Варбарук Виктора Лукьяновича, членов комиссии: лейтенанта Госбезопасности Полунина Василия Ивановича, секретаря Кировского РК ВЛКСМ тов. Кулеш Сергея Ивановича, заведующей Райздрав отделом тов. Збарь Раисы Соломоновны, заведующего Кировским РАЙОНО тов. Попова Григория Борисовича и священника Афанасьевской церкви отца Алексея Воева составили настоящий акт на основании допросов, расследований, на основании свидетельских показаний.

Комиссия установила факт массового расстрела мирного населения города в начале декабря 1941 г. и в период отступления немцев в конце декабря 1941 г. Количество расстрелянных свыше 7000 человек.

В первые же дни после вступления немцев в Керчь появился ряд приказов преследующих цель тщательно учесть всё население города: приказ о запрещении выезда из города, о регистрация населения, об обязательном ношении евреями шестиконечной звезды.

23 ноября вывесили новый приказ: еврейскому населению всем без исключения со своими семьями явиться на Сенную площадь. С Сенной площади всех собравшихся – женщин, стариков, детей отправили в тюрьму, из тюрьмы на Багеровский ров, где зверски их расстреляли и ещё полуживых закопали во рву.

Вот рассказы свидетелей о расстреле мирного населения в начале декабря 1941 г. Булычёва Прасковья Яковлевна, проживающая по ул. Курсантов № 14, показала:

«В конце ноября 41 г. был дан приказ всему еврейскому населению с вещами явиться на Сенную площадь, взять с собой на 3 дня продуктов. С Сенной площадью повели их колоннами по 6 человек по улице Кирова, где я в то время проживала, в тюрьму. Кто по дороге отставал по болезни или по старости, тех избивали и складывали на повозки. Я видела, как их отправляли на Багеровский ров, сама видела, как машины битком набивали стариками, больными, женщинами и детьми. Детей прямо бросали в машину».

Кирюткина Любовь Ивановна, проживающая по ул. Ленина № 14, показала:

«В декабре 1941 г. всё еврейское население – дети, старики и женщины должны были явиться на Сенную площадь, захватив с собой на 3 дня продовольствия. На площадь согнали около 7000 человек, всех погнали в тюрьму. На другой день стали вызывать

каждого по очереди, забирали все ценные вещи, одежду и в одном нижнем белье везли на Багеровский ров, расположенный в 4 км от города, там всех расстреливали».

«С одного только Садового переулка расстреляно 12 человек. /Показания гражданки Казмирчук, Садовый пер. № 17, и Романенко Ивана Ильича, Садовый пер. № 15/.

«Расстреливали не только евреев. Расстреливали русских, украинцев, всех, кого подозревали в связи с партизанами, в ком замечали

# ACT [№ 3]

[68]

On Bagerovo ditch mass execution by fascist occupants of Kerch, in 1941.

Kerch, 2 August 1944

The Commission for the Investigation of Fascist Atrocities, Kerch Kirov District, consisting of:

the chairman of the commission (secretary of the Kirov RK VP (b)), Cde Mikhail Alekseevich Iatsenko; deputy chairman (executive secretary of the city executive committee), Cde Viktor Lukianovich Varbaruk; commission members: State Security Lieutenant, Polunin Vasilii Ivanovich; secretary of Kirov RK VLKSM, Cde Kulesh Sergei Ivanovich; head of the District Health Dept., Raisa Solomonovna Zbar; head of the Kirov District Education Dept., Grigorii Borisovich Popov, and Father Alexei Voiev, priest of the Afanasiev Church, drafted this statement on the basis of interrogations, investigations and testimonies.

The commission established the fact of the massive execution of Kerch civilians (early December 1941) and during the retreat of the Germans (late December 1941). Over 7,000 people were killed.

In the first days after the Germans entered Kerch, a series of orders were issued aiming to keep accurate records of the entire population of the city: banning people from leaving the city, registering the population, and making it compulsory for Jews to wear the six-pointed star.

On 23 November a new order was posted: all the Jews, without exception, were to report to Sennaia Square with their families. From Sennaia Square, all those who had gathered – women, the elderly, children – were sent to prison, from the prison to the Bagerovo ditch, where they were brutally shot and buried half alive in the moat.

These are the testimonies of witnesses to the killing of civilians in early December 1941. Praskov'ia Iakovlevna Bulycheva, a resident at 14 Kursantov Street, testified:

“At the end of November 1941, all the Jewish people were ordered to come to Sennaia Square with their goods and food for three days. From Sennaia Square they were taken to the prison, in columns of six, along Kirov Street, where I lived at the time. Those who lagged behind on the way because of illness or old age were beaten and put on wagons. I saw them being sent to the Bagerovo ditch, and I personally saw cars packed with old people, sick people, women and children. Children were thrown directly into the car”.

Kiriutkina Liubov Ivanovna, residing at 14 Lenin Street, testified:

“In December 1941, the entire Jewish population – children, the elderly and women had to report to Sennaia Square, taking three days’ worth of food with them. About 7,000 people were brought to the square and all were driven to the prison. The following day, they called everyone in turn, took all their valuables and clothes, and drove them to the Bagerovo ditch, 4 km from the city, just in their underwear, where everyone was shot”.

“Among Sadovaia lane residents alone, twelve people were shot (Citizen Kazmirchuk’s testimony, of 17 Sadovaia lane, and Ivan Il'ich Romanenko, of 15 Sadovaia lane).

“The Jews were not the only ones executed. Anyone suspected of being a partisan was shot – the Russians, the Ukrainians, anyone

недовольство «освободителями», в ком замечали сочувствие страдающему от этих «освободителей» Советскому народу. Перед отступлением гитлеровцы сотнями расстреливали советских граждан.

Гр. Бляхер: при отступлении в Камыш-Буруне были убиты все оставшиеся в живых мужчины в количестве 400 человек. По дороге из Керчи фашистские палачи ещё расстреляли много тысяч /из книги «Зверства фашистов в Керчи»./

А вот показания гр. Сазановой, у которой немцы зверски расстреляли мужа и отца /из книги «Зверства фашистов в Керчи»/.

Когда немцы производили аресты в нашем посёлке, арестовали и моего мужа Сазанова Александра Егоровича, чернорабочего Гужтранспорта, 53 лет, и отца моего, Чепелева Ивана Фёдоровича, работавшего на фабрике котельщиком. Их увели в Керчь. На следующий день расстреляли. Тело мужа и отца я обнаружила12 января 1942 г. в огромной яме, в которой лежали тысячи убитых. На муже я обнаружила 12 ран.

О страшных зверствах, истязаниях расстрелянного фашистами населения рассказывают подробно очевидцы, которые сами стояли под пулями этих палачей, сами видели и слышали мольбы женщин, плач малолетних и грудных детей, но недобитые, заживо погребённые, сумели выкарабкаться из этой страшной могилы.

Вот рассказ подростка 15 лет Изи Гофмана:

Несколько дней он скрывался, 2/XII-41 г. его схватили. «В тюрьме, рассказывает Изя – меня посадили в небольшую камеру, где уже находилось 75 человек. Там была и моя сестра Рая, она в то время уже родила. Изверги не только не оказали ей никакой медицинской помощи, но оторвали у неё новорожденного и бросили в уборную. Сидеть и спать в камере было не на чем, кормили нас один раз в сутки солеными бычками. Воды не давали, каждую ночь из камеры выводили заключённых и тут же в тюрьме расстреливали. Так в ожидании смерти провёл я семь страшных дней. Днём 29 декабря нас, оборванных и раздетых бросили в машину, запахнули дверь и повезли. В дороге я видел, как одна женщина, прижав к себе ребенка лет 5 на одном из поворотов выскочила. Я также решил попытать счастья. Поцеловал детей, я быстро спрыгнул и кинулся в канаву.» /из книги «Зверства фашистов в Керчи», статья В. Сонкина./

Мося Гольдштейн, ~~его~~ ровесник *Изи*, был тоже под расстрелом, но ему удалось спастись. Вот его рассказ о жутком расстреле беззащитных жителей: «29 декабря вывели нас во двор и начали отбирать вещи. Когда ограбление кончилось, всем предложили залезть в машину. Нас увезли. Доехали до Багерова. Выстроив нас в шеренгу, немецкие изверги стали стрелять поочередно в каждого. Сознание у меня помутилось, от страха стали подкашиваться ноги, и прежде, чем раздались выстрелы в мою сторону, я упал в ров. Сверху навалилось три трупа, который покрыли меня. Когда я очнулся от холода, уже смеркалось. С трудом, плохо соображая, выбрался я изо рва». /ст. В. Сонкина/.

Показания гр. Белоцерковской

29 ноября 1941 г. меня и двух моих детей посадили в тюрьму. Все девять дней мне давали только солёных бычков, а детям гнилую картошку. Нас мучила жажда. Сердце мое разрывалось на части, когда я видела, как дети умоляют немецкого часового дать им попить. На 9-ый день мне приказали раздеться до нижнего белья, взять детей и идти во двор. Вывели еще несколько женщин с детьми, они были тоже раздеты и стояли на снегу босиком. Прикладами винтовок нас загнали в грузовик, поставили там на колени и строго-настрого запретили поднимать головы. В таком положении вывезли нас за город. Всех выстроили возле ямы. Раздались выстрелы. Пуля попала мне в левую лопатку. Я упала в яму, на меня упали две убитых женщины. Я потеряла сознание. Когда пришла в себя, увидела рядом своих мёртвых детей. /из книги «Звер-

who seemed unhappy with the “liberators”, who seemed to sympathize with the suffering of the Soviet people under these “liberators”. Before retreating, Hitlerites shot Soviet citizens by the hundreds.

Citizen Bliakher: “During the retreat, all 400 men who survived in Kamysh-Burun were killed. The fascist executioners shot many thousands of others on the road from Kerch” (from the book “Fascist atrocities in Kerch”).

And here is the testimony of Citizen Sazonova, whose husband and father were brutally shot by the Germans (from the book “Fascist atrocities in Kerch”).

When the Germans carried out arrests in our village, they also arrested my husband, Alexandr Egorovich Sazanov, an [unskilled] labourer at Guzhtransport, aged 53, and my father, Ivan Fedorovich Chepelev, who worked at the factory as a boiler operator. They were taken to Kerch. The next day, they were gunned down. On 12 January 1942 I found their bodies in a huge pit, where thousands of dead were lying. On my husband’s body, I found twelve wounds.

Eyewitnesses who themselves stood under the bullets of these executioners, who saw and heard the pleas of women, the cries of young children and infants, who were buried alive but managed, half dead, to climb out of this terrible tomb, tell in detail about the atrocities and torture inflicted on the people shot by the fascists.

This is the story of a 15-year-old adolescent, Izia Gofman:

He was in hiding for a few days, but was captured on 2 December 1941. “In prison,” says Izia, “they put me in a small cell where 75 people were already present. My sister Raia was here too and had already given birth. Not only did the monsters not provide her with any medical care, but they tore her newborn baby from her and threw him into the toilet. There was nothing to sit or sleep on in the cell, we were fed once a day with salty steers. They wouldn’t give us water, every night, they’d take prisoners out of the cell and shoot them right there in the prison. I spent seven terrible days waiting to die. On 29 December, in the afternoon, ragged and naked, they threw us into a car, closed the door and took us away. On the road, I saw a woman cradling a five-year-old child jump out at one of the curves. I also decided to take the chance. I kissed the children, quickly jumped off and threw myself into the ditch.” (from the book “Fascist atrocities in Kerch”, article by V. Sonkin).

Mosia Goldshtein, of the same age as Izia, was also under firing squad, but managed to escape. Here is his account of the gruesome shooting of the defenseless: “On 29 December they took us out into the courtyard and started to take away our belongings. When the robbery was over, everyone was asked to get into a car. We drove away. We went as far as Bagerovo. The German monsters lined us up and began to fire on each in turn. I felt dizzy, my legs shaking in fear, and before the gunshots were fired at me, I fell into the ditch. Three bodies stacked on top of me, covered me up. When I came to my senses, due to the cold, it was already getting dark. Not thinking straight, with difficulty, I got out of the ditch (article by V. Sonkin).

Testimony of Citizen Belotserkovskaia:

On 29 November 1941, my two children and I were imprisoned. For nine days, they gave me nothing but salted steers and gave the children rotten potatoes. We were thirsty. It broke my heart when I saw the children begging the German sentry for something to drink. On the ninth day, I was ordered to take off my clothes, take the children, and go to the courtyard. Several other women were brought out with their children; they were also naked and standing barefoot on the snow. They pushed us with gunbutts in a truck, brought us to our knees and strictly forbade us to raise our heads. In this condition, we were taken away from the city. All of us were lined up by the pit. Gunshots were fired. That bullet hit my left shoulder blade. I fell into the pit, two dead women fell on top of me. I lost consciousness. When I came to myself, I saw my dead children beside me (from the book “Fascist atrocities in Kerch”).

[*69*]

ства фашистов в Керчи»./

Рассказ Вышкобецкой и Гольдиной.

29 ноября 1941 г. явившихся на площадь отправили в тюрьму и разместили по камерам. На третий день из нашей камеры вызвали 4 женщин с детьми. Мы думали, что их отпустят домой. Позднее мы узнали, что их увезли на расстрел. Немцы уводили людей в течение нескольких дней. Кто пытался открывать ценности, деньги, тех беспощадно избивали. Одна женщина спрятала кольцо. Но фашисты нашли это кольцо и женщину всю ночь истязали так, что по всей тюрьме были слышны её крики. Вообще в тюрьме немало зверски пытали людей. Рядом с нашей камерой сидел партизан, его сильно били, но добиться ничего не смогли – он даже не стонал. Фашисты расстреливал людей и в самой тюрьме: каждую ночь были слышны выстрелы, крики расстреливаемых. Начальник тюрьмы говорил, что это расстреливали партизан. /из книги «Зверства фашистов в Керчи. Статья  Вышкобецкой и Гольдиной»/.

Показания гр. Гольд: /из этой же книги/.

29 ноября моя мать и все родственники /16 человек/ пошли на Сенную площадь, откуда их под конвоем погнали в тюрьму. Меня очень беспокоила судьба родных и я незаметно дежурила возле тюрьмы. Вскоре я заметила, что из тюрьмы выезжают закрытые машины, в которых находились заключённые. Я заметила, что машины очень быстро возвращаются обратно. На следующий день до нас дошли слухи от очевидцев о зверском расстреле увезенных. Все мои родные были замучены на Багеровском рву. После прихода Красной Армии я пошла к месту расстрела. С большим трудом удалось найти из всех моих родственников только Мосю Рохлиса. По всем признакам он был замучен 28 декабря. При осмотре трупа я обнаружила несколько ножевых ран, горло было проколото штыком, кисти рук вывернуты, несколько огнестрельных ран зияло в области груди.

Потрясающее зрелище открылось перед гражданами города, когда они после прихода Красной Армии бросились к Багеровскому рву разыскивать своих родных и близких, замученных фашистскими палачами. Ров на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра был полон трупами истерзанных мужчин, женщина, детей, подростков и стариков. Рядом с детскими игрушками валялись обрубки рук, ног и других частей тела. Расстрелами нескольких тысяч мирных жителей фашистские бандиты начали свою кровавую работу по введению «нового порядка» в Керчи. Дальнейшему водворению этого порядка помешал приход Красной армии в конце 1941 года.

[*69*]

The story of Vyshkobetskaia and Gol'dina.

On 29 November 1941 those who came to the square were sent to the prison and placed in cells. On the third day, four women and children from our cell got summoned. We believed they would be returned home. Later we heard that they had been taken to be shot. The Germans took people away for several days. Whoever tried to hide valuables or money, was beaten mercilessly. One woman hid a ring. But the fascists found it and the woman was tortured all night long, so that her screams could be heard throughout the prison. In fact, many have been brutally tortured in jail. A partisan was sitting next to our cell, he was badly beaten, but they couldn't get anything out of him, he didn't even moan. The fascists shot people inside the prison as well: every night we could hear shots and the screams of those being shot. The warden said that they were partisans (from the book "The fascist atrocities in Kerch". An article by Vyshkobetskaia and Gol'dina).

Citizen Gol'd's testimony (from the same book):

On 29 November my mother and all my relatives (sixteen people) went to Sennaia Square, from where they were escorted to the prison. I was very concerned about my family, so I kept a quiet wake in front of the prison. I soon realized that the covered vehicles, with prisoners, were leaving the prison. I noticed that the cars returned very rapidly. The next day, we heard from eyewitnesses that people had been brutally gunned down. All my relatives had been assassinated at the Bagerovo ditch. After the Red Army came, I went to the execution site. Of all my parents, with a lot of difficulty, I managed to find just Mosia Rokhlis. The evidence suggests he was killed on 28 December. When I examined his corpse I found several stab wounds, his throat stabbed with a bayonet, his hands twisted, and several gunshot wounds gaping in the chest area.

A shock was awaiting the locals when, after the arrival of the Red Army, they rushed to the Bagerovo ditch to look for their relatives and loved ones, murdered by the fascist executioners. The ditch was one kilometre long, four metres wide and two metres deep and was full of bodies of tortured men, women, children, adolescents and the elderly. Strains of hands, feet and other body parts were alongside the children's toys. Fascist bandits began their bloody work of introducing a "new order" in Kerch by shooting several thousand civilians. The implementation of this "order" was impeded by the arrival of the Red Army at the end of 1941.

За давностью времени не представляется возможным произвести сейчас раскопки и подсчитать количество трупов. Но многочисленные свидетельские показания подтверждают, что в Багеровском рву расстреляно более 7000 человек.

К акту прилагаются протоколы допросов следующих свидетелей:

Булычевой Прасковьи Яковлевны

Кирюткиной Л. И.

Козмирчук

Романенко.

Председатель комиссии Кировского района г. Керчи по расследованию фашистских злодеяний [*подпись*] /Яценко

Члены комиссии:

Барбарук В.Л.

Полунин В.И. .

[*подписи*] Кулеш С.И.

Збарж Р.С.

Попов Г.Б.

А. Воев

[*Акт зарегистрированный в книге реестров от 2/VIII-44 г. за № 3*]

[*Председатель Исполкома Кировского Района Советов депутатов Трудящихся г. Керчи:*] [*подпись*]

[*Секретарь Исполкома Кировского района Совета депутатов Трудящихся г. Керчи:*] [*подпись*]

Due to the time that had elapsed, it seems impossible at this time to exhume and count the number of bodies. Numerous testimonies, however, confirm that more than 7,000 people were shot dead in the Bagerovo ditch.

The minutes of interrogations of the following witnesses are enclosed with the present indictment:

Praskov'a Iakovlevna Bulycheva

Kiriutkina L. I.

Kozmirchuk.

Romanenko.

Chairman of the Kerch Kirovskii District Commission for the Investigation of Fascist Atrocities
[*signature*] /Iatsenko

Commission members:

Barbaruk V.L.

Polunin V. I.

[*signatures*] Kulesh S. I.

Zbarzh R.S.

Popov G. B.

A. Boiev

[*The Act is recorded in the Book of Registers*

*on 2/8/44 as No 3*]

[*Chairman of the Executive Committee of the Kirovskii District Council of Workers' Deputies of Kerch*:] [*signature*].

[*Secretary of the Executive Committee of the Kirovskii District Council of Workers' Deputies of Kerch*:] [*signature*].

Чрезвычайная Государственная
Комиссия
архив № 67

Акт № 1.

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт 17 февраля 1943 г. в г. Ростове/Д в следующем:

1. Перед своим вынужденным отступлением из города немецкие оккупанты взорвали и сожгли здание городской тюрьмы вместе с посаженным в тюрьму большим количеством мирных советских граждан. В прогулочном дворе тюрьмы вырыта фашистскими людоедами яма размером 300 кубометров, в которой обнаружено 370 трупов, в том числе 32 трупа несовершеннолетних мальчиков и девочек и 85 трупов женщин. В 50 метрах от ямы обнаружено 303 зверски расстрелянных человека, в том числе 23 несовершеннолетних и 37 женщин. От взрыва и пожара здания тюрьмы погибло 346 человек.

Кроме того, казнено 135 человек. Таким образом, во дворе тюрьмы обнаружено 1154 трупов женщин, мужчин и детей, многие из которых были предварительно подвергнуты пыткам, издевательством, у многих отрезанные носы и выколоты глаза, обрублены ноги, кисти рук и т.д.

В камерах найдено много остатков трупов, учесть которые не представляется возможным.

Среди расстрелянных в тюрьме обнаружены трупы: ЖДАНОВА Георгия Михайловича – инженера завода Красный Молот», МИХАЙЛОВСКОЙ Анны Сергеевны – работница 2 швейной фабрики, ПОДЛУЖНОЙ Наталии Алексеевны – работница молочного комбината, СЕМЁНОВА Петра Ивановича 51 года, КАТАРГИНА Ивана Андреевича 20 лет, СЕНЮКОВА Алексея Семёновича 18лет, НЕНАГЛЯДОГО Александра Ивановича 18 лет, ДУДНИКОВА Ивана 20 лет и многих других.

The Extraordinary State Commission

archive # 67

# ACT 1

We, the undersigned, drew up this declaration on 17 February 1943 in Rostov-on-Don as follows:

1. Before their forced retreat from the city, the German occupants blew up and burned down the building of the city prison, along with a large number of Soviet civilians imprisoned in it. In the exercise yard of the prison, the fascist cannibals dug out a hole of 300 cubic meters, in which 370 corpses were found, including 32 corpses of boys and girls and 85 corpses of women. The bodies of 303 brutally murdered people, including 23 minors and 37 women, were located 50 metres from the pit. 346 people perished in the explosion and arson of the prison.

Furthermore, 135 persons were executed. Thus, 1,154 corpses of women, men and children were found in the prison yard, many of whom had been previously tortured and taunted; many had their noses cut off and their eyes gouged out, feet and hands chopped off, etc.

Numerous body remains were found inside the cells, which cannot be accounted for.

Among those shot in the prison, the following bodies were found: Georgii Mikhailovich ZHDANOV (engineer at the Krasny Molot plant), Anna Sergeevna MIKHAILOVSKAIA (worker at the garment factory #2), Natalia Alekseevna PODLUZHNAIA (worker at the dairy plant), Petr Ivanovich SEMENOV, aged 51, Ivan Andreevich KATARGIN, aged 20, Alexei Semenovich SENIUKOV, aged 18, Alexander Ivanovich NENAGLIADOV, aged 18, Ivan DUDNIKOV, aged 20 and many others.

2. Тотчас после занятия города 23 июля 1942 г. комендант города генерал Киттель издал приказ об обязательной регистрации всего еврейского населения. Примерно через 3 недели после захвата, они издали второй приказ, согласно которому все евреи мужчины, женщины, дети и старики должны были явиться в определённые пункты сбора с самыми ценными вещами и с 3-дневным запасом продовольствия, а также с ключами от домов. После того, как евреи появились назначенные пункты, все вещи, продовольствия, а также ключи от квартир были отобраны, а евреи посажены в машины и вывезены за город. В районе Ботанического сада и Зоопарка всё взрослое еврейское население была расстреляно, а дети отравлены путём смазывание губ ядовитыми веществами.

Всё это неслыханное в истории злодеяние немецкие варвары прикрывали провокационными измышлениями о том, что евреи будут вывезены в специальные города, где они смогут спокойно работать.

По предварительным данным количество расстрелянных и отравленных, замученных и истребленных евреев по городу Ростову н/Д. в период с 23 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г. составляет 15-18 тыс. человек. Вместе с ними погибли и провожавшие их члены семьи других национальностей.

[*Андреевской железной дороги*]

Среди расстрелянных бывш. зав. Глазным отделением 2 Советской Больницы доцент КИРШМАН, врач-терапевт ИНГАЛ, юрист ЛУЦКИЙ Исаак Григорьевич, семья ЗЕЛЬНЕР из 4-х, зам. директора з-да им. Ворошилова БУЯКОВ Яков Ефимович и его жена Ольга Семёновна, сотрудница инфекционной больницы

2. Immediately after the capture of the city on 23 July 1942, the commander of the city, General Kittel, ordered the compulsory registration of the entire Jewish population. About 3 weeks after the occupation, they issued a second order requiring all Jewish men, women, children and the elderly to report to certain collection points with their most valuable belongings and a 3-day supply of food, as well as the keys to their homes. Once the Jews appeared at the designated points, all possessions, food and house keys were taken away, and the Jews were put into cars and taken out of the city. In the area around the Botanic Garden and Zoo, the entire adult Jewish population was slaughtered; the children were poisoned by substances spread on their lips.

German barbarians disguised this unprecedented atrocity with provocative inventions that Jews would be transported to special cities where they could work in peace.

According to the preliminary data, in the period between 23 July 1942 and 13 February 1943, 15 to 18 thousand Jews were shot, poisoned, tortured to death and exterminated in Rostov-on-Don. Family members (of other nationalities) who accompanied them died with them.

[*of the Andreevskaia Railways*]

Among those shot were the former head of the Second Soviet hospital's eye ward, associate professor KIRSHMAN, INGAL (a general practitioner), Isaak Grigorievich LUTSKII (a lawyer), the four members of the Zelner family, the Voroshilov plant deputy director Iakov Efimovich BUIAKOV and his wife Olga Semenovna,

Чрезвычайная Государственная
Комиссия
архив № 67

ШИФРИНА Татьяна, рабочий завода «Эмальпосуда» ДРУЯН и его жена, медсестра СИМОНОВИЧ Ольга Львовна, доцент НОВИКОВ Евсей Наумович, и его жена Анна Ильинична, сын Александр 8 лет и мать 70 лет, доктор ШЕРШЕВСКАЯ Е.А., токарь артели «Метиз» Анна ПАВЛОВСКАЯ 35 лет, бывший зам. директора Треста земляных насаждений БЫК Яков Михайлович и др.

3. Во время оккупации города, и особенно в период перед своим паническим бегством из г. Ростова н/Д. немецкие оккупанты взорвали и сожгли следующие крупнейшие предприятия города:

1. Завод «Ростсельмаш» имени Сталина.
2. Завод «Красный Аксай».
3. Паровозо-ремонтный завод имени Ленина.
4. Колбасная фабрика «Красная звезда».
5. Консервный завод «Смычка».
6. Крупзавод номер 1 на берегу Дона.
7. Чугунно-литейный завод имени Воровского.
8. Мукомольной макаронный комбинат номер 2.
9. Механический завод имени Ворошилова.
10. Один из крупнейших в Союзе механизированный хлебозавод.
11. Ростовская Тепло-Электро-Централь.
12. Гвоздильный завод имени Молотова.
13. Автобусный парк.
14. Трамвайный парк.
15. Трамвайная и троллейбусная электросети на протяжение всего города.
16. Городской мясокомбинат.
17. Автоматическая телефонная станция и междугородная телефонная станция.

The Extraordinary State Commission
Archive #67

SHIFRINA Tatiana (an employee of the infectious diseases hospital), DRUIAN (a worker of the factory "Emal'posuda") and his wife, SIMONOVICH Olga L'vovna (a nurse), NOVIKOV Evsei Naumovich (an associate professor) and his wife Anna Il'inichna, his son Alexandr, 8 years old and his 70 years-old mother, SHERSHEVSKAIA E.A. (a doctor), Anna PAVLOVSKAIA, 35 years old (a turner at the "Metiz"co-operative), the former deputy director of the Trust for ground plantations BYK Iakov Mikhailovich and others.

3. During the occupation of the city, and especially in the period prior to their panic flight from Rostov-on-Don, the German invaders blew up and burned down the following major city enterprises:

1. The Stalin "Rostselmash" factory.
2. "Krasnyi Aksai" plant.
3. Steam engine repair plant.
4. "Red Star" sausage factory.
5. "Smychka" cannery.
6. The First cereal processing plant, on the banks of the Don River.
7. The Vorovskii iron foundry.
8. The Second flour and pasta mill.
9. The Voroshilov mechanical plant.
10. One of the largest mechanized bakeries in the Soviet Union.
11. Rostov's combined heat and power plant.
12. The Molotov nail factory.
13. Bus depot.
14. Tram depot.
15. Tram and trolleybus network throughout the city.
16. City's meat processing plant.

17. Automatic telephone and long-distance telephone exchange.

18. Почтамт и телеграф.

19. Типографии: газеты «Молот», имени Коминтерна, имени Калинина, имени Стачки 1902 года.

20. Горводопровод и канализация.

21. Киномеханические мастерские.

22. Завод «Эмальпосуда».

23. Деревообделочная фабрика имени Урицкого.

24. Деревообделочная фабрика имени Халтурина.

25. Завод «Халва».

26. Консервно-халвичный завод.

27. Маслобойно-мыловаренный комбинат «Рабочий»,

и ряд др. предприятий города.

Взорваны и сожжены следующие крупнейшие государственные сооружения:

1. Дамба Ростов-Батайск со всеми мостами.

2. Эстакада через вокзал.

3. Наплавной и жел. дор. мосты через Дон.

4. Все железнодорожные мосты.

Немцами взорваны и сожжены следующие общественные здания:

1. Одно из крупнейших зданий города – Дом Советов.

2. Здание Облисполкома.

3. Управление железной дороги имени Ворошилова.

4. Областной суд.

5. Гостиницы «Интернационал» и «Интурист».

6. Управление военного снабжения.

7. Дворец Культуры завода Ростсельмаш.

18. Post and telegraphic office.

19. Printing houses of newspapers: “Molot”, “Comintern”, “Kalinin”, “Stachka of the year 1902”.

20. Municipal water supply and sewerage.

21. Cinematographic and mechanic workshops.

22. Factory “Emal'posuda”.

23. The Uritskii woodwork factory.

24. The Khalturin woodwork factory.

25. Factory “Halva”.

26. Canned-halva factory.

27. Butter & soap factory "Rabochii"

and a number of other city enterprises.

The following major State facilities were blown up and burned down:

1. The Rostov-Bataisk dam with all its bridges.

2. The train station bridge.

3. The pontoon and railway bridges across the Don.

4. All railway bridges.

The Germans detonated and set fire to the following public buildings:

1. One of the largest buildings in the city – the Soviet House.

2. The building of the Regional Executive Committee.

3. The Voroshilov Railway Directorate.

4.The regional court.

5. Hotels “International” and “Intourist”.

6. The military supplies administration.

7. The Rostselmash plant’s Palace of Culture.

Чрезвычайная Государственная Комиссия
архив № 67

8. Один из лучших театров в Союзе, драматический театр имени Горького.

9. Аэроклуб.

10. Коммунальный банк.

11. Кинотеатр «Гигант» на 2000 мест, «Хроника».

12. Дом Красной Армии.

13. Театр Музыкальной Комедии.

14. Дом партийного просвещения.

15. Клуб союза электриков.

16. Управление Азчерэнерго.

17. Институт инженеров железнодорожного транспорта.

18. Научно-исследовательские лаборатории и клиника Ростовского Мединститута.

19. Пединститут.

20. Здание физико-математического факультета Университета имени Молотова.

21. Все крупные школы города (свыше 50).

22. Техникум связи и его общежитие.

23. Строительный техникум.

24. Индустриальный техникум.

25. Здание областных партийных курсов.

26. Музей революции.

27. Музей краеведения.

28. Академическая библиотека.

29. музыкальное училище.

30. Театр Юного Зрителя.

31. Театр эстрады в парке имени Горького.

The Extraordinary State Commission
Archive #67



8. One of the finest theatres in the Soviet Union, the Gorky Drama Theatre.

9. The Aeroclub.

10. The Communal Bank.

11. “Khronika” (a 2000-seat giant theater).

12. The Red Army House.

13. The Musical Comedy Theatre.

14. The Party Education House.

15. The Electrical Workers' Union Club.

16. The “Azchernenergo” management.

17. The Railway Transport Engineers’ Institute.

18. Research laboratories and the Rostov Medical Institute clinic.

19. The Teacher training Institute.

20. The Molotov University Faculty of mathematics and physics building.

21. All major schools in the city (over 50).

22. The Communications Technical School and its dormitory.

23. The Construction Vocational School.

24. The Industrial Engineering Vocational School.

25. The Regional Party courses building.

26. The Museum of revolution.

27. The Museum of local history.

28. The Academic Library.

29. The Music school.

Кроме того, немцами взорванные и сожжены здания по улице Энгельса от вокзала до Ворошиловского проспекта, большая часть зданий по Пушкинской, Шаумяна и Социалистической ул., начиная от вокзала из до Будённовского пр., а также основная часть помещений и жилых зданий по Будённовскому, Театральному и Ворошиловскому пр., в посёлке Сельмаш, в рабочем городке, Олимпиадовке и т.д.

Уничтожение предприятий, разрушение общественных и жилых зданий происходило следующим образом: специальные немецкие команды сапёр, поджигателей и подрывников закладывали мины, взрывали здания и остатки от разрушений поджигали путем обливания бензином и т.д. Населению большей части давали 1–2 часа срока для выселения, а иногда оно и совсем не предупреждалось и под обломками разрушенных зданий и предприятий погибли сотни людей.

Таким образом, ориентировочно можно считать, что 80-85% процентов всех капитальных зданий города сожжены и взорваны.

4. Сотни домов города варварски разрушены и их оборудование использовано для немецких захватчиков. Так были разобраны и разрушены дома комбайновские «Ростсельмаша» №№ 3, 8 и 9, школа № 15, здание Сталинского райсовета и многие другие.

Уничтожение этих зданий производилась систематически, планомерно, по официальному разрешению коменданта города и городского бургомистра. Часто подвергались разбору на топливо и дома населённые жильцами, которым предлагалось в течение 2 часов покинуть свои дома и выселяться в сараи или просто на улицу.

Moreover, the Germans blew up and burnt down buildings on Engels Street, from the railway station to Voroshilovskii Avenue, most of the buildings on Pushkinskaia, Shaumian and Sotsialisticheskaia streets, starting from the railway station to Budionnovskii Avenue; also, most buildings and residential houses on Budionnovski, Teatralnyi and Voroshilovskii avenues, in Selmash village, in the workers' town, in Olimpiadovka, and others.

The destruction of enterprises, public buildings and residential houses was carried out as follows: special German teams of sappers, arsonists and demolition workers laid mines, blew up buildings and the remains were set on fire by pouring petrol on them, etc. The population was mostly given one to two hours to evacuate, but at times they were not warned at all and hundreds of people died under the rubble of destroyed buildings and factories.

Consequently, it can be assumed that 80 to 85 per cent of all major buildings in the city have been burnt down and blown up.

4. Hundreds of houses in the city were barbarically destroyed and their equipment used for the German invaders. The houses of "Rostsel'mash" combine plant #3, 8 and 9, school #15, Stalin District Council building and many others were dismantled and destroyed in this way.

The destruction of these buildings was carried out systematically, as planned, with the official approval of the city commander and the mayor. Often, the houses were also demolished for fuel, and residents were asked to leave their homes within two hours and move into hangars or just onto the street.

[*5*]

Чрезвычайная Государственная Комиссия
архив № 67

5. Немецкие захватчики проводили принудительный вывоз граждан для работы в Германию. Согласно приказу коменданта города все мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 15 до 50 лет были зарегистрированы, у большинства из них были отобраны паспорта и под угрозой расстрела они были вывезены в Германии. Всего было отправлено 9 транспортов общим количеством около 50.000 человек. Связь с вывезенными людьми в Германию немедленно прекратилась. Отдельные письма, проникшие в Ростов от вывезенных в Германию людей показывают, что они в буквальном смысле были обращены в рабство.

6. Немецкое командование обрекло жителей города на голод и вымирание. Хлебные карточки получало не больше 10-15% населения города. Дневная норма хлеба 200-300 грамм изготовленных из полусгоревшего зерна, причём хлеб выдавался нерегулярно с опозданием на 3 недели.

Электроэнергией и водой снабжали только немецкие воинские части и официальные немецкие учреждения. В театр допускались только немцы.

7. Немцы уничтожили все культурные учреждения и подвергли разрушению всё то, что было создано на протяжении многих лет в области культуры, народного здравоохранения и коммунального обслуживания жителей. Они сожгли центральную научную библиотеку имени Карла Маркса с книжным фондом около 3.000.000 книг. Все остальные библиотеки (около 25) были сведены в 3 помещения, свалены в кучу и, как библиотеки переставали существовать. Много ценных и уникальных книг, представлявших исключительную научную ценность были уничтожены, сожжены или вывезены в Германию.

[*5*]

The Extraordinary State Commission
Archive #67

5. German invaders made our citizens go to work in Germany. On the orders of the commandant of the city all men from the age of 14 to 60 and women from 15 to 50 were registered, most of them had their passports confiscated, and they were transported to Germany under the threat of being shot. In all, nine transports were dispatched, totaling approximately 50,000 people. Any communication with those who had been brought into Germany was immediately interrupted. Some letters that reached Rostov (from those who were taken to Germany) indicate that they were literally slaves.

6. The German command condemned the city's residents to famine and extinction. Not more than 10 to 15% of the population of the city received ration cards. The daily standard of bread was 200-300 grams, made of half-burned grain, and it was given erratically, with a delay of three weeks.

Only German military units and official German institutions were provided with electricity and water. Only the Germans could enter the theater.

7. The Germans destroyed all cultural institutions and eradicated all that had been created over the years in the field of culture, public health and communal services for residents. They set fire to the Karl Marx Central Scientific Library, with a stock of around 3,000,000 books. All other libraries (approximately 25 of them) were reduced to three rooms, piled up and, ceased to exist as libraries. Many inestimable and unique books of exceptional scientific value have been destroyed, burned or taken to Germany.

В большинстве школ города были размещены солдаты.

Школы начали работать только с 15 октября 1942 года: В них проводились занятия с детьми только 8-12летнего возраста. Обучением было охвачено примерно 60% детей данного возраста. 5-10 классы вовсе не работали.

В области здравоохранения разрушены следующие учреждения: основные корпуса Центральной городской больницы, 1-я, 3-я и 4-я поликлиники, поликлиника Дорсанотдела, консультация № 5, поликлиника 2 врачебного участка на вокзале и др.

В нескольких случаях уничтожению подвергались больницы вместе с больными. Ценнейшие медикаменты, аппаратура и оборудование больницы и поликлиник вывозились в Германию. За время своего хозяйничанья немцы превратили цветущий город в развалины и руины. Ростов обагрен кровью мирных граждан, обуглен от пожаров, взрывов, разрушений.

Немцы разрушили всё то, что было создано русским народом за много лет до существования города, до советской власти, всё то, что создавалось советскими людьми на протяжении 25 лет, всё то, что было построен нашими руками, нашим трудом и за наши деньги, немцы растоптали. Уничтожение города носила не случайный характер и не диктовалось военными соображениями, а проводилось систематически и планомерно, будучи продиктовано звериной злобой немецких оккупантов к советскому народу, к его культуре и достижениям.

Soldiers were stationed at most schools throughout the city.

The schools did not start operating until 15 October 1942: Only 8- to 12-year-olds were taught there. Approximately 60% of all children of this age were enrolled. Grades 5 to 10 did not operate at all.

In the health sector, the following institutions were destroyed: main buildings of the Central City Hospital, 1st, 3rd and 4th clinics, outpatient clinic of Dorsanotdel, consultation no. 5, outpatient clinic of the 2nd medical district at the railway station, etc.

On several occasions, the hospitals were destroyed with their patients. Valuable medicines, facilities, hospital and clinical equipment were transported to Germany. During their rule, the Germans transformed a thriving city into rubble and ruins. Rostov is stained with civilian blood, scorched by fires, explosions and destruction.

The Germans have destroyed everything that had been created by the Russian people many years before the existence of the city, before the Soviet regime; they have trampled all that had been created by the Soviet people over 25 years, all that had been built with our hands, our labour and our money. The destruction of the city was neither accidental nor dictated by military considerations – it was planned and carried out systematically, caused by the brutal malice of the German invaders towards the Soviet people, their culture and achievements.

[*б*] [*б*]

Дни немецкой оккупации останутся навсегда в памяти населения города Ростова н/Д., как самые кошмарные дни.

Самым страшным во всём невиданном в истории по масштабу злодеяний является то, что немцы искалечили и истребили ни в чём неповинных граждан: мужчин, женщина, детей и стариков.

Кровь наших братьев, сестёр, детей, матерей и отцов, чудовищные злодеяния, вопиют о месте.

Мы, нижеподписавшиеся, от имени всех граждан города Ростова на Дону требуем возмездия, возмездие в полной мере и в полном объёме.

Гитлеровские бандиты должны ответить за свои злодеяния.

Акт подписали:

1. И. о. пред. исполкома Ростовского на Дону Горсовета депутатов трудящихся БУРМЕНСКИЙ.

2. Мастер артели «Метиз» ПОПОВ Е.М.

3. Управляющий домами САРКИСЬЯН Р.М

4. Майор ДОНСКОЙ Я.Е.

5. Инженер пивзавода «Заря» ЗВЕНЗЕК И.С.

6. Майор СЕДОВ П.М.

7. Рабочий артели «Метиз» ДИБРОВ О.П.

8. Уполном. Пос. «Новый город» МАКЕЕВА А.Е.

9. Инженер-химик КРЮЧКОВА Т.И.

10. Капитан ТОКАРЬ А.К.

11. Профессор СТАСЕВИЧ Н.Н.

12. Профессор КОРНИЦКИЙ В.А.

13. Мастер Лензавода БОЧАРОВ В.П.

14. Техник ф-ки имени Микояна ТОКАРЕВ С.Д.

[*9/IV 43*] верно: [ *подпись*]

[*6*] [*6*]

The days of the German occupation will forever remain in the memory of the people of Rostov-on-Don, as the most horrifying days.

The worst of all, unprecedented in history in terms of the extent of the atrocities, is that the Germans have maimed and exterminated innocent citizens: men, women, children and the elderly.

The blood of our brothers, sisters, children, mothers and fathers, the monstrous atrocities, cry out to vengeance.

We, the undersigned, in the name of all the citizens of Rostov-on-Don, demand reprisals. A full and utter punishment.

Hitler's thugs should be held accountable for their atrocities.

The statement was signed by:

1. Acting Chairman of the Executive Committee of the Municipal Council of Labour Deputies of Rostov-on-Don BURMENSKII.

2. The "Metiz" co-operative foreman E. M. POPOV

3. Housing manager R. M. SARKISIAN

4. Major Y. E. DONSKOI

5. The "Zaria" brewery engineer I. S. ZVENZEK

6. Major P. M. SEDOV

7. The "Metiz" co-operative worker O.P. DIBROV

8. Commissioner of the settlement "New Town" A. E. MAKEEVA

9. Chemical engineer T. I. KRIUCHKOVA

10. Captain A. K. TOKAR'

11. Professor N. N. STASHEVICH

12. Professor V. A. KARNITSKII

13. The Lenzavod foreman V. P. BOCHAROV

14. The Mikoyan factory technician S. D. TOKAREV

[*9/IV 43*] Exact: [ *signature* ]

Чрезвычайная Государственная
Комиссия
архив № 75712

# Акт № 1

1 сентября 1943 гор. Таганрог Ростовской Области.

## ОБ УСТАНОВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ.

Мы, нижеподписавшиеся: председатель комиссии т. МЕДВЕДЕВ Дмитрий Васильевич – Председатель Таганрогского Горсовета Депутатов Трудящихся, члены комиссии: Полковник ОГАНЕСОВ Емельян Христофорович, заместитель начальника Ростовского областного управления милиции, БЕРЁЗОВ Михаил Ильич, прокурор города Таганрога, ЛУКИЕНКО Георгий Романович – Главный врач Энского госпиталя, ДМИТРОВА Ольга Васильевна – Врач Таганрогской 3-й поликлиники, ТИМОЩУК Валентина Игнатьевна – Врач Таганрогской 3-й поликлиники, КАЛУГИН Виталий Александрович – редактор газеты «Таганрогская правда», ВАСИЛЬЕВ Иван Григорьевич – Представитель профорганизации Советских служащих, в присутствии Секретаря Горкома Партии тов. ЗОБОВА Александра Александровича, Секретаря Сталинского Райкома партии ГОЛОФАЕВА Н.Я., Инженера-капитана Политуправления Южного фронта тов. СОЛОГУБОВА, капитана Политуправления Армии ЧЕРНЕЦ С.Э., рабочих завода имени Дмитрова и 5000 человек граждан город Таганрога, сего числа составили настоящий акт о зверствах немецко-фашистских оккупантов и их пособников, которые они чинили над мирными гражданами: мужчинами, женщинами, стариками, детьми, евреями, русскими и лицами других национальностей, в период временной оккупации Таганрога и Таганрогского района с 17 октября 1941 года по 30 августа 1943 года.

### I. РАССТРЕЛЫ, ИЗБИЕНИЯ И ПЫТКИ МИРНЫХ ГРАЖДАН.

Немецко-фашистские изверги за время своего пребывания в городе Таганроге замучили в застенках гестапо и полиции тысячи ни в чём не повинных жителей города Таганрога. Не пытаясь

[*1*]

The Extraordinary State Commission

Archive No. 75712

# ACT 1

1 September 1943 Taganrog, Rostov oblast [region].

ESTABLISHMENT AND INVESTIGATION: ATROCITIES INFLICTED BY THE GERMAN FASCIST INVADERS AND THEIR ACCOMPLICES.

We, the undersigned:

Chairman of the Commission, Cde Dmitrii Vasil'evich lMEDVEDEV (Chairman of the Taganrog City Council of Workers' Deputies). Members of the commission: Colonel OGANESOV Emel'ian Khristoforovich (Deputy head of Rostov regional police department), BEREZOV Mikhail Il'ich (Taganrog city prosecutor), LUKIENKO Georgii Romanovich (Head doctor of the Ensk hospital), DMITROVA Ol'ga Vasil'evna (Doctor of the Taganrog 3rd outpatient clinic), TIMOSCHUK Valentina Ignat'evna (Doctor of the Taganrog 3rd out-patient clinic), KALUGIN Vitalii Aleksandrovich (Editor of the "Taganrogskaia Pravda" newspaper), VASIL'EV Ivan Grigor'evich (Representative of the Soviet employees' trade union organisation), in the presence of the Secretary of the City Party Committee, Cde Alexandr Alexandrovich ZOBOV, the Secretary of the Stalin District Party Committee, N. Ia. GOLOFAEV, Engineer Captain of the Southern Front Political Department, Cde SOLOGUBOV, Captain of the Army Political Department, S. E. CHERNETS, the Dmitrov plant workers and 5,000 citizens of Taganrog –
have on this day drew up the present act of atrocities committed by the German occupiers and their accomplices against civilians: men, women, old people, children, Jews, Russians and other nationalities, during the temporary occupation of Taganrog and the Taganrog region, from 17 October 1941 to 30 August 1943.

## I. SHOOTINGS, BEATINGS AND TORTURE OF CIVILIANS.

During their stay in the city of Taganrog, the German-fascist monsters murdered thousands of innocent Taganrog residents in the torture chambers of the Gestapo and the police. Without trying to

скрыть следы своих кровавых преступлений от населения, они в закрытых автомашинах вывозили из многочисленных тю**рьм**[ем] полумёртвых и живых людей в расположенную на территории завода имени Дмитрова – Петрушину косу, названную немецко-военным командованием официально «Балкой смерти» и там продолжали свои кровавые расправы, упиваясь страданиями и смертью тысяч невинных людей.

В 12 часов дня сего числа комиссия посетила Петрушину косу и осмотрела все ямы, где зарыты невинные жертвы.

Петрушина коса – это широкий ров, формы буквы «С», шириной до 200 метров и глубиной от 15 до 20 метров с крутыми спусками. Ров обнесён рядом колючей проволок**ой**[ки]. С южной стороны рва имеется дорога, по которой автомашины прямо в"езжали в ров. При спуске в ров за мостом с правой стороны стоит столб, на котором была прибита доска с надписью на немецком и на русском «Балка смерти». Вдоль всех отвесных спусков в овраг имелись ямы не естественного происхождения до 3–4 метров глубиной. Все ямы в настоящее время зарыты и имеют следы недавних насыпей и две из них после осадки земли от вешних вод, заплыли сверху. Таких ям во рву – 4.

Одна по ширине от 3 до 4 метров и длиной до 8 метров, другая шириною от 4 до 5 метров и длиной до 10 метров, третья шириной от 6 до 8 метров и длиной до 12 метров и четвертая местами по ширине доходит до 10 метров и длиной до 200 метров. Первая и вторая яма расположены вдоль северного спуска в ров и имеют признаки свежей насыпи земли, третья и четвёртая ямы заплыли сверху. Четвертая яма в отдельных местах покрылась зарослью бурьяна.

В 2 часа дня сего числа в присутствие граждан было раскопана яма. Только в верхнем ряду этой ямы было обнаружено 80 трупов. Все трупы верхнего ряда плотно сложены друг к другу лицом вниз. Многие трупы – мужчины со связанными руками.

to conceal the traces of their bloody crimes from the population, they transported half-dead and alive people in closed cars from numerous prisons to Petrushinskaia Balka (located on the territory of the Dmitrov plant); officially called the “Death gully” by the German military command, they continued there their bloody massacres, revelling in the suffering and deaths of thousands of innocent people.

At noon on this day, the commission visited Petrushinskaia Balka and inspected all the pits where the innocent victims were buried.

Petrushinskaia Balka is a large C-shaped ditch, measuring up to 200 meters wide and 15 to 20 meters deep, with steep descents. Several barbed wire fences encircle the ditch. The vehicles drove right into the ditch, taking the road on its south side. At the descent into the ditch, behind the bridge, there is a pole on the right side, with a studded plate, and on it, inscribed in German and Russian: “Death gully”. Along all the steep descents into the ravine, there are pits of non-natural origin, three to four metres deep. All the pits are currently covered, showing traces of recent earth mounds, whereas two of them are filled with water (due to the sunken soil caused by spring waters). There are four such pits in the ditch.

One is three to four metres wide and up to eight metres long; another is four to five metres wide and up to ten metres long; the third is six to eight metres wide and up to twelve metres long; and the fourth is up to ten metres wide and up to 200 metres long in places. The first and second pits are along the northern slope of the ditch and show signs of fresh earth filling, while the third and fourth ones are covered with water on the top. The fourth pit is covered in places with thick weeds.

At two o’clock in the afternoon today, a pit was excavated in the presence of citizens. In the upper row of the pit alone, 80 corpses were found. All the corpses in the top row are firmly piled up on top of each other, face down. Many of the corpses are those of men, with their hands tied.

на спине. Большинство мужчин одеты в трусы и майки, среди трупов обнаружено 6 женских из которых одна девушка 22–23-х лет. Под верхним рядом трупов насыпь тонкого слоя земли под которой имеется ещё несколько замученных граждан, трупы их разложились и извлечены быть не могли.

По решению врачебной экспертизы из верхнего ряда ямы извлечены 32 трупа, из них 30 мужчин и две женщины.

Экспертизой установлено, что на лицах и телах многих трупов имеются следы крови, выбитые глаза, изуродованной челюсти. Также установлено, что люди были расстреляны несколько дней тому назад. Многие из трупов имеют пулевые поражения в грудь, в полость сердца или в голову – висок правой или левой стороны без выхода пульт наружу.

Извлечённые из ямы трупы вынесены к братской могиле, показаны гражданам города и окрестностей для опознания своих родственников и знакомых. Оставшиеся в яме трупы уложены в порядке и погребены здесь же на месте вследствие того, что они заражены трупным ядом.

Из числа извлеченных трупов были опознаны родственники и знакомые: 1. САЛЬНЫХ Иван Иванович – Рабочий металлургического завода им. Андреева, 2. КОТЕЛЕНКО Тихон Васильевич – Резчик котельного цеха завода им. Андреева, 3. МАСАЛКОВ Степан Артамонович – Колхозник села Троицкое, 4. ШЕВЧЕНКО Иван Константинович – Колхозник села Троицкое, 5. КОЗУНКА-ШКУРАТОВА Нина Ивановна – Врач больницы водников. 6. ФАРНИЕВ Сосманбек Магомедович – Колхозник и др.

Как показывают жители города Таганрога в своих заявлениях, немецкое командование, по прибытии в город Таганрог в лице командующего южной группы немецких войск генерал полковника Фон-Клейста, Военного коменданта города Таганрога майора Альберти, начальника Зондер Команды СС 10-а Полковника Кристмана и предателей Родины немецких ставленников, в лице

on the back. Most of the men are dressed in shorts and T-shirts, among the corpses six female ones were found, including one girl aged 22 or 23. Under the top row of corpses there is an embankment of a thin layer of earth, yet other murdered citizens under it, their corpses decomposed and could therefore not be recovered.

The medical examining team decided to remove 32 corpses from the top row of the pit, including 30 males and two females.

The forensic team determined that the faces and bodies of many of the corpses bore traces of blood, knocked-out eyes, and mutilated jaws. It was also established that the people were shot a few days ago. Many bodies have gunshot wounds to the chest, heart or head – right or left temple, with no bullet escape.

The corpses removed from the pit were taken to a mass grave and shown to the city and its vicinity residents, in order to identify their relatives and acquaintances. The corpses left in the pit are piled in order and buried here on the spot because they are contaminated with cadaveric poison.

The following relatives and acquaintances were identified among the recovered bodies: 1. Ivan Ivanovich SALNYKH, a worker of the Andreev Metallurgical Plant, 2. KOTELENKO Tikhon Vasil'evich, a boiler shop cutter of the Andreev Metallurgical Plant, 3. MASALKOV Stepan Artamonovich, a collective farmer from Troitskoe, 4. SHEVCHENKO Ivan Konstantinovich, a collective farmer from Troitskoe, 5. KOZUNKA-SHKURATOVA Nina Ivanovna, a doctor at water-transport workers' hospital. 6. FARNIEV Sosmanbek Magomedovich, a collective farmer, and others.

According to the statements of Taganrog residents, the German command, upon arrival in Taganrog, represented by Colonel General Von Kleist (Commander of the Southern Group of German Forces), Major Alberti (Military Commandant of Taganrog), Colonel Christmann (Chief of the SS Sonderkommando 10-a), as well as traitors to the Motherland and German stalwarts, such as

[*4*]

начальника городской полиции – Кирсанова, помощника начальника полиции – Стоянова, сотрудника гор. Полиции – Жужнева и начальника политического отдела гор. полиции – Петрова, приступило к проведению расправы над мирным беззащитным населением.

Специальным приказом немецкое командование под угрозой расстрела предложило всем лицам еврейской национальности ношение нарукавных повязок с жёлтой шестиконечной звездой.

26 октября 1941 года по приказу коменданта города Таганрога Майора Альберти все евреи независимо от возраста и пола должны были явиться с ценными вещами и продуктами на Владимировскую площадь в помещение школы № 26. Всего в указанную школу было собрано до 1800 человек. Граждане КУЩЕВА А.И., ОЗГИ В.С., КРУГЛЯК П.М. и другие заявляют, что [*после*] проведения обыска, изъятия ценных вещей и продуктов, часть евреев на автомашинах, а остальных пешком, отправили на Петрушину косу, где всех и расстреляли, а трупы зарыли в яме у Юго Восточной косы балки. Там же в этой яме были расстреляны и закопаны значительное число евреев, уклонившихся от явки на сборный пункт.

По свидетельству граждан: ШУРИЯ П.С., МЕРИНОВА А.Н., САМУЩЕНКО Н.В., РОМАНОВОЙ З.Т. и других установлено, что на этой же Петрушанской косе были расстреляны тысячи мирных жителей в числе которых были коммунисты и комсомольцы. Родственники расстрелянных, а так же граждане бывшие под арестом гестапо, полиции и других карательных органов и вырвавшихся оттуда и жители проживающие в 200 метрах от Петрушиной косы рассказывают: расстрелы происходили очень часто. Палачи из гестапо уничтожали десятки и сотни людей. Так, за день до расстрела евреев жителей посёлка у Петрушанской косы выселили из своих домов, а при дальнейших расстрелах их загнали в дома и не разрешали выходить до окончания расстрела. Наглость немецко-фашистских мерзавцев дошла до того, что расстрелы производились днём и

[*4*]

Chief Kirsanov (Head of the City Police), Stoyanov (his assistant), Zhuzhnev (a City Police officer), and Petrov (Head of the Political Department of the City Police) proceeded to carry out the massacre of a peaceful, defenceless population.

By a special order, the German command proposed that all persons of Jewish nationality, under the threat of being shot, wear armbands with a yellow six-pointed star.

On 26 October 1941, the commandant of Taganrog, Major Alberti, ordered all Jews, regardless of age or gender, to gather, with valuables and foodstuffs, at school no. 26, located on Vladimirovskaia Square. In all, as many as 1,800 people were gathered at this school. Citizens KUSCHEVA A. I., OZGI V. S., KRUGLIAK P. M. and others state that [*after*] the search and seizure of valuables and food, some in vehicles and others on foot, the Jews were sent to Petrushinskaya Balka, where all were shot; the corpses were buried in a pit by the South-Eastern spit of the gully. Also, a significant number of Jews who avoided reporting to the assembly point were shot and buried in the same pit.

According to the citizens' testimonies (SHURIA P. S., MERINOV A.N., SAMUSCHENKO N. V., ROMANOVA Z. T. and others), it has been established that thousands of civilians, including communists and Komsomol members, were shot at the same Petrushinskaia Balka. Relatives of the shot, and also those who were arrested by the Gestapo, police and other punitive bodies, but managed to escape, as well as those living 200 meters away from Petrushinskaia Balka, say that the shootings took place very often. The Gestapo's executioners have killed dozens and hundreds. For example, the day before the execution of the Jews, the inhabitants of the village near Petrushinskaia Balka were evicted from their homes, and during further executions they were forced into their houses and not allowed to leave until the execution was over.

The insolence of the German-fascist scum went so far as to carry out shootings day and

ночью, жители поселка Петрушиной косы и военнопленных заставляли зарывать в ямы невинно погибших жертв. Гражданка РОМАНОВА Зинаида Тихоновна, вырвавшиеся из застенках гестапо в котором находилась в камере с 28 мужчинами и двумя женщинами с детьми рассказывает: «перед расстрелом мужчин пытали при допросах. Мужчины возвращающиеся в камеру после допроса имели следы от плетей на лицах, руках и других частях тела, а в большинстве случаях их приносили в камеру в полусознательном состоянии.

Таким избиением подвергли ПЛОТНИКОВА, НОВИКОВА, ВАЛУЙСКОГО и СЕРЕБРЯКОВА, а врача САМАРКИНА приволокли без памяти и он сошёл с ума и в таком состоянии был расстрелян. Гражданке Тамаре КРАСИЦКОЙ при пытках перебили барабанные перепонки и тоже расстреляли».

Гр. ШУРЕЙ Пётр Семёнович говорит: меня мучили за то, что добивались признания, коммунист или жид, били резиновым плетённым хлыстом до такого состояния, что порвали одежду и кожу тела.

Граждане: МЕРИНОВ Александр Никодимович и САМУЩЕНКО Лидия Васильевна – подпольные работники рассказывают: 50 дней сидели в тюрьме гестапо в камере смертников № 2 при допросах неоднократно подвергались избиению, излюбленным орудием немецких палачей была круглая резиновая палка и резиновая перчатка, которая при одном ударе приводила в бессознательное состояние. Били главным образом под рёбра».

Многие другие граждане тоже самое рассказывают о зверствах и истязаниях людей, приговоренных к смерти и арестованных по подозрениям.

Родным и знакомым расстрелянных при наведении справок в гестапо о своих родственниках фашистские бандиты лицемерно отвечали, «вывезли на работу в Мариуполь, Польшу и др. места», – это подтверждают в своих заявлениях граждане ШАРОВ Алек-

and night; residents of the village near Petrushinskaya Balka and prisoners of war were forced to bury the innocent victims in pits. Citizen ROMANOVA Zinaida Tikhonovna, who escaped from the Gestapo prison, where she was kept in a cell with 28 men and two women with children, said: “Men were tortured during interrogations before they were shot. Those returning to the cell after interrogation had whip marks on their faces, hands and other parts of their bodies, and in most cases, they were brought to the cell in a semi-conscious state.

They beat in this way PLOTNIKOV, NOVIKOV, VALUISKII and SEREBRIAKOV; Dr SAMARKIN was brought in unconscious and became insane, and was shot in this state. Citizen Tamara KRASITSKAIA had her eardrums broken during torture and was also shot”.

Citizen Piotr SHURII says: I was tortured for seeking a confession – was I a communist or a kike; they beat me with a rubber whip so badly that they tore my clothes and body skin.

Citizens MERINOV Aleksandr Nikodimovich and Lidiia Vasil'evna Samuschenko, underground agents, say: we were kept in the Gestapo prison No 2 on death row for 50 days and were beaten during interrogations; German executioners’ favourite weapons were a round rubber whip and a rubber glove, which knocked us out with just one blow. The beating was mainly on the ribs".

Many other citizens tell the same story, atrocities and torture of persons sentenced to death and arrested on suspicion.

When asked for information about their relatives, the fascist bandits in Gestapo hypocritically replied to the family members of those shot, “they were taken to work in Mariupol, Poland and other places”, – this was confirmed in the statements of citizens. SHAROV Aleksandr

сандр Степанович 1894 года рождения, МОРОЗ Андрей Петрович 1889 года рожд. КАРПЕНКО Евдокия Васильевна 1901 г. и многие другие.

Расстрелы на Петрушиной косе производились два-три раза в неделю, причём в отдельные дни количество расстрелянных достигало до 300 человек. Так, 24/III-1943 года расстреляно 150 чел. 6/VII-43 г. 43 человека, 30/X-42 г. 300 человек, 11/VII – 156 чел., 25 26/-41 г. 1500–1600 человек. Массовые расстрелы производились и в другие дни.

Всего, за период оккупации города Таганрога немецко-фашистскими зверями было уничтожено на Петрушиной косе свыше 6,5 тысяч человек. Кроме Петрушиной косы немецко-фашистских бандиты проводили расстрелы и в других местах, вокруг города Таганрога.

Комиссия считает, что виновники смерти многих тысяч погибших людей должны быть привлечены к суровой и жестокой расплате и ответить за тех, кто погребён на Петрушиной косе. Советские люди невинно погибшие от рук немецких палачей и их ставленников до самой последней минуты держались мужественно и умирали с возгласами: «За Сталина, за Советскую власть примем смерть, но никогда не изменим Родине».

В присутствие нескольких тысяч граждан города Таганрога его окрестностей, трупы извлеченные из ямы, погребены с гражданскими почестями вблизи Петрушиной косы и на братскую могилу гражданами возложены букеты живых цветов.

## II. УВОД СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В НЕМЕЦКОЕ РАБСТВО.

Преступные действия гитлеровского правительства и командования германской армии и их сообщников во временно-захваченном городе Таганроге не ограничивались убийствами и истязаниями мирного населения.

Комиссия ознакомилась с документами, которые

Stepanovich (born in 1894), MOROZ Andrei Petrovich (born in 1889), KARPENKO Evdokiia Vasil'evna (born in 1901), and many others.

Shootings on Petrushinskaya Balka occurred two or three times a week, with as many as 300 people killed on some days. For example, on 24 March 1943, 150 people were shot. On 6 July, 43 people, on 30 October 1942, 300 people, on 11 July, 156 people, on 25-26 October 1941, 1,500 –1,600 people. Mass executions were also carried out on other days.

All in all, during the occupation of Taganrog by German-fascist beasts, more than 6,5 thousand people were killed on Petrushinskaya Balka. In addition to Petrushinskaya Balka, the German-fascist bandits carried out shootings in other places around the city of Taganrog.

The Commission believes that those responsible for the deaths of many thousand people must be brought to face harsh and cruel retribution and answer for those buried on Petrushinskaya Balka. Soviet people, who died innocently at the hands of German executioners and their proxies, stood courageously up to the very last minute and died with cries of “We are ready to die for Stalin, for the Soviet power, but we will never betray our Motherland”.

In the presence of several thousand Taganrog (and its surroundings) inhabitants, the corpses extracted from the pit were buried with civil honours near Petrushinskaya Balka and citizens laid bouquets of fresh flowers on the mass grave.

II. THE TAKING OF SOVIET CITIZENS INTO GERMAN SLAVERY.

The criminal actions of Hitler’s government, the German army command and their accomplices in the temporarily occupied city of Taganrog were not limited to the killing and torture of civilians.

The Commission has examined the documents

[7]

брошены немецким командованием и их пособниками при поспешным бегстве из города Таганрога. Эти документы являются ярким доказательством гнусной политики проводимой в гор. Таганроге, гитлеровскими головорезами и их пособниками.

Установив в г. Таганроге суровый режим, немецкое командование обрекло жителей на голодание и создало невыносимо тяжёлые условия жизни для граждан г. Таганрога. Используя такое положение населения немецкие ставники под предлогом оказания помощи населению составили «списки нуждающихся» и по ним производили отбор граждан для отправки на работу в Германию, Польшу и другие оккупированные государства.

Немецкому командованию, применив ему такой гнусный метод, удалось обмануть сотни тысяч граждан гор. Таганрога, которые вместе с детьми были отправлены на немецкую каторгу. Об этом красноречиво говорят документы по которым комиссии удалось установить, что /за время/ ими угнано в разные государства несколько тысяч мирных граждан. Только за последние два месяца оккупации гор. Таганрога в Германию отправлено свыше 10000 человек.

10 июня 1943 года немецкое командование в своей газете «Новое слово» объявило, что в связи с приближением фронта из города будут эвакуироваться граждане. Кто добровольно не подчинится этому постановлению к тому будут применены строгие меры наказания.»

Уже 11 июня, это распоряжение начальником биржа труда Кирсановым приводилось в исполнении. Наскоро состряпанные «списки нуждающихся» были разбиты на партии и 11 июня 1943 года была отправлена первая партия немецких рабов с детьми.

В последующие дни такие отправки происходили планомерно и приводимые ниже цифры красноречиво говорят о числе отправленных граждан в Германию:

abandoned by the German commanders and their accomplices in their hasty escape from the city of Taganrog. The documents are vivid evidence of the vile policy pursued by Hitler's thugs and their accomplices in the city of Taganrog.

By setting up a tough regime in Taganrog, the German command condemned its inhabitants to famine and created intolerably difficult living conditions for the citizens of Taganrog. Taking advantage of this situation, the German stalwarts, under the pretext of helping the population, compiled "lists of those in need" and used them to select residents to be sent to work to Germany, Poland and other occupied countries.

The German command, using such a vile method, managed to deceive hundreds of thousands of citizens of Taganrog, who, with their children, were forced into the German slave labour. These eloquent documents enabled the commission to establish that thousands of civilians had been deported to various countries. In the last two months of the occupation of Taganrog alone, more than 10,000 people have been sent to Germany.

On 10 June 1943, the German command announced in its newspaper "Novoe slovo" that, as the front drew near, citizens would be evacuated from the city. Anyone who does not voluntarily comply with this order is liable to severe penalties.

On 11 June, Kirsanov, the head of the labour exchange, had already carried out this order. The hastily prepared "lists of the needy" were divided into lots and, on 11 June 1943, the first shipment of German slaves and their children was dispatched.

In the days that followed, such dispatches occurred systematically and the figures below speak volumes about the number of citizens sent to Germany:

11 июня 1943 г. отправлена I-я партия 452 чел. из них дет. 189

15 " " " 2 " 702 " " " 400

18 " " " 3 " 623 " " " 280

23 " " " 4 " 806 " " " 541

27 " " " 5 " 582 " " " 312

1 июля 1941 г. " 6 " 759 " " " 515

5 " " " 7 " 675 " " " 454

8 " " " 8 " 600 " " " 400

12 " " " 9 " 1255 " " " 870

20 " " " 10-я 506 " " " 45

Таким образом, только за 40 дней на немецкую каторгу вовлечено в Германию и другие государства 6762 человека. Приведённый перечень не является исчерпывающим. Все документальные данные об уводе советских граждан в немецкое рабство, подлежат дальнейшей обработке.

Свободные советские люди – превращенные немецкими палачами в рабов, обречены на голодное существование и медленное умирания от недоедания и непосильной работы, о чём свидетельствуют письма из Германии от угнанных советских граждан. «Мы условились с дочкой и сыном писать письма так, чтобы они проходили через цензуру. Где написано хорошо читай на оборот» говорят все граждане, чьи письма приложены к настоящему акту.

К настоящему акту прилагаются нижеследующие документы:

1/ Фотографии раскопок на Петрушиной косе – 9 снимков.

2/ Карта города Таганрога его окрестностей с указанием «Балки смерти».

3/ Заявление граждан: КУЩЕВА А.И. село Петрушино Таганрогского района. Гр-на ОЗГИ Василия Семёновича, Таганрог,

[*8*]

| | | | |
|---|---|---|---|
| 11 June 1943 | group 1 dispatched | people 452 | children (among them) 189 |
| 15 " " | " 2 " | 702 | 400 |
| 18 " " | " 3 " | 623 | 280 |
| 23 " " | " 4 " | 806 | 541 |
| 27 " " | " 5 " | 582 | 312 |
| 1 July 1941 | " 6 " | 759 | 515 |
| 5 " " | " 7 " | 675 | 454 |
| 8 " " | " 8 " | 600 | 400 |
| 12 " " | " 9 " | 1255 | 870 |
| 20 " " | " 10 " | 506 | 45 |

Thus, in just 40 days, 6,762 people were taken to Germany and other countries as forced labour. This list is not exhaustive. All documented data on Soviet citizens' slavery are subject to further treatment.

The free Soviet people, turned into slaves by the German executioners, are doomed to starvation and slow death by malnutrition and unbearable labour, as evidenced by letters from Germany from the deported Soviet citizens. “We agreed with my daughter and son to write letters in such a way that they would pass through the censors. Where it says ‘well’ – read the contrary”, tell all the citizens whose letters are attached to this act.

The following documents are attached to this report:

1/ Photographs of excavations on Petrushinskaia Balka (nine photographs).

2/ Map of Taganrog and its environs, indicating the “Death Gully”.

3/ Statements of citizens: A. I. KUSCHEV, Petrushino village, Taganrog district. Citizen Vasilii Semionovich OZGI, Taganrog,

[*9*]

Исполкомовский пер. гр. КРУГЛЯК Н.М. Таганрог, Шевченко 257.

Гр. ШУРЕЙ П.С., Таганрог, Фрунзе 90

" МЕРИНОВА А.М. и СМУЩЕНКО Л.В. гор. Таганрог

" РОМАНОВОЙ З.Т. Таганрог, Свердлова 32

" СКОРОБОГАТОВА О.И. Таганрог

" САЛЬНЫХ Н.П. КАПИЛЕНКО У.И. ДУРИЦКИЙ, ШЕВЧЕНКО Д.И. КРУГЛЯК и других: Заявления гражданки ДОРОГАН Е.Д. Таганрог, Камышанская 4, БИЯНКИНОЙ А.С., Таганрог А. Глушко №23, НИКОЛАЕВОЙ О.А., Чеботарская 44, ВОРОНИНА Ф.Н., Р. Люксембург 230, ФАДЕЕВА А.Н. Рабочий городок завода 65, дом №5 кв. 19, АЗУЗОРОВ И.А., АФЕНОВОЙ Е.Ф., КУЧЕРЕНКО, ШАРОВА А.С., МОРОЗ, ПОЛЕВИЦКИЙ И.М. с тремя приложениями. ПРИХОДЬКО А.И.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: ЧЛЕНЫ КОМИССИИ:

[*подписи*]

М.Р.

[*9*]

Ispolkom lane. Citizen N. M. KRUGLIAK, Shevchenko st., 257, Taganrog.

Citizen P. S. SHURII, Taganrog, Frunze st., 90

Citizens A. M. MERINOVA and L. V. SMUSHCHENKO, Taganrog.

Citizen Z. T. ROMANOVA, Taganrog, Sverdlov St. 32

Citizen O. I. SKOROBOGATOV, Taganrog

Citizens N. P. SALNYKH, U. I. KAPILENKO, DURITSKII, D. I. SHEVCHENKO, KRUGLIAK and others. Statements of citizens: E. D. DOROGAN, Taganrog, Kamyshanskaia st., 4; A. S. BIIANKINA, Taganrog, Anton Glushko st., 23; O. A. NIKOLAEVA, Chebotarskaia st., 44; F. N. VORONIN, Roza Luxemburg st., 230; A. N. FADEEVA, Workers' Township of the Plant No 65, 5 apt. 19; I. A. AZUZOROV, A. E. AFENOVA, KUCHERENKO, A. S. SHAROV, MOROZ, I. M. POLEVITSKII (with three annexes), A. I. PRIKHO'DKO.

CHAIRPERSON OF THE COMMISSION: MEMBERS OF THE COMMISSION:

[*signatures*]

M.R.

[*54*]

Я работал последнее время [на заводе] «Красный кожевник», Лесная биржа №-65. У нас на заводе работало большинство евреев. Все они остались, малое количество выехало и мы ушли при вступлении немцев.

И вот лица которые помню из нашего завода[,] девочка лет 17-18[,] еврейка Коган. Она ходила на работу и беспрерывно плакала в ожидании горькой участи. Счетовод – завхоз «Красного кожевника» Ратнер Павел Григорьевич когда евреям была об"явлен сбор на Владимирскую площадь к 6 часам 22 или 23 октября, ко мне прибегает на завод. Я в то время дежурил. Тов. Ратнер П.Г. просит чтобы ему к 6 часам утра выслал подводу для перевозки больной жены на указанную площадь.

То я у него узнал в чём дело, он рассказал мне что строго приказано всем евреем приказали явиться на площадь. Мы начали судить что предстоит то или другое, но точно никто не знал начто. Я конечно подозревал опасность, что дело плохо, а он Павел Григорьевич не знал что думать в это время.

Но я ему предложил каючик и вёсла, чтобы он брал жену, детей и удирал к своим. Он горько заплакал сказал: «тов. Михайлов я не могу я не моряк. Да у меня больная жена и малые дети». Тогда решили наутро прислать подводу и вывести на указанное место. Так как семья его двигаться не могла, подвода было выслана в назначенное время. Я сменился и пошёл посмотреть где они собираются наши товарищи евреи. Конечно Павел Григорьевича я не видел, но видел картину сколько их было т.е. евреев и какие были такие, что не могли идти, их вели родственники, других везли на подводах и ручных тачках.

Вход на площадь воспрещён под угрозой расстрела. Кто не рассмотрел объявления и нечаянно попал на площадь, тот получал приклад[ом] в спину. И вот собралось евреев в школе полно. Школа четырёхэтажная. Они заходили в школу, оставляли там свои вещи, которые им было приказано взять, а потом выстраивались в колонну, те кто мог идти. Кто

Lately, I worked [at the] "Red Tanner" [plant], Woodyard No. 65. Our workers were mostly Jewish. They all remained [behind], [only] some were gone, and we left when the Germans arrived. (the original is unclear)

And here are the faces I remember from our plant, a Jewish girl of about 17-18 years old, Kogan. She used to come to work crying incessantly, expecting the worst. The "Red tanner's" accountant and facilities manager, Ratner Pavel Grigor'evich, came running to see me at the plant when it was announced to the Jews to gather at the Vladimir's Square at six o'clock, on 22 or 23 October. I was on duty at the time. Cde Ratner P. G. asked me to send him a cart by six o'clock in the morning to transport his sick wife to the said square.

I asked him what was happening, and he told me that all the Jews had been given strict orders to come to the square. We began to discuss what that might mean, but no one knew exactly what would happen. I, of course, suspected danger, something wrong, but Pavel Grigor'evich did not know what to think at that time.

But I offered him a small boat with oars, so that he could take his wife and children and run off to his people. He cried bitterly and said: "Cde Mikhailov, I can't do that, I am not a sailor. I have a sick wife and young children". So, it was then decided to send a cart the next morning and take him to the said place. Since his family could not move, the cart was sent at the appointed time. I worked a shift and went to see where they were gathering our fellow Jews. I didn't see Pavel Grigor'evich, of course, but I saw how many of them there were, meaning the Jews; those who could not walk were led by their relatives, others were taken in carts and handcarts.

The entrance to the square was prohibited at the risk of being shot. Whoever did not see the notice and accidentally entered the square was hit in the back with a rifle stick. And so, plenty of Jews gathered at the school building. A two-storey building. They would go into the school, leave their belongings there (which they had been ordered to take), and then they would line up in a column – those who could walk.

[*55*]

не мог, бросали в машины закрывали и увозили за город по направлению к Петрушиной косе. Никто не знал куда. Как после выяснилось все они до одного человека были расстреляны. Для меня сбор евреев был загадочным и я решил проследить хоть немного, что с ними будет и посмотреть сколько евреев. Прямо с площади я пошёл к дочке, а она живёт над дорогой на Новоселовку, 27-й переулок №-60. Здесь шли евреи и мне хорошо было видно колонну движущуюся за город. Я решил пересчитать, насчитал триста человек. Через час или даже меньше шла вторая колонна. Здесь больше – человек 400–500. Машин нельзя было установить так как они проходили и раньше до моего прихода, да и колонны тоже. И вот за день я насчитал 13 колон. Были две или три колонны свыше ста человек. Так что за весь день шествия и возка машин по моему взгляду было не меньше 7 или 8 тысяч человек.

Но куда они были направлены никто не знал так что в то время не только запрещено и среди дня нельзя было ходить. А в особенности там где находились немцы. После выяснилось, что евреи все до одного человека были расстреляны. Имущество ихнее конфисковано и разграблено солдатами. У нас был колхоз цыган, между Поляковкой и Лак[е]демоновкой сколько членов я не могу установить хотя несколько раз. Тоже был[и] расстрелян[ы] после этого недели через две.

Причина расстрела евреев говорят немцы что они зачинщики войны, т.е. виноваты. А на цыган говорили что они партизаны[.] По рассказу жителей Весёловского с/совета что там никаких партизан не было а цыгане цыгане расстреляны до одного человека. Был случай каким-то образом одна девочка цыганка бежала от расстрела километров за 20 до парома Лакедемоновскому с/с и её нагнали немцы и расстреляли на месте. Это рассказ Лакедемоновкого колхозника. Установить количество колхозников могут [может] близлежащий с/совет.

Улица Ейская №-18 /Михайлов/

[*Верно*]

[*подпись*]

[*55*]

Those who couldn’t were thrown into cars, locked up and driven out of town towards Petrushinskaia Balka. Nobody knew where to. Later, it turned out that every single one of them had been shot. For me, the gathering of the Jews was a mystery, and I decided to follow them a bit and see how many Jews there were. Right from the square I went to my daughter’s house, and she lives above the road to Novoselovka, at No. 60, 27th Lane. There the Jews were walking and I had a good view of the column leaving the town. I decided to count them and came up with 300. Within one hour or less, a second column appeared. There were more people in it, some 400 to 500. I cannot tell you the number of cars, since they passed before my arrival, and so did the columns. And so, in one day, I counted thirteen columns. There were two or three columns of over a hundred people. So, for the whole day of the procession and the carriage, in my view, there were at least seven to eight thousand people.

But no one knew where they were going, at that time it was not only forbidden [?], [but not even allowed] to go out in broad daylight. Especially in places where there were Germans. Afterwards, it turned out that all the Jews had been killed. Their property was confiscated and looted by the soldiers. We had a collective Gypsy farm between Poliakovka and Lakedemonovka, I can't say how many members, although I went there several times. They were killed two weeks later, too.

The reason for shooting the Jews, the Germans said, was because they were the instigators of the war, which means they were responsible. They said Gypsies were partisans. According to the residents of Veselovo village council, there were no partisans there, but the Gypsies were all shot to the last person. There was a case of a Gypsy girl who somehow escaped being shot, and ran some twenty kilometers to the ferry of the Lakedemonovo village council, but the Germans caught up with her and shot her on the spot. This story was told by a Lakedemonovo collective farmer. The number of collective farmers can be ascertained by the nearby village council.

Eiskaia street, 18 /Mikhailov/

[*Correct*]

[*signature*]

[*2*]

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП /б/

тов. ДВИНСКОМУ

# ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о зверствах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гор. Ростове на Дону в период его оккупации.

После изгнания немецких захватчиков из гор. Ростова на Дону заявлениями, допросом очевидцев, пострадавших и другими материалами установлены многочисленные факты чудовищных зверств и массового истребления оккупантами мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Ворвавшись в город, гитлеровцы 24-го июля на Портовой улице задержали и зверски замучили рабочего ПИРОГОВА Василия, 50 лет. В тот же день, во дворе дома № 14 по ул. Фрунзе был расстрелян 14-ти летний мальчик Вася за то, что в кармане у него были обнаружены 3 патрона.

Профессор Ростовского Педагогического института КЕРЕНСКИЙ о зверствах и издевательствах оккупантов над населением и военнопленными сообщил:

[*2*]

Top secret

TO THE SECRETARY OF THE ROSTOV REGIONAL COMMITTEE (of the CPSU (b)),

Cde DVINSKII

REPORT NOTE

On the atrocities committed by the German-fascist invaders in Rostov-on-Don during the occupation.

After the expulsion of the German invaders from Rostov-on-Don, numerous facts of heinous atrocities and mass extermination of Soviet civilians (including women, old people and children) were established. It is based on statements, eyewitnesses and victims' interrogation, and other materials.

On 24 July, upon breaking into the city, the Hitlerites detained (on Portovaia Street) and brutally tortured to death Vasilii PIROGOV, a 50-year-old worker. The same day, in the yard (on 14 Frunze Street), a 14-year-old boy Vasia was shot – because of 3 cartridges found in his pocket.

Professor Kerenskii of the Rostov Pedagogical Institute reported on the atrocities and abuse of civilians and prisoners of war:

«… Заняв Рабочий городок и часть города Ростова, немцы 24-го июля 1942 г. согнали жителей довольно обширного района в один большой дом. Людей было так много, чтобы все не могли поместиться в доме и масса людей расположилась во дворе. Немецкий офицер с какой то целью пришёл сфотографировать людей, толпившихся во дворе. Когда аппарат был установлен, то немецкие автоматчики, расположившиеся позади фотоаппарата, вскинули автоматы и прицелились в толпу, которая метнулась в сторону, началась давка, крики, детский плач и в это время толпа была сфотографирована. Ясно было, что офицеру нужно было зафотографировать толпу в панике.

В тоже утро, через двор с Будённовского проспекта привели пленных красноармейцев в количестве 10–12. Когда это группа зашла за здание барака, то оттуда раздались очереди из автоматов. Один из пленных был легко ранен и выбежал из-за барака. Тогда к нему подбежал автоматчик, сбил его на землю и лежачего пристрелил.

Часов в 9 утра был приведён под руки ещё один пленный, который был ранен в бедро и совершенно не мог ходить. Немец положил его около дома, а затем пришли два автоматчика и на глазах всей толпы пристрели его…»

25-го июля 1942 г. на улице Красных Зорь, во дворе дома № 29 немцы расстреляли 35 человек потому, что в этом районе был найден один убитый немец. Трупы убитых граждан не разрешали хоронить в течение 7 дней.

Среди жертв этого расстрела:

НЕЙГОФ Владимир Яковлевич, 1900 г. рождения, по специальности электросварщик, его сын Игорь, 1928 г. рождения.

ПРОЦЕНКО Василий Петрович и сын Виктор 17 лет,

КИЗИМ Николай Антонович, 1927 г. рождения,

КОЗЛОВ Илья Степанович, 58 лет и др.

Аналогичные факты беспричинного расстрела мирных граждан имели место и в других районах города. В августе 1942 г. немецко-фашистские людоеды организовали в Ростове массовое убийство советских граждан еврейской нацио-

"... On 24 July 1942, having occupied Rabochii gorodok [the Workers' town] and part of the city of Rostov, the Germans herded the inhabitants of a fairly large area into one large house. There were so many people that the house could not hold everyone, and many settled in the courtyard. For some reason, a German officer came to take photographs of the crowd in the courtyard. When the camera was set up, the German machine gunners, who had positioned themselves behind the camera, raised their guns and aimed at the crowd. People rushed to the side, there was a stampede, shouts, children's cries – and at the same time, the crowd was being photographed. It was clear that the officer needed to capture [the scene of] the crowd in panic".

The same morning, 10 to 12 Red Army prisoners were brought across the yard from Budionnovskii Avenue. When this group went behind the barracks, machine gunfire erupted. One of them was lightly wounded and ran out from behind the barracks. A machine-gunner then ran up to him, knocked him to the ground and shot him lying down.

At about 9 in the morning, another prisoner, who had been wounded in the hip and could not walk at all, was brought in underarms. One German put him down on the ground (near the house), and then 2 machine gunners came and shot him in front of the crowd..."

On 25 July 1942, in the yard of house No. 29 on Krasnye Zori Street, the Germans shot 35 people because they had found 1 killed German in that area. The dead bodies of the murdered citizens were not allowed to be buried for 7 days.

Among the victims of this shooting:

NEIGOF Vladimir Iakovlevich, born in 1900, a welder; his son Igor, born in 1928

PROTSENKO Vasilii Petrovich, and his son Victor, 17 years old

KIZIM Nikolai Antonovich, born in 1927

KOZLOV Il'a Stepanovich, 58 years old, and others.

Similar facts of the gratuitous execution of civilians took place in other parts of the city. In August 1942, the German-fascist cannibals organised the mass murder of Jewish Soviet citizens in Rostov.

нальности, проведя подготовку этого злодеяния с особой тщательностью.

С целью учета еврейского населения и маскировки готовящегося преступления, в начале августа 1942 г. был опубликован приказ регистрации всего еврейского населения в специально созданных регистрационных пунктах, имевшихся в каждом районе города.

Чтобы еврейское население с большим доверием отнеслось к вышеуказанному приказу, последний был подписан председателем организованного оккупантами так называемого «Еврейского совета старейшин» доктором – ЛУРЬЕ, бывшим директором дома Санитарного просвещения.

Регистрацию проводили специально выделенные немцами евреи, которые заносили в список характеризующие данные регистрируемого: фамилию, имя, отчество, год рождения, национальность, место работы, должность, домашняя адрес.

После проведения регистрации евреев, 9-го августа карательными органами немцев «ЗОНДЕРКОМАНДА СС 10-А» /шеф её доктор ГЕРЦ/, было опубликовано воззвание к еврейскому населению города Ростова, следующего содержания:

## ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА РОСТОВА

«В последние дни имелись случаи актов насилия по отношению к еврейскому населению со стороны жителей не евреев. Предотвращение таких случаев и в будущем не может быть гарантировано, пока его еврейское население будет разбросанным по территории всего города. Германские полицейские органы, которые по мере возможности соответственно противодействовали этим насилиям, не видят, однако, иной возможности предотвращения таких случаев как в концентрации всех ещё находящихся в Ростове евреев в отдельном районе города. Все евреи г. Ростова будут поэтому во вторник

This atrocity was organised particularly thoroughly.

In order to keep track of the Jewish population and disguise the crime being prepared, in early August 1942, an order was issued to register the entire Jewish population at specially established registration points, present in every district of the city.

In order to make the Jewish population have more trust in the above order, the latter was signed by the chairman of the so-called "Jewish Council of Elders" (set up by the occupiers) – Dr LUR'E, former director of the House of Sanitary Education.

The registration was carried out by the Jews (chosen by the Germans), who drew up lists with the following details of the registered person: name, surname and patronymic, year of birth, ethnic origin, place of work, position and home address.

After the registration of Jews, on 9 August, the German punitive organs – the "Sonderkommando SS 10a"* (Dr HERTZ was its head) – published an appeal to the Jewish population of Rostov, as follows:

APPEAL TO THE JEWISH POPULATION OF ROSTOV

"In recent days, there have been cases of violence against the Jewish population by non-Jewish residents. The prevention of such incidents in the future can neither be guaranteed as long as its Jewish population is scattered throughout the city. The German police services, who have counteracted this violence to the extent possible, see no other way of preventing such incidents than to concentrate all the Jews still in Rostov in a separate area of the city. For this reason, all the Jews of Rostov

* part of the Einsatzgruppe D.

11-го августа 1942 года переведены в особый район, где они будут ограждены от враждебных актов. Для проведения в жизнь этого мероприятия, все евреи обоих полов и всех возрастов, а также и лица из смешанных браков евреев с не евреями должны явиться во вторник 11-го августа 1942 г. к 8 часам утра на соответствующие сборные пункты. Сборным пунктом для различных городских районов, являются:

| № № п. п. | Наименование р-на. | Адрес пунктов. |
|---|---|---|
| 1. | Кировский район | 1. Пушкинская ул. № 137/139 |
| 2. | Андреевский | 2. Социалистическая ул. № 90 |
| 3. | Ленинский и Железнодорожный | 3. Ул. Энгельса № 60 |
| 4. | Октябрьский | 4. Просвещенская ул. № 23/73 угол Семашко |
| 5. | Пролетарский и Сталинский | 5. 20 линия № 14 и угол Мурлычевской ул. |
| 6. | Орджоникидзевский | 6. Ул. Станиславского № 188 |

Все евреи должны иметь при себе свои документы и сдать на сборных пунктах ключи, занятых до сих пор ими квартир. К ключам должен быть проволокой или шнурком приделан картонный ярлык, носящий имя, фамилию и точный адрес собственника квартиры.

Евреем рекомендуется взять с собой их ценности и наличные деньги, по желанию можно взять необходимый для устройства на новом место жительства багаж. О доставке остальных оставшихся на квартире вещей будут даны дополнительные указания.

Беспрепятственное проведение в жизни этого распоряжения в интересах самого еврейского населения. Каждый, противодействующий ему, а также и данным, в связи с этим указанием еврейского совета старейшин, берёт всю ответственность за неминуемые последствия на самого себя.

За еврейский Совет Старейшин д-р Лурье»

11-го августа 1942 года в 8 часов утра на сборные пункты, указанные в «воззвании» группами и в одиночку, семьями с детьми школьного и грудного возраста, с больными и стариками начали собираться граждане еврейской национальности, неся в руках наи-

on Tuesday, 11 August 1942, will be transferred to a special area where they will be protected from hostile acts. In order to carry out this measure, all Jews of both sexes and all ages, as well as persons of mixed marriages of Jews and non-Jews, must report to the appropriate assembly points on Tuesday, 11 August 1942, at 8 in the morning. These points, depending on the city district, are as follows:

| No. | Name of the district | Assembly points address |
|---|---|---|
| 1. | Kirovskii | 1. 137/139, Pushkinskaia St. |
| 2. | Andreevskii | 2. 90, Sotsialistskaia St. |
| 3. | Leninskii, Zheleznodorozhnyi | 3. 60, Engels St. |
| 4. | Oktiabrskii | 4. 23/73, corner Prosveshchenskaia and Semashko Streets. |
| 5. | Proletarskii, Stalinskii | 5. 14, 20th Line / corner of Murlichevskaia St. |
| 6. | Ordzhonikidzevskii | 6. 188, Stanislavskii St. |

All Jews must have their documents with them, and hand over, at the assembly points, the keys to the flats they have so far occupied. The keys must have a cardboard label attached to them with a wire or string, bearing the name and exact address of the owner.

Jews are advised to take their valuables and cash with them; if they wish, they can also take the necessary luggage to settle down in their new home. Further instructions will be given on how to deliver the rest of the belongings (remaining in the flat).

It is in the interest of the Jewish population to ensure that this ordinance is carried out without hindrance. Anyone who opposes this ordinance, as well as the directive of the Jewish Council of Elders in this regard, takes personally full responsibility for the imminent consequences.

On behalf of the Jewish Council of Elders, Dr Lur'e".

On 11 August 1942, at 8 in the morning, citizens of Jewish origin began to gather at the assembly points stated in the "appeal" in groups and individually, families with school-age children and infants, the sick and the elderly.

более ценные вещи и продукты. При входе на сборный пункт, вещи, ключи и продукты отбирались немцами.

Когда сбор был закончен, гестаповцы начали посадку явившихся в грузовые автомашины, сопровождая этот акт избиениями и грубой бранью.

Домохозяйка ПРАВДИЕВА Лина Яковлевна, проживающая в Андреевском районе – свидетель подготовки немцами массового убийства граждан еврейской национальности, показала:

> «… Примерно, 9-го августа 1942 года немцы выпустили воззвание, обязывавшие всех евреев 11-го августа явиться на сборный пункт с ценными вещами и ключами от квартир. В назначенный день еврейское население с вещами и ключами от квартир собралось на сборном пункте во дворе школы /на углу Социалистической ул. и Газетного пер./. У пришедших евреев немцы отбирали вещи и ключи, которые складывались в одну кучу, а евреев загнали в противоположную сторону двора. Через некоторое время к школе стали подъезжать немецкие автомашины, на которые немцы начали посадку евреев. Если кто-либо из стариков или детей не мог быстро влезть в машину, то немецкие солдаты ударами кулака или ноги вталкивали их в машину.
>
> Известный врач-терапевт ИНГАЛ Моисей Маркович при посадке в машину взял свой узелок и хотел итти. К нему подбежал немец, грубо вырвал у него узелок и заставила лезть в машину. Когда доктор ИНГАЛ с трудом влез в машину и хотел выглянуть из неё, немецкий солдат настолько сильно ударил его кулаком, что у него слетела с головы фуражка. Гружёные еврейским населением автомашины немцы отправляли по направлению Рабочего городка.»

ТОЛСТИКОВА Клавдия Андреевна, проживающий в Кировском районе, о виденном ей злодеянии немцев, рассказала:

> «… В начале августа м-ца 1942 года немецким командованием был издан приказ о явке еврейского населения города на регистрацию. Вскоре было выпущено «воззвание к еврейскому населению», подписанное доктором ЛУРЬЕ, в котором всем евреям предлагалось 11-го августа явиться на сборный пункт с ценными вещами, документами и ключами от своих квартир. В указанный день на сборный пункт /двор дома № 137/139 по Пушкинской улице /начали собираться люди. Здесь можно было уви-

They carried, in their hands, the more precious belongings and food. At the entrance to the assembly point, belongings, keys and foodstuffs were taken away by the Germans.

When the gathering was over, the Gestapo officers began to put those who had turned up into trucks, accompanying this act with beatings and harsh swearing.

Lina Iakovlevna PRAVDIEVA, a housewife, living in the Andreevskii district, witnessed the Jewish mass murder preparation by the Germans. This is her account:

> "… Around 9 August 1942, the Germans issued an appeal, obliging all Jews to come to an assembly point on 11 August, with valuables and flat keys. On that day, the Jewish population took their belongings and keys to their flats to the assembly point in the schoolyard (corner of Sotsialisticheskaia St. and Gazetnyi Lane). Germans took away the keys and possessions, put them in one pile, and forced the Jews to the other side of the yard. After a while, German cars began to drive up to the school, and the Germans began to board the Jews. If any of the old men or children could not get into the car quickly, the German soldiers would push them into the car with fist or feet punches.
>
> Moisei Markovich INGAL, a well-known physician, when boarding, took his bundle and wanted to go [towards the car]. A German ran up to him, brutally snatched his bundle and forced him into the car. When Dr INGAL struggled to get into the car and wanted to look out of it, the German soldier struck him so hard with his fist that his cap flew off his head. The Germans sent the vehicles laden with Jews in the direction of Rabochii gorodok [the Workers' town]".

Klavdiia Andreevna TOLSTIKOVA, a resident of the Kirovskii district, is telling about the German atrocities she witnessed:

> "... At the beginning of August 1942, the German command issued an order for the Jewish population of the city to report for registration. Soon, an "appeal to the Jewish population" was issued, signed by Dr Luri'e, demanding all Jews to come to the assembly point, on 11 August, with their valuables, documents and flat keys. On this day, people began to gather (in the yard of 137/139, Pushkinskaia Street). Here one could see not only

деть не только женщин и подростков, но и стариков и малолетних и грудных детей. Некоторые инстинктивно, чувствую опасность, плакали. Среди собравшихся евреев расхаживали русские предатели в немецкой форме и успокаивали: «Что вы волнуетесь? Вас никто не тронет, расстреливать вас не будут. Вот в Таганроге все евреи живут за городом и работают, поверьте нам, мы сами с Таганрога».

К концу дня фашистские изверги и их приспешники сорвали с себя маску «отеческой» заботы и стали бесцеремонно с присущей этим зверям грубостью, обращаться с собравшимися людьми. На моих глазах один из немецких солдат, избил старуху-еврейку за то, что она осмелилась обратиться к нему с каким-то вопросом. Кровь залила лицо этой старушки, страшно и тяжело было смотреть на эту картину. Вскоре подошли грузовые, крытые брезентом автомашины и началась посадка людей. Оставшихся во дворе граждан около 200 чел. немцы построили и погнали в сторону Зоологического сада. Туда же выехали и нагруженные людьми машины».

Аналогичные показания дала свидетельница ГОЛОВА Ольга Викторовна:

«… 9-го августа днём появился новый приказ о явке всего еврейского населения на районные сборные пункты к 8 часам 11-го августа. В назначенный день евреи стали приходить целыми семьями и по одиночке. Были здесь и старые, молодые, и дети, и подростки, всего собралось около 1500 человек. Особенно много было пожилых и совсем престарелых. Были такие, которые сами не могли итти, их вели или везли. Многие были с грудными детьми. Люди были взволнованы, всюду слышались возгласы: «Неужели нас убьют?! – Куда нас?!» и т.п. Среди сидящих евреев расхаживали русские предатели полицейские и «успокаивали» тех, кто обращался к ним с вопросами: «Граждане, не волнуйтесь, с вами ничего плохого не сделают. Вы поедете за город в отведённые вам место и будете там жить и работать.

Часов в 12 дня стали под"езжать крытые грузовые автомашины, куда немцы начали посадку евреев. Оставшихся людей, примерно 200 чел., немцы построили и пешком погнали по направлению Рабочего городка. Позже в городе разнесся слух, что этих нивчём неповинных людей немецкие изверги расстреляли за городом».

Накануне массового уничтожения советских граждан, немцы

women and teenagers, but also old people, young children and babies. Some cried instinctively, sensing the danger. Russian traitors in German uniforms walked around among the assembled Jews and reassured them: “What are you worried about? Nobody will hurt you, and you will not be shot. You see, in Taganrog, all the Jews live and work outside the city, believe us, we are from Taganrog”.

By the end of the day, the fascist monsters and their henchmen took off their “fatherly” care masks and began to treat the people assembled with brutality, typical of these beasts. Before my eyes, one of the German soldiers beat up an old Jewish woman because she dared to ask him a question. The old woman’s face was drenched in blood, and it was frightening and hard to look at the scene. Soon the tarpaulin-covered trucks arrived, and the boarding began. The Germans lined up the crowd remaining in the yard, about 200 people, and forced them to go toward the Zoological Garden. The vehicles loaded with people drove off to the same place, too.”

Similar testimony was given by the witness GOLOVA Olga Viktorovna:

“... On 9 August in the afternoon, there was a new order for the entire Jewish population to report to the district assembly points by 8 o’clock on 11 August. On the appointed day, the Jews began to come in families and individually. There were old, young, children and adolescents, about 1,500 people in all. Especially many of them were either elderly or very old. Some who could not walk by themselves were either led or carried. Many were with infants. People were agitated, and cries could be heard everywhere: “Will they really kill us?! Where are they taking us?!”, etc. Russian traitors-policemen walked around among the seated Jews, “calming down” those who asked them questions: “Citizens, do not worry, nothing bad will be done to you. You will go out of the city, to a place allotted to you and live and work there”.

At about noon, covered lorries started to arrive, and the Germans began placing the Jews into them. The remaining people, about 200, were lined up and led on foot toward Rabochii gorodok. Later, a rumour spread locally that the German monsters had shot these innocent people outside the city.”

On the eve of the mass murder of Soviet citizens, the Germans

руками военнопленных бойцов и командиров выкопали в 5-м км северо-западнее Ростова, в районе посёлка «2-я Змиевка», на окраине рощи того же названия – 13 ям, размером 3 х 5 х 7 м., куда в последствии сваливали трупы расстрелянных. Кроме того, местом погребения расстрелянных советских граждан немцами был избран Песчаный карьер, расположенный в этом же районе.

10-го августа 1942 г. немецкие автоматчики всем жителям посёлка «2-я Змиевка» предложили покинуть поселок 11-го августа в 7 час. утра, взять с собой продуктов на 1–2 суток и не появляться в поселке до 19 час. 11-го августа, мотивируя это выселение проведением «больших практических стрельб».

С утра 11-го августа началось массовое уничтожение советских граждан. Прибывающие с людьми автомашины разгружались в Змиевской роще, жертвы раздевались гитлеровцами до-гола или нижнего белья, подводились к приготовленным ямам и обрыву песчаного карьера и в упор расстреливались из автоматов.

Сплошной стон, плачь женщин и детей стоял над местом расстрела советских граждан. Уничтожению подверглись мужчины, женщины, подростки и старики, причём установлено, что детям смазывались губы ядом и ещё живыми они бросались озверелыми оккупантами с обрыва в карьер.

До поздней ночи продолжали творить гитлеровские палачи чудовищное злодеяние. В этот день было уничтожено 13000 чел. еврейского населения.

Свидетель БЕЛОДЕД Игнат Степанович – очевидец расстрела евреев в Змиевской роще, показал:

had the prisoners of war (soldiers and officers) dig 13 pits of 3 x 5 x 7 metres, where they dumped the bodies of the executed. This took place near the village of Zmievka II, 5 km to the northwest of Rostov, at the grove's edge (of the same name). Moreover, the Germans chose the sandpit, located in the same area, as the burial place for the executed Soviet citizens.

On 10 August 1942, the German machine gunners offered all the residents of Zmievka II to leave the village at 7 in the morning on 11 August. They told them to take with them food for 1 or 2 days and not come back to the village until 7 in the evening of the same day. They justified this eviction as a necessity for organising a "large practical shooting training".

The mass extermination of Soviet citizens began on the morning of 11 August. The vehicles arriving with people were unloaded in Zmievskaia grove; the victims were stripped naked or to the underwear, led to the prepared pits and the sandpit precipice, and shot by the Hitlerites at point-blank range with machine guns.

Nothing but moaning and wailing of women and children stood over the place where the Soviet citizens were shot. Men, women, teenagers and the elderly were all slaughtered. Moreover, it was established that the children had their lips smeared with poison and, while still alive, were thrown by the crazed occupants from the precipice into the quarry.

Until late at night, Hitler's deathmen carried on with their monstrous atrocities. On that day, 13,000 people of the Jewish population were murdered.

Ignat Stepanovich BELODED, an eyewitness to the execution of the Jews in Zmievskaia grove, testified:

«… Для уничтожения советских граждан немецко-фашистскими оккупантами был выбран район посёлка «2-я Змиевка» /роща и песчаный карьер/. Начиная с 5-6 августа 1942 г. под усиленным конвоем немцев пригонялись партии военнопленных, которые на окраине рощи, в 150-200 м от посёлка рыли глубокие ямы. Это была подготовительная работа оккупантов для массового истребления советских людей.

10-го августа, примерно, в 6 часов вечера, немецкими автоматчиками было предложено всем жителям посёлка, в том числе и мне, покинуть поселок с 7 час. утра до 7 час. вечера 11-го августа, об"ясняя, что в это время будет «большая практическая стрельба». Причём, нас предупредили, что нарушители этого приказа будут расстреляны.

Ранним утром я со своей семьёй в числе других жителей посёлка ушёл в район военведа, где находился до 7 часов вечера 11-го августа, а затем направился домой.

Дойдя до Змиевской балки, я увидел на дороге, идущей к роще, партию женщин и детей, 150-200 чел. Увидев это, я понял сразу, для чего нас выселили из поселка и куда гонят колонну женщин и детей, т.к. издали доносились звуки автоматных очередей. По дороге также шли автомашины гружённые людьми.

Примерно 14-го августа, я направился к обрыву и роще, где производились расстрелы и увидел, что ямы и обрыв заполнены трупами, слегка прикиданными землёй, через которую просачивались струи крови».

КИРЕЕВА Ульяна Тимофеевна об этом же акте рассказала:

«… 10-го августа 1942 г. немецкими палачами было предложено всему населению посёлка «2-я Змиевка» покинуть поселок 11-го августа на время 7 час. утра до 7 час. вечера. Я ушла из посёлка, но мой муж КИРЕЕВ И.К. остался в посёлке и от него мне известно, что с утра до поздней ночи 11-го августа немецкие палачи учиняли зверскую расправу над еврейским населением г. Ростова на Дону.

Муж рассказал мне, что всех привезённых евреев раздевали в роще до-гола, подводили к обрыву песчаного карьера и в упор расстреливали из автоматов. В числе расстрелянных были женщины, дети и старики, причём, часть детей оккупанты бросали живыми с обрыва вслед за расстрелянными матерями. После дня массового расстрела по сентябрь м-ц 1942 г. оккупанты регулярно привозили людей по несколько автомашин и расстреливали в роще и над обрывом песчаного карьера. С начала расстрелов и по

сентябрь м-ц 1942 г. включительно немецко-фашистскими извергами в районе

"… For the extermination of Soviet citizens, the German-fascist occupiers chose the area around the village of Zmievka II (grove and sandpit). Starting from 5 or 6 August 1942, under a reinforced German guard, the parties of prisoners of war were brought to dig deep pits at the grove's edge, some 150–200 metres from the village. It was the occupiers' preparatory work for the mass extermination of the Soviet people.

On 10 August, at about 6 in the evening, the German machine gunners asked all the villagers, including me, to leave the village on 11 August, from 7 in the morning till 7 in the evening. The explanation was that a "large practical shooting training" would take place at that time. Moreover, we were warned that violators of this order would be shot.

In the early morning hours, with my family and other villagers, I went to the military headquarters area, where I stayed until 7 in the evening on 11 August, and then returned home.

When I reached Zmievskaia Balka, I saw a group of women and children, some 150 to 200 people, on the road leading to the grove. Seeing it, I immediately understood why we had been evicted from the village and where the column of women and children was being led, because the sound of gunfire could be heard in the distance. There were also vehicles full of people passing on the road.

Around 14 August, I went to the cliff and the grove where the executions were carried out. There I saw that the pits and the cliff were filled with corpses, slightly covered with earth; jets of blood were seeping through it".

Ul'iana Timofeevna KIREEVA recounted the same act:

"... On 10 August 1942, the German executioners asked the entire population of Zmievka II to leave the village between 7 in the morning till 7 in the evening on 11 August. I left the village, but my husband KIREEV I. K. remained. From him, I know that from morning till late at night on 11 August, the German butchers were busy inflicting their bestial slaughter of the Rostov-on-Don's Jewish population.

My husband told me that all the Jews who were brought there were stripped naked, taken to the sandpit's precipice, and shot at point-blank range with machine guns. Among those shot were women, children and the elderly, and some children were thrown alive from the cliff after their mothers. After the day of the mass shooting and until September 1942, the occupiers regularly came with several vehicles and shot people in the grove and over the sandpit's precipice. From the

beginning of the executions and until September 1942 inclusive, the German-fascist monsters

посёлка «2-я Змиевка» было истреблено до 13 тысяч советских людей. Все они были зарыты в заранее приготовленные военнопленными ямы, после чего расстреливались и военнопленные. Таких ям, полных трупов советских граждан сейчас имеется семь».

Помимо массового убийства советских граждан в районе посёлка «2-я Змиевка» установлены факты злодеяния немецких захватчиков в Сталинском районе г. Ростова на Дону, в районе зелёных насаждений – «Зелёном кольце», расположенном в 2-х километрах юго-восточнее города Ростова на Дону.

Как установлено, оккупантами в районе «Зелёного кольца» было приготовлено 40 ям, размером 2 х 2,5 х 3 м., в которые зарывались привозимые на расстрел советские граждане. В течение сентября - октября месяцев 1942 г. гитлеровцы расстреляли в «Зелёном кольце» до 2000 человек, заполнив их трупами 27 ям.

Ниже приводится акт о злодеяния немецких захватчиков в Сталинском районе г. Ростова на Дону и в районе «Зелёного кольца».

## АКТ

1943 г. 24-25 августа. гор. Ростов на Дону.

Комиссия в составе: Председателя Исполкома Сталинского райсовета тов. АНДРЕЕВА П.Ф., Прокурора Сталинского района тов. ВЛАСОВА Г.И., майора ПОЛХАНОВА Д.В, Председателя профкома Союза завода «Ростсельмаш» им. Сталина тов. ТАБАКОВОЙ, судебно-медицинской эксперта доктора ОВЧИННИКОВОЙ В.С., составили настоящий акт о совершённых злодеяниях немецко-фашистскими оккупантами в Сталинском районе гор. Ростова на Дону.

Комиссия путём произведённых раскопок, а также личного осмотра массовых могил и показаний очевидцев и свидетелей: ЗВЕРЩИКОВОЙ А.Г., ЧЕРЕВИНКИНОЙ К.Т., СТРЕЛЬЦОВА И.Д., СМИРНОВА Г.Ф., КАРКАЧЕВА Ф.Н., ЧУКАНОВОЙ А.Я., ШЕВЦОВА установили, что в период временной оккупации Ростова немецко-фашистскими захватчиками с июля 1942 г по 14 февраля для [**до**] изгнания оккупантов, гитлеровские мерзавцы систематические истребляли мирное население гор. Ростова на Дону.

have exterminated up to 13,000 Soviet people in the Zmievka II area. All of them were buried in pits, prepared in advance by the prisoners of war and who were then shot as well. There are now 7 such pits, full of Soviet citizens' corpses".

Besides the mass murder of Soviet citizens around Zmievka II, it had been established that the German invaders had committed atrocities in the Rostov-on-Don's Stalinskii district [and] in "Zelenoe kol'tso" [the Green ring], a greenbelt area, located 2 km south-east from the city.

It became clear that the occupiers had 40 pits ready (2 x 2,5 x 3 metres), which were used to bury Soviet citizens brought for execution. During the months of September and October 1942, the Hitlerites had shot up to 2,000 people in "Zelenoe kol'tso", filling 27 pits with their corpses.

The following is an Act of atrocities committed by the German invaders in the Rostov-on-Don's Stalinskii district and in the "Zelenoe kol'tso" area.

## ACT

24–25 August 1943 Rostov-on-Don

Members of the Commission: Chairman of the Executive Committee of the Stalin District Council, Cde P. F. ANDREEV, Prosecutor of the Stalin District, Cde G. I. VLASOV, Major D. V. POLKHANOV, Chairman of the Stalin "Rostsel'mash" Trade Union, Cde TABAKOVA and forensic medical expert, Dr V. S. OVCHINNIKOVA have drawn up the present Act of atrocities committed by the German occupiers in the Rostov-on-Don's Stalinskii district.

The Commission, by means of:

- excavations

- personal inspection of mass graves

- first-hand and secondary accounts of the following witnesses: A. G. ZVERSHCHIKOVA, K. T. CHEREVINKINA, I. D. STRELTSOV, G. F. SMIRNOV, F. N. KARKACHEV, A. Ia. CHUKONOVA and SHEVTSOV,

has established that during the temporary occupation of Rostov by German-fascist invaders from July 1942 through 14 February ([until] the invaders' expulsion), Hitler's scoundrels had been exterminating systematically the civilian population in Rostov-on-Don.

Так, на участке «Зелёного кольца», около посёлка Фрунзе немецко-фашистские захватчики ежедневно пригоняли группы военнопленных и заставляли их копать ямы глубиной до 3-х метров и шириной до 2,5 метров. Всего таких ям была выкопана 40, из которых оказались заполненными трупами расстрелянных советских людей 27 ям.

Одновременно, в парке завода «Ростсельмаш» немцы расстреляли 70 раненых красноармейцев, которые были закопаны в беспорядочном состоянии в траншеях. Немцы расстреляли свои жертвы из автоматов, целясь в затылок и ставя приговорённый людей у края траншей.

Комиссией установлено, что немецко-фашистские изверги только в одном районе «Зелёного кольца» и на территории парка завода «Ростсельмаш» истребили до 2-х тысяч советских человек.

Начиная с октября 1942 г. немецко-фашистские оккупанты систематически привозили из города мирных советских граждан и расстреливали их у могил в районе «Зелёного кольца». Приговоренных к смерти немцы привозили на место казни в больших грузовых автомашинах, которые сопровождались легковой автомашиной с немецкими офицерами и специальной автомашиной с конвоем и военнопленными, которые использовались для закапывания расстрелянных советских людей.

Участок, где производился расстрел и где закапывали трупы убитых заранее оцеплялись немецкими солдатами. Немецкий офицеры цинично заявляли прохожим, что здесь, якобы, «происходят учебные занятия», никто во время расстрела из посторонних не допускался.

На расстрел гитлеровские палачи привозили советских людей в одном нижнем белье и большей частью совершенно раздетых.

Привезённых выталкиватели непосредственно из машин в ямы, заставляли ложиться лицом вниз и затем расстреливали из автоматов. Во время раскопок могил было обнаружено, что трупы убитых лежат по нескольку ярусов, друг на друге.

Фашистские мерзавцы приготовили 13 ям для расстрела советских мирных граждан, но доблестная Красная Армия помешала им привести в исполнение свой дьявольский план.

КОМИССИЯ: АНДРЕЕВ, ВЛАСОВ, ПОЛХАНОВ, ТАБАКОВА, ОВЧИННИКОВА.»

Свидетель Шевцов Иван Романович, вырвавшийся из рук немецких палачей, показал:

Consequently, in a section of “Zelenoe kol'tso”, near the village of Frunze, the German-fascist invaders brought daily groups of prisoners of war and forced them to dig pits up to 3 metres deep and 2,5 metres wide. Altogether, there were 40 such pits, of which 27 were filled with corpses of the executed Soviet people.

At the same time, in the “Rostsel'mash” plant park, the Germans shot 70 wounded Red Army soldiers and buried them disorderly in trenches. The Germans shot their victims with machine guns, aiming at the back of the head and placing the condemned men at the edge of the trenches.

The Commission concludes that the German fascist atrocities in the “Zelenoe kol'tso” area and the “Rostsel'mash” plant park alone had exterminated up to 2,000 Soviet people.

Since October 1942, the German-fascist invaders systematically brought Soviet civilians from the city and shot them near the graves in the “Zelenoe kol'tso” area. The Germans brought the condemned to the place of execution in big trucks, accompanied by a passenger car with German officers and a special vehicle with a convoy and prisoners of war. The latter were used to bury the executed Soviet people.

The area where the shooting took place and bodies were buried was cordoned off in advance by German soldiers. German officers cynically told passers-by that this was supposedly a “training ground”; no outsiders were allowed in during the execution.

Hitler’s executioners brought Soviet people to the execution in their underwear or, for the most part, completely naked.

Those brought in were pushed directly into the pits from the cars, forced to lie face down and then shot with machine guns. During the excavation of the graves, it was discovered that the dead bodies lay in several tiers, on top of each other.

Fascist scoundrels prepared 13 pits for the execution of the Soviet civilians, but the valiant Red Army prevented them from realising their diabolical plan.

THE COMMISSION: ANDREEV, VLASOV, POLKHANOV,
TABAKOVA, OVCHINNIKOVA”.

Ivan Romanovich SHEVTSOV, a witness who escaped from the German butchers, had testified:

«… Я был арестован Гестапо, как коммунист, на пятые сутки моего ареста, гестаповцы вывели из камер тюрьмы свыше 70 чел. арестованных, в том числе и меня и начали усаживать в автомашины. Нас подводили к машине по пять человек, заставляли снимать верхнюю платье и, оглушив каждого ударом резиновой дубинки по голове, вталкивали в машину. Среди нас было много женщин, раздетых до трусов. После того как нас усадили, машина направилась в рощу «Зелёное кольцо», где нам приказали выходить. Но никто не хотел выходить из машины. Тогда комендант тюрьмы подошёл и персонально вызвал пять человек: КУЗНЕЦОВА, КИНДРОКИНА, ПОПОВА, РОГОВА и меня.

Выйдя из машины мы увидели перед собой три вырытых ямы, размером 2 х 2,5 х 3 м., в одну из которых нам приказали прыгать и ложиться. Мы не решались прыгать в яму. Тогда один из немецких офицеров схватил РОГОВА и потащил к яме, а другой офицер ударил его ногой и РОГОВ упал в яму. Тоже самое сделали и с остальными и когда подошла моя очередь, я решил бежать. Ударив коменданта в лицо, я бросился в кусты, по мне стали стрелять, но не попали и погнались за мной. Я бежал рощей, затем перебежал через железную дорогу и направился в поселок им. Фрунзе, где мне удалось скрыться от преследования».

Свидетельница ЗЕРЩИКОВА Анна Григорьевна, проживающая в районе расстрелов, рассказала следующее:

«… Примерно через 2-3 недели после прихода немцев в Ростов я стала замечать, как 2-3 раза в неделю в рощу приезжала больших размеров автомашину. С октября месяца 1942 года, после того как в рощу приезжала автомашину, я стала слышать автоматная очередь. Когда же листья опали, мне стало видно, как в рощу приезжали одна–две больших автомашины, которые останавливались около вырытых ям. Участок рощи вокруг автомашин оцеплялся автоматчиками. Через 10–15 минут после приезда машины из них выходили советские люди, которых немцы расстреливали около ямы. После этого ямы закапывались, снималось оцепление и машины уезжали».

Одновременно с расстрелами, применяли для уничтожения советских граждан в специально оборудованные автомашины, называемые «душегубками».

«Душегубки» представляют собой большие, темного цвета, закрытые автомашины типа автобусов, без окон и [**с**] двухстворчатой герметически закрывающейся дверью в задней стенке кузова.

> "… I got arrested by the Gestapo as a communist; on the fifth day of my arrest, the Gestapo brought out of the prison cells more than 70 prisoners, including me, and began to put us into cars. They took us to the car in groups of 5, made us undress, stunned us on the head with rubber truncheons and pushed us into the car. There were many women among us, stripped down to their underwear. After we were seated, the car headed for the "Zelenoe kol'tso" grove and there we were ordered to get out. However, no one wanted to get out of the car. Then the prison commandant came up and personally summoned 5 people: KUZNETSOV, KINDROKIN, POPOV, ROGOV and myself.
>
> When we got out of the car, we saw 3 pits dug in front of us, measuring 2 x 2,5 x 3 m.; they told us to jump into one of them and lie down. We did not dare to jump into the pit. Then one of the German officers grabbed ROGOV and dragged him to the pit, and another one kicked him, and ROGOV fell into it. They did the same to the others, and when it was my turn, I decided to run away. I hit the commandant in the face and rushed into the bushes. They shot at me, but missed and started chasing me. I ran through the grove, then crossed the railway and headed to the village of Frunze, where I managed to get away from the chasers.

Anna G. ZERSCHIKOVA, a witness, living in the area where the shootings took place, told us the following:

> "… About 2 or 3 weeks after the arrival of the Germans in Rostov, I began to notice a large vehicle coming into the grove, 2 to 3 times a week. Since October 1942, as the car would come to the grove, I began to hear machine gunfire. When the leaves had fallen, I could see 1 or 2 big cars arriving in the grove and stopping by the dug pits. Machine gunners cordoned off the area around the vehicles. Some 10 to 15 minutes after the car's arrival, Soviet folks would come out of the car, and the Germans would shoot them by the pits. Then they would fill up the pits, lift the cordon, and the vehicles would drive off".

For the extermination of Soviet citizens, at the same time as the shootings, specially equipped vehicles, the "gas vans", were used.

The "gas vans" are large, dark-coloured, covered, bus-type vehicles without windows and [with] a double-wing hermetically sealed door in the rear of the body.

По дну машины проходит металлическая труба с отверстиями, соединяющаяся с выходной трубой дизельмотора, установленного на автомашине. Во время хода машины или когда она стоит с работающим мотором, выхлопные газы, содержащие высокий процент окиси углерода, по трубе и через отверстия в ней поступают в кузов автомашины и убивают находившихся в ней людей.

Использование «душегубок» в особенности широко применялось в Ростовской тюрьме.

Свидетель СОСУНОВ Аполлон Николаевич по этому вопросу, показал:

> «… Вскоре мы услышали шум прибывших автомашин. Из окна камеры я увидел, что это были «душегубки». Вскоре из тюрьмы была выведена группа арестованных мужчин и женщин, которых автоматчики принялись раздевать. Совершенно голые жертвы силой вталкивались в машину через заднюю дверь в кузове, причём, всё это сопровождалось избиением. После того, как машина была заполнена она выезжала со двора в неизвестном для меня направлении».

Другой очевидец применения немцами «душегубок» ТОКАРЕВ Василий Алексеевич рассказал:

> «… Утром 29-го сентября 1942 г. всех членов партии и подозреваемых в принадлежности в [**к**] ВКП /б/ выгнали из камер во двор. Нас было, примерно, около тысячи человек. Комендант ЛИНДНЕР с переводчиком по списку стал вызывать арестованных и группами по десять человек под усиленным конвоем стал производить погрузку в подошедшие машины «душегубки». Подводимых к этим машинам заключённых раздевали догола и вталкивали в машину. После того, как машины были наполнены арестованными, в кузов бросали 3–4 лопаты, дверь захлопывалась герметически и машины выезжали со двора».

Свидетельница ЧУКАНОВА Анастасия Яковлевна по вопросу о факте применения немцами «душегубок», дала показания следующего содержания:

A metal pipe with openings runs along the bottom of the car and connects to the diesel engine's exhaust pipe fitted to the car. When the car is running or standing with the engine running, exhaust gases (containing a high percentage of carbon monoxide) enter the car's body through the pipe and its openings and kill those present in the car.

The use of "gas vans" was particularly widespread in Rostov's prison.

Apollon Nikolaevich SOSUNOV, a witness, has testified on this matter:

> "... Soon, we heard the noise of vehicles arriving. From the cell window, I saw they were "gas vans". In a little while, a group of arrested men and women were led out of the prison; the machine gunners began to undress them. Completely naked victims were forced into the car through the back door and, what is more, accompanied by beatings. After the car was full, it drove out of the yard to an unknown destination to me".

Another eyewitness of the Germans' use of "gas vans", Vasilii Alekseevich TOKAREV, said:

> "In the morning of 29 September 1942, all Party members and those suspected of being as such were forced out of their cells and into the yard. There were roughly one thousand of us. Commandant LINDNER and an interpreter began to call roll the arrested, and in groups of 10, under a strengthened convoy, started loading them into the "gas vans". The detainees led to these vehicles were stripped naked and pushed inside. After the vehicles were filled with prisoners, 3 or 4 shovels would be thrown into [each] car's body, the door would get hermetically closed, and the vehicles would drive out of the yard".

Witness Anastasiia Iakovlevna CHUKANOVA gave the following testimony on the facts of Germans using the "gas vans":

> «… Вскоре к роща подъехали две автомашины закрытого типа и остановились около ям. Через некоторое время немцы открыли дверь кузова одной машины, откуда показался дым или газ. Когда газ рассеялся, стали вытаскивать трупы людей бросать их в ямы. Когда немцы уехали, я подошла к месту, где стояли машины и увидела две свеже зарытых ямы».

ФИЛЕНКО Варвара Ивановна, работающая уполномоченной посёлка «2-я Змиевка», утверждает, что:

> «… Наряду с расстрелами, остервенелые немецкие палачи сотни и тысячи людей умерщвляли в специальных автомашинах – «душегубках». Последние я видела лично сама. Внешний вид их похож на большой крытый автобус, только без окон, вместительностью в 50 чел. «Душегубки» после того как прибывали к месту расстрела, в течение 20 минут стояли с работающими моторами. Затем открывались двери в задней части кузова, откуда выходили клубы темного дыма. После того, как дым выходил, машину задним ходом подавали к обрыву песчаного карьера и из кузова выбрасывались голые трупы мужчин и женщин. Только по моим наблюдениям, немецкими оккупантами за период со 2 по 10-е августа в районе посёлка «2-я Змиевка» было расстреляно и умерщвлено «душегубками» более 4000 человек».

В начале августа месяца 1942 г. немецкими фашистами был уничтожены в «душегубках» 72 чел. советских граждан, находившихся на излечении в Ростовской психиатрической больнице.

ЕВСТАФЬЕВА Анна Ивановна, исполнявшая должность главного врача городской психиатрической больницы об этом зверском акте немцев показала:

> «… Приступив к работе главврача, я стала хлопотать о питании для больных, так как на складе продуктов оставалось мало. С этой целью я отправилась в фельдкомендатуру, но вместо питания получила там насмешки и издевательства. Кормить больных было нечем. 2-го августа 1942 г. ко мне в больницу неожиданно приехало трое немцев. Один из них хорошо говоривший по-русски, представился мне, как врач-специалист психоневролог. Он предложил мне ознакомить его с больницей и находящимися в ней душевнобольными. К тому времени в больнице находилось 72 чел. тяжело больных. После осмотра

> "... Soon, 2 closed-type vehicles drove up to the grove and stopped near the pits. After a while, the Germans opened the back door of one of the vehicles, and smoke or gas came out from it. When the gas cleared, they pulled out the bodies and threw them into the pits. When the Germans left, I came to the place where the cars stood and saw 2 freshly covered pits".

Varvara Ivanovna FILENKO, who works as the village commissioner of Zmievka II, states that:

> "... Besides shootings, the frenzied German executioners killed hundreds and thousands of people in special vehicles – the "gas vans". I have seen the latter myself. It looks like a big roofed bus, but without windows, with a capacity of 50 people. The "gas van" would stand with their engines running for 20 minutes after arriving at the execution site. Then the doors at the back of the body would open and a cloud of dark smoke would come out. After the smoke would come out, the car would go in reverse to the sandpit's cliff, and the naked bodies of men and women would be thrown out of it. According to my observations alone, during the period from 2 to 10 August, over 4,000 people were shot or killed in "gas vans" by the German occupiers around the village of Zmievka II".

At the beginning of August 1942, 72 Soviet citizens undergoing treatment in the Rostov psychiatric hospital were murdered in "gas vans" by the German fascists.

Anna Ivanovna EVSTAF'EVA, the acting chief physician of the city psychiatric hospital, testified about this atrocious act of the Germans:

> "... When I took up my duties as chief physician, I needed to solve the food issue for the patients, as there was little of it left in the warehouse. For this purpose, I went to the *Feldkommandantur*, but instead of food, I received taunts and mockery. There was nothing to feed the sick. On 2 August 1942, 3 Germans unexpectedly came to the hospital. One of them, who spoke Russian well, introduced himself as a psychoneurology specialist. He suggested I give him a familiarisation tour of the hospital and the mentally ill. At the time, there were 72 seriously ill patients in the hospital. After the inspection,

больницы немец-врач предложил мне составить список на всех душевнобольных и предупредил, что 3-го августа он приедет за списками.

3-го августа, примерно, в 2 часа дня к больнице под"ехали 2 закрытых больших автомашины /впоследствии мы узнали, что это были «душегубки»/ и врач посетивший меня 2-го августа явился ко мне с автоматчиками. Весь дом был также оцеплен солдатами. Немецкий врач отозвал меня в сторону и сказал: «Мы приехали за Вашими больными. Выделите медперсонал для вывода больных и посадки в машины. Когда я спросила: «Куда же Вы их забираете?» – Он ответил, что об этом скажет потом. Когда больные были усажены в машины, немцы ещё раз прошли по палатам, проверили все уголки больницы и уехали».

Это подтвердила также свидетельница БАШМАКОВА Мария Карповна, работавшая санитаркой в психиатрической больнице:

«… 3-го августа 1942 г. из Ростовской психиатрической больницы немецкими извергами были из"яты, а затем умерщвлены 72 чел. душевнобольных. В этот день я дежурила санитаркой. О готовящейся расправе над больными до последней минуты никто из обслуживающего персонала не знал. Примерно, в 2 часа дня в больницу приехали немецкие офицеры, во главе с каким-то врачом. Последний предложил главврачу ЕВСТАФЬЕВОЙ выделить санитаров для вывода и погрузки больных в автомашины. В это время у под"езда больницы уже стояли две закрытых машины «душегубки». Погрузка продолжалась часа полтора. После этого немцы обошли всё здание, смотрели даже под кроватями, не спрятали ли мы кого либо из больных и потом уехали. На другой день нам было об"явлено, что в здании больнице немецкое командование устраивает общежитие».

На Северной окраине города, в районе Покровского кладбища оккупантами был устроен тир, где немецкие солдаты обучались метанию гранат по живым целям – советским гражданам. Ниже приводится акт, документирующий это чудовищное преступление немецко-фашистских оккупантов.

> the German doctor suggested that I make a list for all the mentally ill and warned me he would come to collect the lists on 3 August.
>
> On 3 August, at about 2 in the afternoon, 2 large covered vehicles drove up to the hospital (we later learned that they were the "gas vans"), and the doctor who had visited me on 2 August came to see me with machine-gunners. Soldiers also cordoned off the whole building. The German doctor took me aside and said: "We have come for your sick. You should allocate medical staff to lead the sick out and put them in the cars. When I asked: "Where are you taking them?" – He replied that he would tell me later. When the patients were put into the cars, the Germans walked through the wards, once again, ran a thorough check of the hospital and drove off".

The witness Maria Karpovna BASHMAKOVA, who worked as a nurse's aide at the psychiatric hospital, has also confirmed this fact:

> "... On 3 August 1942, 72 mentally ill people were driven out of the Rostov psychiatric hospital by the German monsters and then put to death. On that day I was on duty. No one on the staff knew of the impending massacre of the patients until the last minute. At about 2 in the afternoon, German officers, headed by a certain doctor, came to the hospital. He suggested to EVSTAF'EVA, the head doctor, to assign orderlies to take out the patients and board them in cars. At that moment, there were already 2 covered "gas vans" parked outside the hospital. The boarding lasted about an hour and a half. After that, the Germans went around the building, even looked under the beds to see if we had hidden none of the patients, and then left. The next day we were told that the German command would set up a dormitory in the hospital's building".

In the northern outskirts of the city, near the Pokrovskoe cemetery, the occupiers set up a shooting range where German soldiers were trained to throw grenades at living targets, the Soviet citizens. The Act below documents this heinous crime of the German-fascist occupiers.

[*б*]

Копия

# ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1943 года, ноября месяца 12 дня г. Киев

Я, оперуполномоченный 2 управления НКГБ УССР – старший лейтенант государственной безопасности МОСТОВОЙ, сего числа допросил свидетеля, о сжигании трупов жертв немецких оккупантов во время их пребывания в г. Киеве –

гр-на СТЕЮКА Якова Андреевича, 1915 года рождения, урож. г. Хотин /Бессарабия/, еврей, гражданство СССР, из семьи служащего, беспартийный, по профессии радиотехника, образование – незаконченное высшее, проживающего – г. Киев, Межигорская № 35, кв. 17.

ВОПРОС: Где вы проживали и чем занимались до начала отечественной войны?

ОТВЕТ: До войны я проживал в городе Черновицах. Проживая в указанном городе с 1924 года, первое время я занимался в гимназии, политехническом институте в Бухаресте и отбывал воинскую повинность в румынской армии. После прихода Советской власти в июне 1940 года, я работал начальником планового отдела Черновицкой трикотажной фабрики «Геркулес». На этой должности меня и застала война, начавшаяся вследствие вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз.

ВОПРОС: Каким образом вы оказались в Киеве?

ОТВЕТ: 2 июля 1941 года, с группой рабочих я эвакуировался из Черновиц в глубь страны, имея предписание явиться в Киевский Главтрикотаж. 8 июля в городе Проскурове группа рабочих, с которыми я передвигался, не могла продвигаться дальше, так как в ночь 7-го на 8-е июля город был занят немецкими войсками. Многие рабочие моей группы погибли от немецкого террора, лично же я скрылся и ушёл в Каменец-Подольск. Здесь, скрыв свою истинную национальность, мне удалось устроиться на работу кладовщика в нефтебазу, где проработал до 18 августа 1942 года. Ввиду угрозы быть расстрелянным и подвергнуться аресту, я добился перевода в город Киев в областное управление немецкого Нефтесбыта /фирма «Украинэль»/ , где и работал с 18 августа 1942 г. по 7 июня 1943 года.

/на обор./

[*6*]

Copy

INTERROGATION REPORT

Kiev, 12 November 1943.

I, Detective Inspector of the 2nd Department of the NKGB [People's Commissariat for State Security] of the Ukrainian SSR [UkSSR], Senior Lieutenant of State Security, MOSTOVOI, on this day have questioned the following witness on the burning of corpses of the German occupants' victims (in Kiev) –

Citizen Iakov Andreevich STEIUK, born in 1915 in Khotin (Bessarabia), Jew, Soviet citizen, of white-collar workers' origin, non-party, radio technician, incomplete higher education, residing in Kiev, Mezhigorskaia St. 35, apt. 17.

Question: Where did you live, and what did you do before the war?

Answer: Before the war, I lived in the city of Chernovitsy, where I had been living since 1924. I had studied in a gymnasium, then in the Polytechnic Institute in Bucharest, and had done my service in the Romanian army. After the Soviet regime came into power in June 1940, I worked as the head of the planning department in the Chernovitsy knitting mill "Gercules". And this was my position when the war broke out following the treacherous attack of fascist Germany on the Soviet Union.

Q: How did you end up in Kiev?

A: On 2 July 1941, I was evacuated inland, with a group of workers, from Chernovitsy, with instructions to report to Glavtrikotazh [General Directorate of the Knitwear Industry) in Kiev. On 8 July, in the town of Proskurov, the group of workers I was with could not move any further, as on the night of 7 to 8 July, German troops occupied the town. Many of the workers in my group were killed by the German terror; as for me, I went into hiding and escaped to Kamenets-Podolsk. There, hiding my true [Jewish] origin, I have managed to find a job as a storekeeper in the oil depot, where I worked until 18 August 1942. Under the threat of being shot or arrested, I have succeeded in obtaining a transfer to Kiev, to the regional management of the German Neftesbyt [Oil export] (company "Ukrainel"), where I worked from 18 August 1942 to 7 June 1943.

(see over)

ВОПРОС: Что послужило причиной Вашего перерыва в работе?

ОТВЕТ: Причиной перерыва работы послужил мой арест органами «СД» /гестапо/. Арестовали меня 7 июня 1943 года, пред"явив обвинение, что я не арийского происхождения и являюсь по национальности евреем.

ВОПРОС: Сколько раз Вы подвергались допросу в органах «СД» и каким образом Вам удалось скрыть свою истинную национальность?

ОТВЕТ: Допросу в органах «СД» я подвергался один раз, а именно: 9 июня. Когда я категорически стал отрицать свою национальность, они подвергли меня медицинскому осмотру, который был произведён их штатным врачом – ЛАЗАРЕНКО, признавший меня еврейской национальности. Просидев без дальнейших допросов в камере «СД» /Короленко 33/ до 25 июня, в этот день меня направили в Сырецкий лагерь.

ВОПРОС: По прибытие в Сырецкий лагерь, Вы подвергались допросу?

ОТВЕТ: Да, в первый же день, по прибытию в лагерь, меня вызвали, спросили национальность, и когда я своих показаниях настаивал, что я не еврей меня жестоко избили, после чего был перелом мизинца правой руки и снова водворили в лагерь, в специально оборудованную землянку, предназначенную специально для евреев /землянка № 2/. Как впоследствии я узнал из разговора других заключённых и личной беседы с дежурным ССовцем – РАДЕР, заключённые землянки № 2 были обречены к последующему физическому истреблению.

ВОПРОС: Расскажите подробно, что Вам известно о факте сжигания немецкими оккупантами трупов – жертв террора?

ОТВЕТ: Будучи направлен 18 августа 1943 года, в числе других 100 человек, для работы в «Бабий Яр» /место массовых расстрелов населения города Киева/, находящийся под ведением «СД».

По прибытии в «Бабий Яр», нам всем надели на ноги кандалы, в которых мы оставались день и ночь и в лагерь больше не возвращались. Необходимо отметить то обстоятельство, что охрана здесь состояла не из украинских полицаев, как это было в Сырецком лагере, а исключительно из специально подобранных немецких жандармов. Первое время мы не знали смысла и цели наших «земляных работ» /раскопок/. И лишь на шестой день, когда вырыв яму глубиной около 4-х метров, было обнаружено большое количество человеческих трупов, среди которых были женщины старики и дети.

Q: - What was the reason for interrupting your work?

A: - The reason was my arrest by the SD [*Sicherheitsdienst* / Security Service] (Gestapo). They arrested me on 7 June 1943, accusing me of not being of Aryan descent and being of Jewish origin.

Q: - How many times were you interrogated by the SD, and how did you manage to conceal your true origin?

A: - The SD has interrogated me once, on 9 June. When I categorically denied my origin, they subjected me to a medical examination carried out by their staff doctor, LAZARENKO, who acknowledged my Jewish origin. After sitting without further interrogation in an SD cell (Korolenko St., 33) until 25 June, I was sent to the Syrets camp that day.

Q: - Upon arrival at Syrets camp, were you interrogated?

A: - Yes, on my first day in the camp, they summoned me, asked about my origin, and when I insisted I was not Jewish, I was severely beaten; they broke my little finger (on my right hand) and took me back to the camp, to a specially equipped dugout designed especially for Jews (dugout No. 2). As I learned later from conversations with other prisoners and personal conversations with the SS officer on duty – RADER, the inmates of dugout no. 2 were to be physically exterminated.

Q: - Tell us in detail what you know about the fact of burning corpses by the German occupants, those of the victims of terror?

A: - On 18 August 1943, along with 100 others, I was sent to work at Babi Yar (a place of mass executions in Kiev), which was under the control of the SD.

Upon arrival at Babi Yar, they put us all in leg shackles, and we stayed like this day and night, never returning to the camp. We should note that the guards here consisted not of Ukrainian police officers, as it was at the Syrets camp, but exclusively of specially selected German military police officers [*Feldgendarmerie*]. At first, we did not know the meaning and purpose of our “earth digging” (excavation). It was not until the sixth day when we dug a hole about 4 metres deep that we discovered a large number of human corpses, among which were women, the elderly and children.

ВОПРОС: Могли бы Вы в настоящий момент указать место раскопок?

ОТВЕТ: Да, место раскопок в «Бабьем Яру» я хорошо знаю и даже могу указать место, где закопано железо для постройки площадок, на которых сжигали трупы.

ВОПРОС: Каким образом производилось сжигание трупов?

ОТВЕТ: Частично трупы вырывались из ямы крючками [?], частично механическим путем при помощи экскаватора типа «Полик». Извлеченные трупы укладывали слоями на специально устроенные площадки таким порядком, что после каждого слоя трупов укладывались дрова, обливались отработанным автолом, смешанным с керосином, а затем когда были уложены несколько слоёв трупов и дров общей высотой до четырех метров, площадка поджигалась и таким образом сгорало одновременно около 5 тысяч трупов. Таких площадок за время работы с 18 по 29 августа было устроено не меньше десяти штук.

ВОПРОС: К какой категории лиц Вы можете отнести трупы раскопанных и сожженных жертв фашистского террора?

ОТВЕТ: Как я уже отметил выше, подавляющее большинство откопанных трупов состояло из гражданского населения, в числе которых были, как женщины и мужчины различных возрастов, а также и дети. Лишь в одном месте «Бабьего Яра», где обнаружено было около 2.000 трупов, по наружному виду и сохранившейся одежде можно было заключить, что это трупы расстрелянных военнопленных из числа командного состава Красной Армии.

ВОПРОС: Назовите лиц, руководивших работами по раскопки и сжигания трупов?

ОТВЕТ: Из лиц, руководивших работами по раскопки и сжиганию трупов, персонально я знаю нижеследующих: штурмшарфюрер «СС» – ТОПИДЕ, который являлся техническим руководителем работ и был одновременно самым жестоким по отношению к работающим арестантам. Он лично расстреливал провинившихся арестантов и, видимо, участвовал сам в массовых расстрелах мирного населения гор. Киева в 1941 году, так как он знал все места, где были зарыты трупы жертв фашистского террора. Его помощниками являлись: гауптвахтмейстер жандармерии – МЭРКЛЬ /из Мюнхена/, гауптвахтмейстер жандармерии – ФОГТ, роттенфюрер – РЭВЕР и другие фамилии которых я

/на обор./

Q: Are you currently able to indicate the location of the excavations?

A: Yes, I know well the site of the Babi Yar excavations, and I can even tell you where the iron was buried to build the sites on which the corpses were burned.

Q: How were the corpses burned?

A: Partly, the corpses were pulled out of the pit with hooks, partly mechanically with a "Polik" type excavator. The excavated corpses were placed in layers on specially arranged platforms in such a way that after each layer of corpses, they put firewood and then the motor oil mixed with paraffin was poured over the latter. When several layers of corpses and firewood were placed up to 4 metres high, the platform was set on fire, and in this way, about 5,000 corpses were burnt simultaneously. At least 10 such sites were set up between 18 and 29 August.

Q: How would you classify these excavated and burnt corpses, the victims of the fascist terror?

A: As I have already mentioned, the vast majority of the bodies were those of civilians, including both women and men of various ages, as well as children. Only in one place at "Babi Yar", where about 2.000 corpses were found, by their appearance and preserved clothes, one could conclude that they were the corpses of the executed POWs (the Red Army commanders).

Q: Who are the individuals who supervised the excavation and burning of corpses?

A: I personally know the following individuals among those who supervised the excavation and burning: SS *Sturmscharführer* TOPIDE, the works' technical manager, who was also the most brutal towards the working detainees. He personally shot the prisoners at fault and apparently took part in the mass execution of civilians in Kiev in 1941, since he knew all the places where the corpses of the victims of the fascist terror were buried. His assistants: Military police *Hauptwachtmeister* MERKL (from Munich), Military police *Hauptwachtmeister* FOGT and *Rottenführer* RAVER, and others that I can not

(see over)

не могу назвать. Необходимо отметить то обстоятельство, что немцы придавали работам по раскопкам и сжигание трупов исключительную серьёзность, что можно было судить из того, что почти ежедневно место посещалось лично командором «СД» /полковник войск «СС», фамилии которого я не знаю/ и его заместителем – майором войск «СС».

ВОПРОС: Каким образом Вам удалось избежать расстрела?

ОТВЕТ: Совместно с двумя арестованными из числа работавших по раскопкам и сжиганию трупов, являвшимися по специальности слесарями, нам удалось подобрать ключ к замку от землянки, в которой содержались арестанты в «Бабьем Яру», и этим ключом ночью 28 на 29 сентября 1943 г. открыть двери землянки, которая была в виде решетки, расковать щипцами и зубилом, приобретенными слесарями работающими на экскаваторе, кандалы у 30 человек арестантов и этой группой бежать из «Бабьего Яра», предварительно забросав песком и камнями дежурного постового вооруженного автоматом.

ВОПРОС: Назовите, кого из сбежавших из «Бабьего Яра» знаете Вы персонально?

ОТВЕТ: Персональные я знаю следующих товарищей, бежавших совместно со мною:

1. БАЖАНОВ Георгий – инженер-строитель работавший до ареста на мельнице в городе Василькове;

2. ЕРШОВ Фёдор – работавший до войны в органах НКВД и во время оккупации являвшегося членом подпольной партийной организации, действовавшей в районе Киева и был связан с партизанским отрядом;

3. Слесарь – КАДОМСКИЙ Лёня, работавший до ареста начальником цеха ткацкой фабрики гор. Киева;

4. Радиотехник из села Мотовиловка по имени Николай, фамилии и других данных о которым я не знаю;

5. Десятник – из местечка Полуное, Каменец-Подольской области, работавший в лагере портным;

6. Слесарь Владимир, фамилии которого я не помню, однако знаю, что он житель гор. Киева и приятель КАД**ЫН**СКОГО;

7. ДАВЫДОВ Владимир, техник-строитель, житель гор. Киева, и другие лица, фамилии которых я не знаю. Где находятся указанные мною лица в данный момент, мне ничего неизвестно.

name. It should be noted that the Germans took the excavation work and the burning of corpses extremely seriously – an SD commander (an SS troops colonel, whose name I do not know) and his deputy, an SS major, visited the place personally almost every day.

Q: How did you manage to avoid being shot?

A: Together with 2 people from among those detained for excavation and burning of corpses (professional locksmiths), we managed to find the key to the dugout lock where the detainees were kept at Babi Yar. With this key, on the night of 28–29 September 1943, we opened the door (which was a lattice) of the dugout, unshackle 30 prisoners with pliers and a chisel (the mechanics working on the excavator got hold of it). With this group, throwing sand and stones at the sentry on duty armed with a submachine, we escaped from Babi Yar.

Q: Which of the people who escaped from Babi Yar do you know personally?

A: I know personally the following comrades who escaped together with me:

1. BAZHANOV Georgii – a civil engineer, before his arrest, worked at a mill in the town of Vasil'kov;

2. ERSHOV Fedor – before the war, worked at the NKVD, and during the occupation, was a member of the underground party organisation operating in the region of Kiev, and was connected with a partisan detachment;

3. KADOMSKII Lenia – a locksmith, was employed as a shop foreman at a weaving factory in Kiev, before his arrest;

4. Nikolai – a radio technician from the village of Motovilovka, whose surname and other details I do not know;

5. A titular from the village of Polunoie (the Kamenets-Podolsk region), worked as a tailor at the camp;

6. Vladimir – a locksmith, whose surname I do not remember, but I know he is a resident of Kiev and a friend of KAD**YN**SKII;

7. DAVYDOV Vladimir – a construction technician, resident of Kiev, and others whose names I do not know. I do not know the current whereabouts of the persons mentioned.

[*8*]



ВОПРОС: Где вы скрывались после побега из «Бабьего Яра»?

ОТВЕТ: После побега из «Бабьего Яра», я первые сутки провёл в одном подвале в районе Куреневка, а 30 сентября направился к сотруднице по работе – АДАМЧУК Брониславе, проживающей в Киеве по ул. Полевой № 2, где я находился до 16 октября. С Полевой улицы я ушёл к своему сотруднику по работе – т. СВИДЕРСКОМУ, являвшемуся нач. штаба партизанского отряда железнодорожного района партии и проживающему на Межигорской № 35, кв. 17, где я нахожусь по настоящее время.

ВОПРОС: Что Вы желаете ещё добавить к своим показаниям?

ОТВЕТ: Я желаю добавить то, что сжигаемые трупы подвергались тщательному обыску, в процессе которого извлекались все ценные вещи, обнаруженные в одежде и вырывались золотые зубы. Кроме того, я желаю добавить то, что привезённые для сжигания свежие жертвы «СД» носили характер явного удушения, полученного в герметически закрытом кузове машин, в который, видимо, выпускался для этой цели отработанный газ из выхлопной трубы автомашины, в которой доставлялись новые жертвы фашистского террора для сожжения.

ВОПРОС: Часто ли возили указанной машиной жертвы для последующего их сожжения в «Бабьем Яру»?

ОТВЕТ: В среднем машина приезжала по два раза в каждый понедельник и пятницу каждую неделю за период моей работы. Из машины в среднем выбрасывали 40–45 трупов удушенных людей.

ВОПРОС: Чем Вы можете развить и дополнить свои показания?

ОТВЕТ: Больше дополнить свои показания ничем не имею. Протокол с моих слов записан правильно, мною прочитан, в чём и расписывались –

Я. СТЕЮК.

ДОПРОСИЛ: ОПЕРУПОЛНАМОЧЕННЫЙ 2 УПР. НКБ УССР
СТ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
- МОСТОВОЙ -

ВЕРНО: ЗАМ НАЧ ОТДЕЛА УНКГБ ПО КИЕВСКОЙ ОБЛ.
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
[*подпись*] - ЛАВРЕНКО -

[*28/XI43 г*
*гор. Киев*]

1/нч

[*8*]



Q: Where did you hide after escaping from Babi Yar?

A: After escaping from Babi Yar, I spent the first 24 hours in a cellar in the Kurenivka area, and on 30 September, I went to my colleague Bronislava ADAMCHUK's house; she lives in Kiev, on Polevaia St. 2, and I stayed there till 16 October. From Polevaia street, I went to my co-worker's, Cde SVIDERSKII. He was the Head of the headquarters of the partisan detachment of the Party railway district, and lives on Mezhigorskaia St., 35, apt. 17; I still live there now.

Q: What more do you wish to add to your testimony?

A: I would like to add that the corpses to be burned were thoroughly searched; all the valuables found in the clothes were removed, and gold teeth were pulled out. Moreover, I would like to add that the new SD victims, brought in for burning, were obviously strangled in a hermetically sealed car body. The gas was apparently released for this purpose from the car's exhaust pipe, in which the new victims of the fascist terror were delivered for incineration.

Q: Were the victims often brought by the said car to be burned at Babi Yar?

A: On average, while I was working there, the car came twice weekly, every Monday and Friday. Around 40 to 45 corpses of strangled people were thrown out of the car.

Q: How can you develop or supplement your testimony?

A: I have nothing further to add to my testimony. The present report, based on my statement, is correct; I have read it and acknowledged it by signing.

Ia. STEIUK.

INTEROGATED BY: INVESTIGATION DEPARTMENT OFFICER OF THE 2ND DIRECTORATE OF THE NKB UkSSR

STATE SECURITY FIRST LIEUTENANT

- MOSTOVOI -

THE ABOVE IS CORRECT. DEPUTY CHIEF OF THE NKGB DEPARTMENT FOR KIEV OBLAST

STATE SECURITY MAJOR

[*signature*] - LAVRENKO -

[*28/11/43*
*Kiev*]

[*13*]

копия

# ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Киев, 9 ноября. Я, начальник отделения НКГБ УССР – майор государственной безопасности Лавренко, допросил в качестве свидетеля ДАВЫДОВА Владимира Юрьевича –

1915 года рождения уроженца г. Киева, по национальности еврея, гр-на СССР, по социальному происхождению из семьи служащего, б/п., образование среднее, женатого, не судимого, в Красной армии служил с 25 июня по 23 сентября 1941 года.

В марте м-це был арестован гестапо и содержался в Сырецком концентрационном лагере, откуда 29 сентября бежал.

До оккупации работал начальником отделения труда Волгостроя ГУЛАГа, проживает в г. Киеве, ул. Тургеневская № 47, кв. 12.

Об уголовной ответственности по ст. 89 УК УССР, за дачу ложных показаний предупреждён.

ВОПРОС: О чём Вы хотели заявить органом НКБ УССР?

ОТВЕТ: Мне известно о расправе немцев над еврейским населением г. Киева и об этом я хочу рассказать.

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о зверствах, совершенных немецко-фашистскими оккупантами?

ОТВЕТ: В средних числах марта м-ца 1943 г. я был на улице задержан и меня доставили в управление полиции по ул. Короленко д. № 15.

Когда меня привели на ул. Короленко № 15, меня начали избивать, выбили мне зуб. Следователь, который меня допрашивал, меня не избивал, а сказал, что если окажется, что я не виноват, то меня выпустят.

Отвели меня в камеру, здесь сидело человек 40. Там были, в основном, уголовники, бездокументники, другие, как подозрительные в партизанской деятельности, некоторые, как работники НКВД.

[*подпись Давыдов*]

/на обор./

[*13*]

A copy

# INTERROGATION REPORT

Kiev, 9 November. I, Head of the Department of the NKGB of the UkSSR, Major of State Security Lavrenko, questioned as witness DAVYDOV Vladimir Iur'evich –

Born in 1915, in Kiev, Jewish, Soviet citizen, of white-collar workers' origin, non-party, education: secondary, married, without a criminal record, served in Red Army from 25 June till 23 September 1941.

Arrested by the Gestapo in March 1941, he was held at the Syrets concentration camp, from which he escaped on 29 September.

Before the occupation, he worked as the head of the Volgostroi labour department (GULAG); resides in Kiev, Turgenevskaia St. 47, apt. 12.

I have warned him of criminal liability under Art. 89 of the Criminal Code of the UkSSR for giving false testimony.

Q: What do you wish to inform the NKGB of the UkSSR about?

A: I am aware of the German massacre of the Jewish population of Kiev, and I wish to tell you about it.

Q: What do you know about the atrocities committed by the German-fascist occupiers?

A: In mid-March 1943, I was arrested on the street and taken to police headquarters at Korolenko St.,15.

At the Korolenko St. 15, they beat me up and knocked out one tooth. The investigator who interrogated me did not beat me up but said that I would be released if it turned out I was not guilty.

They took me to a cell, where about 40 people were detained. These mainly were criminals, undocumented people, and those suspected as partisans or NKVD.

[*signature* *Davydov*]

(see over)

На следующий день, утром, я был вызван на допрос. Следователь – старик начал опять говорить, что им известно о моей национальности, т.е. что я еврей, что мои родители выкрещенные, но я всячески доказывал, что это не верно.

Он мне не верил, но настаивал на своём, а никаких вещественных доказательств у них не было. Потом этот следователь-старик мне напомнил фамилию – ЛЕБЕДЕВА и знаю ли я такого. Я сказал, что знаю. Тогда этот следователь начал мне говорить, что вот этот ЛЕБЕДЕВ утверждает, что я еврей, но лично мне не верилось, чтобы эти люди могли меня предать.

Дня через 3–4 меня снова вызвали на допрос, где я застал мужа нашей дворнички, по имени Алёша, фамилию его я не знаю, он же работал следователем в «СД», т.е. в полиции. Он меня сразу узнал /хотя 8 лет меня не видел/. Алёша сразу начал говорить, что знает меня хорошо, что я носил военную форму и работал в НКВД.

Меня начали избивать, утверждать, что я еврей, работу в НКВД, однако не добившись от меня никаких результатов, я на следующий день был направлен в гестапо. Это уже было, примерно, числа 24 марта 1943 г.

Придя туда, дежурный меня спросил кто я, я сказал ему, он не поверил мне и говорил, что я еврей, посадив меня при этом в 17 камеру, где сидели все евреи.

На следующий день, примерно часа в три, меня, а также ещё человек 16 посадили в машину «Чёрный ворон» и направили в концентрационный лагерь.

Мне стало известно о том, что я еду в концентрационный лагерь только лишь из тех обстоятельств, что когда заключённых вели на расстрел, то им говорили, чтобы они раздевались совсем, нам же ничего не говорили. Вот только из этих соображений мне стало известно, что я еду в концлагерь.

Машина «Чёрный ворон» была, примерно, устроена так: дверь находилась сзади, закрывалась и открывалась автоматически. Середина была оббита толстыми листами железа с таким расчётом, чтобы оттуда нельзя было бежать. Цвет машины чёрный. Имела вид обыкновенной пятитонной машины.

Минут через 20, мы прибыли в так называемый Сырецкий лагерь, расположенной в 5 клм. от г. Киева.

[*подпись Давыдов*]

The next day, in the morning, I was summoned for questioning. The investigator, an old man, started saying again that they knew about my ethnic origin, that I was Jewish, and that my parents were converts, but I tried to prove that this was untrue in every possible way.

He did not believe me and insisted on his version, but they did not have any physical evidence. Then this old investigator reminded me of a surname – LEBEDEV – and asked whether I knew him. I said that I knew him. Then this investigator started telling me that this LEBEDEV claims that I am a Jew, but personally, I did not believe that these people could betray me.

Three or four days later, I was summoned again for interrogation, where I found our yard-keeper's husband, named Aliosha, whose last name I do not know, he worked as an investigator in the SD – the police. He recognised me immediately (though he had not seen me in eight years). He immediately started saying that he knew me well, that I wore a military uniform and worked for the NKVD.

They started beating me up, claiming I was Jewish and working for the NKVD; getting no results from me, they sent me to the Gestapo the next day. It was around 24 March 1943.

Upon my arrival there, the officer on duty asked me who I was, I told him, he did not believe me and told me I was a Jew. He put me in cell #17, where all Jews were held.

The next day, at about 3 o'clock, they put me and 16 other people into a "Black Crow" car and took me to the concentration camp.

I only found out that I was going to the concentration camp because when they led the prisoners to the execution, they would tell them to undress completely, but we were told nothing. It was only through these considerations that it became apparent to me I was going to a concentration camp.

The "Black Crow" car was constructed, approximately, as follows: the door was at the back, closing and opening automatically. The middle was lined with thick sheets of iron so that one could not escape. The car was black. It looked like an ordinary five-ton vehicle.

In about 20 minutes, we arrived at the so-called Syrets camp, situated about 5 kilometres from Kiev.

[*signature* *Davydov*]

Там нас принял штурмбанфюрер РАДОМСКИЙ, который имел вид кокаиниста, в пэнсне, лицо красное, среднего роста, почти всегда пьяный, голова бритая.

Всех нас вызвал по фамилиям. Затем предложил бригадирам – сотникам снять одежду с тех людей, которые были лучше одеты. С меня лично сняли коричневое драповое пальто, с других снимали сапоги, шинели и проч.

Повели нас всех в, так называемый, второй лагерь, где жили заключённые. Принимал нас РАДОМСКИЙ в рабочем лагере, а повели нас в лагерь, где заключённые жили.

Хочу дополнить, что по дороге от рабочего лагеря до жилого лагеря нам давали команды «бежать кругом», «ложись», потом опять бежать кругом, ложиться. Как заключённые не старались, однако они это выполнить не сумели, а этот РАДОМСКИЙ стоял и смеялся.

Затем нам предложили ходить гусиным шагом, мы не знали как, но эти сотники нам показали, однако долго в таком положении невозможно было, так как ноги немели.

Потом нас заставили ходить рыбьим шагом, нужно было ложиться на землю, руки положить на спину, самому ложиться на живот, двигаться плечами и коленями.

В лагере мы получали по 200 граммов хлеба, один раз в день давали суп из лушпаек, а второй раз кофе. Жили мы в землянках, в каждой землянке жило по 80 человек.

На следующий день новых заключённых, а также и старых вывели на площадь лагеря и каждого прикрепляли к бригадиру для работы. В каждой бригаде было по 15 человек.

В этом лагере я находился с 15 марта по 16 августа 1943 года.

Работа, в основном, была строительная – строили бараки, заготавливали дрова и корчевали пни. Лагерь занимал, примерно, километра 3 квадр. и кругом был обнесён проволокой в 3 ряда, причём средняя проволока была электрическая, через которую проходил ток.

Также было и там, где заключённые жили, так что бежать из лагеря не было никакой возможности.

Хочу дополнить, что каждый вечер после работы рабочие собиралась на площади, где бывал сам РАДОМСКИЙ, а иногда его заместитель, фамилии его не знаю, который отбирал, по своему усмотрению, людей, вернее тех, которые, как он говорил, плохо работали и ещё тех, которые ему не нравились.

[*подпись Давыдов*] / на обор./

There we were received by *Sturmbannführer* RADOMSKII, who had the appearance of a cokehead, wearing a pince-nez, red face, medium height, nearly always drunk, head shaved.

He called us all up by name. Then he suggested that the foremen (centurions) should take off the clothes of those better-dressed people. As for me, they took off my brown drape overcoat, and boots, overcoats and so on from the others.

They took us all to the so-called second camp, where the prisoners lived. RADOMSKII received us at the workers' camp, and we were taken then to the camp where the prisoners lived.

I would like to add that on the way from the labour camp to the residential camp, we were given the commands to "run around", "lie down", and then run around and lie down again. As hard as the prisoners tried, however, they could not do it, and this RADOMSKII just stood there laughing.

Then we were asked to walk goose-step. We did not know how to do so, the centurions showed us, but it was impossible to walk long in such a position, as our legs were getting numb.

After that, they made us walk fish-steps; we had to lie on the ground, put our hands on our backs and lie on our stomachs, moving our shoulders and knees.

At the camp, we received 200 grams of bread, once a day they gave us potato peel soup, and another time coffee. We lived in dugouts, with 80 people in each.

The next day, they took the new prisoners, as well as the old ones, out to the camp square and assigned each one to a brigadier for work. There were 15 people in each brigade.

I was at this camp from 15 March to 16 August 1943.

The work was mainly construction – building barracks, procuring firewood and uprooting stumps. The camp was about 3 square kilometres and surrounded by 3 rows of wire, the middle wire being an electric one, with the current passing through.

The same conditions were where the prisoners lived, so there was no way of escaping from the camp.

I would like to add that every evening after work, the workers gathered in the square, where RADOMSKII himself would be present, or sometimes his deputy (I do not know his name), who selected people, at his discretion, or rather those who, as he said, worked badly and also those whom he did not like.

[*signature* *Davydov*]

(see over)

Он заставлял этих людей снимать брюки, был там пристроен такой стул высокого размера, там ставилось 2 человека – бригадиры и каждый из них плёткой отсчитывал количество ударов, назначенных РАДОМСКИМ или его заместителем.

Бывали случаи, когда сами бригадиры, а иногда и немцы, сами добивали тех людей, которые, по мнению РАДОМСКОГО, плохо работали. Это в большей части случалось с евреями. Они заставляли заключённых евреев взлезать на дерево, затем его подпиливали, дерево рушилось и люди убивались на смерть, или калечились.

Бывали случаи, когда многие пытались удрать из лагеря.

Многие заключенные работали в городе им было легче удрать.

Когда бывали случаи бегства, то после этого РАДОМСКИЙ собирал всех заключённых, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и перед нами на глазах они расстреливались.

Бывали случаи, когда расстреливались люди за то, что они сорвали яблоко или помидор. Таких случаев было 3–4.

Во избежание болезни со стороны заключённых, была создана отдельная специальная землянка, куда забирали этих больных. Никакой помощи им не оказывали, а просто перед всеми на глазах этих больных расстреливали и этим самым запугивали заключённых, чтобы они не болели.

За всё время моего пребывания в лагере был один случай, когда никого из нас не наказали за побег 5 шофёров, которую чинили машину и когда она была вполне готова, они сели в машину её испытывать и через центральные ворота уехали.

Недалеко от нашего лагеря, в 100 метрах /примерно/ находился «Бабий Яр», в котором в 1941 году были произведены массовые расстрелы евреев и расстрел командиров Красной Армии. А уже в последнее время из гестапо привозились туда различные люди, которые также там расстреливались.

Находясь недалеко от «Бабьего Яра», мы очень часто видели, когда под"езжала машина «Чёрный ворон», в основном машина всегда приезжала в субботу, а в последнее время и во вторник.

Из этой машины выводили голых людей, также слышны были выстрелы. Вместе с машиной «Чёрный ворон» приезжала и легковая машина. Расстрелы людей производили «фолькcдойчи».

Мне известно, что расстрелом занимался «фолькcдойтч» из тех причин, что они приходили к нам в лагерь за лопатами.

Шофёром на машине «Чёрный ворон» был офицер «СС», который носил два кубика, он работал на этой машине протяжении двух лет.

[*подпись* *Давыдов*]

He would force these people to take off their trousers; there was a high chair, 2 men (the foremen) would stand there, and each of them would count off the number of strokes with a whip assigned to them by RADOMSKII or his deputy.

There were occasions when the foremen, and sometimes the Germans themselves, would finish off those who, in RADOMSKII's opinion, had done a bad job. This mainly happened to Jews. They would force the Jewish prisoners to climb up the tree, then they would undercut it, the tree would collapse, and people would be killed or maimed.

At times, many people tried to escape from the camp.

Many prisoners worked in the city, and it was easier for them to escape.

After such escape cases, RADOMSKII would gather all the prisoners, walk through the line, select some 25 people, take them out of the line and shoot them in before our eyes.

There were cases when people were shot for picking an apple or a tomato. It happened 3 or 4 times.

In order to avoid illness on the part of the prisoners, a special dugout was set up where these sick people were taken. They did not provide them with any help but simply shot the sick in front of everyone as a warning for the other prisoners not to get sick.

During my entire stay at the camp, there was one occasion when none of us was punished for an escape: 5 drivers were repairing a car, and when it was reasonably done, they got into the car to test it and drove off through the main gate.

Not far from our camp, some 100 metres away (approximately), was Babi Yar, where mass shootings of Jews and Red Army commanders took place in 1941. And more recently, various other people were brought there from the Gestapo and also shot.

Being in the vicinity of Babi Yar, we very often saw when the "Black Crow" car drove up. Mostly, the car always arrived on a Saturday, and more recently on a Tuesday as well.

Naked people would be led out of the vehicle, and we could also hear the shots. Along with the "Black Crow", there was a passenger car as well. The *Volksdeutsch* carried out the shooting of people.

I know that the *Volksdeutsch* did the execution since they used to come to our camp to get shovels.

The driver of the "Black Crow" was an SS officer, he had two "cubes" [on his epaulettes]; he drove this car for two years.

[*signature* *Davydov*]

Таким образом, всем заключённым стало известно, что в «Бабьем Яру» производилось расстрелы.

18 августа, во время утренней проверки, из нас, заключённых, отобрали человек 100, в число которых попал и я.

В основном, были отобраны евреи, которые подозревались в партийной принадлежности и ни в чём неповинные старики.

Когда отсчитали 100 человек, то нас принял конвой «СС» и повели нас в «Бабий Яр».

Мы все считали, что нас ведут на расстрел в «Бабий Яр», но когда мы прибыли туда, то часа через полтора нас всех назначили по группам по 5 человек и стали уводить куда-то.

Когда дошла уже до меня очередь, то я увидел, что все мои товарищи, которые были уведены, не расстреляны, а все они сидят закованные в кандалы.

Таким образом, нас всех заковали, т.е. все 100 человек, в том числе и меня и поместили нас в т.н. землянки.

Вся охрана «Бабьего Яра» состояла, исключительно, из младших и средних офицеров «СС».

Впоследствии мы узнали, что то мероприятие, которое будет проводиться, держится в тайне, никому из граждан, на протяжении километра, нельзя было подходить к «Бабьему Яру», затем там были маскировочные щиты. Также из разговоров немцев мне стало известно, чтобы по приказу Гитлера эта работа должна была быть засекречена и никто, кроме вышеуказанных людей, об этом не должен знать.

Вначале мы не знали, какую именно работу мы будем делать, но по ходу раскопок, которую мы начали производить, мы поняли, что будут откапываться трупы, расстрелянные в 1941 году.

Через несколько дней, в процессе раскопок, в то время мы уже были закованы, перед нашими глазами мы увидели жуткую картину, мы увидели, а также услышали вонь разложившихся трупов.

Нас заставляли работать очень быстро, даже не давали разогнуться.

Трупов в этом яру были десятки тысяч, было около 2-х больших яров, где было, примерно, около 50.000 трупов евреев, затем на «Бабьем Яру», на протяжении полу-километра, была яма расстрелянных, вернее, противотанковый ров, там были убитые командиры Красной Армии, вернее – комсостав, можно было это видеть по знакам различия, шпалам.

[*подпись* *Давыдов*]

/на обор./

Thus, all the prisoners became aware that there had been shootings at Babi Yar.

On 18 August, 100 of us among the prisoners were selected during a morning inspection, and I was among them.

Most of them were Jews, suspected of being Party members, and also innocent old men.

A SS convoy took over when they counted 100 of us, and brought us to Babi Yar.

We all thought we were being taken to Babi Yar to be shot, but when we got there, after an hour and a half, they placed us all in groups of 5 and started to take us away somewhere.

When it was my turn, I saw that all my comrades who had been taken away had not been shot but were all sitting shackled.

So, we were all chained up, in other words – all 100 of us, including myself, and placed in so-called dugouts.

The entire guard of Babi Yar consisted exclusively of junior and middle-ranking SS officers.

We found out later that the event to take place was secret, and no citizen was allowed to approach "Babi Yar" for one kilometre. There were also camouflage shields. I also learned from the Germans talking that this work was to be classified as secret by Hitler's orders, and no one but the above-mentioned people were to know about it.

At first, we did not know what kind of work we would be doing, but as we started excavating, we realised that we would be digging up corpses shot in 1941.

A few days later, in the process of excavation (when we were already shackled), we saw a gruesome picture before our eyes; we saw and heard the stench of decomposed corpses.

We were forced to work very fast; they would not even allow us to straighten up.

There were tens of thousands of corpses in this pit; there were about 2 large pits with approximately 50,000 corpses of Jews, then at Babi Yar, there was a pit with the executed, or rather, an anti-tank ditch, stretching for half a kilometre. These were the killed Red Army commanders, or rather the officers. Their insignia [in the shape of] "sleepers" were visible.

[*signature* *Davydov*]

(see over)

В этой яме было, примерно, 20.000 человек. Были люди в форме лётчиков, в комбинезонах. Видно было, что многие из расстрелянных были ранены, ибо были видны костыли и повязки на руках и ногах.

В процессе раскопки трупов, вернее, когда собралось 2.000 трупов, нас заставили строить печку, в которую вроде штабеля укладывались дрова с еврейского кладбища, приносились гранитные памятники, которые укладывали, в виде квадрата, на землю, клали по одному камню и на этот камень ложились рельсы, сразу же на рельсы клался слой дров, после чего трупы ложились по определенному порядку /проведением этого мероприятия занимался один немец – инженер, который хорошо знал это дело/, в результате чего получался штабель высотой в 10–12 метров. В штабель входило до 3.000 трупов.

После этого, к этому штабелю подносился факел и возникал пожар. Таким образом, эти трупы уничтожались и оставались только кости, которые полностью не сгорали. Эти кости специальным трамбовиками толклись на листах железа, после этого рассыпались по пустому яру, который должен был засыпаться.

Первое время горела только одна такая печь, после каждого сжигания штабель этой печи ликвидировался, так как камень сгорал, рельсы гнулись. Таким образом на следующий штабель нужно было делать новую печь.

В связи с тем, что количество трупов было ещё большее, печей было мало, то сжигание трупов начала производиться одновременно в 3-х местах и количество печей, горевших одновременно доходило до 4-х, а всего за всё время сжигания трупов было построено 75 печей, примерно. Таким образом, пребывая всё это время в «Бабьем Яру», я могу сказать, что такими печами было сожжено, примерно, 70.000 трупов.

Характерно отметить, что немцы выделяли людей /из заключённых/, которые специально занимались изъятием золота у трупов, они вытаскивали из ртов трупов золотые зубы, снимали кольца с рук, часы, забирали также советские деньги, доллары и всё это немцы забирали себе. Наиболее дорогие вещи работники «СС» забирали себе и клали в свой карман. Это я видел своими глазами.

В процессе работы мы испытывали жуткие избиения со стороны немцев и охраны; за каждую мелочь нас избивали палками и всё время били по голове.

Воды никакой ни было, поэтому от всех нас несло трупами, затем у людей появились прыщи на руках и теле.

В первые дни работы на «Бабьем Яру» одному из заключённых удалось сбежать, он как-то незаметно пробрался и прыгнул в яр, потом, воспользовавшись недосмотром немцев, ему удалось скрыться.

[*подпись* *Давыдов*]

There were about 20,000 people in that pit. There were people in pilot's uniforms, in overalls. One could see that many of those shot were wounded, with crutches and bandages on their arms and legs.

In the process of excavating the corpses, or rather, when it came to 2,000, they made us build a furnace (where we stacked up wood from the Jewish cemetery), bring granite monuments and lay them in the shape of a square on the ground. We place one stone at a time and lay rails on this stone, then immediately put a layer of wood on the rails, which placed the bodies in a particular order – a German engineer, who knew the matter well, took care of it. This resulted in a 10- to 12-meter-high stack that could hold up to 3,000 corpses.

After that, a torch was brought to the stack to set it on fire. Accordingly, the corpses were destroyed, and only the bones that had not been wholly burned were left. These bones would be crushed with a special crushing tool on iron sheets and then scattered about an empty pit, which was then to be covered over.

At first, there was only one such furnace burning, and after each burning, its stack was eliminated because the stone would burn down, and the rails would bend. Thus, a new furnace had to be built for the following stack.

Since the number of corpses was even higher and there were few furnaces, the burning of corpses would begin simultaneously on 3 sites, and the number of furnaces burning simultaneously reached 4. Approximately a total of 75 furnaces were built during the process of burning the corpses. Consequently, having been at Babi Yar during all this time, I can say that such furnaces burned roughly 70,000 corpses.

It is worth noting that the Germans assigned people among the prisoners who were engaged explicitly in seizing gold from the corpses. They took gold teeth out of the mouths of the corpses, removed rings from hands, watches, Soviet money and dollars; and all of it the Germans took for themselves. The most expensive things the SS took for themselves and put in their pockets. I saw it with my own eyes.

During our work, we experienced terrible beatings by the Germans and the guards; we were beaten with sticks and hit on the head all the time, for every little thing.

There was no water at all, so we all reeked of corpses; people started getting pimples on their hands and bodies.

In the first days of work at Babi Yar, one of the prisoners succeeded in escaping; he somehow made his way to and jumped into the pit, and then, taking advantage of the Germans' oversight, he managed to escape.

[*signature* *Davydov*]

Ввиду того, что руководству «СС» было указано, что ни один человек из этого яра не должен когда бы то ни было попасть на волю, за это к самим же немцам применялись самые жестокие меры. В связи с этим был расстрелян один немецкий офицер. Об этом нам стало известно со слов одного офицера, который нам сказал, что один немецкий офицер был расстрелян из-за нас. Теперь он нам сказал, что в случае, если кто-либо из нас попытается бежать, то мы все будем расстреляны. За то, что один наш заключённый бежал, было уничтожено на наших глазах 12 человек.

Через несколько дней после того, как бежал один заключённый, мы начали готовить массовый побег в количестве 20 человек, некоторых из них я знаю по фамилиям, а всех остальных я знаю по имени: ТРУБАКОВА Захара, ДОЛИКЕР Леонида, ХАРТШ Леонида. Мы достали лопаты и ночью рассчитывали сделать подкоп, но из нашей затеи ничего не вышло, так как нашёлся один провокатор, который о нашем намерении доложил начальнику и, в связи с этим, было расстреляно 8 человек.

Числа 25–26 августа, когда вся работа была уже почти закончена, нам предложили сделать ещё одну печь для уничтожения самих нас. Об этом мы узнали из того, что в «Бабьем» Яру трупов уже не было, а печь мы делали.

Ввиду этого в ночь с 28 на 29 сентября был организован побег, мы подобрали ключи к замку нашей землянки, причём ключ сделал сам заключённый по имени Володя. Каждый из нас старался принять все меры к тому, чтобы развязать кандалы, кто развязывал ножницами, кто ножами.

Примерно, часа в 3 ночи был вскрыт замок и минут через 40 мы начали выскакивать из землянки.

Мы хотели броситься на часовых, но боялись, что они поднимут стрельбу. Наверху землянки сидел пулемётчик.

Когда часовые и пулемётчик увидели, что мы бежим, то они сначала отскочили в сторону, потом подняли стрельбу.

Из землянки выскочило человек 35–40, но спаслось, очевидно 10.

После этого я поднялся из яра и пошёл по дороге. Я встретил своего знакомого по лагерю ХАРТШ Леонида и прошли мы с ним, примерно, до поселка Стрец. В это время уже было совершенно светло и нам дальше двигаться нельзя было, так как кругом были воинские части, жандармерия, поэтому мы пошли в первую попавшуюся хату. Хозяйке хаты мы рассказали, что мы бежали из «Бабьего Яра» и что она нас должна спасти. Она согласилась и, таким образом, мы у неё прожили до ноября месяца, а 2 ноября я прибыл в Киев, ХАРТШ Леонид ещё оставался

[*подпись* *Давыдов*]

/на обор./

Since the SS leadership had been instructed that no one from the pit should ever be released, the Germans themselves were dealt with most brutally – a German officer was shot in connection to the above. We became aware of this from an officer who told us that a German officer had been shot because of us. And he told us that in case any of us tried to escape, we would all be shot. For one prisoner escaping, 12 men were killed before our eyes.

A few days after that escape, we began to prepare a mass escape (of 20 people), some of whom I know by surname and the others by first name: Zakhar TRUBAKOV, Leonid DOLIKER, Leonid KHARTSH. We got hold of shovels and hoped to make a dig at night, but nothing came of our idea – one provocateur reported our plan to the chief; as a result, 8 people were shot.

On August 25–26, when all the work was nearly finished, they asked us to make another furnace, for our own death. We understood it since there were no more corpses left at Babi Yar, whereas we had to build yet another furnace.

Thereupon, on the night of 28 to 29 September, we organised an escape; we had managed to pick the key to the lock of our dugout, what is more, a prisoner called Volodia made this key. Each of us tried to do everything possible to untie the shackles, some with scissors and others with knives.

At about 3 in the morning, the lock was opened and about 40 minutes later, we were rushing out of the dugout.

We wanted to throw ourselves at the sentries, but were afraid they would start shooting. There was a machine gunner sitting on top of the dugout.

When the sentries and the machine-gunner saw us running, they first jumped aside and then started shooting.

About 35 to 40 people had run out of the dugout, but I guess 10 have survived.

After that, I got out of the pit and walked along the road. I met a camp inmate, Leonid HARTSH, and together we walked, approximately, to the village of Strets. It was already completely light, and we could not go further as there were military units and police all around, so we entered the first hut we saw. We told the woman owner of the hut that we had escaped from Babi Yar, and that she should rescue us. She agreed, and so we lived with her until November; on 2 November, I arrived in Kiev, whereas Leonid HARTSH stayed on

[*signature* *Davydov*]

(see over)

в поселке Стрец /примерно от 2 ноября до взятия Киева я скрывался в разных местах города, ночевал на вокзале/.

В процессе сжигания трупов, расстрелянных в 1941 году на «Бабьем Яру», во время нашей работы, начали привозить машиной «Чёрный ворон» из «СД» трупы людей, уничтожаемых путём удушения.

Происходило это следующим образом:

Рано утром приезжала на «Бабий Яр» карательная машина, в которой слышны были разговоры живых людей, потом это машина останавливалась, затем вновь включался мотор и включался какой-то рубильник, отчего внутри машины поднимался душераздирающий крик женщин, детей и стариков. По всей вероятности, туда начинали поступать газы отработанного бензина и люди начинали задыхаться. Минут через 15 всё затихало, открывалась дверь «Чёрного Ворона» и представлялась жуткая картина.

В машине сидело 40–50 человек людей, голых, в возрасте от 1 до 70 лет, ещё совершенно горячие, мокрые и по внешнему виду, эта картина напоминала людей, сидящих в бане, у всех были открыты глаза, а на лицах ярко был выражен ужас.

Нас заставляли влезать на машину, сбрасывать трупы только что умерших людей вниз и укладывать их в те штабеля для сжигания, причём некоторые из этих людей ещё были полуживые.

Сначала машина «Чёрный ворон» приезжала два раза в неделю. В машину входило 50 человек. В каждую ходку бралось 50 человек, а таких ходок за день делалось 2–3, а затем, когда немцы стали отступать из Киева, эта машина делала по 8–10 рейсов в день.

Об этом мне известно из того, что возле шофера стоял какой-то прибор. Я лично сам его видел.

Я также видел, что когда машина подвозила людей к «Бабьему Яру», то оттуда выходили удушливые газы, а также были слышны крики этих людей.

Из высказываний немцев, охранявший нас там, было известно, что по приказу Гитлера работа должна быть настолько засекречена, что туда даже не допускались рядовые немцы и не «фольксдойтчи», которые производили эти расстрелы.

ВОПРОС: Что ещё Вы можете сообщить органам НКГБ?

ОТВЕТ: Больше я ничего не могу сообщить, так как всё рассказал.

[*подпись* *Давыдов*] ДАВЫДОВ

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ НКГБ УССР
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
- ЛАВРЕНКО –

[*Собственноручно подпись свидетеля Давыдова Владимира Юрьевича заверяю.*
*зам. начальника отделения УНКГБ по Киевской области*
*майор госбезопасности*

*Лавренко*]

1/нч

in Strets. (From about 2 November until the capture of Kiev I was hiding in various places in the city, spending nights at the railway station.)

In the process of burning the corpses shot in 1941 at Babi Yar, during our work, they started bringing by "Black Crow" vehicle, from the SD, the corpses of people killed through asphyxiation.

It happened in the following way:

Early in the morning, a punitive car would arrive at Babi Yar, from which people alive could be heard talking. Then the car would stop, the engine would start again, and some sort of switch would turn on, causing women, children, and the elderly to yell heartbreakingly inside the car. Apparently, the gas from the used gasoline was starting to get in, and they were suffocating. After about 15 minutes, the "Black Crow" door would open, and a scene of despicable horror would emerge.

There were some 40 to 50 people sitting in the car, naked, between the ages of 1 to 70, still completely hot, wet – it looked like a scene from a bathhouse. All had their eyes open, and a vivid expression of terror on their faces.

We were forced to climb onto the vehicle, throw down the corpses of people who had just died and put them in those stacks for burning; some were still half alive.

At first, the "Black Crow" came twice a week. The vehicle could accommodate 50 people. Each time it brought 50 people, and there were 2 or 3 such rides a day. And then, when the Germans began to retreat from Kiev, the car made 8 to10 rides daily.

I know about it, as there was some a sort of device near the driver. I saw it personally.

I also saw that when the car drove people to Babi Yar, asphyxiating gases were coming out of it, and we could hear people screaming.

From what we have heard from the Germans guarding us there, it was clear that Hitler's orders were to keep this work so highly secret that neither ordinary Germans nor those who were not *Volksdeutsche* were not even allowed there. The latter carried out the shootings.

Q: What else can you tell the NKGB authorities?

A: There is nothing more I can tell you, as I have told you everything.

[*signature Davydov*] DAVYDOV

INTERROGATED BY: CHIEF OF THE THE UkSSR NKGB BRANCH
STATE SECURITY MAJOR

- LAVRENKO –

[*I hereby certify the handwritten signature of the witness Davydov Vladimir Iur'evich.*
*Deputy head of the UkNKGB Kiev region branch*
*State security major*
*Lavrenko*]

[*29*]

# ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля СТЕЮКА Якова Андреевича

от 15 ноября 1943 года

СТЕЮК Яков Андреевич, 1915 года рождения, урож. мест. Хотин, Черновицкой области, еврей, из семьи служащего, беспартийный, образование – незаконченное высшее, гражд. СССР, под судом и следствием не был, холост, прож. г. Киев, Межигорская ул. дом № 35, кв. 17. пока еще нигде не работает.

существо ст. 95 УК УССР об"яснено

ВОПРОС: - Что вам известно о немецких зверствах?

ОТВЕТ: - Лично я был арестован Киевским с-д и просидел 14 суток на Короленко № 33. 25 июня 1943 года я был направлен в Сырецкий концлагерь, возле г. Киева, в котором содержался до 18 августа 1943 года. 18 августа 1943 года я с группой заключённых в числе 100 человек были этапированы в Бабий Яр /на сырце/. Я содержался под стражей до 29 сентября 1943 года. Рано утром 29 сентября /примерно в 3 часа/ я совместно с группой других заключённых бежали и скрывался до прихода Красной армии в г. Киеве на квартире Полевая № 2 у АДАМЧУК Брониславы и у СВИДЕРСКОГО Валентина Михайловича, проживающего на Межигорской № 30, кв. 17.

ВОПРОС: - Кто с вами еще бежал?

[*29*]

INTERROGATION REPORT

Witness: STEIUK Iakov Andreevich

15 November 1943

STEIUK Iakov Andreevich, born in 1915, in Khotin, Chernivtsi region, Jewish, of white-color workers' origin, non-party, education: incomplete higher, Soviet citizen, no charge or trial in the past, single, domiciled in Kiev, Mezhigorskaia street, 35, apt. 17, unemployed for the moment.

The essence of Article 95 of the Criminal Code of the UkSSR is explained

Q: - What do you know about German atrocities?

A: - Personally, I was arrested by the Kiev SD and spent 14 days on Korolenko St. 33. On 25 June 1943, I was sent to Syrets concentration camp, near Kiev, where I was kept until 18 August 1943. On 18 August 1943, I was transferred to Babi Yar (on Syrets) with a group of 100 people. I was kept in custody until 29 September 1943. In the early morning of 29 September (around 3 o'clock), I escaped together with a group of other prisoners and went into hiding until, the arrival of the Red Army in Kiev, at Bronislava ADAMCHUK's flat on Polevaia St. 2, and at Valentin Mikhailovich SVIDERSKII's, residing at Mezhigorskaia St. 30, apt. 17.

Q: - Who else escaped with you?

ОТВЕТ: - Совместно со мной бежало около 30 человек, из которых я знаю ДАВЫДОВА Владимира и ЕРШОВА Фёдора, с которыми я познакомился в Сырецком лагере.

ВОПРОС: - Что вы делали в этом лагере?

ОТВЕТ: - В Сырецком лагере работали по переноски песка носилками и кололи дрова. В Бабьем Яру раскапывали могилы, в которых были зарыты расстрелянные немцами граждане гор. Киева и военнопленные.

ВОПРОС: - Расскажите подробно об этих раскопках, зачем они производились, куда девали трупы откопанных и кто руководил раскопками ?

ОТВЕТ: - 18 августа 1943 года, как только нас привели в Бабий Яр, на всех сразу заковали в кандалы /ножные/ и повели на работу. Дали нам всем лопаты и поручили раскапывать большую яму. Прокопав немного, нам поручили зарыть эту яму и отвели 10–15 метров сторону и вновь поручили копать землю. На глубине три–четыре метра мы обнаружили массу человеческих трупов, остатки хлористый извести, обручи и крышки от деревянной бочки.

Раскопанные трупы с помощью железных крючков мы вытаскивали на поверхность и складывали слоями на специально приготовленную для этих целей площадку.

ВОПРОС: - Сколько вас работали на раскопке трупов и какое время?

A: - There were about 30 people with me; I knew, among them, Vladimir DAVYDOV and Fedor ERSHOV, whom I met at the Syrets camp.

Q: - What did you do at the Syrets camp?

A: - At the Syrets camp, we worked – carrying sand on stretchers and chopping firewood. At Babi Yar, we dug up graves where Kiev's residents and prisoners of war, shot by the Germans, were buried.

Q: - Tell us in detail about these excavations, why they were carried out, where the bodies were taken, and who was in charge of the excavations?

A: - On 18 August 1943, as soon as we were brought to Babi Yar, we were all (leg) shackled at once and taken to work. We were all given shovels and instructed to dig a large pit. When we had dug a little, we were told to cover this pit up and dig another one some 10 to 15 meters away from the first one. At a depth of 3 or 4 metres, we found a mass of human corpses, the remains of lime chloride, hoops and lids from a wooden barrel.

We used iron hooks to pull the excavated corpses to the surface and piled them up in layers on a platform prepared for the purpose.

Q: - How many of you worked on excavating, and for how long?

ОТВЕТ: - В первые 5–6 дней нас работала 100 человек, затем один бежал, 2 заболевших /фамилии я их не знаю/, один кажется – ЯСНОГОРОДСКИЙ Сеня, расстреляли. Затем постепенно небольшими группами /20–40/ человек приводили новых арестованных и заставляли производить ту же работу. К моему побегу, т.е. к 28 сентября 1943 года, в Бабим Яру по раскопки и сжигания трупов расстрелянных и убитых работала 321 человек.

ВОПРОС: - Сколько извлечено трупов из земли в Бабим Яру?

ОТВЕТ: - О всех трупах сказать я не могу, т.к. я был и видел трупы лишь там, где работал лично, т.е. в самом Бабим Яр, а раскопки и извлечение трупов немцами велись и в так называемом противотанковом яру, там же на сырце, но в другом месте, куда для работы ежедневно, в течение 20 дней, возили от 50 до 85 человек и сколько они там отрыли трупов я не знаю.

ВОПРОС: - Расскажите о тех трупах, которых вы лично видели?

ОТВЕТ: - На моих глазах и при моём участии откопано, а затем сожжено, примерно, до 45 тысяч трупов, из них около 500 трупов извлечены из земли в лесу около Кирилловской больницы, а остальные все в Бабим Яру.

ВОПРОС: - Расскажите как сжигали трупы?

ОТВЕТ: - Руководство раскопками, извлечением и сжиганием трупов, находилась в руках работников с-д /служба безопасности/ – Отдел гестапо в занятых немцами областях.

A: - In the first 5 or 6 days, we were 100 people; then one had escaped, and 2 people who got sick (I do not know their names, one of them might be Senia IASNOGORODSKII), were shot. Then gradually, they brought in the newly arrested, in small groups (of 20 to 40) and forced them to do the same work. At the time of my escape, by 28 September 1943, 321 people were working at Babi Yar, digging up and burning the corpses of those shot and killed.

Q: - How many corpses were extracted from under the ground at Babi Yar?

A: - I cannot say about all the dead bodies, as I was and saw the bodies only where I had worked personally, meaning at Babi Yar itself. The excavation and extraction of bodies conducted by the Germans were also in the so-called anti-tank ditch, also on the Syrets river, but not in the same place, and some 50 to 85 people were brought to work there daily, for 20 days. I do not know how many bodies they had dug out there.

Q: - Could you tell us about the bodies you saw in person?

A: - Before my eyes and with my participation up to (about) 45,000 bodies were dug out and then burnt, about 500 of them were excavated in the forest near the Kirillov hospital, and the rest at Babi Yar.

Q: - Could you tell us how the bodies were burnt?

A: - The excavations, extraction and burning of corpses were managed by the SD (Security service) people – a Gestapo department in the German-occupied territories.

Техническим руководителем всех этих работ являлся офицер СС ТОПАЙДЕ, его помощниками, фамилии которых я запомнил, были: мастер жандармерии МЭРКЛЬ Еган из Мюнхена, мастер жандармерии ФАКТ, командир взвода СС РЭВЕР, а других фамилий я не помню.

Нас заключённых, выполнявших эту работу немцы разбили на несколько бригад и каждая из них имела определённое поручение. Одни вели раскопку ям лопатами, другие обслуживали экскаватор, который также работал на раскопке и извлечении трупов, третье извлекали трупы и складывали их на специально подготовленные площадки, а затем немцы эти трупы поджигали лично, предварительно обкладывая трупы дровами и обливая их горючим /керосин, автол, нефть и т.п./.

Недогоревшие части трупов /кости/ заключённые сносили носилками на каменную площадку, где специальная бригада их раздробляла и пропускала через проволочную решётку, затем разбрасывали их по рвам Бабиго Яра.

Все золотые изделия, монеты и даже зубы, немцы после сожжения трупов подбирали в пепле и забирали себе, а нам говорили, что это всё идёт в пользу Германии.

ВОПРОС: - Как технически было организовано сжигание трупов?

ОТВЕТ: - Для сжигания трупов были специально подготовлены не менее 10 площадок из камней, железных решеток, рельс и жести.

The technical supervisor of all this work was SS officer TOPAIDE, his assistants (whose names I remember) were: *Feldgendarmerie Hauptwachtmeister* MERKL Egan of Munich, *Feldgendarmerie Hauptwachtmeister* FAKT, SS platoon commander RAVER, but I don't remember any other names.

We, the prisoners, were divided into several groups. Each group was given a specific task. Some dug the pits with shovels, others operated an excavator (also used for digging and removing the corpses), and others removed the corpses and placed them on specially prepared platforms. Then the Germans would set the corpses on fire personally, after placing firewood around them and pouring fuel (paraffin, motor oil, oil, etc.) over them.

The prisoners carried the unburned parts of the corpses (bones) on stretchers to a stone platform, where a special brigade crushed them and put them through a wire grid, then scattered them in the ditches of Babi Yar.

After the corpses were burnt, the Germans picked up in the ashes and kept all the gold items, coins, and even teeth; to us, they said it was all for Germany.

Q: - How was the burning of corpses organised technically?

A: - At least 10 platforms made of stone, iron grids, rails and tin were specifically prepared for this purpose.

Трупы ложились слоями на решётки, совместно с дровами, примерно до 20 слоев, затем, как я уже указал, всё это обливалось горючим, после каждого слоя, и поджигалось.

Решётки и все эти приспособления делались для лучшего проветривания с целью усиления горения.

ВОПРОС: - Почему вы считаете, что на участке, где вы работали, было извлечено и сожжено до 45 тысяч трупов, а не больше или меньше?

ОТВЕТ: - Конечно, сказать точно, т.е. до единого трупа, я не могу, так как их я не считал всех, но утверждаю, что там было около 45 тысяч я исхожу из того, что для сожжения трупов было на моём участки работы не менее 10 площадок, на которых сжигали трупы. На каждую площадку в среднем было сложено и подожжено около 5 тысяч трупов.

ВОПРОС: - Кто нёс охрану заключённых, выполнявших эту работу?

ОТВЕТ: - Нас охраняли исключительно немецкие жандармы, причём все они относились к командному составу, начиная от старшины и выше.

ВОПРОС: - Где размещались заключённые?

ОТВЕТ: - Днём все мы работали с утра до вечера. Вечером, т.е. на ночь, и в обеденный перерыв, нас закрывали в специально подготовленные две землянки, которые запирались железной решётчатой дверью.

The corpses were placed in layers on the grids, together with firewood, up to 20 layers, and then, as I have already mentioned, the whole thing was poured over with fuel (in-between each layer) and set on fire.

The grids and all the accessories were made for better ventilation, to enhance combustion.

Q: - Why do you think that as many as 45,000 corpses were extracted and burned in the area where you worked, and not more or less?

A: - I cannot say the exact number, obviously, up to the last corpse, as I have not counted them all, but can I assert that there were about 45,000 corpses, on the assumption that there were at least 10 platforms at my work site where we burned the corpses. On average, at each site, about 5,000 corpses were stacked and set on fire.

Q: - Who was in charge of guarding the working prisoners?

A: - The only ones who guarded us were the German military police officers; it should be noted that all of them were of the command staff, from petty officers upwards.

Q: - Where did the prisoners live?

A: - During the day, we all worked from morning till evening. In the evening, meaning for the night, and at lunchtime, they locked us in two specially prepared dug-outs, which had locked iron lattice doors.

Как во время работы, так и в землянке нас охранял усиленный наряд жандармерии, вооружённый автоматами.

Хочу добавить, что немцы за время моего пребывания в Бабим Яру, расстреляли 24 человек.

Всё записано с моих слов верно. Протокол я читал. –

Я. СТЕЮК.

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК УНКВД по Киевской области
ПОДПОЛКОВНИК
/РУДЕНКО/

Допрос начат: 12.XI в 14-00

" окончен: 15.XI в 16-45 мин

ик

[*Верно: Секретарь Народного Комиссара Внутренних дел УССР Ст. Л-т. г/б Лотковский*]

Both at work and in the dugout, we were guarded by a reinforced military police squad armed with submachine guns.

I would like to add that during my stay at Babi Yar, the Germans shot 24 people.

Everything is written down correctly, based on my statement. I have read the report. –

Ia. STEIUK

INTERROGATED BY: Head of the Kiev regional UkNKVD
LIEUTENANT-COLONEL /RUDENKO/.

The interrogation began: on 12/11 at 14:00 o'clock

" " finished: on 15/11 at 16:45 o'clock

[*Correct: Secretary of the People's Commissar*
*of the UkSSR Internal Affairs,*
*State Security 1st Lt. Lotkovskii*]

# АКТ.

## СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛУ ЗВЕРСТВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ КРАМАТОРСКЕ.

г. Краматорск, 25 сентября 1943 года.

Комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта Юго-Западного фронта – капитана медицинской службы – ШПИГАНОВИЧА Арсения Владимировича, главного патолого-анатома Юго-Западного фронта – полковника медицинской службы – ШУР Бориса Юрьевича, помощника главного судебно-медицинского эксперта –ст. лейтенанта медицинской службы – АНОСОВОЙ Татьяны Владимировны, армейского судебно-медицинского эксперта 3-й Гвардейской Армии – капитана медицинской службы ПОТАШИНА Василия Алексеевича, врача города Краматорска – НИКИФОРОВОЙ Елены Владимировны, в присутствии представителя Военной прокуратуры 3-й Гвардейской Армии – помощника прокурора Армии – майора Юстиции АЗЕНВАРГ Григория Иосифовича, представителя командования 3-й Гвардейской Армии – подполковника – ШАПОШНИКОВА, настоятеля Покровской церкви – Дмитрия СТРИЖКО, учительницы – ОНИЩЕНКО Надежды Сергеевны – по приказанию Военного Совета Юго-Западного фронта произвела расследование зверств, чинимых немецко-фашистскими захватчиками и судебно-медицинскую экспертизу массовых убийств мирных граждан города Краматорска в период немецкой оккупации.

### 1. КРАТКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА.

Из материалов, произведённого предварительного расследования данного дела, помощником прокурора третьей Гвардейской Армии – майора юстиции АЗЕНВАРГ Г.И. и обнаруженным им вещественным доказательствам – документам, а также заявлений, поступивших от местных жителей города Краматорска: Абросимовой Марии Степановой, Ворочек Василия Денисовича, Рощина Савелия Романовича, Пазенко Пелагеи Андреевны, Гридневой Ксении Ивановны, Пучковой Екатерины Ивановны, Буренко Афанасия Петровича выяснилось, что захватив 28-го октября 1941 года город Краматорск, немецкие захватчики начали бесчинствовать, издеваться над мирным населением, оставшимся в городе Краматорске. Назначенный бургомистр Краматорска, немец по происхождению, шпион – инженер ШОПЕН В.В. и руководитель жандармерии Краматорского округа, он же руководитель отрядов «СС» и полиции, лейтенант МОЙШКЕ, свою преступную деятельность начали с того что, зарегистрировали

# ACT

## THE KRAMATORSK FORENSIC MEDICAL EXAMINATION OF THE GERMAN-FASCIST ATROCITIES.

Kramatorsk, 25 September 1943

The following members of the Commission, by the Military Council of the South-Western Front order, have investigated the atrocities committed by the German-fascist invaders and carried out a forensic examination of the civilian mass murder in Kramatorsk during the German occupation:

- SHPIGANOVICH Arsenii Vladimirovich, Chief forensic medical expert of the South-Western Front (Captain of Medical Service)
- SHUR Boris Iur'evich, the South-Western Front Chief pathologist-anatomist (Colonel of Medical Service)
- ANOSOVA Tatiana Vladimirovna, Assistant chief forensic medical expert (1st lieutenant of Medical Service)
- PATASHIN Vasilii Alekseevich, the Third Guards Army forensic medical expert (Captain of Medical Service)
- NIKIFOROVA Elena Vladimirovna (Kramatorsk doctor)

In the presence of:

- AZENVARG Grigorii Iosifovich, the Third Guards Army Military Prosecutor's Office representative, Assistant Army Prosecutor (Major of Justice)
- SHAPOSHNIKOV, the Third Guards Army Command representative (Lieutenant Colonel)
- Dmitrii STRYZHKO (the Pokrovskaia Church Abbot)
- ONISCHENKO Nadezhda Sergeevna (Teacher)

## I. brief facts of the case.

The data of the preliminary investigation of this case carried out by the Third Guards Army Assistant Prosecutor (Major of Justice) AZENVARG G. I. and the material evidence, i.e. the documents he found, as well as the statements received from Kramatorsk residents (Abrosimova Maria Stepanova, Vorochek Vasilii Denisovich, Roshchin Savelii Romanovich, Pazenko Pelageia Andreevna, Gridneva Ksenia Ivanovna, Puchkova Ekaterina Ivanovna, Burenko Afanasii Petrovich), show clear that after capturing Kramatorsk on 28 October 1941, the German invaders began to commit outrages and taunt the remaining civilians. The appointed mayor of Kramatorsk, an ethnic German, a spy, Engineer V. V. SHOPEN and the Head of the military police, the "SS" detachments and the police of the Kramatorsk district, Lieutenant MOYSCHKE, began their criminal activity by registering

и взяли на специальный учет мужчин, женщин и стариков, подозреваемых в активном сочувствии к Советской власти, обязав их еженедельно являться, по воскресеньям, с 12-ти часов дня на отметку в помещение клуба им. Ленина.

Во время этих явок Шопен В.В. в течение нескольких часов морально издевался над явившимися на отметку, угрожая им расправой. По городу начало исчезать группами мирное население: воскресенье 25 января 1942 года, Шопен В.В., как всегда, созвал большую группу мирных граждан, в несколько сот человек, в помещение клуба им. Ленина, среди которых было большое количество квалифицированных рабочих и интеллигенции предприятий города Краматорска. Эти лица назад домой не возвратились. При обращении родственников и членов семей к Шопену В.В. и в Гестапо – им было заявлено: «все люди направлены в другие города и там работают». По показаниям же свидетелей, установлено, что они в действительности были помещены в специальный лагерь, для которого Шопеном и Мойшке приспособлены корпуса рабочих домов у Меловой горы, а всё население с этого участка было выселено. Территория была огорожена проволокой. Рядом с корпусами находился старый, большой глиняный карьер, который подходил к указанным корпусам крутым, высоким обрывом. Этот овраг – карьер немцами использовался как место для расстрела мирных граждан. Расстрел граждан производился систематически, то есть начиная с ноября-декабря 1941 года и до сентября месяца 1943 года.

Опрошенный по данному делу в качестве свидетеля Рощин Савелий Пименович, рабочий Краматорского завода, показал, что, проживая у Меловой горы он неоднократно видел, как приводили людей из корпусов лагеря и расстреливали у подножия Меловые горы, причём 27-го января 1942 года расстрелы производились особенно большими группами. После расстрела немцы взрывали породу обрывистого края карьера, которая заваливала трупы. Таким же способом, по показаниям свидетелей Позенко Пелагеи Андреевны, Восковской Анастасии Петровны и Нестеренко Сергея Прохоровича немцы организовали расстрелы целых семей Советских граждан в районе Красногорска, расположенном в 6-ти км от города Краматорска и представляющий собою глубокий овраг, куда немцы подвозили на машинах обречённых и после расстрела также взрывали породу, засыпая трупы. Этот факт свидетельствует Абросимова Мария Степановна, которую 13 марта 1943 года немцы привели в числе других на расстрел. Как показала Абросимова, расстрел производился следующим образом:

and taking a special note of men, women and the elderly suspected of active sympathy for Soviet power. These people were required to report weekly for registration at the Lenin Club – on Sundays, from noon.

During these appearances, for several hours, Shopen morally abused those who had come for registration, threatening them with reprisals. Civilians began to vanish in groups. On Sunday, 25 January 1942, Shopen, as usual, summoned a large group of civilians (several hundred) to the Lenin Club. Among them, a large number of skilled workers and intelligentsia from Kramatorsk enterprises. These persons did not return home. When relatives and family members contacted Shopen and the Gestapo, they were told: "All of them were sent to other cities and are working there". According to witnesses, however, it was established that they were in fact placed in a special camp, for which Shopen and Moischke had adapted the workers' houses by Melovaia gora [Chalk Mountain], whereas the entire population of the site had been evicted. The area was fenced off with wire. Next to the buildings was an old, large clay quarry, with its steep, high cliff adjacent to them. The Germans used this ravine as a place for shooting civilians. The execution of civilians was carried out systematically, i.e. from November-December 1941 until September 1943.

Savelii Pimenovich Roshchin, a worker at the Kramatorsk plant, interviewed as a witness in the case, testified: while living by Melovaia gora, he had repeatedly seen people brought from the camp buildings and shot at the foot of Melovaia gora. Moreover, on 27 January 1942, the groups to be shot were particularly large. After the shooting, the Germans blew up the rock on the precipitous edge of the quarry, and this would cover up the bodies. Similarly (according to witnesses Pelageia Andreevna Pozenko, Anastasia Petrovna Voskovskaia and Sergei Prokhorovich Nesterenko), the Germans organized the execution of entire families of Soviet citizens in the area of Krasnogorsk, located 6 km from Kramatorsk – which was, in fact, a deep ravine – where the Germans drove the doomed people in cars and after the execution blew up the rock, which then would cover up the bodies. This fact is testified by Maria Stepanovna Abrosimova, who, among others, was brought by the Germans to be shot on 13 March 1943. According to Abrosimova, the execution [of the victims] took place as follows:

немцы короткими очередями из автоматов в спины и головы обречённых расстреляли её мать – Строженко Анну Логвиновну и Бороменского Бориса Митрофановича. Абросимова, будучи ранена в бок и ногу, упала, притворившись мертвой. После ухода немцев Абросимова доползла до ближайшей хаты, где ей была оказана помощь. Кроме того, расстрелы производились ещё и в деревне Ивановка, расположенной вблизи города Краматорска и в посёлке Ясногорка, где оставшись случайно живым, гражданин Ворочек Василий Дмитриевич, показал об этом расстреле следующее: 28-го января 1943 года его с группой 26 человек, немцы вывезли к оврагу у Ясногорки и приказали выстроиться в один ряд. Немецкий офицер дал короткую очередь по правофланговому, после чего два немецких солдата стали стрелять в спины и когда люди попадали, вторично произвели выстрелы разрывными пулями в головы. Ворочек был облит кровью соседей и на шапке его лежали мозги убитого соседа, что дало основание немцам считать Ворочек мёртвым. Расстрелы производились и во дворе Гестапо, расположенного в центре города против клуба им. Ленина, о чём свидетельствовали Сологуб Евдокия Макаровна, Терещенко-Колесникова Фёдора Сидоровна и Романова Анна Климовна. Всего немцами расстреляно в городе Краматорске, по свидетельским показаниям и официальной справки Горсовета, свыше 6000 /шесть тысяч/человек.

## II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЯ.

[*Меловой горы*]

На северной окраине города Краматорска, в 50-ти метрах от дороги, ведущей в город Славянск, обнаружен старый, глубокий, с обрывистыми краями, глиняно-меловой карьер. На дне его с северной и восточной стороны, обнаружено три вместилища трупов, заваленных глиняно-меловой породой. При снятии верхних слоев породы, на глубине 20 см. и до 1 метра обнаружены трупы, лежащие правильными рядами, вниз лицом и под ними большое количество трупов, сваленных в беспорядке. Многие из них находились вверх ногами или переплетались между собою. Размеры ям: левая – 23 х 5 мтр. и глубиной до 3-х метров; средняя – 9 х 4 мтр. и глубиной до 2 метров и правая 13 х 4 мтр. Из всех трёх ям извлечена трупов 785. Из левого вместилища извлечены не все трупы ввиду технической трудности /глубокого залегания трупов под породой/.

the Germans shot her mother, Anna Logvinovna Strozhenko and Boris Mitrofanovich Boromenskii, with short bursts of machine guns in the backs and heads. Abrosimova, wounded in the side and leg, fell pretending to be dead. After the Germans left, Abrosimova crawled to a nearby hut where she was treated. In addition, shootings also took place in Ivanovka, a village near Kramatorsk; and also, in the village of Iasnogorka, where Citizen Vasilii Dmitievich Vorochek, who survived by chance, testified as follows: On 28 January 1943, the Germans brought him and a group of 26 people to the ravine near Iasnogorka and ordered them to line up in one line. A German officer gave a short shot at the right flank, after which two German soldiers began shooting at the backs of the men and, when the men were hit, fired a second round of bursting bullets into their heads. Vorochek was drenched in the blood of the persons next to him, and the brains of a slain comrade lay on his cap, giving the Germans reason to believe Vorochek was dead. The Gestapo yard, located in the centre of the town opposite the Lenin Club, was also used for the shootings, as witnessed by Sologub Evdokiia Makarovna, Tereshchenko-Kolesnikova Fedora Sidorovna and Romanova Anna Klimovna. According to testimonies and official information from the City Council, in total, the Germans shot over 6000 (six thousand) people in Kramatorsk.

## II. A PRELIMINARY INSPECTION OF THE SCENE.

[*of Melovaia gora*]

On the northern outskirts of Kramatorsk, 50 metres from the road to Slaviansk, an old, deep and steep-edged clay and chalk quarry was discovered. At the bottom of the quarry, three corpse repositories were found on the north and east sides filled up with clay and chalk. When the upper layers of rock were removed, at a depth of 20 cm to 1 metre, corpses were lying in regular rows, face down, and under them, a large number of corpses piled in disarray. Many of them were upside down or intertwined with each other. The dimensions of the pits are: the left one is 23 x 5 metres and up to 3 metres deep; the middle one is 9 x 4 metres and up to 2 metres deep; and the right one is 13 x 4 metres. From all three pits, 785 corpses were recovered. Due to technical difficulties, not all of the corpses were extracted from the left pit (deep burial of the corpses under the rock).

При исследование оказалось установленным: мужских трупов 740, женских 50, детских 22, опознанных родственниками и установленных по сохранившимся документам [*195 чел.]* /паспорта и другие документы/. Все установленные по документам оказались жителями города Краматорска. Большинство трупов одеты в зимнюю одежду /полушубки, пальто, фуфайки, спецовки, шапки-ушанки, валенки, варежки, самодельные бурки с галошами, шарфы, кашне, сапоги/. У значительного количества трупов одежды сохранилось хорошо и только у лежащих в поверхностных слоях одежда полностью истлела. В карманах одежды обнаружены различные предметы, как-то: документы, газеты, хлебные карточки, деньги, часы, очки в футлярах, бумажники и проч.; все указанные ценные предметы и документы переданы органам милиции города Краматорска.

ОБ"ЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ.

При исследовании большинство трупов находилось в стадии резкого разложения, многие в стадии, приближающейся к жиро-воску, а у части трупов мягкие ткани почти полностью отсутствует.

При исследовании трупов установлено: у 761 трупов имелись сквозные пулевые диаметральные, сегментарные и тангенциальное ранения черепа, грубыми разрушениями всех костей черепа и радиально расходящимися трещинами. В некоторых случаях сохранились только кости основания черепа. У большинства трупов, в затылочной области отмечались округлой формы, пулевые отверстия диаметром от 0,6 до 1,5 сант., которые располагались вокруг большого затылочного отверстия, захватывая край его. Со стороны внутренней костной пластинки, вокруг указанных отверстий имелись кольцевидные сколы. В этих случаях вторые отверстия располагались на костях лицевого скелета /нижняя и верхняя челюсть, кости носа, глазницы, лба и передних отделов теменных костей,/ представляя собой неправильно квадратные и округлые формы костные дефекты, размерами от 2 см до 15 х 12 см. Часто со стороны указанных отверстий отмечался скол наружной костной пластинки. У 40 трупов имелись сквозные пулевые ранения шейного отдела позвоночника с разрушением спинного мозга /1 и 2 шейных позвонков/. В отдельных случаях имели место двойные сквозные пулевые ранения черепа. В 11-ти случаях отмечались ограниченные костные дефекты с частичным вдавливанием костных отломков в полость

The examination revealed: 740 male corpses, 50 female corpses, and 22 child corpses identified by relatives and remaining documents [*195 people*] (passports and other documents). All of the bodies identified by documents turned out to be residents of Kramatorsk. Most of the corpses were dressed in winter clothes (half-coats, coats, jerseys, working jackets, hats with earflaps, felt boots, mittens, homemade felt boots with rubber goloshes, warm scarves, mufflers, boots). A significant number of the corpses were well preserved, and only those lying in the surface layers had their clothes completely decayed. Various items such as documents, newspapers, bread cards, money, watches, glasses in cases, wallets, and so forth were found in the pockets; all these valuable items and documents were handed over to the Kramatorsk militia.

OBJECTIVE DATA.

On examination, most of the corpses were in a stage of severe decomposition, many approaching adipocere condition, and some corpses were almost entirely devoid of soft tissue.

The examination of the corpses revealed: 761 corpses had penetrating bullet wounds diametrically, segmentally and tangentially to the skull, severe fractures to all skull bones and radially divergent fractures. In some cases, only the bones of the skull base were preserved. Most of the corpses had rounded bullet holes of 0.6 to 1.5 centimetres in diameter in the occipital region, enclosing the hole's edge. On the inner lamina, annular splits were observed around the aforementioned holes. In these cases, the second holes were located on the bones of the facial skeleton (lower and upper jaw, nose, eye socket, forehead and anterior parietal bones) as square or round bone defects, ranging in size from 2 cm to 15 x 12 cm. The outer bone plate was often split on the side of the aforementioned holes. Forty corpses had penetrating bullet wounds to the cervical spine with the destruction of the spinal cord (1 and 2 cervical vertebrae). In some cases, there were double penetrating bullet wounds to the skull. In 11 cases, limited bone defects with partial indentation of bone fragments

черепа ограниченными кольца образными трещинами. Указанные повреждения располагались в области лицевого скелета, лба, височных и теменных костей. У двух трупов в трахеях и пищеводах на всём протяжении были обнаружены частицы глины. В одном случае имела место слепое огнестрельное ранение мягких тканей лица с переломом одного большого коренного зуба на нижней челюсти и повреждением альвеолярного отростка верхней челюсти. В этом случае в мягких тканях шеи были была обнаружена оболочечная револьверная деформированная пуля диаметром 0,7 см. В другом случае обнаружена трещина внутренней костной пластинки малых крыльев основной кости и глазничной поверхности лобной кости без других видимых повреждений костей черепа.

В центре города Краматорска, по Школьной улице, против клуба им. Ленина, во дворе усадьбы, занимавшейся Гестапо, обнаружены две закрытых ямы, 1 между уборной и помойной ямой, другая в нескольких метрах от неё, обе ямы располагаются возле ограды, прилегающей к Школьной улице. В первой яме на глубине 2-х метров от поверхности обнаружено 5 трупов, из них двое детских в возрасте от 8 до 11 лет и трех женщин. Трупы в истлевшей зимней одежде, почти лишены мягких тканей. У двух трупов /женщины и ребенка/ повреждение костей не обнаружено. Во второй яме – обнаружено 7 мужских трупов, одетых и обутых в спецовки и костюмы, удовлетворительно сохранившихся, в карманах одежды ничего не обнаружено. Трупные изменения развиты значительно – у всех имелись сквозные пулевые ранения черепа идентичные повреждениям выше описанным.

В двух ярах у села Красногорки, в части обращенной к шоссейной дороге, идущей от Краматорска на Константиновку в пластах из глины и земли обнаружены трупы, части которых выступали на поверхность, отдельные кости, конечности и черепа – лежали на траве в некотором отдалении /15 – 30 метров/ от оврага. При раскопке в поверхностных слоях обнаружены трупы почти лишённые мягких тканей и с истлевшей зимней одеждой. Среди трупов обнаружены предметы домашнего обихода /посуда, чайники, ножи, вилки, зеркало и проч./. Выкопан первый слой трупов в количестве 14 и 12 черепов, наиболее поверхностно лежащих, под ними обнаружено большое количество трупов, частей их и обрывки истлевшей одежды. Среди вырытых трупов обнаружен труп младенца,

in the cranial cavity by limited ring-shaped fractures were observed. These injuries were located in the facial skeleton, forehead, temporal and parietal bones. Two corpses had clay particles throughout the entire trachea and oesophagus. In one case, there was a blind gunshot wound to the soft tissues of the face with a fracture of one large mandibular molar tooth and damage to the alveolar process of the upper jaw. In this case, a shell-shaped, deformed revolver bullet 0,7 cm in diameter was found in the neck's soft tissues. In the other case, a fracture was found in the inner bone plate of the lesser alar cartilages of the main bone and the orbital part of the occipital bone, with no other visible damage to the skull bones.

In the centre of Kramatorsk, on Shkol'naia Street, opposite the Lenin Club, in the yard of the estate occupied by the Gestapo, two closed pits were found – one between the latrine and the cesspit, the other a few metres away. Both are located near the fence adjacent to Shkol'naia Street. In the first pit, at a depth of 2 metres from the surface, five corpses were found, including two children aged 8 to 11 and three women. The corpses were in decayed winter clothes, almost devoid of soft tissues. Two corpses (a woman and a child) showed no bone damage. There were seven male corpses in the second pit, with clothes and shoes, wearing work jackets and suits, all fairly preserved; nothing was found in their pockets. The postmortem changes were significantly developed; all had perforating wounds to the skull, identical to the injuries described above.

In two ravines near the village of Krasnogorka, in the part facing the highway that runs from Kramatorsk to Konstantinovka, corpses were found in layers of clay and earth, parts of which protruded to the surface. Separate bones, limbs and skulls were lying on the grass at some distance (15 to 30 metres) from the ravine. Excavation of the superficial layers revealed corpses almost devoid of soft tissues and with decayed winter clothes. With the bodies, there were household items, such as crockery, kettles, knives, forks, a mirror, and so forth.

The first layer, the most superficial one, consisted of 14 corpses and 12 skulls; under it, a large number of corpses, body parts and scraps of decayed clothing. Among the corpses, one of an infant,

завёрнутый в байковое одеяльце и пелёнки. При разворачивание последних обнаружены распашонка и отдельные косточки. При исследовании трупов обнаружены повреждения подобные повреждениям, найденные у трупов при раскопках на Меловой горе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исследовани~~ем~~ комиссией 812 трупов, произведенно[***е***]~~м~~ с 17 по 24/IX-1943 года в гор. Краматорске подтвержда[***ют***]ется свидетельски[***е***] показания~~мн~~ о массовых убийствах мирных жителей города Краматорска без различия возраста и пола. Во всех случаях, за редким исключением, убийство производились путем расстрела из ручного огнестрельного орудия на близком расстоянии и почти в упор, в затылок. Жертвы расстреливали в лежачем положении или стоя. В отдельных случаях убийства совершались тупым орудием. Некоторые жертвы с несмертельными повреждениями были закопаны живыми. Характер развития трупных изменений и особенности одежды дают комиссии основания считать, что большинство расстрелов производилась в зимнее время 1942 и 1943 г.г.

ПОДПИСИ:

ГЛАВНЫЙ СУД. МЕД. ЭКСПЕРТ ВСУ ЮЗФ
КАПИТАН М/С /ШПИГАНОВИЧ/

ГЛАВНЫЙ ПАТОЛОГОАНАТОМ[А] ВСУ ЮЗФ
ПОЛКОВНИК МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ /ШУР/

ПОМ. ГЛАВ. СУД. МЕД. ЭКСП. ВСУ ЮЗФ
В/ВРАЧ /АНОСОВА/

АРМ. СУД. МЕД. ЭКСП. –
КАПИТАН МЕД. СЛУЖБЫ /ПАТАШИН/

[*подписи*]

ВРАЧ КРАМАТОРСКОЙ ПОЛИКЛИНИКИ /НИКИФОРОВА/

ПОМ. В/ ПРОКУРОРА 3-Й ГВ. АРМИИ
МАЙОР ЮСТИЦИИ /АЗЕНВАРГ/

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОМАНДОВАНИЯ
3-Й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ –
ПОДПОЛКОВНИК /ШАПОШНИКОВ/

СВЯЩЕННИК ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ /Дмитрий СТРИЖКО/

УЧИТЕЛЬНИЦА /ОНИЩЕНКО/

wrapped in a baize blanket and nappies. When unwrapped, a baby's undershirt and separate small bones were found. The examination of the corpse revealed injuries similar to those found on the corpses from the excavations at Melovaia gora.

## CONCLUSION

The commission's examination of 812 corpses from 17 to 24 September 1943 in Kramatorsk is confirmed by eyewitness accounts of mass murders of Kramatorsk civilians, without distinction as to age or gender. In all cases, with few exceptions, the killings were carried out by handgun fire at close or almost point-blank range, in the back of the head. The victims were shot while lying down or standing up. In some cases, murder was committed with a blunt instrument. Some victims with non-lethal injuries were buried alive. The nature of the postmortem changes' evolution and clothing peculiarities give the commission grounds to believe that the majority of the executions were carried out in the winter of 1942 and 1943.

SIGNATURES:

CHIEF FORENSIC EXP. of the SOUTH-WEST FRONT MILITARY CONSTRUCTION DEPT. [SWFMCD]
CAPT. MED. SERVICE (SHPIGANOVICH)

CHIEF PATHOLOGIST SWFMCD
COL. MED. SERVICE (SHUR)

ASS. CHIEF FORENSIC EXP. SWFMCD
MD (ANOSOVA)

ARMY FORENSIC EXP.
CAPT. MED. SERVICE (PATASHIN)

[*signatures*]

MD of the KRAMATORSK POLYCLINIC
(NIKIFOROVA)

ASS. MIL. PROSECUTOR of the THIRD GUARDS ARMY
MAJ. JUSTICE (AZENVARG)

REP.
of the THIRD GUARDS ARMY COMMAND
LT-COL. (SHAPOSHNIKOV)

POKROVSKII CHURCH PRIEST (DMITRII STREZHKO)

SCHOOL TEACHER (ONISHCHENKO)

[~~*16*~~, *19*]

# Акт.

Комиссия в составе: героя Советского Союза – генерал-майора т. Козлова В.И., кандидата медицинских наук т. Стельмашонок И.М., военного следователя – капитана Семенова, белорусского писателя – депутата Верховного Совета БССР М. Лынькова, кандидата медицинских наук т. Таранович Л.Е., доктора Наумович Е.М., топографа Володько и жителей деревни М. Тростинец – Бошко и Барлани М.В. составили 25 июля 1944 года настоящий акт о немецко-фашистских зверствах, имевших место на территории концентрационного лагеря в районе деревни М. Тростинец.

Путём осмотра самого лагерь, 34 ям–могил на месте массовых расстрелов мирных жителей, сожжённых сараев с сожженными трупами расстрелянных, штабелей брёвен с недогоревшими трупами и специальной печи, в которой расстреливались и сжигались мирные советские граждане, а также путём опроса свидетелей, комиссия установила:

1. В концентрационном лагере Тростинец немецко-фашистскими захватчиками производилось систематическое физическое истребление советских граждан. Это зверское истребление советских людей по своей массовости превосходит все злодеяния фашистских людоедов, которые были известны до сего времени через комиссию и о которых сообщалось в нашей советской печати.

Среди сотен тысяч советских людей, замученных в Тростинце, были военнопленные, политические заключённые немецких тюрем, еврейское население из города Минска и других городов Белоруссии, партизанские семьи, семьи заложников

[~~*16*~~, *19*]

# ACT

The members of the Commission: Hero of the Soviet Union (Major General) Cde V. I. Kozlov, Candidate of medical sciences Cde T. M. Stel'mashonok, Military investigator (Captain) Cde Semenov, Belarusian writer (Deputy of the BSSR Supreme Soviet) M. Lyn'kov, Candidate of medical sciences Cde L. E. Taranovich, Dr E. M. Naumovich, topographer Volod'ko and the inhabitants of the village of Maly Trostinets – Boshko and M. V. Barlani have drawn up the present act, on 25 July 1944. It concerns the German-fascist atrocities that took place on the territory of the concentration camp, in the vicinity of Maly Trostinets.

Through the examination of:

- the camp itself,

- the 34 pits (graves) at the site of the civilian mass execution,

- the burnt sheds with burnt corpses of those executed,

- the stacks of logs with half-burned corpses

- the special furnace in which Soviet civilians were shot and burnt

- the questioning of witnesses

the Commission has established:

1. At the concentration camp of Trostinets, the German-fascist invaders carried out a systematic physical extermination of Soviet citizens. This brutal extermination of the Soviet people exceeds in its mass scale all the atrocities of the fascist cannibals, which have hitherto been known through the Commission and have been reported in our Soviet press.

Among the hundreds of thousands of Soviet people murdered in Trostinets were prisoners of war, political prisoners held in German prisons, the Jewish population of Minsk and other towns in Belarus, partisan families,

из города Минска и другие люди, захваченные немецкими людоедами. Среди погибших людей много женщин, стариков и детей.

Здесь же в лагере Тростинец уничтожались еврейское население городов Чехословакии, Австрии, Германии и Польши.

В ~~начале~~ 1941 года немцы производили массовые расстрелы в месте Благовщина – вырубленный лес недалеко от самого лагеря на 11-м километре от Минска по Могилевскому шоссе.

Свои жертвы немцы подвозили специальными эшелонами к дорожно-строительному участку, находящемуся на 9 километре шоссе Минск - Могилёв.

Здесь ото всех обречённых отбирались ценные вещи, людей грузили в большие крытые автомашины с прицепами и увозили на место расстрела в Благовщину, где изготовлялись заранее огромные могилы до 60 метров в длину. Людей раздевали, оставляли в одном бельё и расстреливали у края могилы.

По показаниям свидетелей сюда привозили и людей замученных в душегубках. Сложенные в могилу трупы засыпали землей и утрамбовывали гусеничными тракторами.

С осени 1943 года расстрелы людей в Благовщине прекратились, чтобы скрыть следы неслыханных злодеяний. Немцы начали раскапывать могилы, извлекать трупы и сжигать их. Для подвоза дров на место сжигания были мобилизованы все подводы Тростинецкой волости и в течении двух месяцев каждая подвода ежедневно должна была доставить дорожно-строительного участку 2 кубометра дров, оттуда немцы машинами увозили дрова непосредственно к месту сжигания. Пепел и мелкие кости зарывали

families of hostages from Minsk and other people captured by the German cannibals. Among the dead were many women, the elderly and children.

This is also where the Jewish population from Czechoslovakia, Austria, Germany, and Poland was exterminated.

In ~~early~~ 1941, the Germans carried mass shootings at Blagovshchina – a felled forest near the camp, at the 11th kilometre from Minsk, along the Mogilev highway.

The Germans brought their victims in special trains to the road construction site, located at the 9th km of the highway Minsk–Mogilev.

Here, all the doomed people were stripped of their valuables; they were loaded onto large covered trucks with trailers and taken to the execution site at Blagovshchina. Huge graves, up to 60 meters long, were prepared there beforehand. People were undressed, left just in underwear and shot at the grave's edge.

According to witnesses, people asphyxiated in mobile gas vans were also brought here. The corpses placed in graves were covered with earth and rammed with caterpillar tractors.

As of autumn of 1943, the shooting at Blagovshchina ceased in order to cover up the traces of unheard-of atrocities. The Germans began digging up graves, removing corpses and burning them. All carts of the Trostinets *volost'* [rural municipality] were mobilised to bring firewood to the burning site, and for two months, daily, each cart had to bring two cubic metres of firewood to the road construction site. From there, the Germans used cars to bring the wood to the burning site. They buried the ashes and small bones

в могилы, которые потом были замаскированы сверху хворостом, еловыми и сосновыми ветвями.

2. С осени 1943 года немцы не зарывали трупы расстрелянных. Для уничтожения трупов ими была построена специальная печь в укрытом лесом месте в урочище Шашковка /0,5 км от лагеря/. Сюда ежедневно привозили в открытых и закрытых автомашинах живых людей, а также трупы из душегубок. Расстрелы производились, судя по огромному количеству стреляных гильз, у входа в печь и в самой печи. Отдельные партии обречённых взрывали и убивали гранатами /остатки разорвавшихся гранат, находящиеся в изобилии как около печи, так и внутри её/. Трупы укладывались на рельсах над топками, поливались горючим – смолой, перекладывались дровами и зажигались. Для повышения температуры подкладывались целые кассеты зажигательных бомб, коробки с запалами от гранат и т.п. Уцелевшие крупные кости трамбовали специальными трамбовками. В печи найдены остатки обуглившихся трупов, масса пепла и мелких перегоревших костей. Тут же находилась большое корыто – ящик, куда специальными лопатками выгребался пепел.

У входа в печь и у ворот стен, окружавших печь имеется много обгоревших остатков одежды и мелких вещей погибших: женские кофточки, детские носки, пуговицы, гребёнки, пудреницы, перочинные ножи, зажигалки, кружки, котелки, мешочки с картофелем и т.д. По всей видимости немцы раздевали в этом месте своих обречённых.

in graves, which were then disguised on top with brushwood, spruce and pine branches.

2. As of autumn 1943, the Germans did not bury the bodies of the executed any longer. For the destruction of the corpses, they built a special furnace in Shashkovka, a plot of land hidden in the woods (0,5 km from the camp). Living persons, as well as corpses from the gas vans, were brought here daily in open and covered vehicles. The shootings took place, judging by the massive number of bullet casings, at the entrance to the furnace and in the furnace itself. Certain groups of victims were blown up and killed with grenades (remnants of exploded grenades were in abundance both by and inside the furnace). They placed the corpses on rails above the furnaces, sprinkled with fuel (tar), shifted with wood and ignited. To increase the temperature, they used whole cartridges of incendiary bombs, boxes of grenade fuses, and so forth. The remaining large bones were tamped down with special tampers. The Commission found the remains of charred corpses, a mass of ash and small burnt bones in the furnace. There was also a large trough – box, used for ashes, that was scooped out with special shovels.

At the entrance to the furnace and the gate of the walls surrounding the furnace, there are many burnt remnants of clothing and small items of the dead: women's blouses, children's socks, buttons, combs, powder pots, penknives, lighters, mugs, bowlers, potato sacks, and so forth. Apparently, this is where the Germans undressed their victims.

Пепел и кости из печи немцы рассыпали по окрестным полям.

3. К концу июня 1944 года, когда к Минску подходила Красная Армия, немцы не успевали сжигать трупы замученных в Шашковке.

29 июня немцы начали открыто расстреливать перевозимые на специальных машинах жертвы возле бывшего колхозного сарая в деревне М. Тростинец. Трупы расстрелянных и удушенных они складывали 29, 30 июня и 1 ~~августа~~ [*июля*] в сарае, а также на штабель брёвен, а потом поджигали их. Полуобгоревшие трупы так и остались лежать на брёвнах. Среди трупов есть женщины и дети.

У сжигавшихся сараев с трупами обнаружены остатки личных вещей погибших: кошельки, шапки, платки, перочинные ножи, котелки, фляжки. На некоторых котелках и фляжках комиссией обнаружены надписи, свидетельствующие о личности погибшего. Некоторые надписи имели даты, когда они были сделаны. Так одна надпись была сделана 26 июня сего года.

4. Показаниями свидетелей установлено: что в районе лагеря была замучены и нисколько семей из самой деревни М. Тростинец.

У арестованного немцами ГАНИЧ Адами расстреляны жена, 2 дочери, 2 сына, младшему из которых была 2 года от рождения. Жена и четверо детей были расстреляны у ГАНИЧА Франка. Расстреляны семьи Бошко Александра и Шиманского Александра. Расстрелян~~ы~~ и сожжен~~ы~~ в колхозном сарае Журавский Виктор.

The Germans scattered the ashes and bones from the furnace over the surrounding fields.

3. By the end of June 1944, when the Red Army was approaching Minsk, the Germans had no time to burn the corpses at Shashkovka.

On 29 June, the Germans began openly shooting up victims, transported in special vehicles, near a former collective farm barn, in the village of Maly Trostinets. On 29, 30 June and 1 ~~August~~ [*July*] they stacked the corpses of those shot and strangled in the barn and also on a stack of logs, and then set them on fire. The half-burnt corpses were left lying on the timbers. Among the corpses were women and children.

The remains of the personal belongings of the dead, found near the burnt sheds with the corpses, were as follows: purses, hats, scarves, penknives, mess-tins, flasks. The Commission found inscriptions on some of the mess-tins and flasks, testifying to the deceased's identity. Some inscriptions had dates when they were made. Thus, one inscription was made on 26 June of this year.

4. The testimonies of witnesses showed that some families from the village of Maly Trostinets were also killed around the camp.

The Germans shot GANICH Adami's (he was jailed) wife, two daughters, and two sons, the youngest of whom was two years old. They also shot GANICH Frank's wife and four children, the families of Boshko Aleksandr and Shymanski Aleksandr. Zhuravsky Viktor was shot and burnt in the collective farm barn.

Расстреляны и сожжены в своих домах Колосовкая Мария 70 – лет и Пещенко Роза – 48 лет.

5. Свидетель Савинская Степанида Ивановна, случайно спасшаяся при расстреле 30 июня сего года, производившемся в колхозном сарае деревни М. Тростинец, рассказывает «30 июня 1944 года нас 50 женщин, заключённых в концентрационном лагере «СС» по Широкой улице в городе Минске, погрузили в автомашину и повезли в неизвестном направлении. Отъехал, примерно, 10 километров от города Минска автомашина остановилась у одного из сараев возле деревни М. Тростинец. Здесь мы все узнали, что нас привезли на расстрел. Мы слышали как у передовой автомашины, где находились арестованные мужчины раздавалась команда «выходи по два», после чего слышались выстрелы из автомата и револьверов. Когда все заключенные были выведены и расстреляны к этому же сараю подогнали нашу автомашину и заключённые женщины по команде немецких палачей выходили по 4 человека из машины, ложились поверх уложенных трупов и расстреливались. Почти весь сарай был уже заполнен трупами, так как перед нами сюда были приведены две машины заключённых которые были расстреляны. Вскоре очередь дошла и до меня. Я с ГОЛУБЕВОЙ Анной и СЕМАШКО Галиной и ещё одной женщиной, фамилию которой не знаю, по команде немцев вышли из машины и взошли на штабель трупов. Когда послышались выстрелы я упала и была ранена легко в голову. Я лежала на трупах до позднего вечера. Немецкие палачи привозили в этот день ещё 2 машины с женщинами,

Maria Kolosovkaia, aged 72, and Rosa Peshchenko, aged 48, were shot and burnt in their homes.

5. The witness Stepanida Ivanovna Savinskaia, who survived the shooting by chance, which took place in the collective farm shed of the village of Maly Trostinets on 30 June of this year, is telling: “On 30 June 1944, we, 50 women inmates of the SS concentration camp on Shirokaia Street in Minsk were loaded into a car and taken to an unknown destination. After driving about 10 kilometres from Minsk, the vehicle stopped at one of the sheds near the village of Maly Trostinets. Here we learnt we were to be shot. We heard the command ‘come out two at a time’ outside the vehicle in front where the arrested men were, followed by machinegun and revolver shots. When all the prisoners were out and shot, our car drove up to the same shed and the female prisoners, at the command of the German executioners, came out of the car, four at a time, lay down on top of the dead bodies and were shot. Almost the entire barn was already filled with corpses, as two cars of prisoners had been brought in before us and had been shot. Soon came my turn. With GOLUBEVA Anna, SEMASHKO Galina, and one other woman, whose name I do not know, we got out of the car at the command of the Germans and climbed onto the stack of corpses. Upon hearing the shots, I fell down and was lightly wounded in the head. I lay on the corpses until late in the evening. The German executioners brought two more cars with women that day,

которые были расстреляны на моих глазах. Среди них были и дети в возрасте от 3-х до 10-ти лет. После каждого расстрела немцы ложили поверх трупов дрова и обливали их бензином и бросив в сарай гранаты поджигали сарай. Я решила бежать из сарая, чтобы не погибнуть мучительной смертью. Я выбралась из-под трупов, увидала двух мужчин раненых и все втроём мы побежали. Немецкий конвой открыл на нас огонь. Бежавшие со мной мужчины были убиты, а я всё же убежала в болото и скрывалась там 15 дней, так как не знала, что Минск уже освобождён за эти дни от немецких захватчиков.»

6. При осмотре барака, находящегося в самом лагере и окруженного тремя рядами проволочного заграждения /средний из них с электрическими проводами/ установлено, что все заключённые, находящиеся в бараке, в последние дни существования лагеря, были расстреляны. Об этом свидетельствуют окровавленные стены, одежда, тюфяки, нары. Лужи крови в проходах барака и куча стреляных гильз у входа в барак.

7. Из показаний отдельных свидетелей (Будай Валентина Васильевна) видно, что в непосредственном сжигании трупов в печи принимали участие и румыны.

8. Комиссия учитывая показания свидетелей, размеры могил, количество трупов и об"ём пепла и костей в могилах считает, что по самым минимальным подсчетам в районе лагеря Тростинец фашистскими людоедами уничтожено 546 тысяч человек, из них в 34 могилах захоронены остатки (пепел и кости) 476 человек, в печи сожжено 68 тысяч человек и в сараях и на брёвнах сожжено – 2000 человек.

9. Свидетельскими показаниями установлено, что массовые расстрелы и сжигание трупов в печи в Шашковке производились

who were shot before my eyes. Among them were children aged between 3 and 10. After each shooting, the Germans placed firewood on top of the corpses, poured gasoline over them, and threw grenades into the barn to set it on fire. I made up my mind to escape from the barn so as not to die a torturous death. I got out from under the bodies, saw two wounded men, and all three of us ran. The German convoy opened fire on us. The men who ran with me were killed, but I managed to escape to the swamp. I hid there for 15 days, as I did not know that Minsk at the time had already been liberated from the German invaders."

6. Having inspected the barrack in the camp itself, which was surrounded by three rows of wire fences (the middle one with electric wires), the Commission established that all the prisoners present in the barrack in the last days of the camp had been shot. The blood-stained walls, clothes, mattresses and bunks testify to this, as well as blood pools in the aisles and a pile of shotgun shells at the barrack entrance.

7. Testimony of certain witnesses (Budai Valentina Vasil'evna) shows that the Romanians were also directly involved in burning corpses in the furnace.

8. Taking into account the testimony of witnesses, the size of the graves, the number of corpses and the volume of ashes and bones in the graves, the Commission, therefore, considers (at a minimum estimate):

> The fascist cannibals murdered 546,000 people around the camp of Trostinets, of whom 476 were buried in 34 graves, 68,000 were burned in ovens, and 2,000 were burned in sheds and on firewood.

9. Witness testimony established that mass shootings and the burning of corpses in the Shashkovka furnace were carried out

лось помощником коменданта лагеря унтер-шеф фюрером Ридером.

Герой Советского Союза
генерал-майор (Козлов)

Кандидат медицинских наук (Стельмашонок)

Военный следователь
Капитан (Семенов)

*подписи*

Белорусский писатель
депутат Верховного Совета БССР (Лыньков)

Кандидат медицинских наук (Таранович)

Доктор (Наумович)

Топограф (Володько)

и жители д. М. Тростинец: (Божко)

(Барлани М.В.)

by the camp Commandant, *Unterscharführer* Rieder.

| | | |
|---|---|---|
| Hero of the Soviet Union<br>Major General | *signatures* | (Kozlov) |
| Candidate of medical sciences | | (Stel'mashonok) |
| Military investigator<br>Captain | | (Semenov) |
| Belarusian writer<br>Deputy of the BSSR Supreme Soviet | | (Lyn'kov) |
| Candidate of medical sciences | | (Taranovich) |
| Medical doctor | | (Naumovich) |
| Topographer | | (Volod'ko) |
| and Maly Trostinets residents | | (Bozhko) |
| | | (M. V. Barlani) |

**ИЗВЕСТИЯ**

19 сентября, 1944 г. № 223 3

# СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

## О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ МИНСК

Ворвавшись в Минск – столицу Белорусской Советской Социалистической Республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белоруссов в послушных немецких рабов. По прямым директивам германского правительства гитлеровские военные власти беспощадно уничтожали научные исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли; тысячами истребляли мирных советских людей – женщин, детей, стариков, а также военнопленных.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Минске расследовала специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома БССР Пономаренко П.К., генерал-майора Героя Советского Союза Козлова В.И., академика Якуба Колас, члена Президиума Всеславянского Комитета Горбунова Т.С., кандидата медицинских наук Стельмашонок И.М., белорусского писателя Лынькова М.Т., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Табелева В.Ф.

Специальная Комиссия обследовала концентрационные немецкие лагери, опросила свыше 120 пострадавших и свидетелей зверств гитлеровцев, а также пленных немецких офицеров и солдат, бывших очевидцами или участниками преступлений.

На основании документальных материалов, представленных специальной комиссией, и личного расследования, произведенного членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Бурденко Н.П., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

# Гитлеровские палачи истязали и уничтожали мирных граждан

Немецко-фашистские захватчики ввели в Минске режим кровавого террора и насилия. Это подтверждают в своих показаниях не только советские люди, содержавшиеся в тюрьмах и лагерях, но и пленные немцы. Вот что рассказал председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус:

«17 июня 1941 года Гитлером был издан приказ, в котором говорилось, что немецкие солдаты имеют право грабить советское население и истреблять его. За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера, немецкие солдаты, руководимые офицерами... учиняли различного рода зверства».

Выполняя этот приказ Гитлера, фашистские мерзавцы истязали, грабили и убивали всех тех, кто им попадался под руку. В Минске и его окрестностям они создали для истребления советских людей целую систему концентрационных лагерей.

От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях. Редко кому удавалось выбраться живым из минского лагеря, находившегося на Широкой улице. «За время моего пребывания в лагере на Широкой улице с 21 августа 1943 года по 30 июня 1944 года, сообщил комиссии Мойсиевич Л.А., немецкие палачи уничтожили около 10 тысяч советских людей. Они убивали стариков, женщин, подростков, не щадили беременных женщин и женщин-матерей с новорожденными. Я был очевидцем того, как немцы уничтожали людей в

«душегубках». В каждую «душегубку» они насильно вталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении. Я видел, как в «душегубку» были посажены содержавшиеся в лагере жители города Минск профессора Клумов и Анисимов».

Показания Мойсиевича подтвердил также другой свидетель, содержавшийся в лагере на Широкой улице, Беляев Г.И. «Мне известно, сообщил он, что много людей было уничтожено в специальной автомашине – «душегубке». Я неоднократно присутствовал во время промывки такой машины и видел, что кузов ее обит оцинкованным железом, двери закрываются плотно, от выхлопной трубы мотора в вузов проведена труба, через которую поступают отработанные газы, на полу положена деревянная решетка. 3–4 раза в день в «душегубке» увозили заключенных из лагеря. С 17 по 26 февраля 1943 года гитлеровцы вывезли в «душегубке» 3 000 советских граждан, доставленных из города Полоцк. Мне известно также, что немецкие палачи – комендант лагеря Вакс и его помощники вешали и расстреливали людей в самом лагере».

Для массового истребления людей гитлеровские изверги использовали также обычные бани, в которые загоняли советских людей и отравляли окисью углерода. В сентябре 1941 года таким способом они уничтожили 200 больных, находившихся в загородной больнице Новинки. Служащие этой больницы Колоницкая Е.К. и Науменко В.И. сообщили комиссии: «Фашисты загоняли больных в баню, запирали их там, а затем через специальные отверстия в двери, по шлангам, соединенным с автомашинами, пускали газы. Через несколько минут они вытаскивали оттуда умерших и загоняли новую партию больных».

В специальном лагере-гетто, находившемся в западной части города Минск, немцы содержали до 100 тысяч евреев. Свидетели Бруднер М.И., Божко Ф.Ф., Нестерович Р.А., Ермоленко В.Ф., Чертова Р.А. и другие сообщили, что комендант лагеря Риддер и его помощники Готтенбах и Бенцке глумились над заключенными, пытали и убивали их без всякого повода. Заключенных травили собаками, кололи штыками и кинжалами, расстреливали, бросали живыми в огонь. Помощник начальника лагеря-гетто Готтенбах под музыку провозглашал тосты за уничтожение евреев, заставлял обреченных петь песни, плясать и сам лично расстреливал заключенных.

## Лагерь немецкой тайной полиции в Малом Тростинце

В 10 километрах от Минска, у деревни Малый Тростинец, немецко-фашистские захватчики организовали концентрационный лагерь немецкой тайной полиции, в котором содержались обреченные на смерть мирные граждане. В урочище Благовщина, расположенном в 1,5 километрах от лагеря, они расстреливали заключенных в лагере и трупы закапывали в траншеях. Осенью 1943 года, с тем, чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы приступили к раскопке ям-могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали сжигать их. Житель деревни Тростинец Головач П.Н. видел, что: «В лесу Благовщина немецкие палачи убивали мужчин, женщин, стариков и детей; видел, как трупы убитых они складывали в заранее приготовленные траншеи... утрамбовывали их гусеничным трактором, затем снова клали слой убитых и опять утрамбовывали. Осенью 1943 года немцы раскопали траншеи в Благовщине и стали сжигать выкопанные трупы. На подвозку дров для сжигания трупов они мобилизовали все подводы из окрестных деревень».

Для уничтожения трупов замученных советских людей оккупанты осенью 1943 года построили специальную кремационную печь в урочище Шашковка в полукилометре от концентрационного лагеря Малый Тростинец. Работавшие при концентрационном лагере Коваленко К.Е. и Карета А.С. сообщили, что в этой печи сжигались трупы расстрелянных и умерщвленных в «душегубках». Ежедневно сюда прибывало 3–5 автомашин, набитых людьми.

«Я ежедневно видел, говорит житель деревни Малый Тростинец Башко В.А., как немецкие бандиты, во главе с комендантом лагеря гетто палачом Риддер, убивали мирных граждан в лесу Шашковка и трупы убитых сжигали в печи. Недалеко от этой печи я пас скот и часто слышал плач и мольбу людей о пощаде. Я слышал автоматные очереди, после которых прекращались вопли несчастных».

Следственная комиссия подробно ознакомилась с кремационной печью. В момент осмотра печи в ней обнаружены рельсы, на рельсах – листы железа с отверстиями и масса мелких перегоревших человеческих костей. К печи устроен специальный спуск для автомашин. У входа в печь обнаружены бочка и черпак с остатками смолы. Тут же разбросаны вещи расстрелянных: обувь, одежда, женские кофточки, головные уборы, детские носки, пуговицы, гребенки, перочинные ножи. Судя по огромному количеству стрелянных гильз и остаткам взорванных гранат, немцы расстреливали обреченных у входа в печь и в самой печи. Трупы поливались

смолой и перекладывались дровами. Для повышения температуры в печь закладывались зажигательные бомбы.

В связи с быстрым продвижением на запад Красной Армии в конце июня 1944 года гитлеровские палачи придумали новый способ массового истребления советских мирных жителей. 29–30 июня они стали вывозить заключенных из концентрационных лагерей, а также трупы расстрелянных в деревню Малый Тростинец. Трупы складывали штабелем в сарае, там же немцы расстреливали советских людей и сарай поджигали.

Спасшаяся от смерти Савинская С.И. показала следственной комиссии: «Проживая на оккупированной территории в городе Минск, я 29 февраля 1944 года вместе с мужем, Савинским Яковом Владиславовичем, была арестована немецко-фашистскими захватчиками и посажена в минскую тюрьму за связь с партизанами. После длительных и мучительных пыток, когда мы не признались в своих связях с партизанами, нас с мужем, в середине мая, перевели в концлагерь «СС», расположенный по Широкой улице, где мы содержались до 30 июня 1944 года. В этот день вместе с другими женщинами в количестве 50 человек меня погрузили в автомашину и повезли в неизвестном направлении. Отъехав примерно 10 километров от города Минск, возле деревни Малый Тростинец, автомашина остановилась у одного из сараев. Здесь мы все поняли, что нас привезли на расстрел... По команде немецких палачей заключенные женщины по четыре выходили из машины. Вскоре очередь дошла и до меня. Я, совместно с Голубович Анной, Семашко Юлей и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, влезла на верх уложенных трупов. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала. Будучи раненой, я продолжала лежать среди трупов до позднего вечера. Потом я стала выбираться из сарая, увидела раненых двух мужчин и мы все трое решили бежать. Заметив это, немецкий конвой открыл стрельбу, мужчины были убиты, а мне удалось скрыться в болоте. Там я пробыла 15 дней, не зная, что Минск уже освобожден Красной Армией».

При осмотре сарая в деревне Малый Тростинец, сожженного немцами, следственная комиссия обнаружила огромное количество пепла, костей, а также частично сохранившиеся трупы. Рядом на штабеле бревен находилось 127 не полностью обгоревших трупов мужчин, женщин и детей. Вблизи пожарища найдены вещи личного пользования.

Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях бревен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысяч человек.

## Гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений

В 5 километрах от города, у железной дороги Минск–Молодечно, вблизи деревни Глинище следственная комиссия обнаружила 197 могил расстрелянных немцами советских людей. Трупы в могилах свалены в беспорядке, без верхней одежды, голые или в нижнем белье. Здесь были похоронены советские военнопленные, содержавшиеся в лагере «Шталаг № 352», истребленные охраной лагеря, во главе с немецким комендантом, капитаном Липп.

Судебно-медицинской экспертизой установлено наличие на некоторых трупах повреждений черепа и головного мозга, нанесенных тупым твердым предметом со значительной силой. В двух случаях обнаружено размятие грудной клетки с обширными прижизненными повреждениями позвонков и множественными переломами ребер. На кладбище вблизи деревни Глинище похоронено около 80 тысяч советских военнопленных.

В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил, в них, на глубине 3 метров, найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил, размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов. Среди пепла найдены остатки обгоревших и обуглившихся костей, пучки волос, мелкие металлические вещи, обгоревшая женская и детская обувь. Следствием установлено, что на бывшем хуторе Петрашкевичи немцы сожгли до 25 тысяч расстрелянных мирных жителей города Минск.

На 9-м километре по автомагистрали Минск–Москва в урочище Уручье обнаружены 10 ям-могил. Из них: 8 могил – размером 21 на 5 метров, одна – 35 на 6 метров и другая – 20 на 6 метров, все ямы глубиной от 3 до 5 метров. В могилах комиссией обнаружены три продольных ряда трупов, в семь слоев каждый. Все трупы лежали вниз лицом, многие одеты в красноармейскую форму частей танковых войск. В карманах одежды некоторых трупов найдены документы, часы, советские деньги и различные предметы личного пользования. Преобладающий возраст погибших от 20 до 30 лет. В могилах обнаружено также несколько трупов женщин в гражданской одежде. У могил и в могилах найдено большое количество стрелянных немецких гильз.

При судебно-медицинском исследовании 120 эксгумированных в выборочном порядке трупов установлено, что причиной смерти советских людей почти во всех случаях были сквозные огнестрельные, пулевые ранения головы, сопровождавшиеся значительными разрушениями костей свода и основания черепа. Всё это указывает на расстрелы военнопленных из винтовок или карабинов на близком расстоянии, в упор. Общее количество расстрелянных и похороненных на территории в урочище Уручье, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 30 тысяч человек.

Северо-восточнее концентрационного лагеря, находившегося на территории поселка Дрозды, обнаружена траншея-канава 400 метров в длину, 2,5 метра в ширину и 2,5 метра в глубину. При раскопках в нескольких местах траншеи на глубине 0,5 метра найдены остатки трупов (черепа, кости) и истлевшая одежда. Следствием установлено, что в этой траншее-канаве похоронены около 10 000 расстрелянных немцами советских граждан.

Массовые могилы замученных немцами советских людей обнаружены также на Минском еврейском кладбище, в Тучинке, на Кальварийском кладбище, в парке культуры и отдыха и других местах.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко Н.Н., доктора медицинских наук, профессора Смольянинова В.М., доктора медицинских наук, профессора судебной медицины Червакова В.Ф. установила, что немецко-фашистские мерзавцы

истребляли мирных жителей и советских военнопленных голодом, непосильным трудом, отравляли окисью углерода и расстреливали.

Следствием установлено, что в Минске и его окрестностях гитлеровцы истребили около 300 тысяч советских граждан, не считая сожженных в кремационной печи.

## Разрушение города Минск

В течение трех лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии Наук, театры и клубы.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В.И. Ленина. В 1932 году было закончено постройкой специальное здание с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кенигсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии, в том числе собрание старопечатных изданий Георгия Скорины, первое издание Литовского статута, коллекции рукописей Янки Купалы, Максима Богдановича, Змитрака Бядули.

Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения. Представители немецкого генерального комиссариата: шеф по так называемым культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Мюллер, доктор Кох, доктор Мах вывезли в Германию библиотеки Академии Наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, политехнического института, научную медицинскую библиотеку, городскую Публичную библиотеку имени А.С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский Государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию Наук с 9 институтами, зоологическим и геологическим музеями, ботаническим садом; уничтожили Минский политехнический институт, в котором обучалось до 9 тысяч студентов; разрушили Государственные филармонию и консерваторию.

Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских мастеров: Репина, Айвазовского, Перова, Боголюбова, Козловского, Бразера, Асгура, Керзина вывезли в Германию; разграбили

Государственный белорусский театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов. Из оперного театра немцы вывезли в Германию театральные декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры, ткани.

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детских больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских яслей, 4 детских консультации, превратили в руины институт охраны материнства и младенчества.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и взорвали в Минске 23 крупнейших предприятия: вагоноремонтный завод, станкостроительный завод, стекольный завод «Пролетарий», два кирпичных завода, весовой завод «Ударник»; уничтожили 11 хлебозаводов, кондитерскую бисквитную и трикотажную фабрики, мясокомбинат, швейные фабрики «Октябрь» и имени Крупской; разрушили в городе 4 гостиницы; привели в негодность водопровод, канализацию, телефонно-телеграфную сеть.

Немецкие генеральные комиссары Кубе и Беккер разместили на предприятиях города Минск немецкие фирмы: «Борман», «Шорова-Верк», «Требец», «Шлахтхоф», «Троль». Они вывезли в Германию оборудование всех предприятий и подвесную контактную сеть городского трамвая; заставляли советских граждан работать на немецких захватчиков, морили их голодом, истязали, принуждали выполнять непосильные работы. Технический руководитель мастерской по производству военных повозок фирмы «Требец» Райтцук Феликс, уроженец города Алленштайн Восточной Пруссии, допрошенный следственной комиссией, показал: «Я, как представитель фирмы «Требец» в Минске, утверждаю, что советских граждан... оккупационные власти направляли работать в принудительном порядке... Представители фирм жестоко эксплуатировали советских граждан, заставляли даже стариков работать по 10–12 часов в сутки за малую плату, били и плохо кормили. Хозяин фирмы – Борман лично избивал советских людей, работавших у него. Рабочих кормил очень плохо и только один раз в сутки. Обед состоял из 80 граммов хлеба и жидкого картофельного супа. Ужинов и завтраков не было. На заработанные деньги, говорит он, рабочие покупать ничего не могли, а поэтому жили, как и рабочие других фирм, впроголодь, ходили оборванными».

Ввиду неоспоримых улик и доказательств Райтцук вынужден был признать себя перед следственной комиссией виновным в указанных выше преступлениях.

## К ОТВЕТУ ФАШИСТСКИХ МЕРЗАВЦЕВ!

За все злодеяния, совершенные немецкими захватчиками в городе Минск, за разрушение культурных и материальных ценностей, истязания и убийство мирных граждан и военнопленных несут ответственность гитлеровское правительство, верховное военное командование, а также следующие организаторы и непосредственные исполнители злодеяний: комендант города Минск генерал-лейтенант Шперлинг, начальники СД (тайной полевой полиции) Шлегель и Штраух; заместитель начальника СД Кайзер, начальник войск СС Готберг, генеральные комиссары Белоруссии Кубе и Беккер; командир 18 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Цутаверн; командир 25 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Ширман, командир 31 пехотной дивизии генерал-лейтенант Окснер, командир 78 пехотной дивизии генерал-лейтенант Траут, командир 256 пехотной дивизии генерал-лейтенант Вюстенгаген, командир 260 пехотной дивизии генерал-майор Кляммт, командиры 5 танковой дивизии генерал-майор Деккер и генерал-майор Хаузен, командир 20 танковой дивизии генерал-майор Кассель Пауль, командир 2-го велополка подполковник Шмаль; председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус, комендант «Шталаг № 352» капитан Липп, комендант лагеря-гетто Риддер, помощники коменданта лагеря Готтенбах, Рихтер, Бенцке; комендант лагеря Вакс, представители генерального комиссариата: шеф по культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Кох, доктор Мюллер, доктор Мах; предприниматели фирм «Вормап», «Требец», «Шорова-Верк», «Шлахтхоф», «Троль» и технический руководитель фирмы «Требец» в Минске Райтцук Феликс.

# IZVESTIA

19 September 1944, No 223 3

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German-fascist invaders and their accomplices

## ON THE GERMAN-FASCIST INVADERS' ATROCITIES IN MINSK

Having invaded Minsk, the capital of the Belorussian Soviet Socialist Republic, the German fascist invaders tried to destroy the culture of the Belorussian people and turn them into obedient German slaves. On the direct orders of the German government, Hitler's military authorities ruthlessly destroyed scientific research institutes and schools, theatres and clubs, hospitals and out-patient clinics, kindergartens and nurseries; thousands of peaceful Soviet people – women, children, the elderly, as well as prisoners of war were exterminated.

A special commission investigated the German-fascist occupiers' crimes in Minsk: P. K. Ponomarenko (the BSSR Sovnarkom chairman), Major-General V. I. Kozlov (a Hero of the Soviet Union), Academician Iakub Kolas, T. S. Gorbunov (a member of the All-Slavic Committee Presidium), I. M. Stel'mashonok (a candidate of medical sciences), M.T. Lyn'kov (a Belorussian writer), with the participation of the Extraordinary State Commission representative V. F. Tabelev.

The special commission inspected German concentration camps and interviewed over 120 victims and witnesses of the Hitlerian atrocities, as well as the captured German officers and soldiers who had witnessed or taken part in the crimes.

On the basis of documentary material submitted by the special commission and Academician N. P. Burdenko's (a member of the Extraordinary State Commission) personal inquiry, the Extraordinary State Commission has established the following:

## HITLER'S EXECUTIONERS TORTURED AND KILLED CIVILIANS

The German-fascist invaders introduced a regime of bloody terror and violence in Minsk. This has been confirmed not only by Soviet people's testimonies, held in prisons and camps but also by the captured Germans. Here is what was related by Captain Julius Reichhof, chairman of the 267th German Rifle Division's court-martial:

“On June 17 1941, Hitler issued an order stating that German soldiers had the right to plunder and exterminate the Soviet population. By this order, soldiers could not be tried by court-martial for acts committed against Soviet citizens. A soldier could only be punished by his unit commander if he deemed it necessary. The same order gave broader rights to German officers... They could exterminate the Russian population as they saw fit... A commander was given the full right to use punitive measures against the civilian population, such as burning down villages and towns and taking away food and livestock; at his discretion, he could take Soviet citizens to work in Germany. Hitler’s order was communicated to the rank and file of the German army the day before Germany attacked the Soviet Union... In accordance with this order, German soldiers, led by officers... committed all kinds of atrocities”.

In pursuance of Hitler’s order, the fascist scum tortured, robbed and murdered all those they could get their hands on. In and around Minsk, to exterminate the Soviet people, they set up a whole system of concentration camps.

Thousands of Soviet citizens died at the hands of German executioners in concentration camps. Rarely did anyone manage to escape alive from the Minsk camp located on Shirokaia Street. L. A. Moisievich told the commission: “During my stay at the camp on Shirokaia Street, from 21 August 1943 to 30 June 1944, the German executioners killed about 10,000 Soviet people. They killed old people, women, and teenagers; they did not spare pregnant women and mothers with newborns. I was a witness to how the Germans were exterminating people in ‘gas vans’. They would force 70 to 80 people into each ‘gas van’, and take them to an unknown destination. I saw how professors Klumov and Anisimov, Minsk residents, who were at the camp, were put in a ‘gas van’”.

Moisievich’s testimony was also confirmed by another witness, G. I. Beliaev, who was at the camp on Shirokaya Street. “I know many people were killed in a special vehicle, the ‘gas van’. I was often present when the inside of the car was washed, and saw that its body was covered with galvanised iron, doors got tightly closed, and there was a pipe coming from the engine’s exhaust pipe, through which the exhaust gases enter inside; there was a wooden lattice on the floor. Three or four times a day, prisoners were taken away from the camp in a ‘gas van’. From 17 to 26 February 1943, the Hitlerites took away, in a ‘gas van’, 3,000 Soviet citizens brought from Polotsk. I also know that the German executioners – the camp commandant Wachs and his assistants – hanged and shot people at the camp itself”.

For the mass extermination, Hitler's monsters also used ordinary public bath-houses, where they forced Soviet people and poisoned them with carbon monoxide. In September 1941, they exterminated 200 sick people in the country hospital Novinki. The employees of this hospital, E. K. Kolonitskaia and V. I. Naumenko, told the commission: "Fascists forced the patients to the baths, locked them in, and then they gassed them through special holes in the door, with hoses connected to the cars. After a few minutes, they would pull out the dead and bring in another batch of patients".

The Germans held up to 100,000 Jews in a special ghetto-camp in the western part of Minsk. Witnesses M. I. Brudner, F. F. Bozhko, R. A. Nesterovich, V. F. Ermolenko, R. A. Chertova and others reported that the camp commandant Ridder and his assistants Gottenbach and Benzke sneered at the prisoners, tortured and killed them for no reason. The prisoners were attacked by dogs, stabbed with bayonets and daggers, shot, and burned alive. Gottenbach, the deputy chief of the ghetto-camp, proclaimed toasts to the extermination of the Jews to music; he made the doomed prisoners sing, and dance and personally shot them".

## GERMAN SECRET POLICE CAMP IN MALY TROSTINETS

The German-fascist invaders set up a secret police concentration camp near the village of Maly Trostinets (10 kilometres from Minsk). This camp served for the civilians condemned to death. In the Blagovshchina Tract, 1,5 kilometres from the camp, they shot these prisoners and buried the corpses in trenches. In the autumn of 1943, in order to cover up the traces of atrocities, the Germans began digging up grave-pits, removing corpses and burning them. P. H. Golovach, a Trostinets villager, saw that: "In the Blagovshchina Forest, the German executioners were killing men, women, old people and children; I saw how they were laying the corpses in trenches prepared in advance... They would place a layer of corpses, rammed it with a caterpillar tractor, and then place another layer. In the autumn of 1943, Germans dug trenches in Blagovshchina and began to burn the corpses they had exhumated. They mobilised all the carts from the neighbouring villages to provide firewood for the burning".

In the autumn of 1943, the occupiers built a special cremation furnace in Shashkovka, half a kilometre from the Maly Trostinets concentration camp, to dispose of the corpses of the tortured to death Soviet people. K. E. Kovalenko and A. S. Kareta, who worked at the concentration camp, reported that the corpses of those shot and killed in 'gas vans' were burned in this incinerator. Three to five vehicles full of people arrived here every day.

V. A. Bashko, a Maly Trostinets resident, says: "I saw daily how German bandits, led by the commandant of the ghetto-camp, the executioner Ridder, killed civilians in the Shashkova Forest and burned the bodies of the dead in the furnace. I grazed cattle not far from this furnace and often heard people crying and begging for mercy. I heard machine gunshots, after which the cries of these poor people would stop".

The Commission of Inquiry examined the cremation furnace in detail. Its members have found rails in the furnace, and on these rails – sheets of iron with holes in them and a mass of small burnt human bones. There was a special ramp down to the furnace for cars. A barrel and a ladle with remains of tar were found at the entrance to the furnace. Items of the executed were scattered there: shoes, clothes, women's blouses, headwear, children's socks, buttons, combs and penknives. Judging by the vast number of empty shells and the remains of exploded grenades, the Germans shot the victims at the furnace's entrance and in the furnace itself. The corpses were tarred and shifted with firewood. Incendiary bombs were placed in the furnace to increase the temperature.

As the Red Army advanced rapidly westwards in late June 1944, Hitler's executioners devised a new method of mass extermination of Soviet civilians. On 29–30 June, they began taking both the prisoners from concentration camps and the corpses of those shot to Maly Trostinets. They stacked the corpses in a barn, where they also shot people; then, they set fire to the barn.

S. I. Savinskaia, a survivor, testified to the Commission of Inquiry: "We lived in the occupied territory, in Minsk. On 29 February 1944, together with my husband, Iakov Vladislavovich Savinskii, for contact with partisans, I was arrested by the German-fascist invaders and placed at the Minsk prison. After long and painful torture, when we did not confess our contacts with partisans, in mid-May, my husband and I were transferred to the SS concentration camp, located on Shirokaia Street, where we were held until 30 June 1944. On that day, with 50 women inmates, we were loaded into a car and taken to an unknown

destination. After driving about 10 kilometres from Minsk, the vehicle stopped at one of the sheds near the village of Maly Trostinets. Here we understood that we were about to be shot. Following the German executioners' command, the women started to come out of the car 4 at a time. Soon came my turn. I climbed onto the stack of corpses with Anna Golubovich, Galina Semashko, and one other woman, whose name I do not know. Upon hearing the shots, I fell down and was lightly wounded in the head. I lay on the corpses until late in the evening. Then I got out of the barn, saw 2 wounded men, and all 3 of us decided to run away. The German convoy noticed us and opened fire. The men who ran away with me were killed, but I managed to escape to the swamp. I hid there for 15 days, as I did not know that Minsk at the time had already been liberated from the German invaders".

When the Commission of Inquiry examined the barn in Maly Trostinets, which the Germans had burned down, it found huge quantities of ashes and bones, as well as partially preserved corpses. Nearby, on a stack of logs, there were 127 corpses of men, women and children, not entirely burned. Personal belongings were found near the fire.

A forensic medical examination found gunshot wounds to the head and neck on the corpses. The Germans shot and burned 6,500 people in the barn and on stacked logs.

## HITLER'S MURDERERS TRIED TO COVER UP TRACES OF THEIR CRIMES

Five kilometres from the city, on the railway line Minsk–Molodechno, near the village of Glinische, the Committee found 197 graves of Soviet citizens shot by the Germans. The corpses in the graves were piled in disorder, without outer clothing, naked or in underwear. These are the Soviet prisoners of war, held in 'Stalag No 352', exterminated by the camp guards, led by the German commandant, Captain Lipp and buried here.

The forensic examination found injuries to the skull and brain on some of the bodies caused by a blunt, hard object with considerable force. In 2 cases, the thorax was crushed, with extensive in vivo damage to the vertebrae and multiple rib fractures. Some 80,000 Soviet prisoners of war are buried in the cemetery near Glinishche.

In the Blagovshchina Tract, 34 grave-pits, camouflaged with coniferous branches, have been discovered. Some graves reach a length of 50 metres. When 5 of the graves were partially uncovered, charred corpses and a half to a one-metre-thick layer of ash were found at a depth of 3 metres. Next to the pits, the commission found many small human bones, hair

and dentures, as well as many small household items. The investigation established that the fascists had exterminated up to 150,000 people here.

At 450 metres from the former Petrashkevichi farmstead, 8 grave-pits were discovered, measuring 21 metres in length, 4 metres in width and 5 metres in depth. In front of each grave, there are huge deposits of ashes, as a result of the corpses' burning. Among the ashes, remains of burnt and charred bones, locks of hair, small metal objects, and burnt women's and children's shoes were found. The investigation established that the Germans had burnt up to 25,000 executed Minsk civilians at the former Petrashkevichi farmstead.

At the 9th kilometre on the Minsk–Moscow motorway, 10 grave-pits were found in the Uruch'e Tract: 8 graves measuring 21m x 5 m, 1 grave – 35 m x 6 x and 1 – 20 m x 6 m, all pits being 3 to 5 metres deep. The commission found 3 longitudinal rows of bodies in the graves, seven layers each. All the corpses were lying face down, and many of them were dressed in the Red Army tank troops' uniform. In the clothes' pockets of some corpses, there were documents, watches, Soviet money and various personal objects. The victims' age mainly ranged from 20 to 30 years old. Several bodies of women in civilian clothes were also found in the graves. A large number of empty German cartridges were found near and in the graves.

The forensic medical examination of 120 exhumed corpses found that the cause of death of Soviet citizens, in almost all cases, was penetrating gunshot wounds and bullet wounds to the head, accompanied by considerable destruction of the vault and skull base bones. All this shows that the POWs were shot with rifles or carbines at close or point-blank ranges. According to witness accounts and expert evidence, the total number of those shot and buried at the Uruchch'e Tract exceeds 30,000.

A trench 400 metres long, 2,5 metres wide and 2,5 metres deep was found north-east of the concentration camp situated in the village of Drozdy. Excavations at a depth of 0,5 metres revealed, in some parts of the trench, remains of corpses (skulls and bones) and decayed clothing. The Inquiry established that approximately 10,000 Soviet citizens shot by the Germans were buried in this trench.

Mass graves of Soviet people tortured to death by Germans were also found in the Minsk Jewish cemetery, Tuchinka, Kal'variiskoe cemetery, Park of Culture and Recreation, and other places.

The forensic medical commission (a member of the Extraordinary State Commission, Academician N. N. Burdenko, Doctor of Medicine, Professor V. M. Smolianinov, and Doctor of Medicine, Professor of Forensic Medicine V. F. Chervakov) has established that the German fascist scoundrels exterminated Soviet civilians and prisoners of war by:

hunger, hard labour, poison with carbon monoxide, shooting.

The Inquiry has established that the Hitlerites had exterminated nearly 300,000 Soviet citizens in Minsk and its environs, not counting those burned in crematoria.

## THE DESTRUCTION OF MINSK

For 3 years, the German-fascist invaders systematically destroyed research institutes, higher education institutions, libraries, museums, Academy of Sciences centres, theatres and clubs in Minsk.

It took over 20 years to construct the Lenin Library in Minsk. In 1932, a special building with a large, equipped book repository was completed. The Germans took 1,5 million valuable books on the history of Belorussia from the library to Berlin and Königsberg, including a collection of old printed books by Georgii Skorina, the first edition of the Lithuanian Statute, and collections of manuscripts by Ianka Kupala, Maxim Bogdanovich and Zmitrak Biadulia.

The German-fascist invaders, trying to eradicate the culture of the Belorussian people, destroyed all the cultural and educational institutions in Minsk. Representatives of the German General Commissariat – chief of the so-called cultural affairs Dr Sivica, Dr Rachel, Dr Mueller, Dr Koch and Dr Mach – took to Germany the libraries of the Academy of Sciences (with a fund of 300 thousand volumes), of the State University, of the Polytechnic Institute, of the Scientific medical library and the A. S. Pushkin City Public Library.

The Hitlerites destroyed the Belorussian State University together with the Zoology, Geology and Mineralogy and History and Archeology museums; the Medical school with all its clinics; the Academy of Sciences with its 9 institutes, the Zoology and Geology museums, and the botanical garden; the Minsk Polytechnic Institute (had 9,000 students) and the State Philharmonic and Conservatory.

They destroyed the National Art Gallery. The paintings and sculptures of the Russian and Belorussian masters – Repin, Aivazovskii, Perov, Bogoliubov, Kozlovskii, Brazer, Asgur and Kerzin – were taken to Germany. The State Belorussian Opera and Ballet Theatre, the 1st Belarusian Drama Theatre, the House of Folk Art, Houses of the Writers, Artists and Composers' Unions were plundered. From the Opera theatre, they took to Germany the theatrical scenery, furniture, chandeliers, mirrors, paintings, carpets, and fabrics.

The fascists have destroyed 47 schools, 24 kindergartens, the Palace of Pioneers, 2 maternity homes, 3 children's hospitals, 5 city out-patient clinics, 27 nurseries, 4 children's health centres, and the Institute for Mother and Child Protection.

The German-fascist have burnt and blew up 23 major enterprises in Minsk: a wagon repair plant, a machine-tool works, the Proletarian glass factory, 2 brickworks and the Udarnik weighing plant; they have destroyed 11 bakeries, a biscuit factory and a knitting factory, a meat-packing plant, the October and the Krupskaia garment factories. They have destroyed 4 hotels and have rendered useless the waterworks, sewers and telephone and telegraph networks.

The German general commissioners Kube and Becker have used the enterprises of Minsk to locate German firms: Bormann, Schorova-Werk, Trebetz, Schlachthof and Troll. They took to Germany the equipment of all the enterprises and the overhead contact network of the city tram. They made the Soviet citizens work for the German invaders, starved them, tortured them, and forced them to do gruelling physical work.

Felix Reitzuk, technical manager of the Trebetz wagon workshop, a native of Allenstein in East Prussia, questioned by the Commission of Inquiry, testified: "As a representative of the Trebetz firm in Minsk, I assert that Soviet citizens... were sent by the occupation authorities to work under compulsory conditions... Representatives of the firms brutally exploited Soviet citizens, forcing even the elderly to work 10 to 12 hours a day for little pay, beating and poorly feeding them. The company's owner, Bormann, personally beat up the Soviet people working for him. The workers were fed very poorly and only once a day. Lunch consisted of 80 grams of bread and liquid potato soup. There were no dinners or breakfasts. With the money they earned, the workers could buy nothing, so they lived like the workers of other firms – starving and ragged".

In view of the indisputable evidence, Reitzuk had no other choice but to plead guilty to the above-mentioned crimes before the Commission of Inquiry.

# THE FASCIST SCOUNDRELS MUST BE BROUGHT TO JUSTICE!

For all the atrocities committed by the German invaders in Minsk, for the destruction of cultural and material values, the torture and murder of civilians and prisoners of war the Hitler Government, the High Military Command and the following organisers and direct perpetrators of atrocities are declared responsible: Lieutenant General Sperling, commandant of the city of Minsk; Schlegel and Strauch, chiefs of the SD (secret field police); Kaiser, deputy chief of the SD; Gottberg, chief of the SS troops; Kube and Becker, general commissars of Belorussia; Lieutenant General Zutawern, commander of the 18th motorised division; Lieutenant General Shirman, commander of the 25th Motorized Division; Lieutenant General Ochsner, commander of the 31st Infantry Division; Lieutenant General Trout, commander of the 78th Infantry Division; Lieutenant General Wüstenhagen, commander of the 256th Infantry Division; Major General Klammt, Commander of the 260th Infantry Division; Major General Dekker and Major General Hausen, Commanders of the 5th Armoured Division; Major General Paul Kassel, Commander of the 20th Armoured Division; Lieutenant Colonel Schmal, Commander of the 2nd Bicycle Regiment; Captain Julius Reichoff, President of the court-martial of the 267th German Rifle Division; Captain Lipp, Commandant of the 'Stalag 352'; Ridder, the Ghetto-Camp Commandant; Richter, Benzke and Gottenbach, Deputy Commandants; Wachs, the Camp Commandant; representatives of the General Commissariat: Dr Sivica Chief of Cultural Affairs, Dr Rachel, Dr Koch, Dr Müller, Dr Mach; entrepreneurs of the companies 'Wormup', 'Trebetz', 'Schorowa-Werk', 'Schlachthof' and 'Troll', and the technical manager of 'Trebetz' in Minsk, Felix Reitzuk.

**ИЗВЕСТИЯ**

2 8 мая, 1945 г. № 106

# СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

## О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ

Еще до освобождения Красной Армией польской территории в Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Прокуратурой 1-го Украинского фронта, совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии товарищами Кудрявцевым Д.И. и Кузьминым С.Т., в течение февраля–марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно медицинская, в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Украинского фронта Брыжива Ф.Ф., судебно-медицинского эксперта армии Чурсанова М.Г., эксперта-терапевта Перцова И.И., начальника патолого-анатомическо лаборатории армии Лебедева Н.А., гинеколога армии Колегаева Г.А., эксперта-психиатра Ванновского Н.Р., эксперта-криминалиста Герасимова Н.П., бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейп Б.В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Ферран (Франция) Лимузен Г.Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М.Я., и техническая, в составе профессоров из Кракова – Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В.Ф. и инженера Шуера А.М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2 819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено.

**1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советсного Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.**

**2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми – мужчинами, женщинами и детьми.**

**3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагери смерти».**

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории – все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы назвали «банями особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения» – то-есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

# РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР – ОРГАНИЗАТОР ОСВЕНЦИМСКОГО ЛАГЕРЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхфюрера СС Гиммлера специально для уничтожения порабощенных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял из себя целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовиц, Нейдахс, Блехамер и другие.

Основные из них – Аушвиц и Биркенау – были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагери были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематории с 3-мя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то-есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I.

«И.А. Топф и сыновья. Эрфурт, 12 февраля 1943 г.

Центральному строительству СС и полиции

Аушвиц (Освенцим.)

Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: ‘Еще раз подтверждаем получение Вашего заказа на 5 штук тройных

муфельных печей, включая два электрических лифта, для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 года.'

И.А. Топф и сыновья».

II.

«№12115/42/Ep/Ha

**Пункт 2.**

В отношении установки 2-х трехмуфельных печей у каждой из «бань особого назначения» инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС-Хозяйственном Управлении Главного Отдела в Берлине, был немедленно об этом осведомлен и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС унтерштурмфюрер (С)

Освенцим, 21 августа 1942 года».

В четырех новых крематориях находилось 12 печей с 46-ю ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20–30 минут.

При крематориях были построены «бани особого назначения» – газовые камеры для умерщвления людей, помещавшиеся или в подвалах, или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись еще две отдельные «бани», трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей загоняли в «бани» ударами палок, ружейных прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись «циклоном». Смерть наступала через 3–5 минут; спустя 20–30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

«Производительность» «бань» – газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крематориев, и потому для сжигания трупов немцы применяли еще огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной в 2 метра. На дне рвов проходили особые канавы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла. С 1943 года немцы, с целью промышленного использования несгоревших костей, стали дробить кости и продавать фирме «Штрем» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрем» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей, из них 8–10 тысяч из прибывавших эшелонов и 2–3 тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев, бывшие заключенные Драгон Шлема, житель местечка Жировнин, Варшавского воеводства, и Таубер Генрих из города Кжанув (Польша), показали следующее: «...В начале работы лагеря немцы имели две газовых камеры, находившиеся друг от друга в трех километрах. При них имелось по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру... В газовые камеры загоняли по 1500–1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали «циклон». Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались... Позже на территории лагеря в Биркенау работали 4 крематория, при каждой из них имелась газовая камера. Крематории №№ 2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории №№ 4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усовершенствованию менее удобные, и имели по 8 печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10–12 тысяч трупов».

# НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ПРОФЕССОРА И ВРАЧИ – УБИЙЦЫ ПЛЕННИКОВ ОСВЕНЦИМА

В Освенцимском лагере немецко-фашистские профессора и врачи широко проводили «медицинские» опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

Бывшие заключенные, спасенные Красной Армией врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильнюса, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, Де-Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества «медицинских» экспериментов немецко-фашистских профессоров и врачей над заключенными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс [Энтресс] при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки. В блоке № 28 производились опыты над заключенными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Ко[**а**]шуб. В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в

том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гарбман Минной, Зондерс Нонной, Скурник Яковом, Сурес Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Эндерс [Энтресс], с 1941 по 1944 год в больницах лагеря производилось умерщвление заключенных путем вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарами. Особенно отличался в этом бывший сапожник немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Панщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

Факты нечеловеческих опытов над заключенными подтверждаются также рядом документов, найденных в канцеляриях лагеря. В отчете хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за 3 месяца – октябрь–декабрь 1943 года – хирургами отделения среди прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрация), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме № 2678 от 28.IV-1943 года оберштурмфюрер СС полковник Зоммер дает предписание комендатуре лагеря отнести по отчету 128 женщин в графу «Заключенных для опытов». В обнаруженном «Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключенных женщин по различным категориям», за подписью заместителя коменданта лагеря Селла, имеется постоянная графа: «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится «подопытных женщин»: за 15.V-1944 г. – 400 чел., за 5.VI-1944 г. – 413 чел., за 19. VI-1944 г. – 348 чел., за 30.VII-1944 г. – 349 чел. и т.д.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых «селекциях», то-есть в отборе заключенных на газирование и кремацию. «Селекцию» они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей истощенных, больных, непригодных для работы немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключенных для умерщвления занимались следующие

немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Родэ, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртс, при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путем отравления газами.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки, или даже полную ампутацию последней.

2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвин, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер [Клауберг] из Кёнигсхютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

7. Ряд других опытов – искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т.д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный Штерн Самуил Абрамович, житель гор. Бухареста, показал: «...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-фельдфебеля Кошуб я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень... 2-й метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80% раствор уксусно-кислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков».

Подвергавшийся экспериментам Валигура М. сообщил: «...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, т.е. 1 ноября 1943 года, я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...».

Свидетель Сурес Давид из гор. Салоники (Греция) дал следующее показание: «...Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция – кастрация...».

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила: «...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок – мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины... В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь – мне неизвестно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руководством и по указаниям немецкого врача Вирц. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из

Греции по имени Бела, фамилии ее не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной «операции» Бела умерла».

## Немецкие палачи убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500–3000 чел. в каждом эшелоне. Обреченные привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2 819 освобожденных узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши –745 чел., Венгрии – 542 чел., Франции – 346 чел., Чехословакии – 315 чел., СССР – 180 чел., Голландии – 159 чел., Югославии –143 чел., Италии – 91 чел., Греции – 76 чел., Румынии – 52 чел., Бельгии – 41 чел. и др. стран.

Из каждого прибывавшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 чел. наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагери Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим, Станек Францишек, показал: «...Эшелоны прибывали с заключенными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран».

Свидетель Де-Винд Эдуард показал: «...После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я переехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400 заложников, в числе которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь».

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюс, показал: «...В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 года. Всего в нашем эшелоне было 3 650

чел., из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематорий – газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырех с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет».

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала: «...12 сентября 1944 года гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 чел., из них осталось в живых только 30 чел., остальные зверски замучены и уничтожены в лагере».

Свидетель Сурес Давид показал: «...В лагерь Освенцим я прибыл с эшелоном из Греции 3 апреля 1943 года. В эшелоне было больше 2.500 чел., в числе которых была моя мать 53 лет, сестра с ребенком и я. Из 2.500 чел. приблизительно 300 чел. отправили в лагерь, остальных, в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребенком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение».

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал: «...В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3 000 чел. мужчин, стариков, женщин и детей, эшелоном были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожженных был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3 000 чел. в лагерь направили не больше 350 чел.».

Свидетельница Шпетер Зиска показала: «...В феврале месяце 1943 года я прибыла из Франции в числе 1.100 чел. Из них в этот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 чел. – стариков, женщин и детей – отвели в газовую камеру, где они были удушены газами».

Бывшая заключенная Кеппих Анна, венгерка из города Клуж, показала: «...Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне месяце 1944 года в числе 3.000 венгерских заключенных, из них, по прибытии в лагерь, 500 чел. трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2.500 чел. направлены в газовую камеру для уничтожения».

Доктор медицины Пражского университета, профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии: «...Отобранных заключенных направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы идущих

на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае–июне–июле 1944 года. В это время в крематориях сжигали днем и ночью, что было видно по выступавшему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых, вследствие переполнения крематориев, по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала... Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне ее также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематории на уничтожение. Так в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались осо-

---

(Окончание на 3-й стр.).

# IZVESTIA

2 8 May 1945, No 106

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German-fascist invaders and their accomplices

## ON THE GERMAN GOVERNMENT'S HEINOUS CRIMES AT AUSCHWITZ

Even before the Red Army liberation of Polish territory in Upper Silesia, the State Extraordinary Commission had received numerous reports of a huge camp set up by the German government to exterminate Soviet prisoners around the town of Auschwitz. After liberating Polish Silesia, Red Army units discovered this camp.

On instructions from the Extraordinary State Commission, the Prosecutor's Office of the 1st Ukrainian Front, together with representatives of the Extraordinary State Commission, Comrades D. I. Kudryavtsev and S. T. Kuzmin, carried out a thorough investigation of the German atrocities at Auschwitz camp during February and March 1945.

Special expert commissions took part in the investigation:

- A forensic medical commission comprising the chief forensic medical expert of the 1st Ukrainian Front, F. F. Bryzhiv, army forensic medical expert M. G. Chursanov, medical expert I. I. Pertsov, head of the army pathological-anatomical laboratory, N. A. Lebedev, army gynaecologist G. A. Kolegaev, expert psychiatrist N. R. Vannovskii, forensic expert, N. P. Gerasimov; as well as former camp inmates: B. V. Epstein (Professor of Pediatrics and Director of the University of Prague Clinic), G. G. Limousin (Professor of Pathological Anatomy and Experimental Medicine, Clermont-Ferrand, France), M. J. Grossman (Ass. Professor, Faculty of Medicine, Zagreb, Yugoslavia).

- A technical commission, comprising Professors Roman Dawidowski and Jarosław Dolinski from Krakow, Engineers V. F. Lavrushin (Master of Chemistry) and A. M. Shuer.

On the basis of:

- interviews and medical examinations of 2,819 Auschwitz prisoners rescued by the Red Army,
- German documents found at the camp,
- remains of crematoria and gas chambers blown up by the Germans at the time of the retreat,

- corpses, personal possessions and documents of people exterminated by the Germans from various European countries, which had survived in the warehouses and barracks of the camp, it has been established:

**1. Through shootings, starvation, poisoning and horrific torture, the Germans exterminated at Auschwitz over 4 million citizens (the Soviet Union, Poland, France, Belgium, Holland, Czechoslovakia, Yugoslavia, Romania, Hungary and other countries).**

**2. German professors and physicians carried out so-called 'medical' experiments on living men, women and children at the camp.**

**3. The Auschwitz camp is well ahead of all known German 'death camps' in terms of its elaboration, technical organisation, quantity and cruelty of extermination.**

At Auschwitz, gas chambers, crematoria, surgical wards and laboratories – all were designed for the heinous human extermination. The Germans called the gas chambers 'special baths'. On the entrance door of such 'bathhouse', it was written 'for disinfection' and on the exit door – 'entrance to the bathhouse'. Thus, unsuspecting people destined for extermination entered the 'for disinfection' room, undressed, and from there were forced into the 'special baths', that is, into the gas chamber, to be exterminated with the poisonous substance 'Zyklon'.

Special hospitals, surgical units, histological laboratories and other facilities were set up at the camp, not for treatment but for the extermination of people. German professors and physicians carried out mass experiments on perfectly healthy men, women and children. They carried out experiments on sterilisation of women, castration of men, on children, artificial mass infection with cancer, typhus, and malaria, and then kept these people for observation; they carried out tests of poisonous substances on living people.

## REICHSFÜHRER-SS HIMMLER – THE AUSCHWITZ EXTERMINATION CAMP ORGANISER

The Auschwitz camp was built in 1939 on the orders of Reichführer-SS Himmler specifically to exterminate enslaved citizens of occupied Europe. The camp was set up in a vast area around the town of Auschwitz and comprised an entire system of camps: Auschwitz, Birkenau, Monowitz [Monowice], Golleschau [Goleszów], Jawischowitz [Jawiszowice], Neu Dachs [Jaworzno], Blechhammer [Blachownia] and others.

The main ones, Auschwitz and Birkenau, occupied an area of 467,5 hectares, with over 620 barracks and offices. There were between 180,000 and 250,000 prisoners at any one time at the Auschwitz camps. All the camps were surrounded by deep moats and a dense network of barbed wire, with high-voltage current passing through.

In 1941, the first Auschwitz crematorium with 3 furnaces was built for incineration of the bodies of the murdered. At the crematorium, there was a so-called 'special bath', i.e. a gas chamber for asphyxiation. This first crematorium existed until mid-1943. In the summer of 1942, Reichsführer-SS Himmler inspected the camp and ordered its expansion and technical evolution. The construction of powerful new crematoria was entrusted to the German firm 'Topf and Sons' in Erfurt. It immediately began building 4 powerful crematoria and gas chambers at Birkenau. There was an impatient demand from Berlin to speed up construction and have all the work completed by the beginning of 1943. Extensive correspondence between the camp administration and 'Topf and Sons' was found among the Auschwitz camp office files, including the following letters:

I

"I. A. Topf and Sons. Erfurt, 12 February 1943.

To the SS Central Construction and the Police

Auschwitz (Oświęcim)

Subject: Crematoria 2 and 3 for the POWs camps.

We confirm receipt of your telegram dated 10 February, which reads: 'We confirm once more receipt of your order for 5 triple muffle furnaces, including 2 electric lifts, for lifting corpses and 1 temporary lift for corpses. A practical coal feeder and an ash transport device are also included in the order. You are to deliver the complete installation for crematorium No. 3. We expect you to make all arrangements for the immediate despatch of the entire machinery and its parts. The installation must become operational on 10 April 10 1943.'

I. A. Topf and Sons".

II

"No. 12115/42/Er/Na.

Point 2.

Concerning the installation of 2 three-muffle furnaces at each of the ‘special baths’, Engineer Prüfer has suggested removing them from the furnaces prepared for shipment to Mogilev. The head of the service unit based at the SS Main Division’s Economic and Administrative Department, Berlin [SS-Wirtschafts Verwaltungshauptamt ?] was immediately informed of this and asked to give further instructions.

SS-Untersturmführer (S)
Auschwitz, 21 August 1942”.

There were 12 furnaces with 46 retorts in 4 new crematoria, and each retort could hold 3 to 5 bodies; the incineration process lasted for 20 to 30 minutes.

‘Special baths’ – the gas chambers for killing people – were constructed either in the basements of or as annexes to the crematoria. In addition, there were 2 separate ‘bathhouses’ at the camp. The corpses taken from there were incinerated on special (cremation) pyres. The people to be killed were forced into the ‘baths’ with sticks, rifle butts or dogs. The doors of the cells would close hermetically, and those inside would be poisoned with ‘Zyklon’. The death occurred in 3 to 5 minutes; after 20 to 30 minutes, the corpses would be unloaded and dispatched to the crematoria furnaces. Before being incinerated, dentists removed gold teeth and crowns from the bodies.

The ‘the baths’ capacity’ (the gas chambers) exceeded by far the capacity of the furnaces, and therefore the Germans used even larger pyres to burn corpses. Special ditches of 25 to 30 metres long, 4 to 6 metres wide, and 2 metres deep were dug for these pyres. There were special trenches at the bottom of the ditches as air vents. Corpses were brought to the pyres by narrow gauge railways, placed in the ditches in layers, with firewood, doused with oil and thereby burnt.

The ashes were buried in large pits or dumped into the rivers of Sola and Vistula [Soła, Wisła]. From 1943, to make industrial use of the unburned bones, the Germans began crushing them and selling them to the company named ‘Strem’ for processing into superphosphate. Documents for the shipment of 112 tonnes and 600 kilogrammes of bone dust from human corpses to ‘Strem’ were found in the camp. Also, for industrial purposes, the Germans used the hair cut from women prior to their extermination.

At Auschwitz, the Germans murdered and burned 10 to 12 thousand people daily: 8 to 10 thousand were from the arriving trainloads and 2 to 3 thousand from among the camp inmates.

Former prisoners Szlama Dragon, a resident of Żyrovnin village (Warsaw province), and Henryk Tauber from the town of Krzanów (Poland), who had previously worked in the special gas chamber and crematorium maintenance team, were questioned as witnesses and testified as follows: "… In the beginning, the Germans had 2 gas chambers, 3 kilometres apart, each had 2 wooden barracks. People arriving from the trains were brought to the barracks, undressed and then taken to the gas chamber... 1,500 to 1,700 people would be driven into gas chambers, and then the SS officers, in gas masks, would throw 'Zyklon' through hatches. The gassing would last 15 to 20 minutes, and then the corpses would be unloaded and transported on trolleys to the ditches where they were burned... Later on, there were 4 crematoria functioning at the Birkenau camp, each with a gas chamber. Crematoria Nos. 2 and 3 were of identical design and had 15 furnaces each. Crematoria Nos. 4 and 5 were of a different design, less convenient in size and technical perfection, and had 8 furnaces each. All these crematoria incinerated 10 to12 thousand corpses per day".

## GERMAN-FASCIST PROFESSORS AND PHYSICIANS: AUSCHWITZ'S PRISONER KILLERS

At Auschwitz, German-fascist professors and physicians conducted widespread 'medical' experiments on living human beings with monstrous ingenuity.

Former inmate doctors rescued by the Red Army – Steinberg from Paris, Gordon from Vilnius, Professor Grossman from Yugoslavia, Erwin Walentin (MD) from Berlin, Anna Keppich from Hungary, Eduard de Wind from Holland, Albert Flechner from Paris – reported that they had witnessed a huge number of 'medical' experiments on camp inmates by German-fascist professors and physicians.

Surgical operations were performed at the discretion of German physicians, exercising in mastering surgical techniques. A young German doctor, König, selected prisoners with inflammatory limb conditions and practised amputation of the latter. German physicians Thilo and Fischer gathered large masses of prisoners and performed unnecessary herniotomies. Entress, the chief physician of the hospital, performed abdominal resections on the slightest complaint of abdominal pain, practising on peptic ulcer operations.

At Auschwitz, women were experimented on in hospital blocks. In block No.10, up to 400 female prisoners were held simultaneously. The following experiments were performed: sterilisation by x-rays and subsequent removal of ovaries, inoculation of cervical cancer, forced childbirth, and testing of contrast agents for uterine radiography. In block No. 28, inflicting artificial skin lesions using paraffin, various salts, pastes and powders experiments were carried out. Acrichine was also used here to study artificially induced jaundice. These experiments were carried out by the German physician Emil Kaschub. In block No. 21, mass castration experiments on males were done to study the possibility of sterilisation by x-rays. The castration was performed at a certain time after the irradiation. These irradiation and castration experiments were carried out by Professor Schumann and Dr Dering. Often, the operations consisted of removing one or both testicles for examination after the test subjects had been x-rayed.

All these facts are also confirmed by the testimonies of former camp inmates: Judita Klein, Klara Ausen, Minna Garbman, Nonna Sonders, Jacob Skurnik, David Sures and many others on whom the German physicians had experimented in some form or other.

On Entress's order (the German chief physician), from 1941 to 1944, prisoners were killed at the camp's hospitals by phenol injection into the heart. Dr Dering administered the first injections, and then the orderlies took over. A German shoemaker, Klehr, has particularly excelled in this; he had killed thousands of victims this way. A certain Polish prisoner, Panszczyk, killed 12,000 people with phenol injections (he was later killed by the Polish inmates themselves). The German Staess killed 10,000 people with such injections.

The facts of inhuman experiments on prisoners are also confirmed by a number of documents found in the camp offices. According to the camp hospital's surgical department report, its surgeons had performed 89 testicle amputations (castrations), 5 sterilisations, and 5 ovarian operations in 3 months (October–December 1943). In telegram No. 2678 of 28.4.1943, SS Colonel Sommer, Obersturmführer, requires the camp commandant's offices to classify 128 women as 'prisoners for experiments'. In the discovered 'Camp Commandant's Statistical Review of the female prisoners' number and classification in various categories', signed by Deputy Camp Commandant Sell [?], there is a permanent column: 'Prisoners destined for various experiments'. In this column, 'women for experiments' are listed as: 15.5.1944 – 400 persons, 5.6.1944 – 413 persons, 19.6.1944 – 348 persons, 30.71944 – 349 persons, etc.

German physicians also played a leading role in the so-called ‘selections’, i.e. the selection of prisoners for gassing and cremation. They [the Germans] carried out ‘selections’ everywhere: near the crematoriums, hospitals, and barracks. They sent the emaciated, sick and unfit for work to the gas chambers. The following German physicians were involved in selecting prisoners to be put to death: Wirths, Mengele, Rhode, Fischer, Thilo, Kitt, König, Klein and many others.

Upon typhus epidemics, on the orders of the German chief physician of the Auschwitz camps, Dr Wirths, entire barracks were exterminated by gas.

The forensic medical commission found that German doctors at the camp had carried out the following experiments on living human beings:

1. Mass excision of cervical tissue or even complete amputation of the uterus cervix.

2. Testing of several unknown substances to x-ray the uterus and tubes. These substances were injected under pressure into the uterine cavity using special devices, often involving excruciating pain for the experimented victims.

3. Sterilisation of women by pelvic exposure to x-rays, followed by perineal dissection and ovaries removal. These experiments were predominantly performed on young women.

4. Testing the effects of various chemical preparations on the orders of German companies. According to the testimony of the German physician Dr Erwin Valentin, there was a case where the representatives of the German chemical industry, the gynaecologist Clauberg from Königshütte, and the chemist Göbel specifically bought 150 women from the camp administration for similar experiments.

5. Sterilisation of men by x-ray irradiation.

6. Experiments on men using irritating chemicals on the skin of the shins to artificially induce ulcers and phlegmon.

7. Several other experiments: artificial infection with malaria, artificial insemination, etc.

A great many experiments ended with the rapid and painful death of the test prisoners. After the final use of the prisoners for experiments, they were killed and incinerated. In this way, the Germans sought to eliminate witnesses to their inhumane experiments.

A former prisoner, Samuel Abramovich Stern, from Bucharest, was questioned as a witness. He testified:

"... At Auschwitz, I worked as a medical assistant. On Oberfeldwebel Kaschub's orders, I gave injections and did other manipulations with prisoners. I know well that many prisoners were injected with paraffin under their shins... The 2nd method of experimentation was skin chemical irritation. An 80% solution of acetic acid aluminium (aluminium aceticum) was used for this purpose. After that, the entire layer of skin would be removed and sent for examination. Those who had deep skin irritation had a piece of flesh with the skin cut out and also sent for examination... Kaschub also inoculated with artificial jaundice and infused blood from malaria patients".

M. Valigura, who was subjected to the experiments, reported: "... A few days after I was brought to Birkenau, I think in early December 1942, all young men between the ages of 18 and 30 were sterilised by x-raying their scrotums. I was also among those sterilised. Eleven months after my sterilisation, i. e. on 1 November 1943, I was castrated. 200 people were sterilised on the same day...".

The witness David Sures from Salonika (Greece) testified as follows: "... Around July 1943, 10 Greeks and I were put on a list and sent to Birkenau. There we were all stripped and sterilised with x-rays. One month after the sterilisation, we were summoned to the central section of the camp, where all the sterilised underwent an operation – the castration...".

Former prisoner M. Hauser (Paris, 9 Cité Milton) reported: "... At Auschwitz, we were put in block No.10. We did not know why we were taken to the block. This block was a hospital ward, although we were all perfectly healthy women... In block No. 10 they first took a syringe of blood; I do not know what for. At the end of August 1943, they took me to an operating room, gave me an anaesthetic and performed a genital operation. The operation was performed by an inmate doctor, Samuel, under the supervision and instructions of the German doctor Wirths. After this operation, I was in block No. 10 for 11 months. Among those who underwent sterilisation, there was a Jewish woman from Greece named Bela; I do not know her surname. After x-rays, she underwent surgery: an incision along her abdomen. After the surgery, she recovered, and the wound on her stomach healed. A German doctor, Schumann, came to block No. 10 and took Bela to block No. 28 for a check-up. There he made a secondary transverse abdominal incision. I saw the transverse incision on her abdomen myself. A few days after the secondary 'operation' Bela died".

# GERMAN EXECUTIONERS MURDERED CITIZENS OF ALL EUROPEAN COUNTRIES AT AUSCHWITZ

The investigation revealed that 3 to 5 trains arrived in Auschwitz daily for the purpose of killing people; 1,500 to 3,000 people were on each train. The doomed were brought in from all over Europe. The forensic medical commission examined 2,819 freed Auschwitz inmates: Poland – 745 persons, Hungary – 542 persons, France – 346 persons, Czechoslovakia – 315 persons, USSR – 180 persons, Holland –159 persons, Yugoslavia –143 persons, Italy – 91 persons, Greece – 76 persons, Romania – 52 persons, Belgium – 41 persons and from other countries.

The Germans selected between 200 and 500 of the most able-bodied for work in the camps from each train arriving, while the rest were directly dispatched to the gas chambers and crematoria at Auschwitz and Birkenau.

An Auschwitz station traffic controller Stanek Franciszek testified: "... Trainloads with prisoners arrived in 1942, 1943, 1944 from Czechoslovakia, Belgium, France, Holland, Norway, Greece, Poland and other countries".

Witness Eduard de Wind testified: "... After the German occupation of Holland in November 1940, there was a purge of the state apparatus, institutions and educational bodies. We, 3 university assistants, were kicked out. I moved to Amsterdam. A fascist Dutchman was found murdered in an Amsterdam neighbourhood. The Germans reacted by arresting 400 hostages, and I happened to be among them. They grabbed me in the street and took me to this camp".

The witness Jakov Gordon, a native of Vilnius, testified: "... I was brought to Auschwitz on 22 January 1943. There were 3,650 people on our train; among them, 265 men and about 80 women entered the camp, and the rest was sent at once to the crematorium. They were gassed and incinerated, including my wife Matilda, who was a doctor, my son aged four and a half years, my father aged 73, and my mother aged 64".

Witness Emily Dessanti, an Italian, testified: "... On 12 September 1944, the Hitlerites took us from Italy and brought us to Auschwitz. A total of 500 of us, Italians, were brought to the camp. Only 30 had survived, the rest were brutally tortured to death and murdered at the camp".

Witness David Sures testified: "... I arrived at Auschwitz with a trainload from Greece on 3 April 1943. There were more than 2,500 people on the train, including my mother, 53 years old, my sister with her child, and myself. Of the 2,500 people, about 300 were sent to the camp, while the others, including my mother and sister with her 5-year-old child, were taken directly from the train to the crematorium to be incinerated".

Witness Gheorghe Kitman, from Romania, testified: "... In June 1944 my parents and I, together with 3,000 other men, the elderly, women and children, were taken by train to Auschwitz. During the unloading, all the elderly and mothers with small children were separated from the healthy ones, sent to the crematorium and incinerated. My father, aged 52, and my mother, aged 48, were among them. Out of 3,000 people, no more than 350 were sent to the camp".

Witness Ziska Speter testified: "... In February 1943 I arrived from France with a group of 1,100 people. On the same day, 205 able-bodied people were selected and sent to the barracks, while the remaining 895 – the elderly, women and children – were taken to the gas chamber and asphyxiated".

Former prisoner Anna Keppich, a Hungarian from Cluj, testified: "... I arrived at Auschwitz in June 1944 among 3,000 Hungarian prisoners. On arrival at the camp, 500 able-bodied were left to work, while the remaining 2,500 were sent to the gas chamber for extermination".

Professor Berthold Epstein, MD of the University of Prague, told the commission: "... Selected prisoners were sent to the gas chambers for extermination. For several months we saw long lines of people going to the crematorium to die, especially large groups in May–July 1944. At that time, the crematoria functioned day and night, as could be seen by the flames protruding from its chimneys. Often, we could smell burning flesh, hair or nails. At that time, apart from the fire from the chimneys of the crematoria, we could see 2 large pyres that burned with huge flames at night. All night long, shrieks and screams could be heard at the camp, as well as the barking of the SS guard dogs. The miserable victims, who were being led one by one to their deaths on pyres (because of the overflowing crematoria), at the sight of the pyres, could guess what fate awaited them... I knew the same had happened to my close relatives and that I could not escape it either. Approximately every fortnight, Dr Mengele, a camp physician, made a selection, and the selected victims were sent to crematoria for extermination. Thus, one day, 500 children were exterminated. When these children were sent

off, some shattering scenes took place, as everyone already knew where they were being taken. Moreover, the SS men and their assistants showed

(The end on p. 3)

**ИЗВЕСТИЯ**

8 мая, 1945 г. № 106 3

# СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

## О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

---

бенной жестокостью... Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я ее уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что ее в лагерь не приняли. Нет сомнения, что мою жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла так же моя сестра».

### ЛАГЕРИ ОСВЕНЦИМА – КОНВЕЙЕРЫ СМЕРТИ

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тыс. узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключенных отбор («селекцию»), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключенных постоянно пополнялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система **страшного конвейера смерти**: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и в свою очередь направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода **И. Г. Фарбениндустри**, а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы

Крупп, затем Унион и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей – русские, украинцы, белоруссы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От бараков концлагерей к местам работы было 7–8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооруженной охраной, окруженных надсмотрщиками с палками и собаками, гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого побоями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: «Фирма платит за тебя четыре марки, ты должен работать, как лошадь».

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключенных. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ о выплате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключенного «при покушении последнего на побег». В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключенных на строительных участках Освенцима рассказал бывший заключенный бельгиец Штазмаи Морис: «...В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода **И. Г. Фарбениндустри**. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключенных, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: «Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же». Спустя две недели нас перебросили подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из нас 30 чел., завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек».

Огромная площадь Освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд – от 50 до 1.200 чел. в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах во все времена года, избиения,

убийства и насилия приводили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2–3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах или после потери трудоспособности их убивали вливаниями фенола в сердце, либо в газовых камерах.

60-летний инженер-мелиоратор из Венгрии Кениг Яков, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал: «...Я был в команде по осушке болот, в которой насчитывалось 400 чел... Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда – врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров».

Бывший заключенный, бельгиец Майзелье Симон, сообщил: «Из нашей команды в 1.200 чел. в течение 3 месяцев 1944 года ежедневно приносили по 100 и 200 трупов замученных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами».

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах: «Ораниенбург, 15 ноября 1941 года.

**Секретно**.

Рейхсфюрер СС

Инспектор концлагерей

Полиция (Освенцим: 14 ф 14 Л) ОТ

Касается: казни русских военнопленных.

Лагерным комендантам концентрационных лагерей. Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных,

**направленных для казни в концлагери** (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагери, физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД, пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

Подпись ГЛЮКС

фюрер бригады СС и генерал-майор».

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжелых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцим Гандзлик Мариан показал: «...Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетьми и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полные трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два–три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные».

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчиненных новых и новых убийств. 14 февраля 1944 года начальник гарнизона Освенцим оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорится следующее:

«...Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком много заключенных, рабочая сила которых не использована. Они лентяйничают... Мы знаем, что для

повышения производительности труда заключенных необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого состава добавочного в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несет службу на других важных участках. **Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо**...».

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей – с заводов, из болот, из шахт – тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окруженные эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы своих товарищей. Во время вечернего смотра заключенные становились в строй, перед ними в ряды складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключенных.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400–500 чел., немцы помещали по 1000–1500 заключенных. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия – всё создавалось с определенной, продуманной целью быстрейшего истребления заключенных.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2.819 спасенных Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2.189 человек, или 91%, больны от крайнего истощения и 223 человека больны туберкулезом легких. Экспертизой так же установлено, что немцы подвергали заключенных истязаниям, в результате которых у обследованных Комиссией людей обнаружены переломы ребер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп. Очень многие из освобожденных страдают тяжелыми нервно-психическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 536 трупов заключенных, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3%) смерть последовала от истощения.

# УБИЙЦЫ ДЕТЕЙ

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюс, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорф (Германия), показала: «В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 года рождения, житель города Род (Италия): «...Нас, детей, заставляли работать по 15–20 человек – на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с 4 часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам «кару» за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 чел. построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

9-летний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клез (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей

переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...».

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности, их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру. Бывшая заключенная Фляке Софья Исааковна, из города Краков, показала: «...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они, по прибытии в лагерь, вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких же женщин. Через 3 дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребенка которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них: в возрасте до 8 лет – 52 чел., от 8 до 15 – 128 чел. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, т.е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей – алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т.д.

## Уничтожение интеллигенции

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных ученых и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Самот Дипуен, рассказал комиссии следующее: «...Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибло. Среди них: экономист Бюро Эмиль, профессор лицея гор. Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр гор. Вильвифе Лебигу, педагоги – Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и др.».

Профессор Клермон-Ферранского университета Лимузен Анри сообщил: «...В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим, как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключенным, которые находились в тюрьме».

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист – Фрейда, доктор Лавослав, инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян – из Югославии, польский инженер Висневский, магистр фармации гор. Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал – врач французской армии, доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную Государственную Комиссию поступило «Обращение к международной общественности» на трех языках – немецком, венгерском и французском, – за подписями 27 бывших заключенных Освенцимского лагеря – профессоров, докторов, инженеров, адвокатов, студентов и других представителей интеллигенции разных стран. Обращение начинается следующими словами: «Мы, нижеподписавшиеся, освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство...».

Кончается это Обращение следующими словами: «Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших людей всех национальностей и принять все меры для спасения миллионов заключенных всех народов, еще томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключенных из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощенные от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могло пройти больше, чем несколько километров... Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта в глубь Германии та же судьба ожидает всех людей, еще находящихся во власти

кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать всё возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим, и вместе с нами просят около 10 тысяч спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными. Спасенные бывшие заключенные обязаны своей жизнью доблестной Красной Армии, и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени...».

## ГИТЛЕРОВЦЫ – ГРАБИТЕЛИ

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды — 348.820 комплектов

2. Женской -"- — 836.255 -"-

3. Женской обуви – 5.525 пар

4. Мужской обуви – 38.000 -"-

5. Ковров – 13.964 шт.

В складах также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Кровавые руки гитлеровских детоубийц тщательно пересчитывали эти вещи убитых ими детей и отправляли в Германию.

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленных немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1.XII-1944 года по 15.I-1945 года, в лагере было обработано для посылки в Германию:

1) Детского платья и белья – 99.922 комплекта

2) Женского-"- — 192.652 -"-

3) Мужского-"- — 222.269 -"-

Всего: 514.843 комплекта.

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 года комиссией были обнаружены 293 тюка запакованных женских волос, общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

## ГИТЛЕРОВСКИЕ БАНДИТЫ УБИЛИ В ОСВЕНЦИМЕ БОЛЕЕ 4 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК

Тщательно заметая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника

человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 реторты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Крематорий № 1:

продолжительность существования – 24 месяца;

пропускная способность по сожжению трупов/месяц – 9.000;

пропускная способность за весь период существования – 216.000.

Крематорий № 2:

продолжительность существования – 19 месяцев;

пропускная способность по сожжению трупов/месяц – 90.000;

пропускная способность за весь период существования –1.710.000.

Крематорий № 3:

продолжительность существования – 18 месяцев;

пропускная способность по сожжению трупов/месяц – 90.000;

пропускная способность за весь период существования – 1.620.000.

Крематорий № 4:

продолжительность существования – 17 месяцев;

пропускная способность по сожжению трупов/месяц – 45.000;

пропускная способность за весь период существования – 765.000.

Крематорий № 5:

продолжительность существования – 18 месяцев;

пропускная способность по сожжению трупов/месяц – 45.000;

пропускная способность за весь период существования – 810.000;

---

ВСЕГО:

общая пропускная способность по сожжению трупов/месяц – 279.000;

пропускная способность за весь период существования – 5.121.000.

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем **не менее 4 миллионов** граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

## К СУРОВОМУ ОТВЕТУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ МЕРЗАВЦЕВ

Чудовищные преступления, совершенные немцами в концлагерях Освенцима, проводились по директивам гитлеровской правительства и под руководством палача-рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера. Непосредственными исполнителями злодеяний являлись: начальник лагерей Германии генерал-лейтенант СС и полиции Глюкс, начальник Главного Санитарного Управления концлагерей генерал СС и полиции Поль, начальник строительства концлагерей генерал-майор СС Каммлер, представитель фирмы «Топф и сыновья» старший инженер Прюфер, начальники лагерей: оберштурмфюрер Поллячек, штурмбанфюреры Гесс, Вер и Шварц; комендант лагерей: оберштурмбанфюрер Либегеншель (он же начальник гарнизона), штурмбанфюрер Краус, гауптштурмфюрер Аумеер, оберштурмфюрер Гофман, оберштурмфюрер Гесслер, оберштурмфюрер Иостен, оберштурмфюрер Щварцубер, начальники крематориев Освенцима: обершарфюрер Молль, обершарфюрер Богер, унтершарфюрер Шетер, ротенфюрер Шульц; начальник рабочих команд оберштурмфюрер Селл; начальник строительного бюро штурмбанфюрер Бишоф; унтершарфюрер Шумахер, обершарфюрер Клерман, унтершарфюрер Лахман, обершарфюрер Эмерих; унтершарфюрер Штибиц, обершарфюрер Клаузен, обершарфюрер Хартвик, унтершарфюрер Кадук, обершарфюрер Палич, оберштурмфюрер СС Зоммер; врачи лагеря: руководитель

отдела испытаний, майор – доктор Шмит, оберштурмфюрер – доктор Менгеле, унтерштурмфюрер Кениг, ротенфюрер Роде, оберштурмфюрер – доктор Фишер, оберштурмфюрер – доктор Клейн, доктор Деринг, гауптштурмфюрер – доктор Вирц, оберштурмфюрер – доктор Тилло, штурмбанфюрер – доктор Клауберг, профессор Шуман, доктор Ва[**е**]бер, обер-фельдфебель Эмиль Ко[**а**]шуб, оберштурмфюрер Эндрес, гауптштурмфюрер – доктор Геотмерман, гауптштурмфюрер – доктор Китт, гауптштурмфюрер – доктор Горстман, гауптштурмфюрер – доктор Краус.

Все они так же, как и все те немцы, которые принимали личное участие в убийстве и истязаниях узников Освенцима, должны предстать перед судом народов и понести заслуженную суровую кару.

# IZVESTIA

8 May 1945, No 106 3

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German-fascist invaders and their accomplices

## ON THE GERMAN GOVERNMENT'S HEINOUS CRIMES AT AUSCHWITZ

(The end. See the beginning on p. 2)

---

a particular cruelty… When we arrived at Auschwitz, my wife and I were separated, and I never saw her again. I subsequently learned that she was not admitted to the camp. There is no doubt that my wife was killed in the usual way. In March 1944, the SS also murdered my sister-in-law with 2 children and my niece, aged 38. In July 1944, my sister died in the same way".

### AUSCHWITZ CAMPS, THE DEATH CONVEYOR

As established by the inquiry, in addition to those destined for experiments, the Auschwitz camps held about 200,000 prisoners on a permanent basis for most gruelling hard labour. This labour drove people to extreme exhaustion, after which, as unfit, they were exterminated. Every week, German physicians would make a selection ('Selektion'), and as a result, any sick inmates or those who became unfit for work would be put to death in the gas chambers. To replace them, the global prisoner population was constantly replenished with the selected from the incoming trains. It was an organised system of a **terrifying death conveyor**: some were put to death, others were put in their place, ruthlessly exploited to the point of exhaustion and disease, and, in turn, sent to the gas chambers.

Near Auschwitz, in 1941, the Germans began the construction of a large military chemical plant, **IG Farbenindustrie** [Interessengemeinschaft Farbenindustrie AG], as well as a military fuse and igniter plant for bombs and shells. The construction was carried out by the firm Krupp, and later on, by Union and others. Tens of thousands of Auschwitz prisoners of various nationalities (Russians, Ukrainians, Belarusians, Poles, French, Czechs, Yugoslavs, Greeks, Belgians, Dutch, Italians), exhausted by the extreme exploitation, also worked on these construction sites, as well as draining swamps, building roads, and coal mining.

The worksites were 7 or 8 kilometres from the concentration camp barracks. The SS men lined up people in columns of thousands and sent them off to work under armed guards,

surrounded by overseers with sticks and dogs. While they were working, the SS guards and overseers would beat each of them savagely: some for stretching their back, some for not picking up enough earth with the shovel, some for slow work, and yet others would be hit so that they ran with the wheelbarrow full of rock. The overseers used to say: “The firm pays 4 marks for you, so you must work like a horse”.

Those who fell from exhaustion were shot on the spot. At the same time, the worksites were places of mass murder of prisoners. The murders were encouraged in every way by the authorities. Obersturmbannführer Liebehenschel had issued an order to pay the SS men 60 marks for every inmate killed ‘if the latter attempted to escape’. In pursuit of this bonus, the guards killed people with impunity.

An ex-inmate, Maurice Shtazmai (Belgium) told of the extermination of inmates at the Auschwitz construction sites: “... In August 1943, I was working at the construction site of the **IG Farbenindustrie** factory. One day, the SS brought in 400 inmates, including Yugoslavs, Greeks, French and Belgians, into the ditch they had dug, and began to bury them alive. The victims were begging for help in different languages, while the SS men, standing beside them, were saying to us: ‘Watch and work harder, or else the same thing will happen to you’. Two weeks later, we moved to prepare the site for one of the buildings at Auschwitz. SS man Losman with a group of other SS men, selected 30 among us, took them into the pit they had dug and buried them up to the shoulders. Then they got on their horses and started galloping across the site, trampling all 30 men”.

The vast area of the Auschwitz marshes became the grave of many thousands of people of different nationalities. More than 300 teams worked there, from 50 to 1,200 people each. The inhuman working conditions in the marshes at all times of the year, the beatings, killings and violence meant that none of the workers survived for longer than 2 to 3 months. People were put to death either on the marshes themselves or when they became incapacitated – by phenol injections into the heart or in gas chambers.

A 60-year-old land-reclamation engineer from Hungary, Jákov Koenig, who worked on the marshes as a simple digger, testified: “... I was in a swamp-drainage team of 400 people... The supervisors were German criminals who beat people with sticks and shovels until they lost consciousness. Men and women of all ages worked in our team. Many were intellectuals – doctors, teachers, professors. There were 14 engineers from Yugoslavia alone working as simple diggers”.

A former inmate, Simon Maiselier from Belgium, reported: “From our team of 1,200, for 3 months of 1944, 100 to 200 corpses of people who died at work were brought in daily, and new victims replaced them in the teams”.

The German executioners were particularly brutal on Soviet prisoners of war, who were usually exterminated at once on arrival at the camp; exceptionally, only the most able-bodied among them were kept for work.

The following order on the Soviet citizens was found in the camp office:
“Oranienburg, 15 November 1941.

Confidential

Reichsführer SS

Concentration Camp Inspector

Police (Auschwitz: 14 f 14 L) OT

Subject: Execution of Russian prisoners of war.

To the concentration camps’ commandants. Copies to: camps’ doctors, Lagerführer of prisoners under supervision, directorates.

The Reichsführer SS and Chief of the German Police has agreed in principle to postpone the execution of those among the Russian POWs **sent for execution in concentration camps** (especially the commissars), provide they are physically able to work in the stone quarries. The consent of the Security Police chief and the SD Police is required for this event. I therefore order:

Upon the arrival of the echelons for execution at the camps, physically fit Russians to work at the quarries shall be selected by the camp commander (E) and the chief camp doctor. A duplicate list of the selected Russians is to be sent to us. The camp doctor must state on this list that he has no medical objection to these persons being employed.

After obtaining the consent of the Security Police chief and the SD Police, the transfer of the Russians concerned to the quarries will be formalised by order from here.

Signature: GLÜKS
SS-Gruppenführer and Major General”.

On the basis of this order, some of the Soviet prisoners were kept for the hardest and most gruelling work, with the most brutal and inhumane treatment by the SS and the overseers.

Marian Gandzlik, a resident of the town of Auschwitz, testified: "... In winter 1941, in the 35-degree below zero cold, on the road from the Auschwitz camp to the village of Babice, every day for a fortnight, the Russian prisoners of war were rounded like cattle, with whips and sticks. Many wore no hats, only shirts, underpants, and tattered shoes. In the evening, several carts full of the corpses of these Russian POWs were on their way from the village of Babice. On the top of each cart sat 2 or 3 of their comrades, with frostbitten faces, hands and feet, worn out to extremes".

The Hitlerites relentlessly demanded more and more murders from their subordinates. On 14 February 1944, the garrison commander of Auschwitz, Obersturmbannführer Liebehenschel, issued an order stating the following:

"... By long personal observation, I have concluded that in all workplaces, except the military factories, there are too many prisoners whose labour force is unused. They are lazing about... We know that in order to increase the prisoner productivity, it is necessary to increase the supervision of the SS junior command staff. However, we also know that we have no such staff at our disposal, as they are either at the front or on duty in other important areas. **We will help ourselves. It is clear that we must act quickly here, and I hope that each and everyone will do what is necessary**...".

As a result of this order, every evening, terrible processions from all parts of the Auschwitz camps – factories, marshes, mines – were struggling to the barracks: bloodied, exhausted prisoners, surrounded by SS officers and overseers with huge packs of dogs, carried the corpses of their comrades on wooden stretchers. During an evening inspection, the prisoners were placed in formation, the corpses of the day's victims were piled in front of them, and the invigilators reported to their superiors on the execution of Liebehenschel's orders. The bosses thanked those whose teams had brought in the largest number of bodies. At the same place, the erring prisoners were beaten with sticks in front of the ranks.

The nightmarish living conditions in the barracks were added to the terrible conditions of slave labour. In barracks designed for 400 to 500 people, the Germans housed 1,000 to 1,500 prisoners. Hunger, disease, torture, unsanitary conditions – everything was created with the specific, deliberate aim of exterminating the prisoners as quickly as possible.

The forensic medical commission, having examined 2,819 Auschwitz prisoners rescued by the Red Army, found that 2,189 (or 91 per cent), were suffering from extreme emaciation and 223 from pulmonary tuberculosis. The examination also found that the Germans had subjected the prisoners to torture, as a result of which the people examined by the commission suffered broken ribs, limbs, vertebrae, facial bones, various wounds, ulcers, and hands and feet frostbites. A great many of those released suffer from severe neuropsychiatric illnesses.

The forensic medical commission conducted an autopsy on 536 corpses of prisoners found in various locations within the camps. It has been concluded that in 474 cases (88,3 per cent), death occurred due to emaciation.

## THE CHILD KILLERS

From infants to 16 years of age, hundreds of thousands of children were exterminated by Hitler's monsters at the Auschwitz camp. As a rule, the Germans immediately sent children arriving in the convoys to the gas chambers and exterminated them. Only a small number of healthy teenagers were left for work at the camps.

Investigations showed that the Germans subjected children aged 8 to 16 to similar exhausting physical work as adults. The exhausting labour, torture and beatings quickly left each child completely emaciated, and then he would be killed.

Former inmate Jakob Gordon, a doctor from Vilnius, testified: "... At the beginning of 1943, 164 boys were taken away from the Birkenau camp to the hospital, where they were all put to death by carbolic acid injections into the heart".

Former prisoner Bakasch Weldtraut, from Düsseldorf, Germany, testified: "In 1943, at the time when we were fencing off crematorium No. 5, I personally saw how the SS threw living children into the burning fires".

This is what the children themselves, rescued by the Red Army, tell us about their sufferings, inflicted on them by the fascist beasts.

Samii Mudianov, a boy, born in 1930, a Rod resident (Italy): "... We, children, had to work in groups of 15 to 20 people – towing carts full of various loads, but often it was the corpses that we took to a special block where they were stacked and from there taken to the crematorium. We worked from 4 o'clock in the morning until the evening. At the end of

October 1944, the German inspector punished us for not keeping the block clean. They lined up 150 of us outside the block and took us to the bathhouse. They stripped us naked, poured cold water over us, and led us, naked, down the street to the block; after that, many of the children fell ill".

András Lerinciákos, a 9-year-old boy from Klez, Hungary, testified: "... When we were brought to the camp, to block No. 22, we were beaten there, especially by the German women assigned to us. They beat us with sticks. During my stay at the camp, Dr Mengele took blood from me many times... In November 1944, all the children were transferred to Camp A, the 'Gypsy' camp. When we were checked, one of us was not present. The women's camp head Brandem and her assistant Mendel sent us all out into the street at 1 o'clock in the morning, and we stood in the cold until noon...".

Children born at the camp were taken away from their mothers and put to death by the SS. When women who arrived were found to be pregnant, they were immediately allocated to a special barrack where they were induced to give birth prematurely. If they resisted, the pregnant women were sent to the gas chamber.

A former inmate, Sofia Isaakovna Flaks, from Cracow, testified: "... Many women who arrived at the camp in August 1944 had children between the ages of 5 and 12. Upon arrival at the camp, all of them were sent to the crematorium with their mothers. I arrived with a 7-month pregnancy. SS physician König found me pregnant during an examination and sent me to barrack B-3 (Birkenau). There were 65 similar women there. After 3 days, I received an injection in my thigh to induce premature birth. I had these injections for 4 days. On the 5th day, I gave birth to a baby, and they took him away from me. I saw 14 such cases in this barrack during my stay. Newborns or premature babies were taken away to an unknown destination".

Among the liberated Auschwitz prisoners examined by doctors were 180 children, of whom 52 were under 8 years of age and 128 were between 8 and 15. They all entered the camp during the second half of 1944, i.e. they were at the camp for 3 to 6 months. All 180 children underwent medical examinations, which revealed that 72 were suffering from lung and glandular tuberculosis, 49 from alimentary dystrophy (extreme emaciation), 31 from frostbites, etc.

## EXTERMINATION OF THE INTELLIGENTSIA

The Germans exterminated, at Auschwitz, tens of thousands of prominent scientists and intellectuals from various countries.

André Foudry, from Samotte Dipoint [?], told the commission the following: "... Of the 600 Frenchmen who came to the camp with me, most died after a few months. Among them: Emile Bureau, economist; Jaane, high school teacher from Compiègne; Filippo, deputy from Lot-et-Garonne department; Lebigoux, Bürgermeister of Ville de Vif [?]; Godot and Broux, schoolteachers; Molinet, architectural engineer, and others".

Professor Henri Limousin of the University of Clermont-Ferrand said: "... In November 1944, I was sent from the Dachau to Auschwitz as a pathology specialist. I stayed here for about a month in a quarantine block, where I had to clean latrines, wash floors and serve meals to the inmates kept in prison".

The following persons were murdered at Auschwitz: the famous Dutch economics professor Freida, Dr Lavoslav, engineer Kimar, doctor-engineer Endoklian (from Yugoslavia), Polish engineer Wisniewski, pharmacology master Teichert (from Warsaw); professors from Poland: Geszczykiewicz and Rybarski; professors from Czechoslovakia: neuropathologist Otto Sitik, psychiatrist Leo Tausik, surgeon Jan Levit; famous Vienna lawyer Kraus, French army physician, General Jaube and many, many others. All of them either died of exhaustion in backbreaking labour or were asphyxiated in the gas chambers.

The State Extraordinary Commission received an 'Appeal to the international community' in 3 languages (German, Hungarian and French), signed by 27 former Auschwitz inmates – professors, physicians, engineers, lawyers, students and other intellectuals from different countries. The Appeal begins with the following words: "We, the undersigned, freed by the great Red Army from the bloody Nazi domination, accuse the German government under Adolf Hitler before the international public opinion of carrying out the greatest mass murders, atrocities and deportation to enslavement in the history of mankind...".

This Appeal concludes with the following words: "We appeal to the international community to find out the fate of millions of different nationals who had vanished and take all measures to save the lives of millions who are still languishing in Hitler's Germany. Miraculously, we had escaped during the Nazi retreat from the Auschwitz camp. Although the Nazis retreated in panic, they took with them approximately 58,000 prisoners from the Auschwitz camp and its branches. These people, exhausted from hunger, had to leave on foot, but it is unlikely that most of them could walk more than a few kilometres... We believe that

as the front advances further into Germany, the same fate awaits all people still under the bloody Nazis. We, the undersigned, appeal to the international community of the countries at war and the neutral ones, as well as to their governments. In the name of humanity, we ask that all possible be done to ensure that the atrocities and crimes of the Nazis will not be repeated in the future so that the blood of millions of innocent victims had not been spilt in vain.

Together with some 10,000 rescued prisoners of all nationalities, we ask that the crimes and incredible atrocities of the Nazis not go unpunished. The rescued former prisoners owe their lives to the valiant Red Army. We ask the international community and all governments to take note of this and express gratitude on our behalf...".

## THE HITLERITES ARE PLUNDERERS

At the Auschwitz camp, the Hitlerites exposed themselves to the world not only as bloody murderers of defenceless people but also as greedy robbers of their victims. Millions of people brought from different countries to the Auschwitz concentration camp were robbed in the very first hour of their stay. All processions: suitcases, clothes, bedding, down to underwear and shoes, were taken by the SS to specially constructed and equipped warehouses and then sent to Germany. A part of able-bodied persons who stayed behind for slave labour was given striped prisoner clothing instead of their belongings.

On the camp's grounds, there were 35 special warehouses for sorting and packing objects and clothing; 29 of them were burned down with their contents before the Germans retreated under the pressure of Red Army. In the remaining 6 warehouses, the following was found:

1. Men's outerwear and underwear: 348,820 sets
2. Women's '…/...': 836,255 sets
3. Women's shoes: 5,525 pairs
4. Men's shoes: 38,000 pairs
5. Carpets: 13,964 pcs.

Also, a large number of the following items used by the prisoners were found in the warehouses: toothbrushes, shaving brushes, spectacles, a vast number of dentures and all kinds of utensils. A large quantity of children's clothing: shirts, undershirts, trousers, coats

and hats. The bloody hands of Hitler's child murderers carefully counted the clothes of the children they had killed and sent them to Germany.

The Commission has concluded that all the items found in the warehouses belonged to people of various nationalities who had been tortured to death and murdered. Factory labels (from France, Belgium, Hungary, Holland, Yugoslavia, Czechoslovakia and other countries) were found on clothes, shoes and other items. The suitcases still bear the labels of various hotels in European cities.

The Commission has discovered 7 wagons with clothes and bedding on the camp's grounds, prepared by the Germans and ready for shipment to Germany. A certificate found in the camp's papers and signed by SS-Obercharführer Reichenbach, clearly shows that in the course of 47 days alone, from 1.12.1944 to 15.1.1945, the camp had processed for shipment to Germany:

1) Children's clothing and underwear: 99,922 sets

2) Women's '…/...': 192,652 sets

3) Men's '…/...': 222,269 sets

Total: 514,843 sets.

In the tannery of the Auschwitz camp, on March 7 1945, the Commission found 293 bales of packed female hair, weighing a total of 7 thousand kilograms. The Expert commission has determined that the hair had been cut from 140,000 women.

## HITLER'S BANDITS MURDERED OVER 4 MILLION PEOPLE AT AUSCHWITZ

While meticulously covering up the tracks of their heinous crimes at Auschwitz, the Germans, before their retreat, had carefully destroyed all documents that could show the world the exact number of people murdered at Auschwitz.

However, the powerful humankind-murder equipment built by the Germans in the camp, the testimony of Auschwitz prisoners freed by the Red Army, the testimony of 200 witnesses interviewed, selected documents found and other physical evidence sufficiently incriminate the German executioners for killing, poisoning and burning millions of people at

Auschwitz. In the 5 crematoria (52 retorts) alone, the German extermination capacity was as follows:

Crematorium No. 1:

- Period of existence: 24 months
- Incineration capacity /month: 9,000 corpses
- Total output (for the whole period of existence): 216,000 corpses

Crematorium No. 2:

- Period of existence: 19 months
- Incineration capacity /month: 90,000 corpses
- Total output (for the whole period of existence): 1,710,000 corpses

Crematorium No. 3:

- Period of existence: 18 months
- Incineration capacity /month: 90,000 corpses
- Total output (for the whole period of existence): 1,620,000 corpses

Crematorium No. 4:

- Period of existence: 17 months
- Incineration capacity /month: 45,000 corpses
- Total output (for the whole period of existence): 765,000 corpses

Crematorium No. 5:

- Period of existence: 18 months
- Incineration capacity /month: 45,000 corpses
- Total output (for the whole period of existence): 810,000 corpses

---

COMBINED TOTAL: - Incineration capacity /month: 279,000 corpses

- Total output (for the whole period of existence): 5,121,000 corpses

Given the extensive use of pyres by the Germans to burn corpses, the overall capacity of the Auschwitz facilities for killing people must have been significantly higher.

However, by applying correction factors for the underloading of crematoria and individual downtime, the technical expert commission has concluded that over the existence of the Auschwitz camp, the German executioners had killed in it **at least 4 million** Soviet, Polish, French, Yugoslavian, Czechoslovakian, Romanian, Hungarian, Bulgarian, Dutch, Belgian and other citizens.

THE GERMAN-FASCIST SCOUNDRELS MUST BE BROUGHT TO JUSTICE!

The heinous crimes committed by the Germans at the Auschwitz concentration camps were carried out under the directives of Hitler's government and under the supervision of the SS and Police Reichsführer, Himmler the deathman. The direct perpetrators of the atrocities are:

Chief of Germany's camps, SS and Police Lieutenant General Glücks; Chief of Concentration Camp Sanitary Authority, SS and Police General Pohl; Chief of Concentration Camp Construction, SS Major General Kammler; 'Topf and Sons' representative, Senior Engineer Prüfer; Camp commanders: Obersturmführer Polaschek, Sturmbannführers Hess, Wehr and Schwarz; Camp commandants: Obersturmbannführer Liebegenschel (also garrison head), Sturmbannführer Kraus, Hauptsturmführer Aumeer, Obersturmführer Hoffmann, Oberscharführer Gessler, Oberscharführer Josten, Oberscharführer Schwarzber; Auschwitz crematoria heads: Oberscharführer Moll, Oberscharführer Boger, Unterscharführer Scheter, Rothenfuhrer Schultz; Work teams' head: Oberscharführer Sell; Construction bureau head: Sturmbannführer Bischof; Unterscharführer Schumacher, Oberscharführer Klermann, Unterscharführer Lachmann, Oberscharführer Emerich; Unterscharführer Stibitz, Oberscharführer Klausen, Oberscharführer Hartwick, Unterscharführer Kaduk, Oberscharführer Palitch, SS Oberscharführer Sommer; Camp physicians: head of the testing department, Major, Dr Schmitt, Oberscharführer Dr Mengele, Unterscharführer König, Rotenführer Rohde, Oberscharführer Dr Fischer, Oberscharführer Dr Klein, Dr Dering, Hauptsturmführer Dr Wirths, Oberscharführer Dr Thilo, Sturmbannführer Dr Clauberg,

Professor Schumann, Dr Weber, Oberfeldfäbel Emil Kaschub, Obersturmführer Entress, Hauptsturmführer Dr Götermann, Hauptsturmführer Dr Kitt, Hauptsturmführer Dr Gorstmann, Hauptsturmführer Dr Kraus.

All of the above, just like all those Germans who personally took part in the murder and torture of the Auschwitz prisoners, must be brought before the court of nations and face the severe punishment they deserve.

# Сообщение чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

## О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской Советской Социалистической республике

С первых дней оккупации Эстонской Советской Социалистической республики немцы и их сообщники упразднили государственную самостоятельность эстонского народа, начали вводить «новый порядок», искоренять искусство и науку, истреблять и угонять на каторжный труд в Германию мирное население, опустошать и грабить города, деревни и хутора.

Специальная комиссия в составе Н.Г. Каротамм, Председателя Совнаркома Эстонской ССР А.Т. Веймер, профессора Х.Х. Круус, прокурора Эстонская ССР К.М. Паас, депутата Верховного Совета Эстонской ССР А. В. Иоэр, генерал-лейтенант Д.И. Холостого, председателя от Чрезвычайной Государственной комиссии Б.Т. Готцева, при участии экспертов генерал-майора юстиции Ф.Л. Петровского и государственного советника юстиции Э.Я. Удрас, расследовала злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Комиссия осмотрела разрушения, произведённые гитлеровцами, изучила обнаруженные в Таллине и других городах документы оккупационных властей и командования немецкой армии.

На основании произведённого специальной комиссии, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также заключение экспертов по промышленности, сельскому и коммунальному хозяйству, историческим и художественным ценностям, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

## Гитлеровцы пытались превратить советскую Эстонию в немецкую колонию

Оккупировал в Эстонию, немцы полностью ликвидировали её самостоятельность и независимость, лишили эстонский народ всех политических и экономических прав. 17 июля 1941 года Гитлер своим декретом передал **законодательную власть** на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний в свою очередь передоверил законодательную власть окружным немецким комиссаром.

В Эстонии был введён произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхкомиссар Прибалтики Лазе и генеральный Комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 года, рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 года закон специально для лиц, не принадлежавших к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 года чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего **к местной национальности**, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т.д. отныне должно караться со всей строгостью:

а) в первый раз 15 ударами палкой по обнажённому телу,

б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнажённому телу».

12 января 1942 года рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председательствующего – полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядке определял «суд» по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме судов, созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнении.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввёл местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично Лицман. Постановлением райхкомиссара от 18 августа 1941 года **государственным** языком в Эстонии был установлен **немецкий**. Чтобы добиться более эффективной эксплуатации и закабаления эстонского народа, оккупанты создали так называемое «Эстонское самоуправление» во главе с изменником Родины Мяэ. 22 декабря 1942 года генеральный комиссар Лицман разрешил главному директору «Эстонского самоуправления» издавать постановления и инструкции к ним. Но это было уловкой, нужной фашистам для обмана народа, фактически же все постановления исходили от немецких властей Берлина, Риги и Таллина. Даже самые незначительные постановление главного директора так называемого «эстонского самоуправления» Мяэ должны были согласовываться с соответствующими немецкими органами. Это «самоуправление» являлась по существу подотделом немецкого генерального комиссариата и «директоры» «самоуправления» фактически являлись немецкими чиновниками.

В секретном годовом отчёте немецкой политической полиции и СД Эстонии за время с июля 1941 года по 30 июня 1942 года подробно описывается, как «Эстонское самоуправление» было в личном, административном и экономическом отношениях подчинено немецкому генеральному комиссариату Эстонии.

О взаимоотношениях немецкого генерального комиссара Эстонии Лицмана и директора «эстонского самоуправления» в этом секретном отчёте в разделе: «Политическое бесправие» говорится дословно следующее: отношения между Лицманом и Мяэ характеризуются безусловно внешним и внутренним авторитетом Лицмана, его взглядов и решений, **безусловным внешним и внутренним подчинением Мяэ**».

В другом разделе отчёта: «Принципиальные вопросы политики на Востоке» личное подчинение генеральному комиссару Лицману разъясняется как необходимость закабаления эстонского народа. Там говорится, что в Прибалтийских государствах немцы должны стараться **завоевать симпатию народов**. Поэтому нужно было создать видимость того, будто немцы лишь руководят, а эстонцы через местное самоуправление управляют страной. «Эстонцы не желают, чтобы их эксплуатировали немцы, но они согласны эксплуатировать сами себя под собственным режимом».

Фашистский генеральный комиссар Лицман создавал видимость самостоятельности эстонского народа и его государства, на деле в своих выступлениях открыто говорил, что самостоятельного эстонского государства **никогда** больше не будет существовать.

Немецкое правительство, оккупировал Эстонию, Латвию и Литву, пыталось поработить народы Советских Социалистических Республик и утвердить своё господство в Балтийском море.

В приказе от августа 1944 года командир 2-го немецкого армейского корпуса генерал-лейтенант Гассе писал: «Прибалтийский плацдарм, находящийся непосредственно у ворот нашей Родины, представляет связующее звено с Финляндией и образуют фундамент, на котором зиждется оборона северного фланга Европы. Он является залогом германского господства в Балтийском море».

## Немецкие оккупанты уничтожили культуру и исторические памятники эстонского народа

Превратив Эстонию в колонию Германии, фашистские поработители не могли оставить эстонскому народу его культуру. В первую очередь оккупанты приступили к чистке библиотек. Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 года приказано было изъять из библиотек: все советские произведения за время с 1917 по 1941 год, эстонскую литературу за 1940 и 1941 года. Изымались все без исключения литературные произведения следующих поэтов и писателей: Алле, Антсон, Барбарус, Хийр, Хинт, Якобсон, Юрна, Киппель, Кярнер, Рауд, Семпер, Таммлаан.

На площадях эстонских городов запылали костры, превращая в пепел сокровища эстонского национального творчества и лучшие произведения литературы народов Европы. Писателям и поэтам, оказавшимся в фашистской неволе, не разрешали печатать свои произведения. Многих из них: Таммлаан, Сирге, Сютисте, Паульсон, Антсон, Саар, Кангро-Пооль, Адамс, Руммо и Р. Тийтус фашисты заключили в концлагеря. Зверски замучены в тюрьме талантливый новеллист Иоган Рувен и молодой писатель Отт Кыдали.

Такая же судьба постигла талантливых художников, не пожелавших работать на немцев. Сидели в тюрьмах: Гори, Куммиц, Ныммик, убиты фашистами палачами Юхане, Лийманд, Лайго.

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Немцы вывезли в Германию более 10.000 произведений искусств. Они сожгли Национальный музей Эстонии, находившейся в имении Раади около Тарту. В театре «Эстония» немцы разрешили ставить оперы и оперетты лишь на немецком языке. В концентрационных лагерях и тюрьмах были заключены артисты Мюрк, Сахк,

Тюрк Э. и Тюрк М., Хелль и другие; не перенесли лишений и умерли Триллярв, Сяллик, Сави, дирижёр-композитор Кулль, режиссёр Б. Сепп; умерщвлены: Аумере, Парис с женой; покончили самоубийством артист и драматург Муржак, Закк.

Перед отступлением немцы подожгли театры в городах Тарту («Ванемуйне»), Нарва («Выйтлен»), Вильянди («Угала»), Пярну («Энлла»). Они разрушили исторические памятники архитектуры Эстонии: центральную часть города Нарвы с домами кладки XVIII века, красивейший ансамбль ратушной площади с историческими зданиями и двумя церквами, нарвский дом Петра Великого; подорвали две исторические крепости в Нарве – Шведскую крепость и «Ивангород»; в Тарту разрушили башню Святого Иоанна, построенную в XIV веке; выдающийся исторический памятник XIV века Николаевскую церковь.

Гитлеровцы разграбили и частично разрушили Тартуский университет, имеющей более чем 300-летнее славное прошлое, являющиеся старейшим высшим учебным заведением. Они расстреляли лучших представителей профессорско-преподавательского состава, среди них профессора А. Климан и П. Рубель.

## Гитлеровцами разрушены в Эстонии промышленные предприятия

В последний довоенный год в Эстонии бурно развивалась промышленность. Громадное народнохозяйственное значение имела сланцевая промышленность. Добыча сланца в 1941 году по плану должна была достигнуть нескольких млн тонн. Сланцевая промышленность являлась базой для развивающейся химической промышленности Эстонии.

Немецкие варвары почти полностью уничтожили предприятия сланцевой промышленности. На перегонном заводе в Силламяэ немцы сняли всё оборудование, здание большую часть разрушили. Полностью разрушенный завод в Кохтла, завод Кивиэли.

Гитлеровцы разрушили предприятия металлообрабатывающей промышленности: в Тарту– машиностроительной и металлообрабатывающей заводы, в Нарве – литейный завод, в Пярну – моторо-строительный «Эсти Мотор», в Таллине на крупном машиностроительном заводе «Ильмарине» гитлеровцы разрушили сталелитейный цех. В Тарту они разграбили оборудование телефонной фабрики, а здания её разрушили.

Из крупных предприятий промышленности стройматериалов серьёзные повреждения гитлеровцы причинили цементному заводу «Пунане Кунда».

На кирпичном заводе «Пунане Киви» в уезде Вирума они полностью разрушили оборудование и большую часть зданий, разрушили также завод высококачественных термоизоляционных материалов «Эсти Диатомит».

На фанерно-мебельном комбинате в Таллине гитлеровцы полностью разрушили: фанерный, сушильный, пластиный, столярный, красильный цехи и лесопилку, а запасы полуфабрикатов и готовой продукцию сожгли. Они полностью разрушили бумажную фабрику в городе Тюри.

Фашисты превратили в развалины хлопчатобумажную нарвскую фабрику «Кренгольмская Мануфактура». Это был гигант текстильной промышленности, ещё до первой мировой войны он имел около полумиллиона веретен. Немцы полностью разрушили другие текстильные предприятия Нарвы: льняную, суконную и шёлка-ткацкую фабрики. Из предприятий пищевой промышленности фашисты полностью уничтожили в Таллине крупный зернокомбинат «Пыхья Вески» и конфетную фабрику «Квалитет».

## Разрушение коммунального хозяйства городов

Немецко-фашистские захватчики в городах Эстонии сожгли и разрушили 9.200 домов. Особенно большие разрушения были произведены в Нарве по приказу командира 4 танково-гренадёрской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер. Из 3.500 домов в Нарве осталось только 114 и те требуют значительного ремонта. В Тарту из 5.083 домов разрушено 2.432 дома. В Таллинне немцы разрушали 1.885 домов.

Немецко-фашистские захватчики намеревались превратить столицу Эстонии в груду развалин. После освобождения Таллина было обнаружено 75 заминированных мест и извлечено свыше 100 тонн взрывчатых веществ и фугасов. Под Вышгородом были обнаружены минные галереи, в одной из которых находилось 12 тонн взрывчатых веществ. Большой ущерб гитлеровцы причинили коммунальным предприятием города. Они разрушились 60 из 120 гостиниц и заезжих домов. В Тарту, например, сохранилось лишь 2 из 11 гостиниц. Из прежней мощности 71 тыс. квт электростанций осталось всего около 11 тыс. квт.

При бегстве из Эстонии гитлеровцы намеревались разрушить все электростанции. Однако этого им не удалось сделать. При приближении Красной Армии рабочие некоторых электростанций с оружием в руках встали на охрану общественной собственности. На электростанцию Таллина немецкие подрывные команды приходили четыре раза, но, встретив вооруженную охрану уходили обратно. Тогда гитлеровцы открыли огонь по электростанции с военных судов, находившихся в порту. С оружием в руках рабочим удалось отстоять также таллинские водопровод и газовую фабрику.

## Разрушение гитлеровцами лечебно-профилактических учреждений

Цветущую Эстонию гитлеровцы превратили в рассадник инфекционных заболеваний. Среди населения в небывалых размерах распространялись сыпной тиф, дифтерит и другие заболевания. По немецким официальным данным за шесть месяцев в 1943 и 1944 годов было зарегистрировано 3.476 случаев сыпного тифа, 7.950 случаев дифтерии. При немецкой оккупации в невиданных размерах среди населения распространилась также чесотка и вшивость.

Оккупационные власти не госпитализировали инфекционных больных и не оказывали медицинской помощи населению. Они отменили охрану источников водоснабжения городов, больше того, нарушая самые элементарные требования по водоохране, они устроили на берегу озера «Юлемисте», являющимся источником водоснабжения Таллина, конюшни и открытые полевого типа уборные для рабочего батальона.

Здание лечебно-профилактических учреждений немецко-фашистские захватчики приспособили под склады и солдатские казармы или сожгли и разрушили. В Таллине

они уничтожили детскую больницу, детскую поликлинику, аптечный склад, три аптеки и три санитарно-гигиенических магазина, три детских и женских консультации; в городской центральной больницы разрушили шесть корпусов, в инфекционной больнице – один корпус. Оборудование, инвентарь, медикаменты, аппаратуру всех лечебно-профилактических учреждения Таллина гитлеровцы разграбили.

В Тарту немцы разрушали первую и вторую городские больницы, 6 аптек, водолечебницу и детскую поликлинику. В Пярну они разрушили поликлинику, тубдиспансер и родильный дом; в Нарве – все лечебно-профилактические учреждения, среди них 8 аптек, поликлинику, санитарно-эпидемиологическую станцию.

**Ограбление гитлеровцами сельского населения**

Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взимание с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромные. Крестьянину уезда Харьюма, волости Хагари, Пётр Рибане сообщил, что за 1943-1944 годы на его хозяйство была наложена поставка – 900 килограммов мяса. За невыполнение поставки мяса у Петра Рибане были отобраны две коровы. За просрочку в выполнении поставки на крестьян накладывались также денежные штрафы или арест. Землю, переданную Советской властью в 1940 году крестьянам-беднякам, общей площадью в 404.000 га, немцы отобрали. Они заставили крестьян выплачивать не только старые долги, но и погашать те ссуды, которые были выданы крестьянам Советской властью.

В результате хищнического хозяйничанья немцев и бешеной эксплуатации ими эстонского крестьянства сельское хозяйство Эстонии непрерывно падало. Площадь под посевами зерновых в 1944 году по сравнению с 1941 годом сократилась на 35 процент, площадь под посевом картофеля уменьшилась за это же время на 31 процент, под посевами льна на 64 процента.

Уменьшение посевных площадей и понижение урожайности наблюдаются по всем зерновым, техническим и кормовым культурам. Общее уменьшение посевной площади в 1943 году по сравнению с посевной площадью 1939 года составляет 170.234 га. За годы немецкой оккупации уничтожено 35.000 га леса, что составляет в переводе на древесину около 3.500.000 кубометров.

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию: лошадей 107.000 голов, коров 31.000 голов, свиней 214.000 голов, домашней птицы 790.000 голов. Они разграбили около 50.000 пчелосемей.

При Советской власти в Эстонии было организовано 25 МТС с общим парком в 350 гусеничных тракторов. Немцы разрушили и разграбили эти станции. Они увезли в Германию 236 тракторов, 151 пятикорпусных плугов, 22 плуга для поднятия целины, 30 плугов для раскорчёвки пней и свыше 500 других сельскохозяйственных машин. Большой ущерб гитлеровцы причинили станциям по аренде сельскохозяйственных машин. Они угнали со станций 1700 лошадей, разрушили и похитили 2474 разные сельскохозяйственные машины.

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомобилей, 350 тракторов и 24781 других сельскохозяйственных машин.

Наиболее сильный ущерб фашисты причинили сельскому хозяйству уезда Вирума. В этом уезде они сожгли 2566 жилых домов и сельскохозяйственных построек. Полностью уничтожили сельское хозяйство в Нарвской, Пыриской, Раяской, Алутагуской, Вайварской и Васк-Нарвской волостях.

## Уничтожение гитлеровцами мирных советских граждан и военнопленных

Немецко-фашистские захватчики покрыли захваченную территорию Эстонии густой сетью концентрационных лагерей, тюрем и гестаповских застенков. Они беспощадно уничтожали мирных граждан и военнопленных.

Согласно ежемесячным отчётом главного врача лагерей оберштурмфюрера СС фон-Богдан на 1 февраля 1944 года в Эстонии было более 20 лагерей. Только в четырех лагерях Эреда-Асундус, Кивиэли, Вайвара и Клога – в феврале 1944 года содержалось более 6000 заключенных.

Заключённым советским гражданам в лагерях присваивали номера и лишали фамилий, их избивали нагайками, железными палками, использовали на непосильной работе. Руководил работами «Тодт». Рабочий день длился 16–18 часов. За невыполнение норм заключённых лишали пищи, жестоко избивали и расстреливали. Чтобы скрыть следы своих злодеяний, немцы сжигали трупы убитых на кострах, а несгоревшие кости размельчали и вместе с пеплом разбрасывали по полям.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы поспешно ликвидировали концентрационные лагери, причём большую часть заключённых расстреляли. В 44 клм. юго-западнее Таллина, в дачном местечке Клога-Аэдлин, в сентябре 1943 года немецкие оккупанты создали концентрационный рабочий лагерь организации «Тодт». Независимо от пола и возраста заключённые в лагере подвергались каторжному режиму. Каждому заключённому присваивали номер. Для предотвращения побегов женщинам сбривали волосы на голове, а мужчинам пробривали полосу, идущую от лба к затылку. Заключённых, в том числе детей, принуждали работать в 12–15 часов в сутки.

Ежедневно в лагере производились публичные порки заключённых на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2–3 часа к столбу. Издевательствами над заключёнными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи.

Немецкий доктор Бодман лично избил двух заключённых: врача Залкиндсона и врача Герцова. Кроме того, Бодман систематические отравлял заболевших заключённых, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключённых. Свидетель Ратнер И.М. показал: «В феврале 1944 года в лагере в Клога родилось двое детей, оба эти ребёнка были живыми

брошены в топку кочегарки и сожжены. Я сам видел, как сжигали детей. В мае 1944 года в лагере родился третий ребёнок, его сразу же удушил унтершарфюрер Бар».

19 сентября 1944 года немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник канцелярии гауптштурмфюрер Макс Дальман отобрали из заключённых 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключённых. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы – из полицейских команд СД силой оружия заставляли заключённых ложиться вниз и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 года было уничтожено около 2.000 человек.

В августе 1944 года в районе Таллинского лесного кладбища немцы расстреливали мирных граждан, которых привозили на автомашинах по 25-30 человек. Трупы расстрелянных они также сжигали на кострах. Местному населению категорически запрещалось приближаться к этому месту под предлогом того, что здесь производятся опыты «с новой военной техникой». С 8 августа 1944 года по 19 сентября 1944 года на Таллинском лесном кладбище было расстреляно и сожжено более тысячи человек.

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German fascist-invaders and their accomplices.

## On the atrocities of the German fascist invaders in the Estonian Soviet Socialist Republic

From the first days of the occupation of the Estonian Soviet Socialist Republic the Germans and their accomplices abolished the independence of the Estonian people, and began introducing a “new order”, eradicating the arts and sciences, exterminating and sending the civilian population to slave labour in Germany, ravaging and pillaging towns, villages and farms.

The Special Commission examined the atrocities committed by the German fascist aggressors, made up of N. G. Karotamm, A.T. Weimer (Chairman of the of the Estonian SSR Sovnarkom), Professor H. H. Kruus, K. M. Paas (Prosecutor of the Estonian SSR), A.V. Ioer (Deputy of the Supreme Soviet of the Estonian SSR), Lieutenant General D. I. Kholostov, B.T. Gotsev (Chairman of the Extraordinary State Commission), with the participation of experts – F. L. Petrovskii (Major General of Justice) and E. J. Udras (State Adviser to Justice). The Commission examined the destruction carried out by the Hitlerites and studied the documents of the occupying authorities and the German Army command found in Tallinn and other cities.

On the basis of the Special Commission's findings, the forensic medical report and the conclusions of experts on industry, agriculture and communal services, as well as historical and artistic property, the Extraordinary State Commission has established the following:

## The Hitlerites attempted to turn Soviet Estonia into a German colony

Having occupied Estonia, the Germans have entirely eliminated its independence and autonomy, stripping the Estonian people of all political and economic rights. On 17 July 1941, Hitler transferred **legislative power** in Estonia, by his decree, to Reichsminister Rosenberg. The latter, for his part, delegated legislative authority to the German district commissioners.

In Estonia, arbitrariness prevailed, and terror was rampant against the civilian population. Reichsminister Rosenberg, Reich Commissioner for the Baltics Loze and Chief Commissioner for Estonia Litzman have entirely deprived the Estonian people of all political rights. Reichsminister Rosenberg passed a law on 17 February 1942 (on the basis of Hitler's decree of 17 July 1941), specifically for non-German nationals, establishing the death penalty for those attempting the slightest appeal against Germanisation or conducting any violent acts against German nationals.

The occupants imposed corporal punishment on workers and employees in Estonia. On 20 February 1942, an official of the railway administration in Riga, Walk, sent a telegram to the Estonian railway administration, which said: “Every violation of work discipline by an employee of **local nationality**, especially failure to show up for work, being late for work, being drunk at work, not carrying out an official order, etc., must henceforth be severely punished:

a) on the first occasion: 15 lashes (with a stick) on the naked body,
b) on repeated occasions: 20 lashes”.

On 12 January 1942, Reichsminister Rosenberg established "extraordinary tribunals" consisting of one police officer and two police officers subordinate to him. The procedures were determined by the “tribunal” at its own discretion. These “courts” always passed death sentences and confiscated property. They did not prescribe any other punishment. No appeal against the sanctions was allowed. In addition to the courts established by Rosenberg, death sentences were handed down by the German political police and executed the same day.

Chief Commissioner Litzman established local courts to handle civil and criminal affairs. Judges, prosecutors, investigators, prison guards, notaries and lawyers, all without exception, were approved personally by Litzman. With the District Commissioner's ruling of 18 August 1941, the **German language** became **official** in Estonia. In order to more effectively exploit and enslave the Estonian people, the occupants created the so-called “Estonian self-government” under the leadership of Mäe, traitor to the Motherland. On 22 December, 1942, Chief Commissioner Litzman granted permission to the “Estonian self-government” leader to issue regulations and directives. It was, however, a trick that the fascists needed to mislead the people. In fact, all the decrees emanated from the German authorities in Berlin, Riga and Tallinn. Even the most minor decrees issued by the director of the so-called “Estonian self-government”, Mäe, were to be approved by the competent German authorities. This “self-government” was essentially a sub-branch of the German High Commissariat and the “directors” of the “self-government” were in fact German officials.

The secret annual report of the German Political Police and the Estonian SD* from July 1941 to 30 June 1942 describes in detail how the “Estonian self-government” was subordinated to the German General Commissariat of Estonia in personal, administrative and economic terms.

This secret report, in the section “Political righteousness”, says as follows on the relationship between the German Chief Commissioner of Estonia, Litzmann, and the director of the “Estonian self-government”: The interrelation between Litzmann and Mäe is characterised by the unconditional external and internal authority of Litzmann, by his views and decisions, and by **the unconditional external and the internal subordination of Mäe**.

In another section of the report, “Fundamental Policy Issues in the East”, personal subordination to Chief Commissioner Litzmann is explained as the need to enslave the Estonian people. It says that the Germans should attempt to **win the sympathy of the people** of the Baltic states. It was thus necessary to create the illusion that the Germans only lead and that the Estonians govern via local governments. “The Estonians do not want to be exploited by the Germans, but they agree to exploit themselves under their own regime”.

The fascist Chief Commissioner Litzman created the appearance of independence for the Estonian people and their state, whereas, in fact, in his speeches he openly said that an independent Estonian state will **never** exist again.

The German government, after occupying Estonia, Latvia and Lithuania, sought to enslave the peoples of the Soviet socialist republics and establish its supremacy in the Baltic Sea.

In the order of 15 August 1944, the Commander of the 2nd German Army Corps, Lieutenant General Hasse wrote: “The Baltic bridgehead, located directly at the gates of our homeland, is the connecting link with Finland, and forms the foundation, on which the defence of the northern flank of Europe is based”.

*_Sicherheitsdienst_ (SD, Security Service)

## The German invaders destroyed the culture and historical monuments of the Estonian people

After the transformation of Estonia into a German colony, fascist slavers could not leave the Estonian people with their culture. In the first place, the occupiers purged the libraries. With a Secret circular notes issued by the "Director of Education" on 9 December 1941, all Soviet works from 1917 to 1941 and Estonian literature from 1940 to 1941 were seized. Besides, all literary works by the following poets and writers were withdrawn, without exception: Alle, Antson, Barbarus, Hijr, Hint, Jakobson, Jürna, Kippel, Kärner, Raud, Semper and Tammlaan.

Fires broke out in the squares of Estonian cities, transforming into ashes the treasures of Estonian national art and the best works of European folk literature. Writers and poets who had been detained in fascist captivity were not permitted to publish their works. Many of them – Tammlaan, Sirge, Sutiste, Paulson, Antson, Saar, Kangro-Pohl, Adams, Rummo and R. Tijtus were placed in concentration camps by the fascists. Talented novelist Johan Rouwen and young writer Ott Kydali were violently tortured to death in prison.

The same fate occurred to talented artists who would not work for the Germans. Gori, Kummitz and Nõmmik were imprisoned, while Juhane, Liimand and Laigo were killed by fascist torturers.

There are barely any more paintings and sculptures of national artists and sculptors in Estonia. The Germans took away over 10,000 works of art to Germany. They torched the Estonian National Museum, situated in the Raadi estate near Tartu. In the theatre "Estonia", only operas and operettas in German were allowed to be staged. Artists like Mürk, Sahk, Reining, Türk E. and Türk M., Hell and others were imprisoned in concentration camps and prisons; Trillarv, Sällik, Savi, conductor-composer Kull, director B. Sepp was unable to face the deprivation and died; Aumere, Paris and his wife were executed; the actor Murzak and the playwright Zakk committed suicide.

Before retreating, the Germans set fire to the theatres in the cities of Tartu (Vanemuine), Narva (Võytlen), Viljandi (Ugala) and Pärnu (Enlla). They destroyed the historical architectural monuments of Estonia: the central part of Narva with its 17th-century masonry houses, the beautiful ensemble of City Hall Square with its historical buildings and two churches, the Narva Peter the Great House; they undermined two historical fortresses in Narva: the Swedish fortress and Ivangorod; in Tartu they destroyed the St John's Tower, built in the 14th century as well as an outstanding historical monument of the 14th century, the Church of St Nicholas, in Pärnu.

The Hitlerites pillaged and partly destroyed the University of Tartu, with its glorious past of over 300 years, being the oldest institution of higher education. They slaughtered the finest members of the teaching staff, including Professors A. Kliman and P. Rubel.

## Hitlerites destroyed Estonia's industrial enterprises

The year before the war, Estonia had a booming industry. The oil shale industry was of great economic importance. According to the plan, mining of the shale in 1941 was to reach several million tons. The oil shale industry has been the driving force behind the development of the chemical industry in Estonia.

The German barbarians almost entirely destroyed the oil shale industry. At the Sillamäe distillery,

the Germans took off all the equipment and the building was largely destroyed. The Kohtla and Kivieli plants were completely destroyed.

The Hitlerites destroyed the metalworking industry enterprises: in Tartu, the machine and metal works; in Narva, the foundry; in Pärnu, the motor-building factory “Esti Motor”; in Tallinn, at the large engineering plant “Ilmarine”, the Hitlerites destroyed the steel foundry. In Tartu, they pillaged the equipment of the telephone plant and destroyed its buildings.

Serious damage was caused by the Hitlerites to the “Punane Kunda” cement factory, a major enterprise in the building materials industry.

They completely destroyed equipment and most of the buildings of the “Punane Kiwi” brick factory, in Viruma county; the plant for high-quality thermal insulation materials, “Esti Diatomite”, was also destroyed.

The Hitlerites completely destroyed the plywood, drying, plaster, joinery, dyeing shops and the sawmill at the plywood and furniture factory in Tallinn, and burned up the stocks of semi-finished and finished products. They completely destroyed the paper factory in Türi.

The fascists turned Narva's “Krenholm Manufaktura” cotton factory into ruins. It was a giant of the textile industry, with about half a million spindles even before the First World War. The Germans completely destroyed other textile enterprises of Narva – linen, cloth and silk weaving factories. Among the food industry companies, the fascists completely destroyed the large cereal factory “Pyhä Veski” and the candy factory “Kvalitet” in Tallinn.

## Destruction of the urban public utilities

The German fascist invaders burned down and destroyed 9,200 houses in Estonian cities. Especially large destructions took place in Narva on the orders of Lieutenant General Wagner, commander of the 4th Tank-Grenadier Brigade “Niederland”. Of Narva's 3,500 houses, only 114 remained, requiring major repairs. In Tartu, 5,083 houses, 2,432 have been destroyed. In Tallinn, the Germans destroyed 1,885 houses.

The German fascist invaders planned to transform the Estonian capital into a heap of rubble. Following the liberation of Tallinn, 75 minefields were discovered and more than 100 tons of explosives and landmines were found. Near Vyshgorod, mineshafts were found, one of which contained 12 tons of explosives. The Hitlerites did much damage to the city's utilities. 60 of the 120 hotels and guesthouses were destroyed. In Tartu, for instance, only two of the eleven hotels survived. Of the former 71 thousand kilowatts of power of the plant there remained only approximately 11 thousand kilowatts.

When fleeing Estonia, the Hitlerites intended to destroy all the power plants. However, they failed to do so. As the Red Army approached, workers at some of the power plants stood up to protect public property. The German subversive teams came to the Tallinn power plant four times, but backed away when they met with the armed guards. Subsequently, Hitlerites opened fire at the power station from military ships in the harbour. With arms in hand, the workers also succeeded in defending the Tallinn water supply system and the gas plant.

## Destruction of medioprophylactic facilities by Hitlerites

Hitlerians have transformed a thriving Estonia into a hotbed of infectious diseases. Typhus, diphtheria and other illnesses have spread across the population on an unprecedented scale.

According to the German authorities, during a six-month period in 1943 and 1944, there were 3,476 cases of typhus and 7,950 cases of diphtheria. During the German occupation scab and lice infestations were spread among the population to an unheard-of extent.

The occupying authorities did not hospitalize infectious patients or treat the population. They abolished the urban protection of the water supply sources; moreover, in violation of the most elementary requirements for water protection, they set up stables and open field-type latrines for the labour battalion on the banks of Lake Ülemiste, which is the source of Tallinn's water supply.

The German fascist invaders either transformed the buildings of the mediaoprophylactic institutions into storehouses and barracks for soldiers, or burned and destroyed them. In Tallinn, they destroyed the children's hospital, the children's outpatient clinic, the pharmacy store, three pharmacies and three health stores, three children's and women's clinics. They destroyed six wards of the City central hospital and one ward of the Infectious diseases hospital. The equipment, supplies, medicines as well as all the medioprophylactic institutions' gear in Tallinn were plundered by the Hitlerites.

In Tartu, the Germans destroyed the First and Second city hospitals, six pharmacies, a hydropathic clinic and a children's outpatient clinic. In Pärnu, they destroyed an outpatient clinic, a tuberculosis clinic and a maternity hospital. In Narva, they destroyed all the medioprophylactic institutions, including eight pharmacies, an outpatient clinic and a sanitary-and-epidemiological situation.

## Plundering of the rural population by Hitlerites

The German invaders looted the Estonian country uncontrollably. This theft was carried out by forcing peasants to supply various types of agricultural produce.

The agricultural delivery norms imposed by the Germans were enormous. Peeter Ribane, a peasant from Harjumaa county, Hagari district, said that a 900-kilogram delivery of meat was imposed on his farm in the years 1943-1944. Two cows were taken away from him for failing to meet the meat supply. Peasants were also fined or arrested for late delivery. The land which the Soviets had given to the poor peasants in 1940, totalling 404,000 ha, was confiscated by the Germans. They forced the peasants not only to repay old debts, but also to repay the loans they had been granted by the Soviet authorities.

Due to the predatory economy of the Germans and their unrestrained exploitation of the Estonian peasantry, Estonian agriculture was in continuing decline. The area sown to cereals decreased by 35% in 1944 (compared to 1941); that of potatoes decreased by 31% during the same period and that of flax by 64%.

A decrease in seeded area and yield was observed for all cereals, technical and forage crops. The total area sown in 1943 was 170,234 ha less than in 1939. During the German occupation, 35,000 hectares of forest were destroyed, or around 350,000 cubic meters of wood.

The Germans took 107,000 horses, 31,000 cows, 214,000 pigs and 790,000 poultry from the peasants and sent them to Germany. They looted about 50,000 beehives.

Under the Soviet regime, 25 tractor-machinery stations were established in Estonia with a total fleet of 350 tracked tractors. The Germans destroyed and ransacked those stations. They took 236 tractors, 151 five-hoe ploughs, 22 plows to lift up virgin land, 30 plows and more than 500 other agricultural machines to Germany. Hitlerites caused great damage to farm machinery rental stations. They stole 1,700 horses at the stations, destroyed and stole 2,474 different agricultural machines.

The Hitlerites confiscated 1,000 threshing machines, 600 threshing engines, 700 locomotives, 350 tractors and 24,781 other agricultural machinery belonging personally to the peasantry.

Virumaa county's agriculture suffered the most serious damage. In that county, they set fire to 2,566 homes and farm buildings. They completely destroyed agriculture in Narva, Põri, Raja, Alutagua, Vaivara and Vask-Narva districts.

## Extermination of Soviet civilians and prisoners of war by Hitlerites

The German fascist invaders covered the conquered territory of Estonia with a dense network of concentration camps, prisons and Gestapo torture-chambers. They ruthlessly wiped out civilians and prisoners of war.

According to the monthly report of the camp's chief medical officer, SS-Obersturmführer von Bodman, there were over 20 camps in Estonia on 1 February 1944. Four camps – Ereda-Asundus, Kivieli, Vaivara and Klooga alone – accounted for more than 6,000 prisoners in February 1944.

The Soviet prisoners in the camps were stripped of their surnames and given numbers, they were beaten with whips and iron sticks, and used as manpower for unbearable hard work. “Todt” was in charge of the work. The workday was between 16 and 18 hours. For non-fulfilment of the norms the prisoners were deprived of food, brutally beaten and shot. To disguise their atrocities, the Germans burned the bodies in fires, while the unburned bones were crushed and scattered in the fields with the ashes.

Retreating under the assault of the Red Army, the Germans hastily liquidated the concentration camps, while shooting the majority of the prisoners. 44 km southwest of Tallinn, in the holiday village of Klooga-Aedlinn, in September 1943, the German occupants set up the “Todt concentration camp”. Regardless of gender and age, prisoners in the camp were subjected to a forced labour regime. Each prisoner was given a number. To prevent escapes, women had their hair shaved and men had a strip shaved from the forehead to the back of their heads. Prisoners, including children, were forced to work between 12 and 15 hours daily.

Every day, the prisoners of the camp were publicly flogged on a machine specially designed for this purpose. Furthermore, the prisoners were left without food for two days for the slightest offense and tied to a pole for two to three hours in severe cold. The detainees were humiliated not only by the SS guards, but also by the camp administration and the German doctors.

German medical doctor Bodman personally beat two prisoners: doctors Zalkindson and Gertsov. In addition, Bodman routinely poisoned the sick prisoners by injecting them with poison (Evipan) under the skin. The camp aid-man Unterscharführer Gent hacked to death with an axe 23 elderly prisoners. Witness Ratner I. M. testified: “In February 1944 two children were born at the camp of Klooga, both of whom were thrown alive into the furnace of the stoker and burned. I saw myself the children being burned. In May 1944, a third child was born in the camp and was immediately strangled by Unterscharfuührer Bar".

On 19 September 1944, the Germans started the liquidation of the Klooga camp. Untersturmführer Schwarze and Chancellor Hauptsturmführer Max Dahlman selected 300 prisoners and forced them to carry firewood to a forest clearing, while an additional 700 were made to build pyres. When the pyres were prepared, the German executioners massively executed the prisoners. The first to be shot were the firewood carriers and the pyres builders, followed by the rest. The execution was carried out in the following manner: on the pyre ground, which had been prepared

for the mass execution, the German SD policemen would force the prisoners to lie down and then shoot them with submachine guns and pistols. Those executed were burned in heaps. On 19 September 1944, approximately 2,000 people were exterminated in the Klooga camp.

In August 1944, the Germans shot civilians around the Tallinn forest cemetery, bringing them in trucks, 25 to 30 people at a time. The bodies of those shot were also burned on pyres. The locals were strictly prohibited to approach this place, on the pretext that the “new military equipment” was being tested there. Between 8 August 1944 and 19 September 1944, more than a thousand people were killed and burned at the Tallinn forest cemetery.

# Сообщение чрезвычайной государственной комиссии

(Окончание. Начало см на 2-ой стр.)

Одним из мест массового уничтожения людей немцы избрали лощину между холмами в Калеви-Лийва, расположенную в 5 километрах от деревни Кабернеме, в волости Кусала, уезда Харьюма. В 1942 году немцы объявили местному населению, что в районе этих холмов производятся оборонительные работы и появление граждан в этом районе категорически воспрещается.

В июле 1942 года двумя железнодорожными эшелонами на станцию Расику гитлеровцы доставили 3.000 человек, затем автобусами перевезли их к холмам Калеви-Лийва и там расстреляли. В дальнейшем на протяжении 1943 и 1944 годов к этим холмам на автобусах гитлеровцы привозили новые группы мирных граждан и расстреливали.

Следствием установлено, что в районе холмов Калеви-Лийва фашисты уничтожили около 5.000 человек. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы с начала 1944 года начали выкапывать и сжигать трупы расстрелянных, а несгоревшие кости измельчать и вместе с пеплом зарывать в землю или разбрасывают по полям.

На сланцевых разработках, в рабочем посёлке Кивиэли, уезда Вирума, немцы создали 3 концлагеря. В этих лагерях содержалось до 9.000 заключенных мирных граждан. Все они использовались на работах по добыче сланцев. За невыполнение норм заключённых избивали резиновыми шлангами, лишали пищи на 5–6 дней, бросали в колодцы шахт, наполненные водой. За малейшую провинность заключённых расстреливали.

Свидетель Вихула М.Ф. показала: «Мой муж, Вихула Юган, в течение 15 лет работал шахтером на сланцах Кивиэли. Как только к нам пришли немцы, его арестовали, а 27 августа 1941 года расстреляли. С ним вместе были расстреляны ещё 70 шахтеров, среди них: Салусоо, Клампе, Коосе, Каппель, Нормас, Алфёров, Мяги».

В городе Нарва немецко-фашистские захватчики создали 7 лагерей для мирных граждан и военнопленных. Под лагерь немцы приспособили эстонскую начальную школу, корпуса на льнопрядильной фабрике, русский клуб и «Красные амбары». В лагерях находились постоянно десятки тысяч человек. В одном только лагере для советских военнопленных, размещенным в «Красных амбарах», постоянно находилось 15–20 тысяч человек. Гитлеровцы систематически расстреливали заключённых. Трупы замученных, а иногда и живых людей они сжигали в топках печей котельной на льнопрядильной фабрике, зарывали в землю в лесу за деревней Поповка и в траншеях за «Красными амбарами».

Специальная комиссия установила, что за 3 года в Нарве гитлеровцы уничтожили около 30.000 мирных граждан и советских военнопленных, 8.000 советских людей они уничтожили в лагерях уезда Вирума: Куремяэ, Вивиконна, Аувэре, Иихви, Кохтла-Ярве, Кукрусе, Перм, Гольфидст, Эреда-Асундус, Сонда, Азери и Кунда.

Находившийся в одном из лагерей Эреда-Асундус бывший заключённый Гордон М.С. показал: «В апреле 1944 года меня, в числе 150 человек, заключили в лагерь Эреда.

Начальником лагеря тогда был немец Шнибель. Этот лагерь был разбит на две части. В одной из них находились здоровые, во второй больные, смертность в лагере доходило до 20–30 человек в сутки. Больным медпомощи не оказывали. Немец санитар Глингер избивал до смерти больных тростью.

Особой жестокостью в лагерях отличался ефрейтор войск СС немец Шарфетер. Бывший заключённый лагеря Иыхви Гамбург Д.Ш. показал: «По прибытии к нам в лагерь ефрейтор Шарфетер в декабре 1943 года заявил, что у него больных не будет, и в первый же день он расстрелял 2 больных, а трупы их сжёг в печи лесопильного завода. Немного позже Шарфетер застрелил ещё двух больных тифом».

## К ответу немецких палачей

Чрезвычайная Государственная Комиссия за все злодеяния, разрушение культурных и материальных ценностей и грабежи считают ответственными гитлеровское правительств, немецкое военное командование, а также конкретных организаторов и исполнителей злодеяний: генерал-фельдмаршала фон-Лееб, генерал-фельдмаршала фон-Кюхлер, генерал-полковника Модель, генерал-полковника Линдеман, генерала пехоты Фриснер, генерал-полковника Шернер, немецкого генерального комиссара обергруппенфюрера Карла Лицман, командующего армейской группой «Нарва» генерала пехоты Грассер, командира 3 германского танкового корпуса генерала Штайнер, командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер, командира 11 танково-гренадерской дивизии «Нидерланд» генерал-майора Циглер, группенфюрера Астер, штандартенфюрера Менцель, штандартенфюрера принца фон-Хогенлоэ, начальника немецкой полиции безопасности и СД – оберштурмбанфюрера доктора Занбергер, его заместитель штурмбаннфюрера Гейсслер, штандартенфюрера Бекинг, штандартенфюрера Лотар Бомбе, комиссара Тартуского округа, руководителя всеми работами лагерей Эстонии – гауптштурмбанфюрера фон-Голд, штурмбанфюрера Шварце, главного врача лагерей доктора Бодман, начальника лагеря Клога Верлее и других лиц, упомянутых в настоящем сообщении.

# The Extraordinary State Commission Report

(the end; see the beginning on p. 2).

As one of the places of mass extermination, the Germans chose the hollow between the hills in Kalevi-Liiva, located 5 kilometres from the village of Kaberneme, Kusala district, Harju county. In 1942 the Germans announced to the local population that defensive works were being carried out in the area around the hills and it was therefore strictly forbidden for civilians to enter the area.

In July 1942, the Hitlerites transported 3,000 people to the Rasiku railway station in two trains, then by buses to the hills of Kalevi-Liiva and shot them there. Later, during 1943 and 1944, the Nazis brought new groups of civilians by bus to these hills to be shot.

An investigation revealed that the fascists murdered about 5,000 people in the area of the Kalevi-Liiva hills. In order to cover up their crimes, from the beginning of 1944, the Germans began to dig up and burn the corpses of those shot, crushing the unburned bones and either burying them in the ground or scattering them over the fields together with the ashes.

The Germans set up three concentration camps in the oil shale mines, in the workers' settlement of Kiviõli (Virum County). Up to 9,000 civilians were held in these camps. All of them were used as labour force in the oil shale industry. For failing to comply with the norms, the prisoners were beaten with rubber hoses, deprived of food for 5-6 days, and thrown into the mines' wells filled with water. For the slightest offence the prisoners were shot.

A witness, Vihula M. F. testified: “My husband, Vihula Jugan, had worked for 15 years as a miner in the Kiviõli oil shale. As soon as the Germans came here, he was arrested and shot (on 27 August 1941). Seventy other miners were shot at the same time as him, among them: Salusoo, Klampe, Koose, Kappel, Normas, Alferov, Mägi”.

In Narva, the German fascist invaders set up seven camps for civilians and prisoners of war. The Germans turned into camps the Estonian primary school, the buildings at the flax-spinning factory, the Russian clubhouse and the “Red Barns”. Tens of thousands of people were permanently imprisoned in the camps. In the camp for Soviet prisoners of war alone, located in the “Red Barns”, there were permanently15 to 20 thousand people. They were systematically shot by the Hitlerites. The bodies of the tortured to death and at times alive people were burned in the furnaces of the boiler room at the flax-spinning factory. Then they were buried in the ground of the forest behind the village Popovka and in the trenches behind the “Red Barns”.

The special commission determined that over a period of three years the Hitlerites slaughtered about 30,000 civilians and Soviet prisoners of war in Narva. They murdered 8,000 Soviet people in the camps in Virumaa county: Kuremäe, Vivikonna, Auvere, Iihvi, Kohtla-Järve, Kukruse, Perm, Golfidst, Ereda-Asundus, Sonda, Azeri and Kunda.

Former prisoner Gordon M. S., who was in one of the Ereda-Asundus camps, stated: “In April 1944, I was among the 150 people imprisoned in the Ereda camp. At the time, the camp commander was a German, Schnibel. The camp was split into two sections. One section contained healthy people, another section contained sick people. The daily mortality rate was between 20 and 30 persons. The sick were not given medical care. The German aid-man Glinger would beat the sick to death with a cane”.

The SS lance-corporal, Sharfeter (a German), was particularly brutal in the camps. A former Ihvi camp prisoner, D. S. Hamburg, testified: “Upon arrival at our camp in December 1943, Corporal

Scharfeter declared that he would not have any patients, and on the very first day he shot two of the sick and burnt their corpses in the kiln of the sawmill. Soon after, Scharfeter killed two more typhus patients".

## The German executioners will face justice.

The Extraordinary State Commission holds responsible for all atrocities, destruction of cultural and material values and looting: Hitler's government, the German military command as well as individual organizers and perpetrators of the atrocities:
Field Marshal General von Leeb, Field Marshal General von Küchler, Colonel General Model, Colonel General Lindemann, Infantry General Frisner, Colonel General Scherner, German Chief Commissioner Obergruppenführer Karl Litzmann, Commander of the Narva Army Group Infantry General Grasser, Commander of the German 3rd Armored Corps General Steiner, Commander of the 4th Tank-Grenadier Brigade Lieutenant General Wagner, Commander of the 11th Tank-Grenadier Division Major General Ziegler, Gruppenfuhrer Aster, Standartenfuhrer Menzel, Standartenfuhrer Prince von Hohenlohe, Chief of German Security Police and SD - Obersturmbannfuhrer Dr. Zanberger, his Deputy Sturmbannfuhrer Geissler, Standartenfuhrer Bucking, Tartu District Commissioner Standartenfuhrer Lothar Bombe, commander of all Estonian camps Hauptsturmbannführer von Gold, Sturmbannführer Schwarze, chief camp doctor Dr. Bodman, camp commander Klog Verlee and other individuals referred to in this report.

**ПРАВДА**

16 декабря 1943 г., № 308

# НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ЗЛОДЕИ ПЕРЕД СУДОМ СОВЕТСКОГО НАРОДА

В Харькове начался судебный процесс. Преступники, совершившие чудовищные злодеяния над мирным населением и над ранеными красноармейцами во время немецкой оккупации, предстали перед советским судом. Такой суд происходил недавно в Краснодаре. Тогда на скамье подсудимых сидели предатели Родины, презренные изменники, пособники гитлеровских палачей. Их хозяевам, немецко-фашистским извергам, удалось на время скрыться от суда и справедливого возмездия.

В Харькове на скамье подсудимых сидят немцы-преступники. Рука советского правосудия настигла их и покарает. Армия немецких варваров не могла и не может выручить своих сообщников. Немецкие банды успешно изгоняются из временно захваченных ими советских районов, где всюду после них обнаруживаются следы кошмарных преступлений и зверств, совершённых немецкими разбойниками в соответствии с людоедскими приказами гитлеровского командования.

То, что немцы-преступники схвачены, уличены и держат ответ перед судом советского народа, – есть прямое следствие побед, одерживаемых Красной Армией. Отпетые фашистские волки, прожжённые бандиты, палачи и грабители, прижатые к стене неумолимыми фактами, дают показания, изобличающие в неслыханных преступлениях всю правящую фашистскую клику во главе с обер-бандитом Гитлером.

На скамье подсудимых сидят трое гитлеровцев-преступников и с ними – изменник, предатель Родины. Обвинительное заключение, публикуемое сегодня в «Правде», полностью изобличает в тягчайших преступлениях гитлеровскую банду, которая зверствовала в Харькове.

На скамье подсудимых в Харькове – гитлеровские убийцы. То, что совершили в Харькове схваченные и изобличённые немецко-фашистские преступники, совершают они и в других городах и сёлах, временно захваченных немцами.

Изложенное скупыми и точными словами судебного документа, обвинительное заключение рисует потрясающую картину страшной жизни и мучительной смерти жителей Харькова, попавших в лапы гитлеровских хищников. Мы снова, как в Краснодаре, видим ужасные машины смерти, газовые автомобили – «душегубки», отвратительный вклад немецкой палаческой мысли в технику массового истребления

беззащитных людей. Мы снова, как в Краснодаре, слышим душераздирающие крики, рыдания, стоны матерей, которых вместе с их детьми вталкивали в «душегубки» и обрекали на мучительную смерть. Кровь стынет в жилах, когда читаешь показания непосредственного участника умерщвления советских людей обвиняемого Рецлава.

«Массовые казни путём повешения и расстрелов, – заявил этот негодяй, – казались для германского командования слишком хлопотливыми и медленными средствами для достижения поставленных перед карательными органами задач, поэтому приходилось задумываться над применением более простых способов истребления населения и, надо сказать, что они были найдены».

Проклятые немецкие убийцы хотели себя избавить от лишних хлопот! Им уже кажутся слишком медленными ранее применявшиеся ими способы убийства советских мирных людей. Они механизировали их, они жадно добиваются всё новых и новых жертв. Знал ли мир когда-нибудь подобные злодеяния? Знал ли мир подобных преступников?

В обвинительном заключении перечислена лишь часть тех злодеяний, которые были совершены гитлеровцами. Они убивали людей, они пытались убить самый город, разрушали, взрывали, жгли здания, уничтожали культурные ценности, расхищали и вывозили в Германию народное добро. Они угнали в немецкое рабство, на гитлеровскую каторгу десятки тысяч советских граждан. Они ответят за всё!

Не воины, а бандиты и звери, лишённые человеческого образа, сидят на скамье подсудимых в Харькове. Они чинили свои зверства над мирным населением, безоружным, беззащитным. Их преступления – это неслыханная уголовщина, невиданный бандитизм, и немецкая военная форма на убийцах женщин и детей не уменьшает их ответственности перед судом.

Именно эти уголовщина и бандитизм, неслыханное истребление мирного населения и составляют самую суть гитлеровской «тотальной» истребительной войны. Германское командование в своих военных школах и училищах ввело специальный курс лекций на тему о необходимости истребления подавляющего большинства народов Советского Союза и, особенно, русского и украинского народов. И лишь часть населения оккупированных районов Советского Союза гитлеровцы намеревались использовать в качестве рабов немецких помещиков. Выполняя предписания высшего германского командования и фашистского разбойничьего правительства, немецкие

изверги всяких рангов нагло и цинично нарушают все правила ведения войн, установленные международными конвенциями. Немецкие разбойники нагло растоптали все общепринятые правовые нормы. Германская армия – это сборище самых разнузданных уголовных преступников, самых закоренелых злодеев, смертельно опасных для человечества.

С величайшим вниманием будет следить весь советский народ за ходом харьковского процесса. В зале суда находятся советские граждане, которые в течение ряда мучительных месяцев испытывали гнетущий ужас полного бесправия и унизительного бессилия в большом городе, превращённом в мрачный фашистский застенок. Советские люди жили лишь надеждой на то, что придёт родная Красная Армия, освободит от невыносимых мук тех, кто ещё остался в живых, воздаст по заслугам фашистским убийцам.

Надежда их сбылась. Граждане Харькова видят на скамье подсудимых тех самых гнусных мерзавцев, которые ещё недавно, как победители, расхаживали по улицам Харькова, чинили мерзостные насилия над мирными гражданами, кичились своей силой перед слабыми и беззащитными. Подлецы расплатятся за свои кровавые преступления. Не уйдут от суда и их сообщники, поименованные в обвинительном заключении, – обергруппенфюрер войск СС Дитрих, группенфюрер войск СС Симон и другие фашистские мерзавцы.

Наша страна ожидает сурового справедливого приговора, его ожидают и все народы, находящиеся под гитлеровским ненавистным игом. Харьковский процесс имеет большое международное значение. Он провозглашает торжество справедливости. Он свидетельствует о том, что не останется безнаказанным наглое разбойничье нарушение международных правовых норм, что есть в мире сила, которая прекратит существование фашистского разбойничьего гнезда в Европе н восстановит безопасность народов.

Война против разбойничьей гитлеровской Германии идёт к окончательной развязке. Всё больше и больше растёт страх немецко-фашистских злодеев перед неизбежной расплатой. Тщетно пытаются они скрыть свои преступления, замести кровавые следы. Они изобличены, они не укроются и на краю света. Меч Красной Армии и армий наших союзников победоносно предшествует мечу правосудия. Этот меч не будет вложен в ножны, пока своей головой не ответят главари проклятой фашистской банды за все свои преступления перед человечеством.

Смерть немецким захватчикам!

# СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

## О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОР. ХАРЬКОВА И ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ИХ ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ

ХАРЬКОВ, 15 декабря (ТАСС). Сегодня в гор. Харькове в Военном Трибунале 4-го Украинского фронта под председательством генерал-майора юстиции тов. **А. Н. Мясникова** и при участии государственного обвинителя полковника юстиции тов. **Н. К. Дунаева** началось слушанием дело о зверствах немецко-фашистских захватчиках на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.

По настоящему делу преданы суду по обвинению в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, чиновник 560 группы германской тайной полевой полиции старший ефрейтор вспомогательной полиции **Рецлав** Рейнгард, офицер германской военной контрразведки **Лангхельд** Вильгельм, заместитель командира роты СС «зондеркоманды СД», унтерштурмфюрер СС **Риц** Ганс и их пособник, изменник Родине **Буланов**, служивший в качестве шофера в Харьковской «зондеркоманде СД».

В судебном заседании участвует судебно-медицинская экспертиза в составе главного судебно-медицинского эксперта НКЗ СССР директора научно исследовательского института судебной медицины т. **В. И. Прозоровского**, профессора кафедры судебной медицины 2 Московского медицинского института т**. В. М. Смольянинова**, старшего научного сотрудника Института судебной медицины т. **П. С. Сеженовского**, главного судебно-медицинского эксперта 2-го Украинского фронта, майора медицинской службы т. **М. П. Притворова**, судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы т. **Г. И. Городниченко** и патолога-анатома майора медицинской службы т. **Д. Е. Якаша**.

Обвиняемых защищают по назначению от суда адвокаты тт. **Н. В. Коммодов, С. К. Казначеев** и **Н. Н. Белов**.

Председательствующий генерал-майор юстиции тов. Мясников производит опрос подсудимых и свидетелей, предупреждая свидетелей об их обязанности показывать суду правду. Председатель предупреждает судебно-медицинских экспертов, что они должны представлять суду свои заключения в соответствии со своими специальными познаниями. Присутствующие на суде переводчики

предупреждаются председателем об их обязанности с абсолютной точностью переводить все вопросы и ответы.

После того, как опрос подсудимых и свидетелей закончен, суд оглашает обвинительное заключение. Его зачитывает секретарь суда капитан юстиции т. Кандыбин.

Обвинительное заключение подробно воспроизводит чудовищную картину массовых убийств и истязаний ни в чём не повинных советских людей, которые были тысячами уничтожены немецко-фашистскими извергами, временно оккупировавшими город Харьков и Харьковскую область.

Ниже приводится текст судебного обвинения.

## ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

### ПО ДЕЛУ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В Г. ХАРЬКОВЕ И ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По мере изгнания немецко-фашистских захватчиков с временно оккупированной советской территории вскрываются всё большие и большие злодеяния, творимые войсками германской армии.

После освобождения от немецких фашистов города Харькова и Харьковской области были выявлены многочисленные факты чудовищного истребления немцами мирных советских граждан, а том числе женщин, стариков и детей.

Немецко-фашистские войска, под руководством своих начальников, удушили в специально оборудованных газовых машинах - «душегубках», повесили, расстреляли и замучили многие десятки тысяч советских людей, разграбили имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций, сожгли и разрушили целые города и тысячи населённых пунктов, угнали в немецкое рабство многие сотни тысяч мирных жителей.

Все эти злодеяния и бесчинства являются не отдельными изолированным фактами, а лишь звеном в большой цепи преступлений, которые творились и творятся

немецкими захватчиками по прямому указанию германского правительства и Верховного командования немецкой армии.

Ещё задолго до войны главарь ненецких фашистов Гитлер, излагая планы порабощения Европы, указывал на необходимость истребления славянских народов – русских, украинцев, поляков, чехов и других.

Ближайший помощник Гитлера – Геринг, реализуя установи своего хозяина, призывал немцев убивать советских граждан.

Эти людоедские установки фашистских руководителей являлись и являются основой воспитания немецкой армии, давшего свои кровавые плоды.

Для практического осуществления планов Гитлера по истреблению славянских народов германское командование в своих военных школах и училищах, ввело специальный курс лекций на тему о необходимости истребления советских людей. Так, обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии **Рецлав** Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал:

«На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо указывали о том, что народы Советского Союза и особенно русской национальности являются неполноценными и должны быть, в подавляющем большинстве, уничтожены, а в незначительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов. Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий и, надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мной, неуклонно выполнялись» (т. 2, л. д. 67).

Когда началась война с СССР, эти установки немецкие войска начали проводить в жизнь во временно оккупированных районах Советского Союза.

Вторгнувшись на территорию нашей Родины и встретив повсеместное сопротивление советского народа, немецко-фашистские армии и германские карательные органы начали широко применить разбой и убийства ни в чём не повинных советских людей.

Взятый в плен частями Красной Армии оберштурмбаннфюрер **Хейниш** Георг – бывший заместитель начальника штаба Гесса, занимавший на временно оккупированной советской территории пост окружного комиссара города Мелитополя, член национал-социалистической партии с 1923 года, на допросе показал:

«В середине августа 1943 года, а одном низ посёлков близ города Равно состоялась конференция 28-ми окружных комиссаров Украины. Работой конференции руководил имперский комиссар Украины – Кох. Из докладов окружных комиссаров вытекало, что население сопротивляется насильственной мобилизации на работу в Германию. В связи с этим Кох говорил о необходимости усилить мероприятия против населения и не останавливаться перед тем, чтобы уничтожить лишних несколько тысяч человек. В частности, он заявил, что принял решение отправить на работу в Германию максимальное количество работоспособных жителей районов Северной Украины, а остальное население этих районов полностью уничтожить, так как в этих районах действовало несколько неуловимых партизанских отрядов, а ранее применяемые к мирному населению репрессивные меры – сожжение деревень, массовые расстрелы и уничтожение жителей этих районов, по словам Кока, удовлетворительных результатов не дали.

Уничтожение наибольшего числа граждан Советской России может пойти только на пользу Германии, так как это ослабляет Россию.

Последние слова Коха отражают линию Гитлера и его ставки. Особенно беззастенчиво германское командование проводит эту линию при отступлении, когда производятся максимально полные разрушения всех населённых пунктов и принудительная эвакуация местного населения.

Того, кто отказывается эвакуироваться, расстреливают на месте.

Дети, старики, а также женщины, угоняемые немцами, погибают от голода, так как их никто не снабжает продовольствием, от болезней и лишений.

Ясно, что такого рода мероприятия не имеют другого смысла, кроме уничтожения максимального количества советских людей с тем, чтобы большевики не получили рабочей силы и пополнений в армию» (т. 3, л. д. 9-10)

Таким образом, зверское истребление советских люден путём умерщвления их в газовых автомобилях – «душегубках», расстрелов и избиений, насилия и грабежей,

чинимых немецкими войсками в городе Харькове и Харьковской области, является выполнением чудовищных планов правящем клики фашистской Германии по уничтожению советского народа.

Следствием установлено, что зверства, насилия и грабежи в городе Харькове и Харьковской области во время их оккупации немцами чинились офицерами и солдатами германской армии и в частности:

дивизией СС «Адольф Гитлера, под командованием обергруппенфюрера войск СС **Дитрих**;

дивизией СС «Мёртвая голова», которой командовал группенфюрер войск СС **Симон**;

германскими карательными органами: Харьковской «зондеркомандой СД», во главе с её начальником штурмбаннфюрером **Ханебиттер**;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции **Кархан** и его заместителем – секретарём полиции **Вульф**;

560 группой ГФП при штабе 6-й германской армии – комиссаром полиции **Мериц**;

привлечёнными по настоящему делу в качестве обвиняемых:

**Рецлав** Реингардом, чиновником 560 группы германской тайной полевой полиции;

**Лангхельд** Вильгельмом – капитаном германской военной контрразведки;

**Риц** Гансом – заместителем командира роты СС «зондеркоманды СД»;

пособником немцев, изменником Родины:

**Булановым** Михаилом – шофёром Харьковской «зондеркоманды СД».

Предварительным следствием установлена система:

удушения – окисью углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» многих тысяч советских людей;

зверской расправы над мирными советскими гражданами и уничтожения городов и населённых пунктов временно оккупированной территории;

массового истребления стариков, женщин и малолетних детей;

расстрелов, сожжения и издевательств над советскими ранеными и военнопленными.

Всё это является вопиющим нарушением правил ведения войны, установленных международными Конвенциями, и общепринятых правовых норм.

I.

Судебным следствием по делу о зверствах немецких оккупантов в городе Краснодаре, произведённым в июле 1943 года, было установлено существование специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», в которых германские карательные органы умерщвляли мирных советских граждан окисью углерода. Судебно-медицинская экспертиза, производившая эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных в противотанковом рву близ города Краснодара, в своём заключении от 29 июня 1943 года констатировала:

«На основании судебно-медицинских данных – розовой, розово-красной и ярко-красной оболочки кожных покровов, слизистой губ, скелетных мышц, наружной оболочки сердца, брюшины, наружной оболочки кишечника, слизистой оболочки желудка, поверхности разрезов почек и в некоторых случаях других внутренних органов (например: лёгких, сердца), судебно-химических и спектроскопических исследований крови, кровянистой жидкости и кусочков органов, изъятых из трупов при судебно-медицинских исследованиях, установлено, что причиной смерти в 523 случаях (из эксгумированных 623 трупов) было отравление окисью углерода» (т. 4, л. д. 77-78).

Как установило следствие, такие же «газовые автомобили», получившие название «душегубки», немцы применяли для умерщвления мирных советских граждан, помимо Краснодара, также и в городе Харькове.

Машины эти, как показывают обвиняемые немцы, привлечённые по настоящему делу, а также и свидетели, являвшиеся очевидцами творимых немцами злодеяний, – представляют собой крытые больших размеров автомашины тёмно-серого цвета, с дизельмотором.

Внутри эти автомашины обиты оцинкованным железом и в задней части кузова имеют две двухстворчатые, герметически закрывающиеся дверцы. Пол кузова

оборудован деревянной решёткой, под которой проходит труба с отверстиями, соединяющаяся с выхлопной трубой мотора.

Отработанные газы дизельмотора, содержащие окись углерода высокого концентрации, поступают в кузов автомашины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушений запертых в машине людей. Обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии **Рецлав** Рейнгард, чиновник группы германской тайной полевой полиции в городе Харькове, принимавший непосредственное участие в умерщвлении советских людей посредством газовых автомобилей – «душегубок», – показал:

«Массовые казни путём повешения и расстрелов казались для германского командования слишком хлопотливыми и медленными средствами для достижения поставленных перед карательными органами задач, поэтому приходилось задумываться над применением более простых способов истребления населения и, надо сказать, что они были найдены.

Придя как-то в первых числах марта 1942 года в тюрьму, я обратил внимание на группу полицейских, столпившихся около находившейся во дворе большой автомашины тёмно-серого цвета, которая стояла около самого входа в тюрьму с открытыми сзади дверцами.

Увидев среди столпившихся полицейских своего знакомого сотрудника СД Каминского (немец из Берлина, служивший до войны в отряде СС), я спросил у него, что это за машина и для какой цели она предназначена. Каминский рассказал, что это «газовый автомобиль» и предназначен для умерщвления людей.

Впоследствии мне много раз приходилось наблюдать работу этой машины и несколько раз принимать непосредственное участие в погрузке в неё арестованных, содержавшихся в Харьковской тюрьме. При этом я убедился, что газовый автомобиль вполне соответствует своему назначению» (т. 2, л. д. 68-69).

Применение немцами для уничтожения советских граждан «газовых автомобилей» – «душегубок» подтверждают также привлечённые по настоящему делу в качестве обвиняемых немцы: унтерштурмфюрер **Риц** Ганс, заместитель командира роты СС, капитан германской армии **Лангхельд** Вильгельм – офицер военной контрразведки, изменник Родины **Буланов** Михаил – шофёр Харьковской

«зондеркоманды СД», а также свидетели: немцы оберштурмбаннфюрер **Хейниш** – окружной комиссар города Мелитополя, **Кош** Карл – инженер роты 79 германской печатной дивизии и **Бойко** Иван – шофёр Харьковской «зондеркоманды СД».

Свидетель оберштурмбаннфюрер **Хейниш** показал:

«В СД (служба безопасности) был изготовлен так называемый «газовый автомобиль». По внешнему виду он почти ничем не отличался от обыкновенного тюремного автомобиля, но его кузов закрывается герметически и выхлопные газы от мотора по специальной трубке направляются в кузов. В эту машину вмещается несколько десятков человек. Им, обыкновенно, объявляется, что они отправляются в другую тюрьку или лагерь.

Когда автомобиль трогается, газы направляются в кузов и находящиеся там люди задыхаются» (т. 3, л. д. 4).

Показывая о применении немцами этого страшного орудия смерти, сами же немцы – обвиняемые по настоящему делу, рисуют чудовищные картины подготовки к умерщвлению и насилию над советскими гражданами во время погрузки их я газовые автомобили – «душегубки».

Тот же обвиняемый ст. ефрейтор германской армии **Рецлав** показал:

«Когда доходила очередь до посадки в машину женщин, – это были самые страшные картины. Все без исключения женщины, не говоря уже о детях, рыдали, падали на колени, умоляя пощадить их. Плач женщин перемешивался с плачем детей, которые обращались к нам, к непосредственным участникам и исполнителям этих злодеяний, с просьбами о пощаде. Но в ответ на это получали пинки, удары прикладами винтовок и рукоятками пистолетов.

В таких случаях я, вместе со мной и другие чиновники ГФП и СД скручивали женщинам руки и вталкивали их в машину. С детьми дело обстояло ещё проще. Их хватали за руки, а нередко и за ноги, и с размаха бросали в кузов машины.

Такие действия вызывали проклятия по адресу немцев, и двор наполнялся душераздирающими криками, мольбой о помощи и пощаде. Мне припоминается такой факт, когда женщина, на глазах которой офицер СД бросил в кузов машины её ребёнка, – набросилась на офицера, вцепилась руками ему в лицо и расцарапала его до крови.

В большинстве случаев с такими непокорными арестованными расправлялись просто: их тут же пристреливали, а затем бросали в машину». (т. 2, л. д. 94–95)

Свидетель **Бойко** Иван Семёнович, работавший шофёром в Харьковской «зондеркоманде СД» и ставший вследствие этого очевидцем многих злодеяний немецких фашистов, показал:

«Больные, поняв, что они обмануты и что им готовят гибель, при посадке в машину сопротивлялись, но гестаповцы загоняли людей в «газваген» ударами прикладов и палок, заставляя более здоровых втаскивать в машину тех, кто не мог передвигаться самостоятельно.

В кузове машины слышались крики о помощи и рыдания женщин.

Когда в «газваген» было погружено около 50 человек больных и обслуживающего персонала, дверь машины захлопнули, и она направилась за город». (т. 3, л. д. 87)

Свидетельница **Подкопай** Ульяна Никитична, проживающая в городе Харькове, по Рыбной улице, где размещался гараж гестапо, в котором стояли «душегубки», показала:

«Среди арестованных были мужчины, женщины и дети, которых гестаповцы пинками и прикладами загоняли в машину. У многих на лицах были синяки и кровоподтёки, одежда порвана, женщины и дети плакали, но гестаповцы их хватали и насильно вталкивали в машину.

Когда автомашина была битком набита людьми и её хотели уже закрыть, два гестаповца ввели во двор плачущую женщину с двумя девочками лет 8 и 10-ти.

Одна из девочек, не понимая, что происходит, торопясь, стала кричать: «мама, иди быстрее, а то машина уйдёт без нас».

Подойдя к машине, женщина, услышав из неё крики и стоны, заплакала ещё сильнее и остановилась, но её силой втолкнули в кузов. Одна из девочек в это время тоже заплакала и стала кричать: «мама, мама».

Стоявшие рядом гестаповцы схватили обеих девочек и бросили в машину к обезумевшей от страха матери. Вслед за этим двери машины захлопнулись, и она выехала со двора тюрьмы». (т. 3, л. д. 182)

Следствием также установлено, что немецкие захватчики трупы советских людей, после умерщвления их в «душегубках», вывозили на окраину города Харькова, где выбрасывали в пустые бараки и другие полуразрушенные здания, обливали бензином и затем сжигали.

Обвиняемый старший ефрейтор германской армии **Рецлав** по этому вопросу показал:

«В конце марта 1942 года я принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль» и затем получил приказание Ханебиттер сопровождать машины к месту разгрузки. Проехав че-

(Продолжение см. на 3-й стр.)

**PRAVDA**

16 December 1943, No 308

# GERMAN-FASCIST VILLAINS BEFORE THE COURT OF THE SOVIET PEOPLE

A trial has begun in Kharkov. The criminals who committed heinous atrocities against civilians and wounded Red Army soldiers during the German occupation were brought before the Soviet court. A similar trial took place recently in Krasnodar. Then, the traitors of the Motherland, despicable betrayers, and collaborators of Hitler's executioners sat in the dock. Their masters, the German-fascist monsters, managed for a time to escape justice and fair retribution.

German criminals are sitting in the dock in Kharkov. The hand of Soviet justice has caught up with them and will punish them. The army of German barbarians could not and cannot bail out their accomplices. German gangs are successfully driven out of the temporarily seized Soviet regions; everywhere after them, the traces of the nightmarish crimes and atrocities committed by the German brigands in accordance with the cannibalistic orders of Hitler's command are being discovered.

The fact that the Germans-criminals have been captured, are being accused and held accountable before the court of the Soviet people is a direct consequence of the Red Army's victories. The inveterate fascist wolves, arrant bandits, executioners and looters, pinned to the wall by the inexorable facts, testify, exposing the entire ruling fascist clique led by the ober-bandit Hitler, for unheard-of crimes.

Three Hitlerite criminals are sitting in the dock, and a traitor to the Motherland with them. The indictment, published today in *Pravda*, fully exposes the gravest of crimes of the Hitlerite gang that brutalised Kharkov.

Those in the dock in Kharkov are the Hitlerites-murderers. What the captured and convicted German-fascist criminals have done in Kharkov, they are also doing in other cities and villages temporarily overrun by the Germans.

Set out in the meagre and precise words of the court document, the indictment paints a stunning picture of the terrible lives and painful deaths of Kharkov's residents caught in the clutches of Hitler's predators. Once again, as in Krasnodar, we see the horrific machines of death, the 'gas vehicles (or 'gas vans') – this hideous contribution of German executioners to the technique of mass extermination of defenceless people. Once again, as in Krasnodar, we hear the heart-rending screams, sobs, and moans of the mothers who, together with their

children, were pushed into the ‘gas vans’ and condemned to an excruciating death. The blood runs cold in our veins when we read the testimony of the direct participant in the slaughter of the Soviet people, the defendant Retzlaff.

“Mass executions by hanging and shooting,” said this scoundrel, “seemed, to the German commanders, too troublesome and slow a means of achieving their punitive objectives, so they had to consider the use of simpler ways of extermination, and it must be said, they found it”.

The damned German killers wanted to save themselves the hassle! They find their previous methods of killing Soviet civilians already too slow. They mechanised them, greedily soughing more and more victims. Has the world ever known such atrocities? Has the world ever known such criminals?

The indictment lists only part of the atrocities committed by the Hitlerites. They killed people, tried to kill the city itself, wrecked, blew up, and burned buildings, destroyed cultural values, and plundered and shipped [our] national wealth to Germany. They drove tens of thousands of Soviet citizens into German slavery, into Hitler’s slave labour. They will answer for everything!

Not warriors, but bandits and beasts stripped of their human image, are in the dock in Kharkov. They have committed atrocities against the civilians, unarmed and defenceless. Their crimes are of an unheard-of savage felony, unprecedented banditry, and the German military uniform on the murderers of women and children does not diminish their responsibility before the court.

This criminality and banditry, the unheard-of extermination of the civilian population, constitute the very essence of Hitler’s ‘total’ war of extermination. The German command introduced a special course of lectures at its military schools and colleges, on the need to exterminate the vast majority of the Soviet nationals and, especially, the Russian and Ukrainian peoples. The Hitlerites intended to use only part of the population of the occupied Soviet regions as slaves for the German landlords. Fulfilling the dictates of the German high command and the fascist outlaw government, German brigands of all ranks brazenly and cynically violated all the rules of warfare established by international conventions. German brigands have brazenly trampled on all generally accepted legal norms. The German army is a gathering of the most unbridled thugs, the most deep-rooted villains, deadly to humankind.

The entire Soviet State will follow the Kharkov trial with the greatest attention. The Soviet citizens present in the courtroom have experienced, for a number of painful months, the oppressive horror of total disenfranchisement and humiliating powerlessness in a large city transformed into a gloomy fascist jail. The Soviet people lived only with the hope that their own Red Army would come, free those who were still alive from unbearable suffering, and reward the fascist murderers for what they deserved.

Their hope has come true. The citizens of Kharkov see in the dock the same vile scoundrels. The latter, not long ago, paraded like victors through the streets of Kharkov, inflicted abominable violence on civilians, and boasted of their strength before the weak and defenceless. The scoundrels will pay for their bloody crimes. Neither will escape justice their accomplices named in the indictment – SS-Obergruppenführer Dietrich, SS-Gruppenführer Simon and other fascist scoundrels.

Our country is awaiting a harsh and just verdict, as do all the nations under Hitler's hateful yoke. The Kharkov trial is of great international significance. It proclaims the triumph of justice. It shows that the insolent brigandish violation of international legal norms will not go unpunished. There is a force in the world that will end the existence of the fascist nest of thieves in Europe and restore the security of nations.

The war against Hitler's outlaw Germany is heading for a final denouement. More and more grows the fear of the German-fascist villains of the inevitable reckoning. In vain, they try to hide their crimes, to cover up the bloody traces. They have been exposed, and they will not be able to hide even at the world's edge. The Red Army's sward, and that of our allies', victoriously precede the sword of justice. This sword will not be sheathed until the ringleaders of the damned fascist gang answer with their heads for all their crimes before humankind.

Death to the German invaders!

# THE TRIAL

## OF ATROCITIES COMMITTED BY GERMAN-FASCIST INVADERS ON THE TERRITORY OF KHARKOV AND THE KHARKOV REGION DURING THEIR TEMPORARY OCCUPATION

KHARKOV, 15 December (TASS). Today in Kharkov, at the military tribunal of the 4th Ukrainian Front, chaired by Justiciary Major-General **A. N. Miasnikov** and with the participation of the State Prosecutor, Justiciary Colonel **N. K. Dunaev**, proceedings in the

trial of the case of the atrocities committed by the German-fascist invaders on the territory of Kharkov and the Kharkov region during their temporary occupation were open.

Those committed for trial in the present case and charged with crimes covered by order of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 19 April 1943 are: Corporal of Auxiliary Police Reinhard **Retzlaff** (a member of the 560th Group of German Secret Field Police); Officer of the German Military Counter-Espionage Service Wilhelm **Langheld**; SS-Untersturmführer Hans **Ritz** (assistant SS Company Commander of the SD Sonderkommando); and their accomplice, traitor to the Motherland, **Bulanov**, who served as a driver with the Kharkov SD Sonderkommando.

The board of medico-legal experts taking part in the proceedings is composed of: the chief medico-legal expert of the USSR People's Commissar for Health, Director of the Research Institute of Forensic Medicine **V. I. Prozorovskii**; Professor of Forensic Medicine at the Second Moscow Medical Institute **V. M. Smol'ianinov**; senior staff member of the Institute of Forensic Medicine **P. S. Semenovskii**; chief medico-legal expert of the 2nd Ukrainian Front, Major of Medical Service **M. P. Pritvorov**; medico-legal expert Major of Medical Service **G. I. Gorodnichenko**; pathologist Major of Medical Service **D. E. Iakash**.

Lawyers appointed by the court for the defence are Cdes **N. B. Kommodov, C. K. Kaznacheev** and **N. P. Belov**.

The presiding judge interrogates the defendants and witnesses and warns the latter of their duty to testify the truth. He then warns the medico-legal experts that they must present their findings in conformity with their specific knowledge. The court interpreters are then warned that their duty is to interpret all questions and answers with absolute precision.

When the questioning of the accused and witnesses was completed, the court heard the indictment, which was read by the Court Secretary, Justiciary Captain Cde Kandybin.

The indictment gives a detailed account of the massacres and torture to which were subjected perfectly innocent Soviet people, whom the German-fascist monsters exterminated by the thousand in Kharkov and its region.

The text of the indictment is presented below.

# THE INDICTMENT

## IN THE CASE OF THE ATROCITIES COMMITTED BY THE GERMAN-FASCIST INVADERS IN KHARKOV AND ITS REGION

As the German-fascist invaders are being expelled from the Soviet territory, ever greater crimes committed by their troops are coming to light.

After the liberation of the city of Kharkov and its region, numerous facts were revealed about the monstrous extermination by the Germans of Soviet civilians, including women, children and the elderly. Under the direction of their superiors, the German-fascist troops asphyxiated in specially equipped gas vehicles – the 'gas vans', hanged, shot or tortured to death many tens of thousands of Soviet people; plundered the State property, economic, cultural and public organisations; burned to the ground and destroyed entire cities and thousands of settlements. They drove to slavery in Germany hundreds of thousands of civilians.

All these crimes and outrages are not isolated facts but only a link in the long chain of crimes which have been and are being committed by the German invaders under the direct instructions of the German Government and the Supreme Command of the German Army.

Long before the war, Hitler, the leader of the German fascists, in expounding his plans for the enslavement of Europe, pointed out the necessity for exterminating the Slavic people – Russians, Ukrainians, Poles, Czechs and others.

Hitler's closest associate, Goring, acting on the principles enunciated by his master, called upon the Germans to murder Soviet citizens.

These cannibalistic principles of the fascist leaders have formed, and still do today, the basis of the German army's education, which has yielded sanguinary results.

For the practical implementation of Hitler's plans to exterminate the Slavic nations, the German Command introduced a special course of lectures on the necessity of exterminating the Soviet people in its military schools and colleges.

Thus, the accused in the present case, Corporal Reinhard **Retzlaff** of the German Army, who passed such training in the independent 'Altenburg' Battalion, stated at the preliminary examination:

"At the courses, there were even lectures by leading officials of the GFP (German Secret Field Police [Geheime Feldpolizei]) who directly stated that the peoples of the Soviet Union, especially of Russian nationality, are inferior, and the overwhelming majority of them are to be exterminated while an insignificant minority are to be used as slaves by German landowners. These instructions were the outcome of the German governmental policy towards the occupied territories. In practice, every member of the German army, including myself, carried them out infallibly". (Vol. 2, l. d. 67)

When the war against the USSR broke out, the German troops proceeded to put these principles into effect in the temporarily occupied territories. Invading our country and encountering total resistance from the Soviet people, the German armies and punitive organs began to practise brigandage and murder on a large scale against innocent Soviet people.

Having been taken prisoner by the Red Army, Obersturmbannführer Georg **Heinisch**, formerly assistant chief of Hess's general staff, a member of the National Socialist Party since 1923, and holding, in temporarily occupied Soviet territory, the post of District Commissioner of Melitopol, stated during his interrogation:

"In mid-August 1943, a conference of 28 District Commissioners in Ukraine was held in a village near the town of Rovno.

The deliberations of the conference were directed by Ukraine's Reichskommissar, Koch.

It was clear from reports of the District Commissioners that the population was resisting compulsory mobilisation for work in Germany.

In this connection, Koch spoke of the necessity of adopting more severe measures against the population, proceeding to exterminate a few extra thousand people.

In particular, he stated he had decided to dispatch for work in Germany the maximum number of able-bodied inhabitants from North Ukrainian districts and completely exterminate the rest of the population of these districts. According to Koch, several elusive guerrilla detachments operated in them. Repressive measures previously carried out against the civilians – burning down villages, mass shootings and extermination in these districts – had not given satisfactory results.

The extermination of the maximum number of Soviet citizens could only benefit Germany, as it is bound to weaken Russia.

These last Koch's words express the policy of Hitler and his staff, a policy they carried out with particular brazenness during the retreat when they destroyed all settlements and forced the local population to leave for Germany.

Those who refuse to leave are shot on the spot. Children, women and the elderly, driven off by the Germans, die of sickness, privation and hunger as no one supplies them with food.

It is clear that these measures have no other aim but the extermination of the maximum number of Soviet citizens so that the Bolsheviks might be deprived of the labour force and reinforcement for the army". (Vol. 3, l. d. 9-10)

Thus, the brutal extermination of the Soviet people employing asphyxiation in gas vehicles - the 'gas vans', along with shootings and beatings, physical abuse and plunder perpetrated by German troops in Kharkov and its region, constitute the fulfilment of the monstrous plans of fascist Germany's ruling clique for the extermination of the Soviet people.

The inquiry has established that the atrocities, violence and plunder in Kharkov and its region were committed by officers and soldiers of the German army. In particular, it was committed by:

- SS Division 'Adolf Hitler', commanded by the SS Troops Obergruppenführer **Dietrich**;

- SS Division 'The Dead Head' [Totenkopf], commanded by the SS Troops Gruppenführer **Simon**;

The German punitive organs:

- The Kharkov SD Sonderkommando, led by its commander, Sturmbannführer **Hanebitter**;

- The German Secret Field Police group of Kharkov, headed by Polizei Kommissar **Karchan** and his deputy, Police Secretary **Wulf**;

- The 560th Group of German Secret Field Police, attached to the staff of the 6th German Army, Polizei Kommissar **Mehritz**;

The defendants in the present case are:

- Reinhard **Retzlaff**, a member of the 560th Group of German Secret Field Police;

- Wilhelm **Langheld**, Captain of the German Military Counter-Espionage Service;

- Hans **Ritz**, Assistant Commander of the SS Company SD Sonderkommando;

- Mikhail **Bulanov**, driver at the Kharkov SD Sonderkommando.

The preliminary examination has established the functioning as follows:

- Asphyxiation with carbon monoxide in specially equipped vehicles, the 'murder vans', of many thousands of Soviet people;

- Brutal massacres of Soviet civilians and destruction of cities and villages in the temporarily occupied territory;

- Mass extermination of the elderly, women and small children;

- Shooting, burning and mistreatment of Soviet wounded soldiers and POWs.

All this constitutes a flagrant violation of the rules for the conduct of war established by international conventions and generally accepted legal standards.

I

The proceedings in the case of atrocities committed by the German invaders in Krasnodar, which took place in July 1943, established the existence of specially equipped vehicles called the 'gas vans', in which German punitive organs asphyxiated Soviet civilians with carbon monoxide.

Medico-legal experts who exhumed and examined the bodies found in an anti-tank ditch near Krasnodar stated in their post-mortem findings dated 29 June 1943:

"- Based on forensic evidence: pink, pink-red and bright red skin, lips mucosa, skeletal muscles, the outer lining of the heart, peritoneum, outer lining of the intestine, stomach mucosa, cut surfaces of the kidneys and in some cases, other internal organs (e.g.: lungs, heart);

- And on spectroscopic and chemical examinations of blood and portions of organs removed for biopsy;

The conclusion: in 523 cases out of the 623 exhumed bodies, death was caused by carbon monoxide poisoning". (Vol. 4, l. d. 77-78)

The inquiry established that identical ‘gas vehicles’ called the ‘gas vans’ were used by the Germans to murder Soviet civilians not only in Krasnodar but also in Kharkov.

These vans, as testified by the German defendants in the present case and also by witnesses who saw the crimes committed by the Germans, are large closed trucks of dark grey colour with Diesel engines.

The vans are lined with galvanised iron and have air-tight folding doors at the back. The floor is equipped with a wooden grating under which passes a pipe with apertures. This pipe is connected to the exhaust pipe of the engine. The exhaust gases of the Diesel engine, containing highly concentrated carbon monoxide, enter the body of the van, causing rapid poisoning and asphyxiation of those locked up in the van.

One of the accused in the present case, Corporal Reinhard **Retzlaff** of the German army, and a member of the German Secret Field Police Group in Kharkov, who directly participated in the murder of Soviet civilians in ‘gas vehicles (the ‘gas vans’) stated:

“Mass executions by hanging and shooting seemed to the German Command too troublesome and slow a way of accomplishing too troublesome and slow their punitive objectives, so they had to consider the use of simpler ways of extermination and, it must be said, they found it.

Once, early in March 1942, as I came to the jail, my attention was drawn to a group of policemen crowding near a large dark grey truck at the very entrance to the jail, with the back doors flung open. Seeing among the crowd of policemen my acquaintance, an SD employee, Kaminski (a German from Berlin who, prior to the war, served in an SS detachment) I asked him what kind of truck this was and what it was intended for. Kaminski told me it was a ‘gas vehicle’ destined to kill people.

Later on, I had many opportunities to observe this van at work. On several occasions, I directly assisted in putting in it the arrested persons held at the Kharkov jail. On these occasions, I got convinced, indeed, that the gas vehicle had fully served its purpose”. (Vol. 2, l. d. 68-69)

The use of ‘gas vehicles’ (or the ‘gas vans’) by the Germans for the extermination of Soviet citizens is also confirmed by the accused in the present case: the Untersturmführer Hans **Ritz**, assistant SS Company Commander; Captain Wilhelm **Langheld**, an officer of Military Counter-Espionage; the traitor to the Motherland, Mikhail **Bulanov**, a driver for the

Kharkov SD Sonderkommando. The witnesses: Obersturmbannführer **Heinisch**, District Commissar of the town of Melitopol; Karl **Koch**, engineer of a company of the 79th German Infantry Division; and Ivan **Boiko**, a driver of the Kharkov SD Sonderkommando.

The witness Obersturmbannführer **Heinisch** stated:

"The so-called 'gas vehicle' was manufactured in the SD (Security Service). Externally, it hardly differs from an ordinary prison van, but its body closes hermetically, and exhaust gases pass from the engine along a special pipe to the body. This van can hold several dozen people. They are usually told that they are to be dispatched to another jail or camp. When the van starts, the gases penetrate inside the lorry, and people get asphyxiated". (Vol. 3, l. d. 4)

Testifying the use of this horrible murder instrument, the Germans accused in the present case draw a monstrous picture of the preparations for the killings and the violence used against Soviet citizens when being loaded into the 'gas vans'.

The same Corporal of the German army, **Retzlaff**, stated: "When it came to putting women into the van the most horrible scenes occurred. All women, without exception, not to mention children, sobbed, fell on their knees and implored us to spare them; the weeping of the women intermingled with the cries of the children, who appealed to us, the direct perpetrators of these atrocities, to spare them. However, they received kicks and blows with the rifle and pistol butts in reply. On such occasions, other members of the GFP and SD and I bound the women and put them into the van. Regarding the children, it was even simpler: they were seized by their arms or legs and flung into the lorry.

These deeds brought down curses on the Germans, and the courtyard was filled with heart-rending shrieks and appeals for help and mercy.

I remember the case of a woman when an SD officer had flung her child into the van before her eyes, pommelled the officer and dug her hands into his face, scratching it till the blood came.

In most cases, such recalcitrant prisoners were dealt with simply: they were shot on the spot and then flung into the van". (Vol. 2, l. d. 94-95)

The witness Ivan Semenovich **Boiko**, who worked as a driver for the Kharkov SD Sonderkommando and witnessed, in this capacity, many crimes committed by the Germans, testified:

"Realising that they had been deceived and that death awaited them, the sick people who were being put into the van resisted; but the Gestapo men, with blows from rifle butts and clubs, forced them into the van and compelled those who were not so sick to pull into the van persons who could not move unaided. Cries for help and the sobbing of women were heard from the van. When some 50 patients and their attendants had been thrust into the gas van, its doors were slammed, and it drove off outside the city". (Vol. 3, l. d. 87)

Witness Uliana **Podkopai**, residing on Rybnaia St., Kharkov, where there was the Gestapo garage with the 'gas vans', testified:

"There were men, women and children among the arrested, and the Gestapo men drove them into the 'gas vans' with kicks and rifle butts. Many had bruises and blood on their faces, their clothing was torn, women and children sobbed, but the Gestapo men seized them and pushed them into the van.

When the van was crammed full and ready to be shut, 2 Gestapo men came into the courtyard with a weeping woman and 2 little girls, aged about 8 and 10. One of the children, not realising what was happening, exclaimed: 'Mamma, come quickly, or the car will leave without us'.

When the woman approached the van and heard the cries and groans inside, she wept the more and held back but was forced into it.

One of the little girls now also began to cry and to scream, 'Mamma! Mamma!' Gestapo men standing nearby seized the 2 little girls and flung them into the van after their frantic with fear mother. After that, the doors of the van were slammed, and it drove out of the prison's courtyard". (Vol. 3, l. d. 182)

The inquiry has also established that after murdering Soviet citizens in the 'gas vans', the German invaders would convey their bodies to the outskirts of Kharkov. There, they would dump them in empty barracks or other half-demolished buildings, pour gasoline over them and set them on fire.

The defendant **Retzlaff**, Corporal of the German army, made the following testimony on this point:

"At the end of March 1942, I helped load people into the 'gas vehicle' and then was ordered by Hanebitter to accompany the van to the place where it was to be unloaded. We drove through

(Continues on p. 3)

**ПРАВДА**

16 декабря 1943 г., № 308 3

(Продолжение. Начало см. на 2-й стр.)

---

рез город, мы достигли бараков Харьковского тракторного завода и там остановились. При этом начальник команды СД Ханебиттер приказал находившимся с нами солдатам «зондеркоманды» разгружать трупы и складывать их в коридор одного из бараков, а котором, как я видел своими глазами, уже находилось большое количество трупов, привезённых, видимо, раньше.

Когда разгрузка была закончена, Ханебиттер дал команду отвести все машины в сторону, за исключением одного грузовика, на котором ехала группа солдат «зондеркоманды». Из этого грузовика, по указанию Ханебиттер, солдаты взяли несколько банок с бензином, пошли во внутрь барака, облили все выброшенные туда трупы, затем облили некоторые места наружной части барака и подожгли его» (т. 2, л. д. 95–96).

Факты сожжения немцами трупов людей, умерщвлённых посредствам «газового автомобиля» – «душегубки» в бараках Харьковского тракторного завода, помимо обвиняемого Рецлава, подтверждаются показаниями свидетеля **Серикова** Даниила Александровича, **Ризван** Порфирия Иосифовича и заключением судебно-медицинской экспертизы, производившей эксгумацию и исследование трупов, вскрытых на территории города Харькова и его окрестностях.

Исследовав обстоятельства сожжения трупов в бараках Харьковского тракторного завода и останки тел и костей, извлечённых при раскопке на месте сожжения бараков, – судебно-медицинская экспертиза в своём заключении от 15 сентября 1943 года констатирует:

«При осмотре территории нескольких сгоревших бараков ХТЗ обнаружено значительное число обгоревших человеческих костей и целых черепов без механических повреждений.

При разрытии одной из нескольких щелей (укрытий) около одного сгоревшего барака среди золы, земли и мусора также были найдены обгоревшие человеческие кости (ключицы, рёбра, позвонки) и целые черепа без механических повреждений.

Кроме того, также были найдены обгоревшие куски одежды, ложки, котелки, металлический замок от дамской сумочки и т. п.».

Боясь ответственности за совершаемые чудовищные преступления и истребление советских людей при помощи специально оборудованных автомашин, немецкие фашисты за последнее время стали принимать меры к тому, чтобы скрыть применение ими этого орудия смерти.

Оберштурмбаннфюрер **Хейниш** на допросе показал, что в июле 1943 года на закрытом совещании 5-ти окружных комиссаров Таврической области выступил начальник СД и гестапо по Крыму и Таврии генерал-лейтенант полиции фон-Альвенслебен, который заявил, что Гитлер крайне недоволен болтливостью лиц, которым так или иначе стало известно о существовании «газового автомобиля». В результате этой болтливости, заявил фон-Альвенслебен, а также в результате беспечности отдельных руководителей СД и гестапо материалы о «газовом автомобиле» попали в руки русских.

В связи с этим, как заявил Хейниш, фон-Альвенслебен передал им предписание Гитлера о необходимых мерах к прекращению подобного рода болтливости и к усилению конспирации при использовании «газового автомобиля» (т. 3, л. д. 5).

II.

Стремясь истребить возможно больше мирных советских граждан, немецкие захватчики, помимо уничтожения людей посредством «газовых автомобилей» – «душегубок», прибегали к массовым расстрелам, виселицам, истязаниям и пыткам над советскими людьми. В результате систематических облав и массовых арестов мирных советских граждан, как показали обвиняемые по настоящему делу – Рецлав, Аиц, Лангхельд и изменник Родины Буланов, тюрьмы гестапо и других германских карательных органов были переполнены ни в чём не повинными советскими людьми.

Чиновники фашистских карательных органов на допросах каждого арестованного, независимо от наличия на него материалов, подвергали нечеловеческим пыткам и избиениям шомполами, резиновыми дубинками, плётками и палками, добиваясь таким образом от них «показаний.

Причём многих из них избивали до такой степени, что они умирали прямо на допросах.

Особенно жуткое зрелище представляла расправа немецких извергов с советскими детьми и подростками. Не единичны случаи, когда малолетних детей немцы живыми бросали в ямы и закапывали.

В городе Харькове, по распоряжению гестапо, многие мирные советские граждане были переселены из городских квартир в специально отведённые бараки, расположенные на территории рабочего городка Харьковского тракторного завода.

Во время переселения из городских квартир в этот рабочий посёлок, как показал обвиняемый Буланов, советские граждане подвергались неоднократным ограблениям и издевательствам со стороны немецких солдат и сотрудников гестапо.

После того, как все переселяемые были водворены в бараки, немцы стали формировать партии по 200–300 человек в каждой, куда входили также и подростки, дети и старики, а потом под видом отправки их в глубокий тыл уводили в балку, расположенную в 4–5 километрах от рабочего городка Харьковского тракторного завода, где и расстреливали их у заранее приготовленных больших ям.

В декабре 1941 года гестаповцами было расстреляно 900 советских граждан, находившихся на излечении в Харьковкой больнице, среди которых было много детей и стариков. Расстрел их был произведён в 4–5 километрах от города Харькова, недалеко от дороги, идущей в сторону Чугуева. Трупами были наполнены две большие ямы, которые заранее были подготовлены для этой дели.

Обвиняемый **Буланов**, участник этих расстрелов, показал:

«Мне было предложено на трёхтонной автомашине выехать в больницу, находившуюся на окраине города Харькова. Там уже находились и другие машины. Как только я поставил свою машину вплотную к парадному одного из больничных корпусов, гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в кузов машины. В каждую машину помещалась до 40 человек.

Погрузив свою машину, я отвёз их к месту расстрела, которое было оцеплено гестаповцами.

Там больных из машин вытаскивали и ставили к яме. На месте разгрузки слышался душераздирающий плач, вопли взрослых и детей. Больные, умоляя, просили о пощаде, однако гестаповцы не обращали на это внимания, расстреливали всех, сваливая их затем в яму.

Насколько я помню, исключительным зверством отличались – переводчик гестапо Берг Ганс и медфельдшер Алекс. Оба они сопротивляющихся ударами сбивали с ног, сбрасывали в яму, а затем расстреливали.

Я видел, как некоторые из сопротивляющихся, сброшенные в яму, будучи только ранеными, окровавленные, пытались подняться. Их снова сбивали с ног, а затем по приказанию участников этого злодеяния – шефа гестапо и переводчика Берг Ганс – закапывали ещё живыми.

Среди закопанных в ямах живыми было много подростков и детей» (т. 2, л. д. 255-256).

Лесопарк, расположенный а районе посёлка Сокольники, на окраине города Харькова, покрыт густой сетью могил, в которых закопаны жертвы немецко-фашистского террора.

Описывав чудовищные картины расстрелов советских людей в лесопарке, свидетели **Беспалов** Александр Филиппович и **Даниленко** Дарья Васильевна, проживающие в посёлке Сокольники и являющиеся невольными очевидцами творимых немцами злодеяний, показали, что на протяжении 1942–1943 гг. немецкие фашисты почти ежедневно на нескольких машинах доставляли в лесопарк обречённых на смерть людей, где над ними издевались, мучили и расстреливали их. Некоторые из заключённых набрасывались на немцев, но их сбивали с ног, кололи штыками, били ногами и прикладами винтовок.

По лесу раздавались душераздирающие крики и стоны умирающих людей. Видно было, как отдельные люди корчились в предсмертных судорогах и в таком положении немецкими палачами сбрасывались в ямы.

Картину одной из таких зверских расправ свидетель **Беспалов** обрисовал следующим образом:

«В конце июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10–12 грузовых автомашинах до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе метались из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками, ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто

не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, с которыми были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам. В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения. Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали» (т. 3, л. д, I62-163).

Подтверждая факты массового расстрела советских людей в лесопарке, свидетель **Даниленко** показала:

«В конце января 1943 года на этом же месте немцы в течении двух дней опять расстреливали советских граждан. В эти страшные два дня в лесу была слышна стрельба и невероятные крики людей, слышны были мужские, женские и детские голоса.

Весной 1943 года, когда снег растаял и земля, которой были засыпаны ямы, осела, я вместе с другими жителями ходила засыпать ямы. Когда я пришла к месту, где были расстреляны наши советские граждане, то увидела, что обе ямы были набиты трупами расстрелянных. Из-под небольшого слоя земли были видны торчащие голые человеческие руки и ноги» (т. 3, л. д. 152).

III.

Международные правовые нормы запрещают жестокое обращение с военнопленными.

Военнопленные – раненые и больные, согласно этим международным положениям, должны пользоваться защитой со стороны воюющего, во власти которого они окажутся.

Однако, попирая всякие международные правовые нормы, германо-фашистские головорезы систематически уничтожали и уничтожают советских раненых военнопленных.

Более того, в лагери военнопленных германское военное командование помещает мирных советских граждан, захваченных на временно оккупированной территории Советского Союза, рассматривая их как военнопленных.

Так, свидетель фельдфебель германской армии **Янчи** Гейнц, сотрудник при офицере контразведки в лагере военнопленных, именуемом «Дулаг-231», показал:

«Кроме советских военнослужащих, в германском лагере военнопленных «Дулаг-231» находились также мирные граждане, захваченные на оккупированной территории Советского Союза и расцениваемые германским командованием как военнопленные. Среди этих мирных жителей были старики, женщины и дети.

Мне известно, что пленники из мирного гражданского населения оккупированных германскими войсками советских областей были не только в нашем лагере, но и в других германских лагерях, именуемых официально лагерями для военнопленных.

Мирные советские граждане заключаются в лагери военнопленных под предлогом эвакуации населения, в других случаях под предлогом набора рабочей силы для отправки в Германию и, наконец, в целях изоляции нежелательного элемента, в том числе детей и подростков, как потенциальных бойцов антинемецких формирований» (т. 3, л. д. 38-39).

С целью уничтожения советских военнопленных, больных, раненых и гражданского населения немцы создали невыносимые условия содержания больных и раненых в госпиталях, военнопленных и мирных граждан в лагерях. Их морили голодом, медицинской помощи не оказывали и чрезмерной скученностью н отсутствием элементарных санитарных условий вызывали среди них массовые эпидемические заболевания, приводящие к большой смертности.

Беспричинно и путём искусственного создания «материалов обвинений» немцы расстреливали и заживо сжигали раненых и военнопленных, предварительно учиняя над ними пытки и издевательства, вплоть до натравливания на них собак. Все эти злодеяния немцев находят своё подтверждение в показаниях обвиняемых **Рица**, **Лангхельда** и свидетелей: немца **Янчи** Гейнца, профессора **Каткова** Е.С., врача **Джинчвиладзе** Г. З., медицинской сестры **Сокольской** В. А., **Козловой** М. А. и других, а также актами судебно-медицинской экспертизы.

О нечеловеческих мучениях советских военнопленных и мирных граждан в германских лагерях дал показания и обвиняемый по настоящему делу капитан германской армии Лангхельд, являвшийся непосредственным участником всех этих убийств и издевательств.

**Лангхельд** показал:

«Зверства, которые чинили германские офицеры и солдаты и я в том числе над русскими людьми путём истребления, голодной смертью, физическими избиениями истощённых людей, расстрелами, травлей собаками и проч., соответствовали установкам германского правительства по отношению к русским людям...

По моему приказанию люди расстреливались неоднократно.

Так, например, в мае – июне 1942 года в Дергачах, близ Харькова, по моему приказанию была расстреляна группа русских военнопленных, примерно в 20 человек, по обвинению в связи с местным населением... Я должен заявить, что обвинение в данном случае было спровоцировано, ибо в самом деле люди были просто истреблены за то, что они русские.

Другой случай расстрела группы русских офицером был на сборно-пересыльном пункте военнопленных осенью 1941 года.

Выбрав 10 русских средних офицеров, я приказал солдатам на глазах у всех военнопленных расстрелять их из автоматов.

Трупы расстрелянных были сброшены в заранее подготовленные ямы.

Как правило, русские не выдавали военных секретов, в связи с чем я избивал военнопленных палкой толщиной в 4–5 см., после чего допрашиваемых нередко из моего кабинета приходилось выносить. Избиения военнопленных практиковались во всех частях немецкой армии.

...На толпу измученных и голодных людей во время раздачи скудной пищи конвойные солдаты натравливали собак.

Собаки врывались в толпу, рвали в клочья одежду и тела пленных, сшибали отдельных из них на землю и таскали, терзая их, по земле. Некоторых растерзанных н полуживых военнопленных и гражданских лиц солдаты пристреливали и приказывали выбросить за ограду, чтобы не возиться с их лечением» (т. 2, л. д. 194–195, 211)

В марте 1943 года немцы расстреляли и сожгли захваченных ими в плен 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в городе Харькове по улице Тринклера.

Описывая обстоятельства этого злодеяния немецко-фашистских захватчиков, свидетели профессор Катков, врач Джинчвиладзе и медсестра Сокольская, работавшие в то время в госпитале, показали, что 13 марта 1943 г. к госпиталю подъехали три автомашины с эсэсовцами дивизии «Адольф Гитлер», которые закрыли дверь, ведущую в 8-й корпус, и бросили в него зажигательны й снаряд. Корпус загорелся. Спасаясь от смерти, находившиеся в корпусе раненые выбрасывались из окон горящего здания, но здесь же расстреливались эсэсовцами из автоматов.

На другой день группа эсэсовцев в количестве 9-ти человек вновь явилась в этот госпиталь и, выгнав из палаты медперсонал, расстреляла всех остальных раненых, находившихся в других корпусах госпиталя.

Свидетель **Козлова** Мария Александровна, муж которой был зверски убит во время этой кровавой расправы гитлеровцев, показала:

«Будучи в действующей Красной Армии, мой муж был ранен и помещён на излечение в 1-й армейский госпиталь, находившийся в то время в городе Харькове.

15 марта я решила снести ему передачу. Подойдя к месту расположения госпиталя, я не могла сразу узнать, что это тот самый госпиталь, в которой находится на излечении мой муж. Жуткая картина встала перед моими глазами, везде и всюду груды развалин, по всей территории валялись трупы сожжённых и зверски замученных советских граждан. Видя чудовищные злодеяния, я, не помня себя, побежала к уцелевшему от огня 4-му корпусу. Ужас охватил меня, когда я вошла в первую палату. Горы трупов, изуродованных до неузнаваемости, валялись в ней. В беспамятстве я подбежала к кровати мужа – она была пуста и залита кровью. При этом труп своего мужа, обезображенный и окровавленный, я увидела на полу валявшимся между кроватями. Голова была пробита, один глаз выколот, руки сломаны, из зияющих ран ещё сочилась кровь» (т. 3, л. д. 146–147)

Таким образом, материалами следствия – показаниями обвиняемых, свидетелей, а также актами судебно-медицинской экспертизы установлено, что немецко-

фашистские захватчики за период временной оккупации города Харькова и Харьковской области умертвили в «газовых автомобилях» – «душе-губках» и повесили, расстреляли и замучили в застенках гестапо свыше 30 000 советских граждан.

IV.

Таким образом является установленным, что всю полноту ответственности за массовые убийства и злодеяния, учинённые немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации города Харькова и Харьковской области, за пытки и массовое истребление мирных жителей, за расстрелы и умерщвление путем удушения окисью углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках», за сожжение и другие виды уничтожения ни в чём не повинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей, несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и верховного командования германской армии.

Установлено также, что в преступлениях, явившихся объектом расследовании по настоящему делу и конкретно изложенных выше, принимали непосредственное участие нижеследующие командиры и начальники немецких воинских, полицейских и карательных организаций:

1. Командир дивизии СС – «Адольф Гитлер», обергруппенфюрер **Дитрих**;

2. Командир дивизии СС – «Мёртвая голова», группенфюрер войск СС **Симон**;

3. Начальник Харьковской «зондеркоманды СД», штурмбаннфюрер –

**Ханебиттер**;

4. Начальник группы германской тайной полевой полиции города Харькова – комиссар полиции **Кархан**;

5. Начальник 560 группы ГФП при штабе 6-й германской армии — комиссар полиции **Мериц**;

6. Зам. начальника группы германской тайной полевой полиции города Харькова – секретарь полиции **Вульф**.

**Виновность всех вышеназванных лиц в совершённых ими преступных действиях полностью доказана произведённым расследованием, в силу чего все они подлежат уголовной ответственности за преступления, совершённые ими в**

**отношении советских граждан на советской территории, в соответствии с уголовным законодательством Союза ССР.**

Наряду с ними виновными во всех этих зверских злодеяниях являются участники преступления, привлечённые в качестве обвиняемых по настоящему делу сотрудники военных, полицейских, разведывательных и карательных органов немецкой армии – Рецлав Рейнгард, Риц Ганс, Лакгхельд Вильгельм, а также их пособник, изменник Родины Буланов Михаил.

Конкретная преступная деятельность названных лиц выразилась в нижеследующем:

**РЕЦЛАВ Рейнгард**, являясь чиновником германской тайной полевой полиции в Харькове, вёл следствие по делам ряда арестованных советских граждан, вымогая у них показания путём нечеловеческих истязаний и пыток и фальсифицируя в отношении их заведомо искусственные обвинения.

Составил заведомо вымышленные заключения о том, что трое арестованных якобы сознались в антигерманской деятельности, и умышленно вписал в эти заключения 25 человек рабочих Харьковского тракторного завода и Харьковской городской электростанции.

На основании его заключений эти рабочие были арестованы и в дальнейшем из них 15 человек были расстреляны, а 10 умерщвлены посредством «душегубки».

Неоднократно лично погружал в «душегубки» советских граждан, убив таким образом ещё до 40 человек. Сопровождая «душегубку» к месту разгрузки на территорию Харьковского тракторного завода, принимал непосредственное участие в сожжении трупов удушенных.

**РИЦ Ганс**, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», принимал участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан.

В нюне 1943 года участвовал в массовом расстреле ни в чём неповинных советских людей в районе деревни Подворки, близ Харькова.

Участвовал в допросах арестованных «зондеркомандой СД», лично избивал их шомполами и резиновыми палками, добиваясь получения от них заведомо вымышленных показаний о проводимой якобы ими антигерманской деятельности.

**ЛАНГХЕЛЬД Вильгельм**, являясь офицером военной контрразведки, принимал непосредственное участие в расстрелах и зверствах, чинимых над военнопленными и мирным населением.

Допрашивал военнопленных, путём истязаний и провокаций добивался от них заведомо вымышленных показаний.

Сфальсифицировал ряд искусственных дел против советских граждан, по которым было расстреляно до 100 человек.

**БУЛАНОВ Михаил Петрович**, изменив Родине, перешёл на сторону немцев и поступил к ним на службу на должность шофёра Харьковского отделения гестапо.

Принимал участие в истреблении советских людей путём их удушения в «душегубке».

Вывозил на расстрел мирных советских граждан.

Принимал личное участие в расстреле группы детей, в количестве 60 человек.

Все обвиняемые, привлечённые по настоящему делу, а именно: **Рецлав Р., Риц Г., Лангхельд В.** и **Буланов М. П.,** признали себя виновными в предъявленном им обвинении и дали подробные показания о своей преступной деятельности.

На основании изложенного **обвиняются**:

**Рецлав** Рейнгард, 1907 г. рождения, уроженец гор. Берлина, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор вспомогательной полиции.

**Риц** Ганс, 1919 года рождения, уроженец гор. Мариенвердер (Германия), немец, с высшим образованием, член национал-социалистской партии с 1937 г., зам. командира роты СС, унтерштурмфюрер СС.

**Лангхельд** Вильгельм, 1891 г. рождения, уроженец г. Франкфурт на Майне, немец, член национал-социалистической партии с 1933 года, офицер военной контрразведки германской армии, капитан, –

в том, что:

являясь военнослужащими германской армии, в 1941–1943 гг. принимали непосредственное участие в массовом и зверском истреблении мирных советских людей посредством применения специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», а также в том, что лично участвовали в массовых расстрелах, повешении, сожжение, грабежах и издевательствах над советскими людьми, –

т. е. в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

**Буланов** Михаил Петрович, 1917 года рождения, уроженец станции Джанибек, Казахской ССР, русский, беспартийный,

в том, что:

изменив Родине, добровольно перешёл на сторону немцев и поступил на службу в германские карательные органы.

Вместе с немцами принимал непосредственное участие в массовом уничтожении советских людей путём удушения их в «душегубках».

Лично расстреливал мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, – т. е. в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Вследствие изложенного, перечисленные выше лица подлежат суду Военного Трибунала. Обвинительное заключение составлено 11 декабря 1943 г.

***

После оглашения обвинительного заключения и перевода его на немецкий язык все подсудимые, отвечая на вопрос председательствующего, заявили, что полностью признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

***

ХАРЬКОВ, 15 декабря. (ТАСС). Сегодня Военный Трибунал 4-го Украинского фронта начал слушание дела о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории города Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. В переполненном зале присутствуют сотни трудящихся: рабочие, колхозники,

представители интеллигенции, бойцы, офицеры и генералы Красной Армии. Многие из них были живыми свидетелями изуверской немецко-фашистской системы массового истребления советских людей. Одни потеряли родных и близких, погибших от рук гитлеровских злодеев. Другие сами были на волоске от смерти и спаслись только чудом. Третьих немецкое иго преждевременно состарило, разрушило их здоровье, превратило в инвалидов, лишило крова. Много горя и унижений пришлось испытать им за два года немецкой оккупации, и каждый день в течении этих двух лет они думали о часе возмездия.

Этот час наступил. Сегодня они видят своих ненавистных палачей на скамье подсудимых. Преступники держат ответ перед советским судом.

На суде председательствует генерал-майор товарищ А. П. Мясников, члены суда – И. А. Харчев и майор юстиции С. С. Запольский.

После краткого опроса подсудимых, устанавливающего их личность председательствующий предупреждает свидетелей об их обязанности показывать суду правду. Судебно-медицинских экспертов председатель суда предупреждает о том, что они должны представлять свои заключения в соответствии со своими специальными познаниями.

Присутствующие на суде переводчики предупреждаются председателем об их обязанности с абсолютной точностью переводить все вопросы и ответы.

После этого суд приступает к оглашению обвинительного заключения.

После оглашения обвинительного заключения, которое весь зал выслушивает с напряженным вниманием, и перевода этого заключения на немецкий язык для группы обвиняемых-немцев, суд приступает к допросу подсудимых.

Все подсудимые – Рецлав Рейнгард, Лангхельд Вильгельм, Риц Ганс и Буланов полностью признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

После этого начинается допрос подсудимого Вильгельма Лангхельда.

---

# ФАШИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Перехожу речку Лопань по деревянному, на месте взорванного, мосту, поднимаюсь по высокой широкой лестнице к сожженной громаде театра и клуба Красной Армии, мимо развалин пассажа и того, что было торговыми рядами, выхожу на вымершую Университетскую улицу и гляжу с возвышенности вниз, за Лопань, на западную часть Харькова. Она отсюда вся, как на ладони: очертания зданий, уходящих до горизонта, зияющие пустыми окнами огромные дома, провалившиеся крыши заводских корпусов. Все припорошено снегом и кажется черным и вымершим, будто после пожара. Выхожу на главную улицу – Сумскую. От края и до края она похожа на развалины гигантской Помпеи, лишь кое-где уцелел дом и уже вставлены стекла, и дымят высунутые в форточку железные трубы печурок. Дальше огромная прекрасная площадь, где высятся дома промышленности, проектов, гостиницы, универмаги. Все это пустые, выжженные остовы.

Сколько здесь было затрачено труда и таланта! Немцы, как бешеные, все это взорвали, сожгли, разрушили, так же, как все 36 высших учебных заведений Харькова, так же, как заводы-гиганты, где была построена первая сверхмощная турбина. Немцы жестоко искалечили Харьков, подорвали его жизненный центр и оставили, как незабываемую память о себе, могилы вокруг города, где лежат свыше 30 тысяч мирных советских жителей обоего пола, в том числе очень много детей, замученных пытками, расстрелянных и умерщвленных выхлопным газом в особых, так называемых «газвагенах», а по-нашему «душегубках» или машинах, которые были созданы немецкой «творческой» мыслью и построены по приказу верховного командования германской армии в целях более ускоренного и удобного массового истребления мирного населения оккупированных немцами областей.

Красная Армия, с незнаемой в истории отвагой, делает свое историческое святое великое дело, истребляя смертью дивизии немецких захватчиков. Но для немцев смерть в бою легкая смерть, этого им мало за их преступления. Немцы перешагнули в непозволенную область, смертельно запрещенную нравственным законом. Тем самым немцы подставили свою голову под карающий меч суда и возмездия.

Гитлер исчерпывающе освободил немцев от нравственного чувства: от жалости, благородства, честности, уважения к человеку, от естественной и абсолютно

необходимой любви ко всему живому и живущему. Но мы-то не освободили немцев от обязанности быть людьми. Выпяченная грудь, гусиный шаг на параде с лоснящейся самодовольной мордой, беззаветно свороченной в сторону фюрера, не снимают с них этой обязанности. Нормы международного права для нас не старая телефонная книжка, которую можно швырнуть в огонь, как это полагают Гитлер и те его немцы, что, взревев от радости, перескочили по ту сторону нравственности и пошли гулять по крови и мукам. Когда советское правительство декларировало будущий суровый суд над фашистскими преступниками, начиная с их черного атамана Гитлера, оно не на ветер говорило слова и, значит, имело твердую уверенность в том, что будут судимы и наказаны преступники.

Сегодня в Харькове начался первый судебный процесс, которым открывается эпоха великого страшного суда над немцами, переступившими человеческий закон. Сегодня судят трёх немцев среди развалин города, окружённого могилами их жертв. Этих трёх немцев судят за то, что они во время войны с Советским Союзом, на территории Советского Союза переступили все юридические и нравственные законы. Они вели себя не так, как должен вести себя солдат, а как ведут себя бандиты, мучители, падшие и разнузданно свирепые получеловеки.

Обвинительное заключение приведено выше. Войдем в зал суда. Перед голубым бархатным занавесом над оркестром судейский стол с тремя креслами. Налево – стол прокурора, направо – секретаря, внизу, в партере, – скамья подсудимых. Входят автоматчики и становятся у скамьи. Вводят подсудимых и молча указывают им места, где сесть.

Первый – капитан Вильгельм Лангхельд, нацист, офицер военной контрразведки. Он рыжий, чисто выбритый, розовый, с длинным лицом без губ, с коровьими ресницами. Он – истязатель, расстрелявший сто человек, непосредственный участник убийств и зверств над военнопленными и мирными гражданами. Он сидят прямо и чинно.

Рядом с ним второй – Рейнгард Рецлав, чиновник германской тайной полиции в Харькове. Это темный шатен с зачесанными назад волосами, брезгливое, скучно-злое лицо без подбородка. В очках. Во время следствий славился нечеловеческими истязаниями. Работал на «душегубке», погружая в нее мирных харьковских граждан,

детей, женщин, и лично разгружал трупы и жег их в бараках. Этот сидит вовсе спокойно и все прислушивается и к русским, и к немецким словам переводчика.

Рядом с ним третий – Ганс Риц, физиономия также абсолютно нечем не замечательная, немецкий вострый носик, большой череп, где все же не чувствуется обилия мозговых извилин, ничтожная нижняя часть лица. Этот – заместитель командира роты СС. При допросах избивал людей шомполами, резиновыми пилками. Истязал и расстреливал мирных граждан и еще недавно, в июне месяце, был участником массового расстрела в деревне Подворки.

Господи, боже мой, какая же сволочь эти трое, прижатые вилами, холодные мучители! Хоть бы лица у них были, что ли, сатанинские, а то так, дрянь, плюнуть не на что!

Через стул от них сидит четвертый подсудимый – Буланов, изменник, работавший у этих новых хозяев в качестве шофера, вывозивший на расстрел мирных харьковчан и работавший при «душегубке». У этого – сросшиеся, как нарисованные углем, брови, из-под которых посверкивают близко сидящие черные глаза.

Возглас: «Встать, суд идет!» Появляются председательствующий генерал-майор Мясников и двое судей. Начинается опрос подсудимых. Они вскакивают, подходят в краю загородки и отвечают то, что уже известно выше из обвинительного заключения. Опрашиваются свидетели, присягают и удаляются. Затем оглашаются права и обязанности подсудимых. У них имеется право отвода судей, свидетелей и защиты. Подсудимые заявляют, что отвода они не имеют. Секретарь суда читает обвинительное заключение и оно затем читается по-немецки.

После перерыва допрашивается подсудимый Вильгельм Лангхельд.

Алексей Толстой.

Харьков, 16 декабря. (По телеграфу).

# PRAVDA

16 December 1943, No 308 3

# THE INDICTMENT

## IN THE CASE OF THE ATROCITIES COMMITTED BY THE GERMAN-FASCIST INVADERS IN KHARKOV AND ITS REGION DURING THE PERIOD OF THEIR TEMPORARY OCCUPATION

(cont.; for the beginning, see p. 2)

---

the city and stopped at the barracks of the Kharkov tractor plant. Then, Hanebitter, who was the head of the SI detachment, ordered the Sonderkommando men who were with us to unload the bodies and place them in the corridor of one of the barracks; I saw with my own eyes that there was already a large number of corpses, evidently brought there earlier.

When we had finished unloading, Hanebitter ordered to pull aside all vehicles, except for one truck with a group of the Sonderkommando men.

On Hanebitter's order, the men took several canisters of gasoline from the truck, entered the barrack, poured it over all the thrown bodies and some external parts of the barrack, and then set it on fire". (Vol. 2, l. d. 95-96)

The fact that the Germans had burned the bodies of people whom they had murdered in the 'gas vehicle' (or 'gas van') in the Kharkov tractor plant's barracks, apart from the testimony of the accused Retzlaff, is confirmed by the testimony of the witnesses Daniil Alexandrovich **Serikov**, Porfirii Iosifovich **Rizvan**, and by the findings of the medico-legal experts. The latter performed the exhumation and examination of the bodies discovered in Kharkov and the outskirts.

Having investigated the circumstances of the burning of the bodies in the Kharkov tractor plant's barracks and the remains of bodies and bones which were exhumed during the excavation of the site of the burned-down barracks, the medico-legal experts have concluded on 15 September 1943:

"During the examination of the sites of several burned-down barracks of the Kharkov tractor plant, a considerable number of charred human bones and whole skulls, with no signs of physical injury, were discovered.

During the opening of one of the several slits near a burned-down barrack, charred human bones (clavicles, ribs and vertebrae), as well as whole skulls without sign of physical injury, were found among the ashes, earth and garbage. In addition, there were burnt shreds of clothing, spoons, pots, a metal fastener from a lady's handbag, etc.".

Fearing responsibility for the heinous crimes committed and the extermination of the Soviet people by means of specially equipped vehicles, the German fascists have recently begun to take measures to conceal their use of this instrument of death.

Obersturmbannführer **Heinisch** stated at his interrogation that in July 1943, at a secret conference of 5 District Commissioners of the Taurida region, the SD and Gestapo chief of Crimea and Taurida, Police Lt. General von Alvensleben, stated that Hitler was extremely annoyed about the garrulity of those who in some way or another knew of the existence of the 'gas vehicle'. As a result of this garrulity, von Alvensleben said, and also as a result of certain SD and Gestapo heads' carelessness, documents concerning the 'gas vehicle' had fallen into the hands of Russians.

In this connection, Heinisch stated at his interrogation, von Alvensleben conveyed to them Hitler's orders on measures necessary to put an end to such talkativeness and introduce stricter secrecy in the use of the 'gas vehicle'. (Vol. 3, l. d. 5)

II

In their efforts to exterminate the greatest possible number of Soviet civilians, the German invaders murdered people not only in the 'gas vehicles' ('gas vans'), but also by mass shootings, hangings and tortures. As a result of systematic round-ups and mass arrests of Soviet civilians, as testified by the defendants in the present case – Retzlaff, Ritz, Langheld and the traitor to the Motherland Bulanov – the jails of the Gestapo and other German punitive organisations were packed with perfectly innocent Soviet people.

During the interrogation of each arrested person, irrespective of the existence of evidence against him, fascist officials of the punitive organisation subjected him to inhuman torture and beatings with ramrods, rubber clubs, whips and sticks, thus extorting 'testimony'.

Many prisoners were beaten up to such an extent that they died in the course of interrogation. A spectacle of particular horror was the massacre of Soviet children and adolescents by the German monsters. There were by no means isolated instances of Germans throwing little children into pits and burying them alive.

In Kharkov, on the Gestapo orders, many Soviet civilians were forced to move from their homes in the city to specially designated barracks at the workers' settlement of the Kharkov tractor plant.

According to defendant Bulanov, during this relocation, Soviet civilians were repeatedly plundered and abused by the Gestapo and soldiers.

Having put the people in barracks, the Germans divided them into groups of 200 to 300 people, including adolescents, children and the elderly, and then, under the the pretext of sending them to the deep rear drove them to a gully, 4 to 5 kilometres away from the above settlement. There they were shot by large pits prepared beforehand.

In December 1941, Gestapo men shot 900 Soviet citizens who were undergoing treatment at the Kharkov hospital. Among them were many children and old people. They were shot 4 to 5 kilometres from Kharkov, not far from the road heading to Chuguev. Their bodies filled 2 big pits dug beforehand for this purpose.

The defendant **Bulanov**, who participated in these shootings, had testified:

"I was asked to drive a 3-ton truck to the hospital on the outskirts of Kharkov. There I found other vehicles. As soon as I parked my truck by the main entrance of one of the hospital buildings, the Gestapo men began to take out the patients, clad only in their under-wear, and load them into the truck. Each vehicle could hold up to 40 persons.

Having loaded my car, I drove these people to the shooting site, encircled by the Gestapo men.

The patients were dragged out of the vehicles and put by the edge of a pit. Heartrending cries and shrieks of adults and children filled the air. Sick people begged for mercy but the Gestapo men paid no attention to this, shot all of them and threw the bodies into the pit.

As far as I can remember, particularly brutal were the Gestapo interpreter, Hans Berg, and the medical assistant, Alex. Both of them knocked down whoever resisted, pushed them into the pit and shot them.

I saw how some of those who had resisted and been thrown into the pit tried to rise; they were wounded and covered with blood. They were knocked down again, and on the orders of the authors of this crime, the Gestapo chief and the interpreter Hans Berg, they were buried alive.

Many adolescents and children were among those buried alive". (Vol. 2, l. d. 255-256)

The forest park near Sokolniki settlement on the outskirts of Kharkov is densely dotted with graves of the German-fascist terror.

Describing the ghastly scenes of the shooting the witnesses, Alexandr Filipovich **Bespalov** and Daria Vasil'evna **Danilenko**, residents of Sokolniki settlement, who had been involuntary eye-witnesses of the German crimes, testified that in the course of 1942 and 1943 the German-fascists used to bring several van-loads of people doomed to death to the forest park almost daily. There, they were humiliated and tortured and then shot. Some of the prisoners attacked the Germans but they were knocked down, stabbed with bayonets, kicked and beaten up with rifle butts.

Heart-breaking groans of dying people could be heard in the forest. Some people writhing in death agony were flung by the German executioners into the pits in this condition.

The witness **Bespalov**, describing one such brutal scene, stated:

“At the end of June 1942, I personally saw how some 300 girls and women were brought to the forest park in 10 or 12 vehicles. The poor people run around in terror, crying and tearing their hair and clothes. Many of them fainted, but the German-fascists took no heed of this. They forced them to rise to their feet with kicks and blows with rifle butts and clubs. Those who would not rise were stripped by the executioners and thrown into the pit. Several girls who had children with them tried to flee but were killed.

I saw how, after a burst of gunfire, some women, staggering and helplessly waving their hands, with heart-breaking shrieks, staggered towards the Germans who stood there – while Germans fired on them with pistols… Out of their minds of fear and grief, tightly clutching their babies, shrieking terribly, these mothers ran around the clearing trying to save themselves. Gestapo men snatched the children from them – by the leg or arm – and threw them alive into the pit, and when the mothers ran after them towards the pit, they were shot”. (Vol. 3, l. d. 162-163)

Confirming the facts of the shooting of Soviet people in the forest park, witness **Danilenko** testified:

“At the end of January 1943, at the same spot, the Germans were shooting Soviet citizens for 2 days. During those 2 terrible days, firing and dreadful shrieks were heard in the forest; the voices were of men, women and children.

In the spring of 1943, when the snow had melted and the earth filling the pits had subsided, I went with other residents to cover them up. When I came to the place where our Soviet citizens had been shot, I saw that both pits were packed with their

bodies. Naked human arms and legs were sticking out of the thin layer of the earth". (Vol. 3, l. d. 152.)

III

International legal norms prohibit the cruel treatment of prisoners of war. According to these international standards, POWs – wounded and sick – must be protected by the belligerent in whose power they find themselves.

However, trampling down all international legal provisions, the German-fascist cut-throats systematically exterminated and continue to exterminate wounded Soviet war prisoners.

Furthermore, the German Military Command confines in POW camps Soviet civilians who fell into their hands in the temporarily occupied territory and regards them as war prisoners.

The witness, German Army Sergeant-major Heinz **Jantschi** [?], assistant to a counter-espionage officer at the POW camp called 'Dulag-231' [Durchgangslager], testified:

"In Dulag-231, along with Soviet war prisoners, there were also civilians who had been seized in the occupied territory and were regarded by the German command as war prisoners. Among them were the elderly, women and children. I know that our camp was not an exception; in other German camps, officially POW camps, the situation was identical.

Civilians were held in these camps under the pretext of the evacuation or labour force recruitment for Germany, and finally for the purpose of the isolation of undesirable elements including children and adolescents as potential fighters in anti-German formations". (Vol. 3, l. d. 38-9)

With the intention to exterminate Soviet prisoners of war, sick and wounded, as well as civilians, the Germans instituted unbearable conditions for the sick and wounded in hospitals and prisoners of war and civilians in the camps. They were starved, denied medical assistance, and excessive overcrowding and lack of elementary sanitary conditions resulted in mass epidemics and a high mortality rate.

With no reason or through fabricated 'evidence', the Germans shot and burned alive the wounded and war prisoners alike, torturing, abusing, and even setting dogs on them prior to that.

All these German crimes are confirmed by the defendants' testimonies – **Ritz** and **Langheld**, and the witnesses: the German Heinz **Jantschi**, Professor E. S. **Katkov**, Dr G. Z.

**Dzhenchviladze**, nurse V. A. **Sokolskaia,** M. A. **Kozlova**, and others. All the facts are also confirmed by the medico-legal protocols.

The accused German army Captain **Langheld**, a direct participant in all these massacres and abuses, also testified about the inhuman tortures of Soviet prisoners of war and civilians in German camps.

He said: "The atrocities committed by German officers and soldiers on Russian people through extermination, starvation, beating up of exhausted persons, shootings, setting dogs on them, etc., were in accordance with the principles of the German Government towards Russian people…

People were shot on my order on a number of occasions.

For instance, from May to June 1942, in Dergachi near Kharkov, I had a group of Russian prisoners (about 20 persons) shot on the charge of maintaining contact with the local population… I admit that the charges were made up; in fact, those people were exterminated just because they were Russians.

Another case was the shooting of a group of Russian officers at an assembly and transit point for war prisoners, in the autumn of 1941.

Choosing 10 officers of middle rank, I ordered soldiers to shoot them with machine guns in front of all the other war prisoners.

The bodies of the men shot were thrown into a pit, prepared beforehand.

As a rule, the Russians refused to betray military secrets, and that is why I beat them with a club of some 4 to 5 centimetres thick; after that, the interrogated men often had to be carried out of my office. This beating of war prisoners is practised in all German army units.

… During the distribution of the scanty food rations, soldiers of the escort used to set dogs on the exhausted and hungry people. The dogs would jump on the crowd, tear to shreds the clothes and bodies of the prisoners, knock them down, drag and maul them on the ground. Some of the badly mauled prisoners and civilians were then shot by soldiers and thrown over the fence to avoid the trouble of medically treating them". (Vol. 2, l. d. 194-195, 211)

In March 1943, the Germans shot and burned 800 wounded Red Army soldiers and officers receiving treatment at the First Army Evacuation Hospital of the 69th Army, on Trinkler Street, in Kharkov.

Describing the circumstances of this crime, the witnesses Professor Katkov, Dr Dzhenchviladze and nurse Sokolskaia, working at the hospital at that time, said:

"On 13 March 1943, 3 cars with SS men of the 'Adolf Hitler' division drove

up to the hospital. They shut the door of block No. 8 and threw an incendiary shell into the building. It caught fire. When the wounded tried to escape by jumping out of the windows, they were shot down by the SS men with machine guns.

The next day, a group of 9 SS men came to the hospital, forced the medical personnel out of the wards, and shot all the remaining wounded in the other hospital blocks".

The witness Maria Alexandrovna **Kozlova**, whose husband was brutally murdered during this Hitlerite carnage, testified:

"While on active service with the Red Army, my husband was wounded and sent for treatment to the First Army Hospital, situated at that time in Kharkov.

On 15 March, I decided to bring him stuff. When I got to the hospital ground, I could not immediately recognise the hospital where my husband was being treated. A ghastly sight rose before my eyes. Piles of ruins, charred and tortured to death Soviet citizens' bodies all over the place. When I saw this monstrous crime, I was beside myself and rushed into the 4th block, which was untouched by the fire. I was filled with horror when I reached the first ward. Heaped in it were piles of corpses mutilated beyond recognition. Frantic, I rushed over to my husband's bed. It was empty and covered with blood. At that moment, I saw the body of my husband, mutilated and covered with blood, lying on the floor between the beds. The head was bashed in, one eye had been knocked out, the arms were broken, and blood still flowing from gaping wounds". (Vol. 3, l. d. 146-147)

Thus, through the inquiry data – the testimony of defendants and witnesses – and also medico-legal protocols, it has been established: during the period of the temporary occupation of Kharkov and its region, the German-fascist invaders killed in 'gas vans', hanged, shot and tortured to death in Gestapo chambers over 30,000 Soviet citizens.

IV

Subsequently, it has been established that the whole weight of responsibility for:
- the massacres and crimes committed by the German-fascist invaders during their temporary occupation of Kharkov and its region;
the torture and massacre of the civilian population;
the shooting and asphyxiation with carbon monoxide in specially equipped vehicles – the 'gas vans';
the burning and other forms of extermination of innocent Soviet people (including women and the elderly) –

lay with the leaders of the German predatory fascist government and by the German army Supreme Command.

It has also been established that the following German Military Command commanders and chiefs, police and punitive organs took an immediate part in the crimes which formed the subject of the investigation in this case and specific account of which has been given above:

1. The SS Division 'Adolf Hitler'commander, Obergruppenführer **Dietrich**;

2. The SS Division 'The Dead Head' [Totenkopf] commander, Gruppenführer **Simon**;

3. The Kharkov SD Sonderkommando chief, Sturmbannführer **Hanebitter**;

4. The German Secret Field Police group of Kharkov chief, Polizei Kommissar **Karchan;**

5. The 560th Group of German Secret Field Police, attached to the staff of the 6th German Army, Polizei Kommissar **Mehritz**;

6. The German Secret Field Police group of Kharkov chief deputy, Police Secretary **Wulf**;

**The guilt of all of the aforementioned individuals for the criminal acts committed by them has been thoroughly proven by the inquiry, and they are therefore criminally liable for the crimes they have committed against Soviet citizens on Soviet territory, in accordance with the criminal legislation of the Union of Soviet Socialist Republics.**

In addition to them, the perpetrators of all these atrocities are the participants in the crimes brought as defendants in the present case, members of the military, police, intelligence and punitive organs of the German army – Reinhard Retzlaff, Hans Ritz, Wilhelm Langheld, as well as their accomplice, traitor to the Motherland, Mikhail Bulanov.

The specific criminal acts committed by the persons enumerated are as follows:

**Reinhard RETZLAFF**, a German Secret Field Police member in Kharkov, conducted the investigation of a number of arrested Soviet citizens. He extorted evidence from them by means of inhuman cruelties and torture, falsified the evidence and brought false charges against them.

He prepared deliberately fictitious reports that 3 of the arrested persons allegedly confessed to anti-German activities, and deliberately included in these reports 25 people working at the Kharkov tractor plant and the city power plant.

As a result, the workers in question were arrested and 15 of them were subsequently shot and 10 others put to death in a 'gas van'.

On more than one occasion he had helped to load Soviet citizens into 'gas vans', thereby killing 40 additional persons. He had accompanied the 'gas vans' to the site where they were unloaded and participated directly in burning the bodies of the asphyxiated.

**Hans RITZ**, assistant commander of an SS Company of the Kharkov Sonderkommando SD, took part in the torture and shooting of Soviet civilians.

In June 1943, he participated in the mass shooting of Soviet civilians in the vicinity of the village Podvorki, near Kharkov.

He took part in the interrogation of the arrested by Sonderkommando SD, and personally beat them up with ramrods and rubber truncheons in order to extort flagrantly false evidence of their alleged anti-German activities.

**Wilhelm LANGHELD**, a Military Counter-Espionage officer, took part in the shooting and torture of war prisoners and civilians.

He interrogated prisoners of war, and by torture and provocation obtained deliberately fictitious testimony from them.

He made up a number of cases against Soviet citizens; as a result, up to 100 people were shot.

**Mikhail Petrovich BULANOV**, a traitor to the Motherland, went over to the Germans and got employed as a driver at the Kharkov Gestapo branch.

He took part in the extermination of Soviet people by means of asphyxiation in the 'gas vans'.

He drove Soviet civilians to the shooting ground.

He personally participated in the shooting of 60 children.

All the accused in the present case, namely: **R. Retzlaff, H. Ritz, W. Langheld** and **M. P. Bulanov**, have pleaded guilty to the charges against them and have given detailed evidence of their criminal activities.

On the basis of the above, the following defendants are **charged**:

Reinhard **Retzlaff**, born in 1907, in Berlin, secondary education completed, a member of the German Secret Field Police in Kharkov and Senior Corporal in the Auxiliary Police.

Hanz **Ritz**, born in 1919, in Marienwerder (Germany), a German national, higher education completed, a member of the National Socialist Party since 1937, assistant commander of an SS Company, Untersturmführer SS.

Wilhelm **Langheld**, born in 1891, in Frankfurt-on-Main, a German national, a member of the National Socialist Party since 1933, the Military Counter-Espionage officer of the German army (captain) –

with having:

while on service in the German army during the years 1941-1943, taken a direct part in the mass and brutal extermination of Soviet civilians by the use of specially equipped vehicles known as ‘gas vans’, and also having taken a personal part in mass shootings, hangings, burning, plunder and outrages on Soviet people – i.e. in crimes covered by order of the Presidium of the USSR Supreme Soviet (19 April 1943).

Mikhail Petrovich **Bulanov**, born in 1917, in Dzhanibek (Kazakh SSR), ethnically Russian, non-party,

is charged with:

having voluntarily gone over to the Germans and accepted employment in the German punitive organs, he has betrayed the Motherland.

Together with the Germans, was personally involved in the mass extermination of Soviet people through asphyxiation in the ‘gas vans’; personally shot Soviet civilians, including the elderly, women and children. He is charged with the crimes covered by order of the Presidium of the USSR Supreme Soviet (19 April 1943).

The individuals listed above shall be tried by a military tribunal in consequence of the preceding. The indictment is issued on 11 December 1943.

***

The indictment was read and translated into German. In reply to the presiding judge, all the accused pleaded entirely guilty to the charges.

***

KHARKOV, 15 December (TASS). Today, the Military Tribunal of the 4th Ukrainian Front began hearing the case of atrocities committed by the German-fascist invaders during their temporary occupation of Kharkov and its region.

Hundreds of workers, collective farmers, intellectuals, Red Army soldiers, officers and generals have gathered in the crowded hall. Many of them are living witnesses to the perversive German-fascist system of mass extermination of the Soviet people. Some have lost family and dear ones to Hitler's villains. Others were on the verge of death themselves and escaped only by a miracle. For others yet, the German yoke had aged them prematurely, ruined their health, turned them into invalids, and deprived them of shelter. During the 2 years of the German occupation, they had suffered much grief and humiliation, and every day during those 2 years, they kept thinking of retribution to come.

This time has come. Today they see their hated executioners in the dock. The criminals are being held accountable before the Soviet court.

The court is presided by Judiciary Major-General Cde A. P. Miasnikov; the court members are Judiciary Colonel I. A. Kharchev and Judiciary Major S. S. Zapolskii.

After briefly questioning the defendants to establish their identity, the presiding judge warns witnesses about their duty to tell the court the truth. Medico-legal experts are warned of their duty to present their findings in accordance with their specialised knowledge.

The interpreters present at the trial are warned of their duty to interpret all questions and answers with absolute accuracy.

The court then proceeds to read out the indictment.

Following the reading of the indictment, which the entire courtroom listens to with intense attention, and the translation of the indictment into German for the German defendants, the court begins the interrogation.

All the defendants – Reingard Retzlaff, Wilhelm Langheld, Hans Ritz and Bulanov plead guilty to the charges against them in full.

The interrogation of the defendant Wilhelm Langheld then begins.

---

# FASCIST CRIMINALS

I cross the small Lopan river on the wooden bridge that replaced the blown-up one, climb the high, wide stairs to the burnt-out hulk of a theatre and the Red Army club, past the ruins of passages and what used to be shopping rows. I reach the extinct Universitetskaia Street and look down from the hill, beyond Lopan, to the western part of Kharkov. It is all there, as if on the palm of my hand: the outlines of buildings reaching to the horizon, huge houses gaping with empty windows, collapsed roofs of factory buildings. Everything is powdered with snow and seems black and extinct, as if after a fire. I walk out onto the main street, Sumskaia Street. From edge to edge, it looks like the ruins of gigantic Pompeii, only here and there, a house has survived, glass has been put in, and the iron pipes of the small stoves are poking out of a ventlight. Further on is a vast and splendid square with industrial and project buildings, hotels and department stores. All now are empty, scorched hulks.

How much labour and talent were expended here! The Germans, like mad, blew it all up, burned it down, destroyed it all, just like all the 36 institutions of higher education in Kharkov, just like the giant plants where the first heavy-duty turbine was built. The Germans brutally mutilated Kharkov, undermined its centre of life and left, as an unforgettable memory of themselves, graves around the city, where lie more than 30,000 Soviet civilians of both sexes. Among the victims are many children, tortured to death, shot and killed by exhaust gas in the special, so-called ‘gaswagen’, or ‘soul killer’ in our language. The latter [gaswagen] is a fruit of German ‘creativity’ and constructed by order of the Supreme Command of the German army for the purpose of more rapid and convenient mass extermination of civilians in the German-occupied regions.

The Red Army, with a bravery unknown in history, does its historic holy great deed, exterminating divisions of the German invaders. However, for the Germans, death in battle is an easy death; this is not enough for their crimes. The Germans have stepped into a forbidden zone, mortally forbidden by the moral law. The Germans thereby put their heads under the punishing sword of judgment and retribution.

Hitler exhaustively freed the Germans from their moral sense: from pity, nobility, honesty, respect for man, from a natural and absolutely necessary love for all living and alive. We, however, have not freed the Germans from their duty to be human. Their swelling chest and the goose-stepping at parades, with smug and self-satisfied muzzle unscrupulously turned

towards the führer, do not relieve them of this duty. The norms of international law are not an old telephone book for us, to be thrown into the fire, as Hitler and those Germans of his believe; those, who, roaring with joy, jumped to the other side of morality and went for a walk on blood and torment.

When the Soviet government declared a future stern trial of fascist criminals, starting with their black ataman Hitler, it was not simply talking air but had, it seems, a firm belief that criminals would be tried and punished.

Today, the first trial began in Kharkov. It opens the era of the great terrible trial of the Germans, who transgressed the human law. Three Germans are on trial today, in the ruins of a city surrounded by the graves of its victims. These three Germans are on trial for having transgressed all legal and moral laws during the war with the Soviet Union on the territory of the Soviet Union. They did not behave as soldiers should do but as bandits, torturers, fallen and unbridledly ferocious half-humans.

The indictment is given above. Let us enter the courtroom. In front of the blue velvet curtain above the orchestra is the judge's desk with 3 chairs. To the left is the prosecutor's desk, to the right is the secretary's one, and below, in the parterre, the defendants' bench. Submachine gunners come in and stand by the bench. They bring in the defendants and silently show them where to sit.

The first is Captain Wilhelm Langheld, a Nazi, a military counter-intelligence officer. He is a red-haired, clean-shaven man with a long lipless pink face and cowl eyelashes. He is a torturer who has shot 100 men and is a direct participant in the murders and atrocities against prisoners of war and civilians. He is sitting upright and sedately.

Next to him is the second one, Reinhard Retzlaff, a member of the German Secret Police in Kharkov. He is a slicked-back dark brown-haired man, with a squeamish, dull-eyed face without a chin. Wearing glasses. He was notorious for inhuman torture during interrogations. He worked at the 'gas vans', loading into it Kharkov civilians – children and women, and personally unloading corpses and burning them in barracks. This one is sitting quietly, listening to both the Russian and German words of the interpreter.

Next to him is the third one, Hans Ritz. Absolutely nothing remarkable about his face, either; a German pointy nose, a large skull with not a particular abundance of brain twists, I should say, a paltry lower face. This one is the deputy commander of an SS company. During interrogations, he beat people with ramrods and rubber saws. Tortured and shot civilians and not long ago, in June, participated in a mass shooting in the village of Podvorki.

Dear God, what bastards are these 3, cold torturers cornered with pitchforks! At least if they had satanic faces, but no, just trash, nothing to spit on!

A chair away from them is the 4th defendant, Bulanov, a traitor who had worked for these new masters as a driver. He drove Kharkov civilians to be shot, and worked at the ‘gas van’. This one has coal-painted eyebrows, with close-set black eyes gleaming from under them.

“All rise, the court is now in session!”, a loud voice is heard. Major-General Miasnikov, the presiding judge, and 2 judges appear. The questioning of the defendants begins. They jump up, approach the edge of the fence and answer what is already known from the indictment above. The witnesses are questioned; they swear in and leave. Then the rights and duties of the defendants are announced. They have the right to challenge the judges, witnesses and the defence. The defendants state that they have no recusal. The court’s clerk reads the indictment, which is then read in German.

After a pause, the defendant Wilhelm Langheld is questioned.

Alexei Tolstoy

Kharkov, 16 December (via telegraph)

**ИЗВЕСТИЯ**

3 августа, 1944 г. № 183 3

# СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

## ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В «ГРОСС-ЛАЗАРЕТЕ» СЛАВУТА КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

При освобождении от немцев частями Красной Армии города Славуты на территории бывшего военного городка был обнаружен «лазарет» советских военнопленных. В нем находилось свыше 500 истощенных и тяжело больных людей. Они рассказали об умерщвлении немецкими врачами и охраной «лазарета» десятков тысяч советских военнопленных.

Под председательством Хрущева Н.С., председателя Совнаркома УССР, специальная следственная комиссия расследовала обстановку и обстоятельства умерщвления гитлеровцами в славутском лазарете офицеров и бойцов Красной Армии, попавших в немецкий плен. Комиссия проверила материал допроса, произведенного старшим советником юстиции Прокуратуры УССР Мальцевым Л.Г., при участии представителей Чрезвычайной Государственной Комиссии Готцева Б.Т. и Кононова В.А., и данные анализа судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава УССР профессора доктора медицинских наук Сапожникова Ю.С., заведующего патоморфологическим сектором Московского центрального нейро-хирургического института профессора доктора медицинских наук Смирнова Л.И. и директора Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы НКЮ УССР профессора Бокариуса Н.Н.

В результате следствия собрано огромное число показаний свидетелей и пострадавших, распоряжений оккупационных властей и других документов, изобличающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в грубом попирании элементарных правил человечности.

На основании этих материалов Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нем для раненых и больных офицеров и бойцов Красной Армии «лазарет», наименовав его: «Гросс-лазарет Славута, цвай лагерь 301». «Лазарет» был расположен в полутора-двух километрах юго-восточнее Славуты и занимал десять трехэтажных каменных зданий-блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволочных заграждений. Вдоль заграждений, через каждые 10 метров, были построены вышки, на которых находились пулеметы, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» в лице коменданта гауптмана Планка, затем сменившего его майора Павлиска, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфера, гауптмана Ное, штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурма, обер-фельдфебеля Ильземана и фельдфебеля Беккера – проводили массовое истребление советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду.

## Немецкий «Гросс-лазарет Славута» – лазарет смерти

В «Гросс-лазарете» немецкие власти сосредоточивали 15-18 тысяч тяжело и легко раненых, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в «лазарет», гитлеровцы выбрасывали сотни трупов. Машинист водонапорной башни, расположенной на территории бывшего военного городка, Данилюк А.И. сообщил Следственной Комиссии, что он видел, как «из каждого вагона прибывавшего эшелона выбрасывалось по 20–25 трупов и на железнодорожной ветке оставалось до 800–900 трупов».

В пути пешего следования тысячи советских военнопленных погибали от голода, жажды, отсутствия медицинской помощи, дикого произвола немецкого конвоя. Медицинская сестра Славутской больницы Иванова А.Н. показала перед Следственной Комиссией, что в больницу местными жителями часто доставлялись советские военнопленные, брошенные конвоем, с тяжелыми ранениями,

нанесенными в пути. В числе доставленных в больницу и скончавшихся она назвала техника-интенданта первого ранга Соломай, штабного писаря Пошехонова и рядового бойца Капилеса.

Как правило, гитлеровцы ударами прикладов и резиновых дубинок встречали партии военнопленных у ворот «лазарета», затем отбирали у вновь прибывших кожаную обувь, теплую одежду и личные вещи.

## Немецкие врачи преднамеренно распространяли в «лазарете» инфекционные заболевания

В «Гросс-лазарете» немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы «уплотнения» «лазарета». Бывший военнопленный Хуажев И.Я. сообщил, что немцы «выстрелами из автоматов уплотняли помещения, и люди невольно тесно прижимались друг к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали еще больных и раненых и двери закрывали».

В «лазарете» немецкие врачи преднамеренно распространяли инфекционные заболевания. Больных сыпным тифом, туберкулезом, дизентерией, раненых с тяжелыми и легкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере. Бывший военнопленный советский врач Крыштоп А.А. показал, что «в одном блоке находились больные сыпным тифом и туберкулезом, количество больных доходило до 1.800 человек, в то время как в нормальных условиях там можно было разместить не более 400 человек». Уборка камер не производилась. Больные по нескольку месяцев оставались в том белье, в котором попадали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались. Элементарная санитарная обработка поступающих в «лазарет» не производилась. Все это способствовало распространению инфекционных заболеваний. В «лазарете» не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в «лазарете» приняла чудовищные размеры.

## Немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» голодом истребляли советских военнопленных

Суточный пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и 2 литров так называемой «баланды». Эрзац-хлеб выпекался из специальной, присылаемой из Германии муки. В одном из складов «лазарета» обнаружено около 15 тонн этой муки, хранившейся в 40-килограммовых бумажных мешках с фабричными этикетками «Шпельцмель». Судебно-медицинской и химической экспертизой, а также анализом, произведенным Институтом питания Наркомздрава СССР от 21 июня 1944 г., установлено, «что «мука» представляет собой мякину с ничтожной примесью крахмала (1,7 процента). Наличие крахмала свидетельствует о содержании в исследуемой массе ничтожного количества муки, по-видимому, образовавшейся от случайно попавших в солому зерен при обмолоте. Питание «хлебом», приготовленным из этой муки, влекло за собой голодание, алиментарную дистрофию, в ее кахектической и отечной (голодный отек) формах и способствовало распространению среди советских военнопленных тяжелых кишечно-желудочных заболеваний, обычно кончавшихся смертью».

Так же пагубно действовала на организм «баланда», изготовлявшаяся из шелухи гречихи и проса, неочищенного и полусгнившего картофеля, всякого рода отбросов, с примесью земли, осколков стекла. Нередко пища приготовлялась из падали, подбираемой по распоряжению коменданта в окрестностях «лазарета».

По заявлению бывших военнопленных Иноземцева И.П., Чигрина Е.И. и Жданова П.Н., в «Гросс-лазарете» периодически отмечались вспышки заболеваний неизвестного характера, называвшиеся немецкими врачами «парахолерой». Заболевание «парахолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парахолеры» в 60–80 процентах случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи военнопленные к вскрытию не допускались.

Несмотря на то, что славутский лагерь официально именовался «Гросс-лазаретом» и в его штате числилось значительное количество медицинского персонала, больные и раненые офицеры и бойцы Красной Армии не получали самой элементарной медицинскойпомощи. Медикаменты для больных и раненых не выдавались. Хирургической обработке раны не подвергались и не перевязывались. Раненые конечности с повреждениями костей не иммобилизовались. Даже за тяжело больными не был организован уход. Бывшая военнопленная санитарка

Молчанова П.А. сообщила, что «больные и раненые в большом количестве, сосредоточенные в соседнем с нами помещении, за дощатой перегородкой, не получали никакой медицинской помощи. Днем и ночью из их палаты доносились непрерывная мольба о помощи, просьба о том, чтобы им дали хоть каплю воды. Сквозь щели между досками проникало тяжелое зловоние от гноящихся и запущенных ран».

## Пытки и расстрелы советских военнопленных

Советских военнопленных в «Гросс-лазарете» подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других трупов военнопленного, которому в агональном состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и еще живым засыпан землей.

Одним из видов массовых пыток в «лазарете» было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собою холодное помещение с цементным полом. Заключенные в карцер на несколько дней лишались пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью еще большего истощения заставляли бегать вокруг зданий «лазарета», а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д.П. сообщил о том, как немцы бросали на проволочные заграждения внутренности павших лошадей и, когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к заграждениям, охрана открывала по ним стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л.С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А.Т. «был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторуюпорцию «баланды». В феврале 1942 года он «видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал в мусорной яме объедки, оставшиеся в немецкой кухне обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведен к яме, раздет и пристрелен».

Комендатура и охрана лагеря неоднократно применяла изощренные меры истязаний. Среди вскрытых эксгумированных трупов судебно-медицинская

экспертиза обнаружила четыре трупа военнопленных, умерщвленных холодным оружием, с колотыми головными ранами, проникающими в полость черепа.

Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвленных советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксендза города Славуты Милевского, намечен, как вехами, маленькими надмогильными холмиками.

Наиболее ярким свидетельством изуверского отношения немецко-фашистских палачей к советским военнопленным является тот факт, что многих больных и раненых они закапывали в могилы заживо. Бывшему военнопленному Панкину А.М. известен случай, когда в феврале 1943 года в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытье. В мертвецкой больной очнулся, о чем было доложено немцу – шефу блока. Но он приказал оставить больного в мертвецкой, и больной был похоронен.

На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырех трупов военнопленных, вплоть до мельчайших бронхов, «большого количества песчинок, которые могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком», судебно-медицинская экспертиза установила, что в «Гросс-лазарете» охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми.

## НЕМЕЦКИЕ ПАЛАЧИ РАССТРЕЛИВАЛИ МИРНЫХ ГРАЖДАН ЗА ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

Несмотря на строжайшую охрану и безудержные репрессии, советские военнопленные совершали индивидуальные и групповые побеги из «лазарета», находя приют у местного населения Славуты и окружающих населенных пунктов. В связи с этим 15 января 1942 г. Шепетовский гебитскомиссар, правительственный советник доктор Ворбс, в округ которого входил город Славута, специальным распоряжением предупредил население, что «за оказание «посторонним лицам», т.е. бежавшим военнопленным, какой бы то ни было помощи виновные будут расстреляны. Если же непосредственные виновники не найдутся, то в каждом

случае будет расстреляно 10 заложников». Районная управа города Славуты, в свою очередь, объявила, что «все военнопленные, самовольно покинувшие лазарет, объявляются вне закона и подлежат расстрелу в любом месте их обнаружения».

Бежавших и задержанных военнопленных, а также граждан, оказывавших им помощь, гитлеровцы арестовывали, подвергали избиениям и расстреливали. Священнику Журковскому известен факт об аресте и расстреле 26 мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. Свидетель Фригауф Я.А. сообщил, что за помощь военнопленным были арестованы доктор местной больницы Махнилов, дочь доктора Вайцещука, медсестра Нионила.

Особую активность в расправах с задержанными военнопленными и мирными гражданами проявлял шеф славутской жандармерии обервахмейстер Роберт Готовиц и его заместитель вахмейстер Лор. Расстрел советских людей гитлеровцы производили на участке, прилегающем с юга к водонапорной башне бывшего военного городка, возле «Гросс-лазарета». Это место ими было избрано с целью устрашения военнопленных, которые являлись невольными свидетелями чудовищных злодеяний.

## Последствия варварского режима, установленного в «Гросс-лазарете»

При медицинском освидетельствовании 525 освобожденных из «Гросс-лазарета» Славуты советских военнопленных было установлено: у 435 – крайняя степень истощения, у 59 – осложненное течение ран, у 31– нервно-психическое расстройство. Судебно-медицинская экспертиза на основании внутреннего исследования 112 и наружного осмотра 500 эксгумированных трупов пришла к заключению, что администрация и немецкие врачи«лазарета» создали такой режим, при котором была почти поголовная смертность больных и раненых. Основной причиной смерти советских военнопленных судебно-медицинские эксперты считают истощение крайней степени, инфекционные заболевания, нанесение ран из автоматов и холодным оружием. Такой смертности, которая была в «лазарете», не знает ни одно лечебное учреждение. Круглые сутки военнопленные, впряженные в повозки, вывозили трупы к заранее подготовленным ямам и все же не успевали. Тогда для ускорения «транспортировки» трупы выбрасывались из «лазарета» прямо из окон и там во дворе складывались штабелями.

Бывший военнопленный Севрюгин А.В. сообщил: «Люди вокруг меня умирали сотнями. Возле меня ежедневно умирали 9–10 человек. Мертвых увозили, места занимались новыми больными, а утром повторялась та же картина. Колоссальная смертность доходила до 300 человек в день». За два года оккупации города Славуты, при участии немецких врачей Борбе, Штурм и других медицинских работников, в «Гросс-лазарете» гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной Армии.

## Немецкие палачи пытались скрыть следы своих преступлений

Немецко-фашистские палачи всячески старались замести следы своих преступлений. Они тщательно маскировали места захоронения советских военнопленных. Это подтверждается данными расследования и судебно-медицинской экспертизы. Только на территории бывшего военного городка обнаружено до тысячи могил массового захоронения. На кресте могилы № 623 было написано восемь фамилий похороненных. При вскрытии этой могилы в ней оказалось 32 трупа. То же самое выявлено при вскрытии могилы № 624. В других могилах при вскрытии обнаружена грунтовая прослойка между лежащими в ней трупами. При вскрытии могилы № 625 было извлечено 10 трупов, а под слоем грунта толщиною в 30 см – еще два ряда трупов. То же самое выявлено при раскрытии могилы № 627 и могилы № 8. Из последней извлечено 30 трупов, под слоем грунта найдено еще множество трупов значительно большей давности захоронения.

Гитлеровцы маскировали места захоронения путем посадки на них деревьев, прокладки дорожек, разбивки клумб и т.д. У казармы № 6 под одной из дорожек, выложенной камнями, была обнаружена могила размером 4,5 метра на 3 метра. В северо-западном направлении от этой казармы, недалеко от шоссе, ведущего в Шепетовку, обнаружены три замаскированные могилы размером от 6 метров на 2 метра до 6,5 метра на 2,5 метра.

## К ответу гитлеровских палачей

На основании показаний свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы и расследования, произведенного специальной комиссией, Чрезвычайная Государственная Комиссия неопровержимо установила факт преднамеренного,

истребления охраной и немецкими врачами «Гросс-лазарета» до 150 тысяч советских военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за эти преступления правительство и военное командование фашистской Германии, а также непосредственных виновников: штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурм, Шепетовского гебитскомиссара, правительственного советника доктора Ворбс, майора Павлиска, гауптмана Планк, гауптмана Ное, гауптмана Кронсдорфер, обер-фельдфебеля Ильземан, фельдфебеля Беккер, шефа Славутской жандармерии обер-вахмайстера Готовиц и его заместителя вахмайстера Лор.

Все они должны понести суровую кару за свои чудовищные кровавые преступления, выразившиеся в преднамеренном истреблении советских военнопленных бойцов и офицеров Красной Армии.

# IZVESTIA

3 August 1944, No 183 3

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German-fascist invaders and their accomplices

## EXTERMINATION OF SOVIET PRISONERS OF WAR BY THE HITLERITES AT THE SLAVUTA 'GROSSLAZARETT', KAMENETS-PODOLSK REGION

Upon the liberation of the town of Slavuta from the Germans by the Red Army, an 'infirmary' of Soviet prisoners of war was discovered where a former military camp used to be. More than 500 emaciated and seriously ill people were in it. They told of the massacre of tens of thousands of Soviet POWs by German doctors and guards.

Under the chairmanship of N. S. Khrushchev (chairman of the Sovnarkom of the Ukrainian SSR), the Special Inquiry Commission investigated the circumstances of the captured Red Army officers and fighters' killing, at the Slavuta infirmary. The commission examined the interrogation data conducted by L. G. Maltsev, Senior Justice Counsellor of the UkrSSR Procuracy, with the participation of the Extraordinary State Commission representatives – B. T. Gotzev and V. A. Kononov. It also examined the data from the forensic experts' analysis: Professor, Dr of Medical sciences Iu. S. Sapozhnikov (the UkrSSR Narkomzdrav [the People's Commissariat for Health] chief forensic medical expert); Professor, Dr of Medical sciences L. I. Smirnov (head of the Pathomorphological Section of the Moscow Central Neurosurgical Institute); Professor N. N. Bokarius (director of the UkrSSR Kharkov Research Institute of Forensic Examination).

As a result of the investigation, a vast number of testimonies of witnesses and victims, orders from the occupying authorities and other documents were collected, exposing the Hitler government and the supreme command of the German army for the gross violation of the elementary rules of humanity.

On the basis of these materials, the Extraordinary State Commission established:

In the autumn of 1941, the German-fascist invaders occupied Slavuta and set up there an 'infirmary' for the wounded and sick Red Army officers and soldiers, naming it: 'Slavuta Grosslazarett, Zwei [?] Camp 301'. The 'infirmary' was located one and a half to two kilometres south-east of Slavuta and occupied 10 three-storey stone buildings-blocks. The Hitlerites surrounded all the buildings by a dense network of wire fences. Along the fences, towers with machine guns, searchlights and guards were built every 10 metres.

The Grosslazarett's administration, German physicians and guards carried out the mass extermination of Soviet prisoners of war. This was done through a special regime of hunger, crowding and unsanitary conditions, torture and outright murder, depriving the sick and wounded of treatment and forcing extremely emaciated people into hard labour.

Their names are: Commandant Hauptmann Plank, then his successor Major Pavlisk, Deputy Commandant Hauptmann Kronsdorfer, Hauptmann Noe, Staffsarzt Dr Borbe, his deputy Dr Sturm, Oberfeldfebel Ilsemann and Feldfebel Bekker.

## THE GERMAN 'SLAVUTA GROSSLAZARETT': A DEATH INFIRMARY

At the 'Grosslazarett', the German authorities placed together some 15,000 to 18,000 people: the severely and lightly wounded Soviet prisoners of war and those suffering from various infectious and non-infectious diseases. New batches of wounded and sick Soviet POWs were continually brought in to replace those who had died. On the way there, they were tortured, starved and killed.

From each transport arriving at the 'infirmary', the Hitlerites threw out hundreds of bodies. The water tower driver (located on the territory of the former military compound) A. I. Daniliuk, told the Commission of Inquiry that he saw how "20 to 25 corpses would be thrown out of each wagon of the arriving train, and up to 800–900 corpses would be left behind on the railway line".

While marching, thousands of Soviet POWs died from hunger, thirst, lack of medical care, and the savage arbitrariness of the German convoy. A. N. Ivanova, a nurse from the Slavuta Hospital, testified before the Commission of Inquiry that Soviet POWs abandoned by the convoy were often brought to the hospital by local residents with serious wounds sustained on the way.

Among those brought to the hospital and died, she named: Technician-Intendant First Rank Solomai, Staff scribe Poshekhonov and Private Kapiles.

As a rule, the Hitlerites used rifle butts and rubber truncheons to greet batches of POWs at the 'infirmary' gate, then took away leather shoes, warm clothing, and personal belongings from the newly arrived.

## GERMAN DOCTORS DELIBERATELY SPREAD INFECTIOUS DISEASES AT THE 'INFIRMARY'

At the ‘Grosslazarett’, German physicians artificially created incredible overcrowding. Prisoners of war had to stand pressed close together, exhausted from fatigue and emaciation, falling down and dying. The fascists used various methods to ‘compact’ the ‘infirmary’. A former prisoner of war, I. Ia. Khuazhev, said that the Germans “used machine-gun shots to compact the rooms, and people would involuntarily press against each other; then they would push in more of the sick and wounded, and close the doors”.

At the ‘infirmary’, the German physicians deliberately spread infectious diseases. They placed the sick men with typhus, tuberculosis, dysentery and the severely or lightly wounded in the same block and the same cell. A former Soviet prisoner of war, Dr A. A. Kryshtop, testified that “in one block there were men with typhus and tuberculosis; their number could reach 1,800, while under normal conditions no more than 400 people could fit in”.

The cells were never cleaned. The sick remained for months in the same underwear as on the day of their captivity. They slept without any bedding. Many were half- or completely naked. The rooms were not heated, and primitive stoves made by the POWs themselves would break down.

Elementary sanitisation measures of those entering the ‘infirmary’ were not taken. All this contributed to the spread of infectious diseases. There was no water for washing or even drinking in the infirmary. As a result of the unsanitary conditions, lice infestation in the infirmary was rampant.

## THE ‘GROSSLAZARETT’ GERMAN PHYSICIANS AND GUARDS EXTERMINATED SOVIET PRISONERS OF WAR BY STARVATION

The daily ration of a Soviet prisoner of war consisted of 250 grams of ersatz bread and 2 litres of so-called ‘skilly’. The ersatz bread was baked from special flour sent from Germany. About 15 tonnes of this flour, stored in 40-kilogram paper bags with the factory labels ‘Speltzmel’, were discovered in one of the warehouses of the ‘infirmary’. The forensic and chemical examination, and also the analysis by the USSR Narkomzdrav Institute of Nutrition (21 June 1944) established that “the ‘flour’ was chaff with a negligible amount of starch (1.7 per cent). The presence of starch indicates that the mass in question contains a minimal amount of flour, apparently derived from grains accidentally caught in the straw during threshing. Eating ‘bread’ made from this flour entailed starvation and alimentary

dystrophy in its cachectic and oedematous forms. It contributed to the spread of severe gastrointestinal diseases among Soviet POWs, usually ending in death".

Similarly detrimental to the organism was the 'skilly' [soup] made from buckwheat and millet husks, raw and half-rotten potatoes, rubbish of all kinds, with a mixture of earth and shards of glass. The food was often made of carrion picked up in the vicinity of the 'infirmary' on the commandant's order.

According to former POWs I. P. Inozemtsev, E. I. Chigrin and P. N. Zhdanov, there were periodic outbreaks of diseases of an unknown nature called 'para-cholera' by the 'Grosslazarett' German physicians. The 'para-cholera' was the fruit of German physicians' barbaric experimentation. These epidemics both broke out and ended abruptly. The outcome of 'para-cholera' in 60-80 per cent of cases was fatal. German physicians autopsied the corpses of some of those who died of these diseases. Russian POW doctors, however, were not allowed to attend the autopsies.

Even though the Slavuta camp was officially called 'Grosslazarett' and had a large number of medical personnel on its staff, the sick and wounded Red Army officers and soldiers did not receive the most basic medical care. Medicaments for the sick and wounded were not provided. Wounds were not treated or bandaged surgically. Wounded limbs with bone injuries were not immobilised. Even the seriously ill did not receive any care.

P. A. Molchanova, an orderly and former POW, reported that "many sick and wounded, gathered in a room next to ours, behind a boarded-up partition, received no medical care. Day and night, there was incessant pleading for help from their rooms, asking for a drop of water. The stench of festering and neglected wounds was pervasive through the cracks between the boards".

## TORTURE AND SHOOTING OF SOVIET PRISONERS OF WAR

Soviet prisoners of war were tortured and tormented in the 'Grosslazarett', beaten when food was served, and again when setting for work. The fascist executioners did not spare even the dying. Upon exhumation, the medico-legal examination found one of the prisoners' corpses, who had been stabbed with a knife in the groin while in agony. With a knife sticking out of his wound, he was thrown into the grave and covered over with earth while still alive.

One form of mass torture in the ‘infirmary’ was to imprison the sick and wounded in the punishment cell, which was a cold room with a cement floor. The prisoners were deprived of food for several days, and many died there. To make the exhaustion even worse, the sick and weak were forced to run around the infirmary buildings, and those who could not run were flogged to a near-death condition.

The killing for fun was not uncommon among German guards. D. P. Bukhtiichuk, a former POW, reported how the Germans threw the entrails of fallen horses on the wire barriers and when the hungry POWs ran up to the barriers, the guards opened fire on them with machine guns. Witness L. S. Kirsanov saw one POW bayonetted for picking up a potato tuber from the ground. A. T. Shatalov, a former POW, “witnessed how a convoy officer shot and killed a POW who was trying to get a second serving of the ‘skilly’. In February 1942, he “saw a sentry wounding one POW who was searching in a rubbish heap for scraps left from the kitchen of the German staff; the wounded man was immediately led to the pit, stripped and shot”.

The commandant’s office and guards repeatedly used elaborate torture measures. Among the exhumed corpses, the medico-legal examination found 4 bodies of prisoners of war killed with cold weapons. They had received bayonet wounds to the head, penetrating the cranial cavity.

The wounded and sick POWs, despite their extreme state of emaciation and acute weakness, were forced by the fascists to hard physical labour. They had to carry heavy loads and the corpses of the killed Soviet people out of the camp. Exhausted prisoners who fell on the way were shot on the spot. The road to and from work, according to a report of the Slavuta Catholic priest, Milevskii, was marked, as by milestones, with small grave mounds.

The most vivid evidence of the atrocious attitude of the German-fascist executioners towards Soviet prisoners of war is that they buried many of the sick and wounded alive. Prisoner of war Pankin, a former inmate of the ‘Grosslazarett’, knew of one case where, in February 1943, an unconscious patient was brought to the morgue. There he recovered consciousness, but when it was reported to the officer in charge of barracks that a live man had been taken to the morgue, he ordered him to be left there. The man was buried.

As a result of the discovery of a “considerable quantity of grains of sand in the lower respiratory tracts of the corpses of 4 prisoners (grains which penetrated right down to the very smallest bronchial tube, and which could not have penetrated thus far unless propelled by the respiratory movements of persons smothered by sand)”, the medico-legal experts concluded

that at the ‘Grosslazarett’ the Kommandantur guards used to burry the Soviet people alive. This was done with the connivance of the German physicians.

## GERMAN KILLERS SHOT CIVILIANS FOR HELPING SOVIET PRISONERS OF WAR

Despite tight security and rampant repression, some prisoners managed to escape from the ‘infirmary’, either singly or in groups. They sought refuge with the local population of Slavuta and the surrounding hamlets. In this regard, on 15 January 1942, the Shepetov District commissioner and government adviser, Dr Worbs, issued a special order to the effect that “for providing ‘outsiders’, i.e. escaped prisoners of war, with any assistance whatsoever, the perpetrators will be shot. In case those directly responsible for helping escaped prisoners were not found, 10 hostages would be shot in each case”. The Slavuta District Council, for its part, declared that “all prisoners of war who have voluntarily left the infirmary shall be outlawed and subject to execution in any place where they are found”. The Hitlerite arrested, beat and shot the fleeing and detained POWs, as well as civilians who had helped them. Father Zhurkovskiy is aware of the arrest and execution of 26 civilians who had assisted prisoners of war. The witness Ia. A. Frigauf said that a local hospital doctor, Makhnilov, Dr Vaitsechuk’s daughter and nurse Nionila were arrested for helping prisoners of war.

The Chief of the Slavuta Gendarmerie, Oberwachmeister Robert Gotowitz, and his deputy, Wachmeister Lohr, were especially active in the massacre of detained prisoners of war and civilians. The execution of the Soviet people was carried out in the area adjacent in the south to the water tower of the former military barracks, near the ‘Grosslazarett’. This place was chosen to intimidate the POWs, who were unwilling witnesses to the monstrous atrocities.

## THE CONSEQUENCES OF THE ‘GROSSLAZARETT’ BARBARIC REGIME

A medical examination of the 525 prisoners liberated from the ‘Grosslazarett’ revealed that 435 suffered from extreme exhaustion, 59 from wound complications, and 31 from neuro-psychiatric disturbances. The medico-legal experts, on the basis of 112 internal and 500 external examinations of the exhumed bodies, concluded that the administration and the German physicians of the infirmary had created a regime that led to an almost total mortality rate of the sick and wounded. They consider the main cause of death of Soviet prisoners of war the extreme emaciation, infectious diseases, and wounds inflicted by machine guns and

cold weapons. No other medical institution knows such mortality as was found in the 'infirmary'. The prisoners of war harnessed to carts hauled the corpses to the prepared in advance pits around the clock; still, they did not make it in time. In order to speed up the 'transportation', the corpses were thrown out of the windows of the 'infirmary' and stacked up in the yard.

Former POW A.V. Sevriugin reported: "People around me were dying by the hundreds. Around me, 9 to10 people were dying every day. The dead were taken away, new patients occupied their places, and in the morning, it would all start again". The colossal death rate was up to 300 people a day. During the 2 years of Slavuta's occupation, the Hitlerites, with the connivance of the German physicians Borbe, Sturm, and other medical personnel at the 'Grosslazarett,' exterminated approximately 150,000 Red Army officers and soldiers.

## GERMAN EXECUTIONERS TRIED TO CONCEAL THE TRACES OF THEIR CRIMES

The German-fascist executioners attempted to conceal the traces of the atrocities committed by all possible means. They endeavoured to camouflage the burial sites of the Soviet prisoners of war. This is confirmed by data from the investigation and medico-legal examination. As many as 1,000 mass graves have been discovered on the territory of the former military compound alone. On the cross of Grave No. 623, only 8 surnames of persons buried were indicated, whereas upon excavation 32 bodies were actually found in that grave. Such, too, was the case when Grave No. 624 was opened up. In other graves, layers of earth were placed between several rows of corpses. Ten bodies were found in Grave No. 625; when a layer of earth, 30 cm thick, had been removed, however, 2 further rows of corpses were found in the same grave. The same occurred at the excavation of Graves Nos 627 and 8. Thirty bodies were recovered from the latter, and many more significantly older corpses were found under the soil layer.

Numerous graves were camouflaged by planting trees, making paths, flowerbeds, etc. A grave measuring 4,5 m x 3 m was discovered under one of the stone-lined paths near barrack No. 6. To the northwest of this barrack, near the highway leading to Shepetovka, 3 disguised graves measuring between 6 m x 2 m and 6,5 m x 2,5 m were found.

## THE FASCIST DEATHMEN MUST BE BROUGHT TO JUSTICE!

On the basis of eyewitness accounts, forensic evidence and the special commission's investigation, the Extraordinary State Commission irrefutably established the deliberate

extermination of up to 150,000 Soviet prisoners of war by the ‘Grosslazarett’ guards and German physicians.

The Extraordinary State Commission holds responsible for these crimes the government and military command of the fascist Germany, as well as the direct perpetrators: Staffsarzt Dr Borbe and his deputy Dr Sturm; the Shepetov District Commissioner [Hebitskommissar], government adviser Dr Worbs; Major Pavlisk; Hauptmann Plank; Hauptmann Noe; Hauptmann Kronsdorfer; Oberfeldfeldfebel Ilseman; Feldfebel Bekker; Chief of the Slavuta Gendarmerie, Oberwachmeister Gotovitz and his deputy, Wachmeister Lohr.

All of them must be severely punished for their heinous bloody crimes, for deliberately exterminating the captivated Red Army soldiers and officers.

**ПРАВДА**

2 30 апреля 1944 г., № 104

# СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

## ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПУТЕМ ЗАРАЖЕНИЯ СЫПНЫМ ТИФОМ

Чрезвычайная Государственная Комиссия в своих предыдущих сообщениях опубликовала ряд документов, изобличающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в массовом истреблении мирного советского населения. С особой жестокостью немецкие оккупанты и их сообщники проводили истязания, пытки и массовые убийства советских людей в концентрационных лагерях, организуемых в тылу германской армия. Не только военные, но и все другие оккупационные власти прикрывали создание этих лагерей потребностями эвакуации советского населения из прифронтовой полосы.

### «Лагери смерти» для советских людей у переднего края немецкой обороны

В настоящее время установлено, что немецко-фашистские мерзавцы, в связи с поражениями германской армии на советско-германском фронте и с изменившейся обстановкой, начали широко практиковать новые зверские способы истребления советских людей. Одним из таких способов является распространение эпидемий сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, для чего гитлеровцы, как это выяснилось, организуют у переднего края своей обороны специальные концентрационные лагери.

19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи, Полесской области, Белорусской ССР, обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков. Эти лагери размещались: первый

– на болоте у поселка Дерт; второй – в 2 километрах северо-западнее местечка Озаричи; третий – на болоте в 2 километрах западнее деревни Подосинник.

Специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома Белорусской ССР Пономаренко П.К., депутата Верховного Совета Белорусской ССР Грековой Н.Г., действительного члена Белорусской Академии Наук Якуба Коласа, депутата Верховного Совета СССР Гришко Г.Е., генерал-майора интендантской службы Саковича А.П., начальника санитарной службы армии подполковника Колодкина В.Н. с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д.И. – расследовала обстоятельства, связанные с созданием этих лагерей.

Лагери представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было. Заключенные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагери у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из лагерей детей до 13-летнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин – 13 072 и стариков – 4 448. Расследованием установлено, что фашистские мерзавцы сгоняли все мирное советское население в пересылочные лагери под видом эвакуации населения из прифронтовых районов.

В городе Жлобин немецкая комендатура объявила по радио следующее воззвание к населению: «Граждане города Жлобин, германское командование направляет вас в глубокий тыл, так как красноармейцы вас будут обстреливать из артиллерии и минометов. Желая спасти вас от большевистских зверств, мы

эвакуируем вас в глубокий тыл. Берите с собой все вещи, лошадей, телеги, скот. Берите с собой котелки и ложки, так как по дороге вы будете обеспечены горячей пищей. Слушайтесь немецкого солдата, не скрывайтесь и не убегайте. Весь город оцеплен немецкими войсками. Всякий пытающийся скрыться или бежать будет застрелен. Выходите на улицу и двигайтесь, куда вам укажут немецкие солдаты».

По заранее разработанному плану немецко-фашистские власти организовывали пересылочные пункты, в которые сгоняли все мирное население. В них немцы предварительно отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей свыше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию, остальных детей и нетрудоспособных взрослых направляли в концентрационные лагери у переднего края обороны.

В период с 9 по 13 марта 1944 года гитлеровцы, под усиленным конвоем СС и охранной полиции, согнали в лагери в районе местечка Озаричи десятки тысяч советских людей из пересылочных пунктов, расположенных в районах станции Рудобелка, Рабкор, Старушка, Красный Берег и населенных пунктов Микуль-Городок, Порослище, Медведевка.

«12 марта 1944 года на рассвете, – сообщила учительница Е. Маз, – нас, жителей города Жлобин, немцы согнали за линию железной дороги, к зданию школы. Здесь они отобрали всех трудоспособных, а оставшихся стариков, детей и женщин погрузили в эшелон по 60–70 человек в холодные, неотапливаемые вагоны. В исключительно тяжелых антисанитарных условиях, в холоде и грязи нас довезли до станции Рабкор и погнали в лагерь, расположенный в 3-х километрах от станции. От холода и голода много детей замерзло и умерло в вагонах, много погибло стариков, женщин и детей по дороге в лагерь».

Освобожденная из лагеря Л. Пекарская сообщила Комиссии: «12 марта 1944 года под вечер нас, жителей города Жлобин, заставили собраться в точение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колена в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш

упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Лисовая А.И. из села Малецкая Рудня сообщила: «В пути следования в лагерь группа усталых советских людей присела отдохнуть. Гестаповец, конвоировавший нас, натравил собак, которые сильно искусали Квитковскую и других».

«На моих глазах, – сообщил житель совхоза «Авангард», Буслов М.П., – была убита в лагере немцами гражданка Крек из деревни Михайловская – мать троих детей за то, что вышла на несколько шагов за колючую проволоку, чтобы собрать сучья для костра».

Жительница деревни Ковальки Манько Х.О. показала: «Рядом с проволокой, которой был обнесен лагерь, были вырыты канавы, заполненные грязной болотной водой. В канавах валялось много разложившихся трупов. Воды для питья нам немцы не давали, и мы вынуждены были брать ее из этих канав».

Житель села Гадуни Безнивец П.Н., содержавшийся в лагере, сообщил: «Лагерь, в котором я находился, был обнесен колючей проволокой и заминирован. Заключенные, пытавшиеся выйти за пределы лагеря за водой пли дровами, избивались и расстреливались. Так была убита мать 4-х детей Мокряк П.А. из села Слобода, Домановического района».

У заключенных в лагерях советских граждан немецко-фашистские захватчики отбирали носильные вещи и сохранившиеся ценности. Шуляренко Л.Д. из деревни Давидовичи показала: «В лагерь пришли 50 человек немецких солдат. В руках у них были палки. Они осматривали заключенных, у кого находили хорошую одежду или обувь, отбирали ее. Кто сопротивлялся, того избивали палками. Я сама видела, как немецкие солдаты стаскивали с женщин платки, пальто и обувь».

## УМЫШЛЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ПАЛАЧАМИ ЭПИДЕМИИ СЫПНОГО ТИФА СРЕДИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

На основании материалов указанной выше Комиссии, членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И.П. и судебно-медицинской экспертной комиссией было произведено дополнительное расследование, которым было установлено, что немецкие военные власти преднамеренно, с целью распространения сыпного тифа, размещали сыпнотифозных больных вместе со здоровым населением, заключенным в концентрационные лагери у переднего края немецкой обороны. Сыпнотифозные больные свозились немцами в эти лагери из населенных пунктов Полесской, Минской, Гомельской и других областей Белорусской ССР.

Жительница деревни Заболотье Лабезникова М.Б., содержавшаяся в лагере, сообщила Комиссии: «К нам в дом пришли немцы. Узнав, что я больна тифом, они в тот же день прислали двух солдат и на лошади отвезли меня в лагерь».

Шептунова О.А., из деревни Солоновое, рассказала: «Все население нашей деревни немцы согнали в деревню Воротынь, где было много больных сыпным тифом. Потом всех жителей деревни Воротынь вместе с больными отправили в концентрационный лагерь, находившийся в районе местечка Озаричи».

Освобождённая из лагеря Митрахович П.С, жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З.П. сообщила: «В течение 3-х суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболели. В ночь с 15 на 16 марта умерло от сыпного тифа очень много заключенных».

Жительница деревни Пганцы Е. Душевская показала: «Нас, больных сыпным тифом, немцы перевезли в лагерь из деревни Ковчицы, Паричского района. Мы знали, что можем заразить здоровых, просили немцев отделить нас от здоровых, но они не обратили никакого внимания».

Фашисты размещали в лагерях у переднего края обороны не только здоровых и больных, переведенных из пересылочных пунктов, но и специально завозили в них советских граждан, больных сыпным тифом, из больниц и лазаретов.

Больная Третьякова Н.П. из деревни Замощаны сообщила: «Я заболела в средине февраля месяца, после чего была помещена в больницу деревни Лески. В больнице лежала па полу, не раздевалась. Никакого лечения не было. Потом меня из больницы немцы направили в концентрационный лагерь около деревни Дерт».

Широков Г.С, житель города Жлобин, показал: «12 марта из Жлобинской больницы вывезли 200 человек больных сыпным тифом. Все больные были посланы в лагерь».

Романенко И.О. сообщил Комиссии: «Находясь в заключении в концлагере, я видел большую группу жителей города Жлобин больных тифом. Они лежали на мокрой земле, в грязи. Среди них были мертвые. Несколько человек, будучи в бреду, ползали по грязи. Врачей не было. Среди больных я видел граждан города Жлобин: Щуклина и Гурскую. Они сообщили мне, что их, больных тифом, вывезли в лагерь из городской больницы».

Аналогичные показания дали Комиссии бывшие заключенные концентрационных лагерей, советские граждане: Жданович Д.Г., Зайцева О.А., Русинович Х.Т., Решотко Т.И.. Анисимова М.Т., Дробеза И.Р., Новик Л.К., Верос П.Я., Коваленко А.Е., Бондаренко В.Ф., Довыденко М.В. и многие другие.

Таким образом, преднамеренный вывоз немцами тифозных больных в лагерь, с целью распространения сыпнотифозной эпидемии неопровержимо доказан многочисленными показаниями советских граждан, которые были принудительно отправлены немецкими властями в концентрационные лагери на 5, 7, 8, 9 день заболевания тифом.

Вот ряд документально установленных случаев такого рода, составляющих, однако, ничтожную часть всех зарегистрированных многочисленных фактов.

Болейко Е.П. из села Барбару была направлена в лагерь на седьмой день заболевания тифом, причем ее четверо детей: Николай 11 лет, Нина 9 лет, Любовь 7 лет, Василий 5 лет заболели уже по пути влагерь. На 5–9 день болезни тифом в лагерь были отправлены Крек из с. Слобода, Новик Л.К. из с. Юрки, Коваленко А.Е. из с. Ломовичи, Пархоменко А. из д. Замощаны, Решотка М.М. из с. Хомичи, Получи Н.Е. из д. Детбин, Голубь М.И. из с. Подветки, Крук Т.П. из с. Годуни, Евстратовская из с. Ковальки и многие другие. В концентрационных лагерях заболели тифом: Земжецкая

М.Д. из с. Буда, Романов И. из д. Белица, Венцов И. из с. Заполье, Белько П. из д. Волосовичи, Пощен М.З. из дер. Порослище, Дроздова В.С. из д. Комадовка, Ящур А.М. из г. Иванище, Пацай М.И. из д. Гар, Дайнеко Ф.Д. из д. Пружилище, Козлова Т. из д. Новоселки, Шкутова Ф.С. из д. Годиновичи, Грыжкова А.С. из д. Радужа, Антоник Е. из д. Трельцы, Удот А. из д. Закеричи и многие другие.

Командование германской армии специально посылало в лагери у переднего края обороны своих агентов, которым было вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии.

Задержанный немецкий агент разведывательной группы 308 Расторгуев Ф. показал: «11 марта 1944 года я в сопровождении обер-лейтенанта немецкой армии — начальника группы 308 Керст был доставлен на автомашине на железнодорожную станцию, расположенную в 40–45 километрах южнее города Глуск. Вечером он сказал мне, что я на некоторое время посылаюсь в лагерь для гражданского населения, расположенный в 30 километрах от этой станции. Керст объяснил мне, что в этом лагере находится до 40 тысяч мирных советских граждан из которых до 7 тысяч больных сыпным тифом, что в ближайшие 3–4 дня в этот лагерь будет брошено еще до 20 тысяч лиц гражданского населения. Здесь же мне сделали противотифозную прививку. Задание, данное мне начальником группы 308, заключалось в следующем: прибыть в лагерь, находящийся западнее деревни Озаричи, и быть там, оставаясь незамеченным в массе. Мне надо было установить, что будут делать части Красной Армии с гражданским населением, когда лагери окажутся в расположении частей Красной Армии, куда направят женщин и детей, как поступят с больными. После того, как я выполню данное мне задание, я должен буду возвратиться на сторону немцев и сообщить о собранных мною сведениях».

## Заключение судебно-медицинской экспертизы

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа среди мирного советского населения, заключенного германскими властями в концентрационные лагери у переднего края обороны, подтверждается также данными судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе армейского эпидемиолога подполковника Юлаева С.М., армейского судебно-медицинского эксперта майора

Алексеева Н.Н. и начальника армейской патолого-анатомической лаборатории майора Бутянина В.М. установила, что в целях заражения советских людей сыпным тифом:

« а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан (эпиданамнезы №№ 158, 180, 161, 164, 178, 183 и др.);

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие (данные эпиданамнеза, клиники и серологических исследований за №№ 2, 8, 10, 15, 16, 17 и другие);

в) в случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагери, немецкие власти применяли насилие (протоколы опроса за №№ 269, 270, 271, 272);

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Это подтверждается эпиданамнезами за №№ 138, 139, 149, 166, 175, 180, 40, 49, 50 и протоколом опроса № 273;

д) заражение соседского населения сыпным тифом было произведено в период 2-й половины февраля и первой половины марта».

После освобождения района местечка Озаричи Полесской области от немецких оккупантов, с 19 по 31 марта 1944 года командование частей Красной Армии госпитализировало 4 052 советских гражданина, из них детей в возрасте до 13 лет 2 370 человек.

На основании расследования специальной комиссии, заключения судебно-медицинской экспертизы, документальных материалов, а также на основании произведенного расследования членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И.П., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что созданием концентрационных лагерей у переднего края обороны с размещением в них здоровых и сыпнотифозных больных немецкие военные власти пытались преднамеренно распространить эпидемию сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, что является грубейшим нарушением законов и обычаев ведения войны, признанных цивилизованными народами.

# К ОТВЕТУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ!

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает виновниками всех этих преступлений гитлеровское правительство, верховное командование германской армии, а также командующего 9-й армией генерала танковых войск Харпе, командира 35 армейского корпуса генерала пехоты Визе, командира 41 танкового корпуса генерал-лейтенанта Вейдман, командира 6 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гроссман, командира 31 пехотной дивизии генерал-майора Экснер, командира 296 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Кульмер, командира 110 пехотной дивизии генерал-майора Вайсгаупт, командира 35 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Рихард, командира 34 пехотного полка полковника фон Капф, командира 109 пехотного полка майора Рогилайн, начальника «Абвергрупп 308» обер-лейтенанта Керст.

Все они должны понести суровую ответственность за преступления, совершенные против советского народа.

**PRAVDA**

2 30 April 1944, No 104

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German fascist-invaders

## EXTERMINATION OF SOVIET PEOPLE THROUGH TYPHUS BY THE HITLERITES

In its previous communications, the Extraordinary State Commission has published a number of documents exposing Hitler's government and the German army's supreme command in the mass extermination of the Soviet civilian population. With particular cruelty, the German occupiers and their accomplices carried out the persecution, torture and mass murder of the Soviet people in the concentration camps organised in the rear of the German army. The military and all other occupying authorities covered up the creation of these camps under the pretext of the need to evacuate the Soviet population from the front lines.

## 'DEATH CAMPS' FOR SOVIET PEOPLE AT THE FRONT LINE OF GERMAN DEFENCE

It is now established that the German fascist scoundrels, in connection with the defeats of the German army on the Soviet-German front and with the changed situation, began to practise widely new brutal methods of extermination of the Soviet people. One such method is the spreading of typhus epidemics among the Soviet civilians and Red Army units, for which the Hitlerites, as it turned out, were organising special concentration camps near the front line of their defence.

On 19 March 1944, the advancing Red Army units near the village of Ozarichi, in the Polesskaia region (the Belorussian SSR), discovered 3 concentration camps. Over 33,000 children, women unable to work, and elderly people were held in these camps, at the front line of the German defence. These camps' locations: the first one, on the swamp near the village of Dert; the second one, 2 kilometres north-west of the village of Ozarichi; the third one, on the swamp, 2 kilometres west of the village of Podosinnik.

A special commission has investigated the circumstances for the creation of these camps. Its members are: P. K. Ponomarenko (the Belorussian Sovnarkom chairman), N. G. Grekova (the Belorussian Supreme Soviet deputy), Iakub Kolas (full member of the Belorussian Academy of Sciences), G. E. Grishko (the USSR Supreme Soviet deputy), A. P. Sakovich (the Intendant Service Major General) V. N. Kolodkin (Lieutenant Colonel, head of

the army sanitary service), with the participation of the Extraordinary State Commission representative, D. I. Kudriavtsev.

The camps were open areas surrounded by barbed wire. The accesses to them were mined. There were no buildings, even of a light type, within the camps. The prisoners were housed directly on the ground. Many of them who had lost the ability to move were unconscious in the mud. Prisoners were forbidden to build fires or gather brushwood for bedding. For the slightest attempt to violate this regime, the Hitlerites would shoot the Soviet people.

By establishing concentration camps near the front line of defence, the Germans, firstly, chose locations for camps where they had no hope of holding their ground; secondly, by concentrating large masses of Soviet people in a camp, they placed mainly children, women unable to work and the elderly in them; thirdly, together with the emaciated and incapacitated population, in unsanitary conditions, they placed at the camps thousands of typhoid patients, brought for this purpose from various Belorussian temporarily occupied areas. Among the liberated from the camps were 15,960 children (under the age of 13), 13,072 incapacitated women, and 4,448 elderly people. The investigation established that the fascist scoundrels drove the entire Soviet civilian population into the transit camps under the guise of evacuating them from the front-line areas.

In the town of Zhlobin, the German commandant's office announced on the radio the following appeal to the population: "Citizens of Zhlobin, the German command is sending you to the deep rear, as the Red Army will bombard you with artillery and mortars. Wishing to save you from the Bolshevik atrocities, we evacuate you to the deep rear. Take with you all your belongings, horses, carts, cattle. Take your pots and spoons, as you will be provided with hot food on the way. Obey the German soldier, do not hide or run away. The whole town is cordoned off by German troops. Anyone trying to hide or escape will be shot dead. Leave your homes and go where the German soldiers tell you to go".

According to a prearranged plan, the German-fascist authorities organised transfer points for the entire civilian population. The Germans pre-selected able-bodied men, women and children over the age of 13 and sent them to slave labour in Germany, while the remaining children and incapable adults were sent to concentration camps at the front line of the defence.

From 9 to 13 March 1944, the Hitlerites, under a reinforced escort of the SS and security police, drove tens of thousands of Soviet people from the transit centres to the camps near Ozarichi. These transit centres were situated near Rudobelka, Rabkor, Starushka, Krasny Bereg railway stations, as well as such localities as Mikul-Gorodok, Poroslische and Medvedevka.

“On 12 March 1944, at dawn – reported E. Maz, a teacher – the Germans forced us, the inhabitants of Zhlobin, to gather behind the railway line, to the school building. Here, they selected all the able-bodied, while the remaining old people, children and women were loaded, in groups of 60–70, into cold, unheated wagons. In extremely difficult unsanitary conditions, in cold and filth, they took us to Rabkor station and then forced us on foot to a camp located some 3 kilometres from the station. Many children froze and died in the wagons of cold and hunger; many old people, women and children died on the way to the camp”.

L. Piekarskaia, liberated from the camp, told the Commission: “On 12 March 1944, in the evening, we, the inhabitants of Zhlobin, were forced to gather within half an hour at Zhlobin-Iuzhnaia station. There, the Germans selected and took away the young men. They put us into a freight wagon and locked the doors tightly. We did not know where they were taking us, but everyone had a bad feeling. It later turned out we drove on Rudobelkovskaia railway branch and arrived on the evening of 15 March. They made us walk through the knee-deep sticky mud to the camp at night. From this camp, they forced us to another. On the way, the Germans beat us; those who lagged behind were shot. There was a woman with 3 children. One toddler fell, and the Germans shot at him. When the mother and her 2 children turned around in terror, the soldiers in turn shot at them too. The mother screamed frantically, and the scream was cut short by a point-blank shot. The Bondarevs, mother and son, were walking. The child could not cope with the tiring journey and fell. The mother bent over him, wanting to comfort him with a word, but neither son nor mother got up again, nor did they see the blue sky. The Germans have shot them dead”.

A. I. Lisovaia from the village of Maletskaia Rudnia reported: “On the way to the camp, a group of tired Soviet folks sat down to rest. The Gestapo who was escorting us set his dogs on us, and they bit badly Kvitkovskaia and others”.

“In front of my eyes, said M. P. Buslov, a resident of the ‘Avangard’ state farm, “Citizen Krek from the village of Mikhailovskaia, a mother of 3, was killed at the camp by the Germans for going a few steps beyond the barbed wire to collect logs for the fire”.

A resident of the village of Kovalki, Kh. O. Manko, testified: “Near the wire that surrounded the camp, there were ditches, filled with muddy swamp water. Many decomposed corpses were lying in them. The Germans would not give us any water to drink, so we had to take it from the ditches”.

P. N. Beznivets, a resident of the village of Gaduni, who was held prisoner in the camp, said: “The camp I was in was surrounded by barbed wire and mined. Prisoners who tried to go outside the camp for water or firewood were beaten and shot. This is how P. A. Mokriak, a mother of 4, from the village of Sloboda (Domanovichi district), was killed”.

The German-fascist invaders confiscated clothes and remaining valuables from the Soviet citizens placed in the camps. L. D. Shuliarenko, from the village of Davidovichi, testified: “Fifty German soldiers came to the camp. They had sticks in their hands. They examined those with nice clothes or shoes and took them away. Those who resisted were beaten with sticks. I personally saw how German soldiers ripped scarves, coats and shoes off women”.

## GERMAN-FASCIST EXECUTIONERS DELIBERATELY SPREAD THE TYPHUS EPIDEMIC AMONG THE SOVIET POPULATION

Based on the materials of the above Commission, Academician I. P. Trainin (a member of the Extraordinary State Commission) and the forensic medical commission have carried out an additional investigation. This investigation has established that the German military authorities had deliberately, for the purpose of spreading typhus, housed typhus patients together with the healthy population held in concentration camps near the German defence front line. The Germans brought these typhus patients to the camps from various localities in the Polessk, Minsk, Gomel and other Belorussian SSR regions.

M. B. Labeznikova, a villager of Zabolot'e, who has been in such camp, told the Commission: “Germans came to our house. When they found out that I was sick with typhus, the same day they sent 2 soldiers and took me to the camp on horseback”.

O. A. Sheptunova, from the village of Solonovoe, said: “The Germans drove the entire population of our village to the village of Vorotyn, where there were many typhus patients. Then they sent all of Vorotyn’s villagers together with the sick to a concentration camp, near the village of Ozarichi”.

P. S. Mitrakhovich, a resident of Novo-Belitsa (village), who was liberated from the camp, testified: “We, the sick with typhus, were taken to a camp fenced with barbed wire, near Mikul-Gorodok”.

Z. P. Gavrilchik, a resident of Novogrudok (small town), reported: “For 3 days typhus patients were brought to the camp in cars; as a result, many healthy prisoners at the camp fell ill. On the night of 15 to 16 March, a great many prisoners died of typhus”.

E. Dushevskaia, a resident of the village of Pgantsi, testified: “The Germans brought us, the sick with typhus, to the camp from the village of Kovchitsy, Parichskii district. We knew we could infect healthy people, and we asked the Germans to separate us from the healthy ones, but they did not pay any attention”.

In the camps, near the front line, the fascists not only placed the healthy and sick from the transit points. They also brought there, deliberately, sick Soviet citizens with typhus from hospitals and infirmaries.

A patient N. P. Tretiakova, a villager from Zamoshchany, reported: “I fell ill in mid-February, and was admitted to the hospital in the village of Leski. At the hospital, I lay on the floor and did not undress. There was no treatment. Then the Germans sent me from the hospital to a concentration camp near Dert”.

G. S. Shirokov, a resident of Zhlobin, testified: “On 12 March, 200 sick with typhus were taken out of the hospital in Zhlobin. All the sick were sent to a camp”.

I. O. Romanenko told the Commission: “While imprisoned in a concentration camp, I saw a large group of Zhlobin residents, sick with typhus. They were lying on the wet ground, in the mud. Among them were the dead. Several people, while delirious, were crawling around in the mud. There were no doctors. Among the sick, I saw Zhlobin’s residents: Shchuklin and Gurskaia. They told me they were sick with typhus and had been taken to the camp from the town hospital”.

Similar testimony was given to the Commission by the following former concentration camp Soviet prisoners: D. G. Zhdanovich, O. A. Zaitseva, Kh. T. Rusinovich, T. I. Reshotko. M. T. Anisimova, I. R. Drobeza, L. K. Novik, P. Y. Veros, A. E. Kovalenko, V. F. Bondarenko, M. V. Dovydenko and many others.

Thus, the intentional transfer of typhoid patients by the Germans to the camps for the purpose of spreading typhoid fever has been irrefutably proven by numerous Soviet citizens’

testimonies. These citizens were forcibly sent by the German authorities to concentration camps on the 5th, 7th, 8th and 9th days of being sick with typhoid.

The following are a number of documented cases of this kind. They constitute, however, only a negligible part of the numerous facts recorded.

E. P. Boleiko from the village of Barbaru was sent to the camp on the 7th day of typhus. Moreover, her 4 children got sick already on their way to the camp: Nikolai (11), Nina (9), Lyubov (7), and Vasilii (5).

On days 5 to 9 of the typhoid fever, these people were sent to the camp from various localities: Krek from Sloboda, L. K. Novik from Iurki, A. E. Kovalenko from Lomovichi, A. Parkhomenko from Zamoshchany, M. M. Reshotka from Khomichi, N. E. Poluchi from Detbin, M. I. Golub from Podvetki, T. P. Kruk from Goduni, Evstratovskaia from Kovalki, and many others. Many others fell ill with typhus in concentration camps: M. D. Zemzhetskaia from Buda, I. Romanov from Bilitsa, I. Ventsov from Zapol'e, P. Bel'ko from Volosovichi, M. Poshchen from Poroslishche, and others. V. S. Drozdova from Komadovka, A. M. Iashchur from Ivanishche, M. I. Patsai from Gar, F. D. Daineko from Pruzhilishche, T. Kozlova from Novoselki, F. S. Shkutova from Godinovichi, A. S. Gryzhkova from Raduzha, E. Antonik from Treltsy, A. Udot from Zakerichi and many others.

The German army command specifically sent agents to the camps at the front line of defence who were charged with monitoring the spread of the typhus epidemic among the civilians and the Red Army units.

A detained German agent of the Reconnaissance group 308, F. Rastorguev, testified: “On 11 March 1944, accompanied by a German Army Ober-Lieutenant, Chief of Group 308, Kerst, I was taken by car to a railway station located some 40 to 45 kilometres south of the town of Glusk. In the evening, he told me I would be sent for some time to a civilian camp, 30 kilometres from this station. Kerst explained to me that there were up to 40,000 Soviet civilians at that camp, among them up to 7,000 had typhus, and that in the next 3 or 4 days up to 20,000 more civilians would be brought into that camp. I was also given a typhoid inoculation there. The chief of Group 308 gave me the following task: I was to arrive at a camp west of the village of Ozarichi and remain there unnoticed in the crowd. I had to find out what the Red Army units would do with the civilians the moment the camps became the units’ location. Where would they send the women and children, and how they would deal

with the sick. After completing my assignment, I was to return to the German side and report on the information collected".

FORENSIC MEDICAL CONCLUSION

The deliberate spreading of the typhus epidemic among the Soviet civilian population, imprisoned by the German authorities in concentration camps at the front line of the defence, is also confirmed by forensic medical evidence.

The forensic medical commission, comprising the army epidemiologist Lieutenant Colonel S. M. Iulaev, army forensic medical expert Major N. N. Alekseev and head of the army pathological-anatomical laboratory Major V. M. Butianin, determined that the following was undertaken to infect Soviet people with typhus:

"a) The German authorities placed in concentration camps healthy Soviet citizens and typhus patients (epidemiological anamnesis Nos 158, 180, 161, 164, 178, 183, etc.);

b) In order to spread typhus in the camps more rapidly, the Germans practised the transfer of typhus patients from one camp to another (epidemiological anamnesis, clinic and serological data for Nos. 2, 8, 10, 15, 16, 17 and others);

c) In cases where patients with typhoid fever refused to go to the camps, the German authorities used violence (survey records Nos. 269, 270, 271, 272);

d) German invaders transferred typhoid patients from hospitals and mixed them with the healthy population in the camps. This is confirmed by epidemiological anamnesis for Nos. 138, 139, 149, 166, 175, 175, 180, 40, 49, 50 and survey record No 273;

e) Typhus infection of the neighbouring population occurred during the second half of February and the first half of March".

After the liberation of Ozarichi (Polessk region) from the German occupants, from 19 to 31 March 1944, the Red Army units command hospitalised 4,052 Soviet citizens, including 2,370 children under the age of 13.

Based on the Special Commission's investigation, the conclusion of the forensic medical examination, the documentary material, and Academician I. P. Trainin's inquiry (a member of the Extraordinary State Commission), the Extraordinary State Commission concluded:

By establishing concentration camps near the front line of defence and placing in them healthy persons together with typhus patients, the German military authorities had deliberately tried to spread the typhus epidemic among the Soviet population and Red Army

units. The above flagrantly violates the warfare laws and customs, recognised by civilised nations.

## LET US BRING THE GERMAN-FASCIST EXECUTIONERS TO JUSTICE!

The Extraordinary State Commission holds responsible for the entirety of the aforementioned crimes: the Hitler's government, the supreme command of the German army, as well as the following individuals: Panzer Corps General Harpe (Commander of the 9th Army), Infantry General Wiese (Commander of the 35th Army Corps), Lieutenant General Weidman (Commander of the 41st Panzer Corps), Lieutenant General Grossman (Commander of the 6th Infantry Division), Major General Exner (Commander of 31 Infantry Division), Lieutenant General Kulmer [Kulkhotmer?] (Commander of 296 Infantry Division), Major General Weisshaupt (Commander of 110 Infantry Division), Lieutenant General Richard (Commander of 35 Infantry Division), Colonel von Kapf (Commander of 34 Infantry Regiment), Major Rogilain (Commander of 109 Infantry Regiment), Lieutenant General Kerst [Hirst?] (Chief of 'Abvergruppe 308').

All of them shall bear severe liability for the crimes committed against the Soviet people.

**ПРАВДА**

2 5 апреля 1945 г., № 81

# СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

## О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Захватив Латвийскую Советскую Социалистическую Республику, немецко-фашистские оккупанты ликвидировали ее самостоятельность и стремились поработить латышский народ. Они объявили Ригу главным городом «Остланд» («Восточная территория») и резиденцией штаба рейхсминистра Розенберга, рейхскомиссара Прибалтики Лозе и генерального комиссара Латвии Дрекслера.

В своей преступной деятельности немецкие захватчики руководствовались директивой рейхсфюрера СС Г. Гиммлера непросто колонизировать, а превратить «Восточную территорию» в немецкие области и заселить их немцами.

В центральном берлинском органе эсэсовцев «Дас Шварце Кор» в августе 1942 года была помещена передовая статья: «Германизировать ли?». В ней говорилось следующее:

«Для одного из номеров журнала «Дёйче Арбайт», посвященного заданиям по заселению Востока, рейхсфюрер СС написал следующий лозунг: «Наша задача не германизировать Восток в прямом смысле этого слова..., а способствовать тому, чтобы Восток населяли люди только немецкой, германской крови»...

И далее:

«...Мы должны создать почву для того, чтобы поселенцы, которых наш народ посылает на Восток... развивали бы биологическую силу, которая в будущем пропитает собой область и станет управлять ею и формировать ее».

«...В широте пространств, приобретаемых им (немецким солдатом) для своего народа, в том изобилии, которое они ему открывают, не будет больше ни понижения рождаемости, ни забот о пропитании, ни ограничений в жилплощади, ни чахлых городских детей, ни ухода от естественного развития в мучительные узкие рамки

цивилизации. В естественных условиях немецкие матери снова будут в состоянии рожать своим мужьям детей в большом количестве...».

Захватывая землю латышских крестьян для баронов и помещиков, немцы беспощадно истребляли мирное население – мужчин, женщин и детей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Калнберзина Я.Э., председателя СНК Латвийской ССР Лациса В.Т., писателей Рокпельниса Ф.Я., Судрабкалнса Я.К., председателя Рижского городского исполкома Деглава А.Ф. и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Дымова Н.Н., с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: начальника санитарной службы армии Асатуряна А.А., армейского судебно-медицинского эксперта Кривцова С.Н., начальника армейского судебно-медицинского диагностического отделения Кузема В.А. и патолого-анатома Ильинского О.П., расследовала факты злодеяний немцев.

На основании данных расследования и многочисленных показаний свидетелей, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что немецкие захватчики причинили городам Рига, Даугавпилс, Резекне огромные разрушения, разгромили научные и культурные учреждения Латвийской ССР, разорили сельское хозяйство, преднамеренно истребили свыше 250 тысяч мирных жителей, 327 тысяч советских военнопленных и угнали в немецкое рабство 175 тысяч граждан Латвийской ССР.

## Немецкие захватчики разрушили в Латвии города, разгромили учреждения науки, культуры и искусства

В течение более трех лет немецкие захватчики разрушали предприятия, коммунальное хозяйство, библиотеки, музеи, жилые дома в городах Латвии. Гитлеровцы пытались уничтожить всё, что связано с национальными традициями латышского народа. Улицы, бульвары в городе Рига носившие имена латышских писателей и общественных деятелей – Райниса, Вальдемара и других, были заменены немецкими названиями. Улица Бривибас (Свободы) была переименована в улицу Адольфа Гитлера. Государственным языком был объявлен немецкий язык.

В Латвии немецкие захватчики разграбили ценнейшие библиотеки. Они разрушили в Риге 8 зданий государственной библиотеки, а здание по Англиканской улице – выдающийся памятник архитектуры XIII–XIV веков –

превратили в казарму. Штабом Розенберга увезено в Германию 100 тысяч томов книг и 70 ящиков старинной периодической литературы и ценных монографий.

Немцы сожгли Рижскую городскую библиотеку, основанную в 1524 году, в которой хранились редчайшие книги и рукописи. В этой библиотеке погибло около 800 тысяч библиографических единиц, чем нанесен латышскому народу огромный ущерб в области национальной культуры.

Картинную галерею Рижского городского музея гитлеровцы превратили в склад и казарму, картины же известных латышских, русских и иностранных художников увезли в Германию. Многие картины латышских художников – Розенталя, Страля и других, были расхищены представителями немецких оккупационных властей. Генеральный комиссар Дрекслер украл 10 картин, генерал полиции Шредер – 4 картины, гебитскомиссар Медем – 6 картин, доктор Беннер – 9 картин, доктор Циммерман – 4 картины.

Немцы разграбили Академию Художеств, Государственную консерваторию, Музыкальное училище и превратили их в казармы; взорвали здание бывшего Ремесленного общества с крупнейшим концертным залом; разрушили в Риге 65 школ. Экспонаты музеев Государственно-исторического, Рижского Думского и Военно-исторического немцы вывезли в Германию.

Многих представителей латышской интеллигенции немцы заключили в тюрьмы и концентрационные лагери, замучили в застенках гестапо и расстреляли; многих насильно угнали в Германию. Немецкие палачи расстреляли одного из крупнейших деятелей, народного образования, депутата Верховного Совета Латвийской ССР Лиекниса Я., художника Айженс Яниса, писателя-драматурга Лукса Роберта, артиста Церова Б.К., известного историка профессора Дубнова С.М., инженера Полонского Г., врача Гинзбурга, учителя Лат М., депутата Верховного Совета Латвийской ССР Струповича Т. Молодому писателю Лею Ф. немцы произвели насильственное выкачивание крови, после чего он заболел острой формой туберкулеза.

Немецкие захватчики разрушили в Риге крупнейшие предприятия: государственный электротехнический завод «ВЭФ», государственный вагоностроительный завод «Вайрогс», завод резиновых изделий «Квадрат», 13 гостиниц; привели в негодность водопроводную и телеграфно-телефонную сеть.

Они взорвали Кегумскую гидроэлектростанцию мощностью в 55 тысяч киловатт, разрушили Рижский порт и железнодорожный узел, уничтожили 300 километров железнодорожных и 6 километров трамвайных путей, 100 километров воздушной электросети, повредили 330 трамвайных вагонов, вывезли в Германию 200 автобусов.

Немцы разрушили в Риге 2.789 жилых домов; уничтожили целые кварталы с домами, построенными в XV–XVII столетиях. В Даугавпилсе (Двинске) гитлеровцы взорвали Народный дом, вокзал, вагоноремонтные мастерские, депо, электростанцию; уничтожили 40 предприятий местной промышленности, городскую библиотеку со всеми книгами; разрушили 32 школы, 4 гостиницы, 15 бань, телефонно-телеграфную сеть, 2. 896 жилых домов. В своей звериной ненависти к латышскому народу немецкие захватчики при своем отступлении жгли, взрывали, разрушали школы, библиотеки, больницы, жилые дома и промышленные предприятия.

## Немецкие захватчики разорили сельское хозяйство Латвийской Республики

Сразу же после оккупации Латвийской Советской Республики немецкие захватчики разорили сельское хозяйство. Они отобрали от сельско-хозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян около 600 тысяч гектар земли, которой они были наделены советским правительством Латвии. Немцы отобрали у крестьян скот, весь сельскохозяйственный инвентарь, на обзаведение которым советским правительством Латвии был выделен крестьянам кредит в сумме 27.179 тысяч рублей. Немецкие захватчики стали восстанавливать помещичьи и кулацкие хозяйства, заселять Латвию людьми «только немецкой, германской крови». Более 75 тысяч семей латышских крестьян немцы лишили земли и прикрепили их к немецким баронам и латышским помещикам и кулакам.

Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4.057 плугов, 2.815 культиваторов, 3.532 бороны, 10.600 жаток и сенокосилок, 506 молотилок и другой инвентарь; отобрали у крестьян 628.329 тонн разных сельскохозяйственных продуктов, уничтожили 3 млн. голов домашней птицы. В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье

скота: на 127.300 лошадей, на 443.700 голов крупного рогатого скота, на 318.200 свиней, на 593.800 овец.

## Немецкие душегубы истребили 250 тысяч мирных граждан Латвии

Следуя своей неизменной политике массового истребления свободолюбивых народов, немецкие палачи убили в Риге более 170 тысяч мирных граждан – мужчин, женщин, детей, стариков. Вокруг города Рига немцами были организованы концентрационные лагери для мирных граждан: в Саласпилсе, Межапарке, в Страздумуйже, Бишу-Муйже, Мильгравис и других местах. Тысячи граждан были арестованы и заключены в тюрьмы: Центральную, Срочную, «Цитадель» и другие.

В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и, стоны. Ежедневно от истязаний умирали 30–35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали. Об истязаниях сообщили комиссии очевидцы, содержавшиеся в заключении в Центральной тюрьме: Глузде А.Ю., Заранкин С.Е., Лаукс Р., Якобсон М.Я., Ванагс В., Трифонов Я.Я., адвокат Мункевич К.Г. и многие другие.

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР.

Свидетель Осипов Г.М., содержавшийся немцами в тюрьме в городе Даугавпилс (Двинск), показал: «Немецкие палачи избивали меня резиновой трубкой, пытали при помощи электрического тока. Избиениям и пыткам подвергались все заключенные, подозреваемые в сочувствии советской власти. Многим во время допросов скручивали на руках узлом колючую проволоку».

Немецкие изверги не щадили никого. Они убивали мужчин и женщин, здоровых и больных, детей и стариков. В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2.000 детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском лагере – более 3.000 детей. В Первой и Второй рижских психиатрических больницах они убили всех душевнобольных.

Как показал врач Второй психиатрической больницы Херманис Салтупс, немцы вывезли из больницы 29 января 1942 года свыше 350 душевнобольных и истребили их. Врач Первой психиатрической больницы Дрикитис В.И. показала: «14 апреля 1942 года в больницу прибыли эсэсовцы и увезли более 200 больных. По указанию администрации, на историях болезни я сделала отметки: «Эвакуированы СС полицией». В октябре 1942 года немцы вывезли еще около 100 душевнобольных». Все душевнобольные были расстреляны немцами в Бикернекском лесу.

Ниже публикуются немецкие документы, найденные в помещении «Департамента командующего полицией безопасности и СД», которые подтверждают кровавую расправу гитлеровцев с душевнобольными:

«Командующий полицией безопасности и СД

Рига, 19/V-1942 г. Латвия. **Секретно**.

Отд. II ДВ № 109/42 г.

В бюро гражданских записей г. Рига

Отн.: Извещение о смертных случаях.

Ссылка: –

Приложений: 10

Сим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29.1.1942 года.

Исполняющий обязанности Кирсте СС Штурмбанфюрер».

К этому рапорту приложен поименной список расстрелянных больных.

И еще два точно таких же документа со списками за подписью того же Кирсте: от 28 мая 1942 года – о «смерти» 14 апреля 1942 года 243 душевнобольных и от 15 марта 1943 года – о «смерти» 22 октября 1942 года 98 душевнобольных.

22 августа 1941 года в местечке Аглонь были расстреляны душевнобольные из Даугавпилской психиатрической больницы – около 700 взрослых и 60 детей, в том числе 20 здоровых детей, на время переведенных в помещения больницы из детского дома.

Арестованный советскими органами соучастник расстрела душевнобольных полицейский Мотисан А.А. на допросе показал: «Во время расстрела я с лопатой стоял у ямы. Расстрел длился около 6 часов. Люди кричали и плакали, но пощады не было. После расстрела для палачей привезли две бочки пива, началась попойка».

В 1942 году на территории старого гарнизонного стрельбища, в 18 километрах от Риги, немцы организовали Саласпилский лагерь для мирных граждан. Режим этого лагеря представлял продуманную систему умерщвления людей. В бараках, рассчитанных на 100–150 человек, содержалось по 500–600 мужчин, женщин и детей. Бараки не отапливались. Из-за отсутствия места часть заключенных находилась и зимой под открытым небом.

Заключенных мучили непосильной работой. Рабочий день длился 12–14 часов. Больных направляли к врачу, и если врач находил, что по состоянию здоровья они работать не могут, заключенных расстреливали.

В начале 1943 года немцы пригнали в Саласпилский лагерь граждан из Ленинградской, Калининской, Витебской, Орловской областей. Скученность в лагере достигала ужасающих размеров, люди умирали каждый день сотнями. Для борьбы с эпидемическими заболеваниями немцы организовали так называемый «карантин». Свидетели Лаугалайтис К.А., Яскевич А.Н. и другие сообщили, что немцы, в целях соблюдения этого «карантина», заставили «всех заключенных в лагере раздеться, потом голых, по грязи и снегу, погнали в баню, находившуюся на расстоянии 600–800 метров от бараков. Во дворе бани у женщин ножницами стригли волосы, причем издевательски оставляли клочья волос, а местами до кожи выстригали. Стригли, как овец... В бане заставляли мыться холодной водой. После мытья всех заключенных пригнали обратно в бараки, где была оставлена одежда. Однако одежды уже не было. Раздетых людей продержали в бараках с выбитыми окнами в течение 4-х суток, после чего выдали разное тряпье». В результате такого истязания в Саласпилском лагере погибли сотни советских людей.

Заключенных в лагере подвергали всевозможным пыткам. Бывшая заключенная Виба Э. сообщила комиссии, что комендант лагеря Краузе «независимо от времени года, заставлял заключенных ложиться на землю и моментально вставать и прыгать на корточках. Раздавалась команда: «ложись», «вставай», «прыгай», а в это время собака коменданта лагеря Краузе нападала на заключенного и рвала

его. Краузе и другие фашисты наблюдали сцену наказания и потешались над жертвой. Часто после такого истязания заключенный уже не мог подняться с земли, тогда полицейские били его резиновыми палками...».

Расстрелянных и погибших в Саласпилском лагере от голода, болезней, пыток и избиений гитлеровские палачи зарывали на старом гарнизонном кладбище, невдалеке от лагеря. Там комиссией обнаружено 9 огромных могил-рвов общей площадью в 3. 043 кв. метра.

Судебно-медицинской экспертизой исследованы места захоронения, произведены обмер могил и эксгумация трупов. На основании данных экспертизы, а также многочисленных показаний свидетелей, в том числе бывших заключенных лагеря Бакшс Я.А., Зекунде В.М., Кузьмина Ф.Л., Трифонова Я.Я., Кроншш И.И. и других, комиссия установила, что в Саласпилском лагере немцы замучили более 56 тысяч мирных граждан.

Жителей города Рига и его окрестностей немцы истребляли также в Бикернекском лесу, Дрейлинском лесу и Румбульском лесу.

В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Рига, гитлеровцы расстреляли 46.500 мирных граждан. Свидетельница Стабульнек М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: «В пятницу и в субботу перед пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств – у многих на лицах кровяные подтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы».

Факты массовых расстрелов в Бикернекском лесу подтвердили свидетели, проживающие вблизи мест расстрелов: Карклыньш М.Я., Алекснис З., Циемгалс М.Т., Шапочка А.И., Берзиньш Ю.А., Дзедулыс З.Ф. и многие другие.

На месте расстрелов комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2.885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5–7 километрах восточнее города Рига, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В.З. показал: «Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами. В 20 числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые «беженцы», их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй». Пули убийц прерывали крики».

Массовые расстрелы мирных жителей гор. Рига немцы производили также в Румбульском лесу.

На основании произведенного комиссией расследования и показаний свидетелей: Круминьш Ц.И., Лутрын М.С, Спуль Е.А., Калсонс Л.С, Приеда П.Я., Цейрулис Ф.А., Калсонс М.М. и многих других установлено, что в этом лесу немцы расстреляли 38 тысяч мирных жителей.

В Даугавпилсе (Двинске) немцы ежедневно расстреливали сотни советских людей, заключенных в тюрьмы и лагери. На территории «Золотая Горка», между дер. Погулянка и дачей Будревича, возле тюрьмы немцы расстреляли свыше 40 тысяч мужчин, женщин и детей.

Участник немецких зверств в Даугавпилсе, могильщик Вильцан П.А., показал: «Массовые расстрелы мирных граждан в Даугавпилсе начались в конце июля 1941 года. Мне, как могильщику, пришлось работать на Средней Погулянке. Мы приготовили могилу длиной 100, шириной 3 и глубиной 2 1/2 метра на 800–1000 человек. К рассвету к этой могиле немцы пригнали обреченных, в том числе женщин с детьми различных возрастов. Началось раздевание и ограбление обреченных граждан. Раздавались крики, стоны, плач детей. Матери вели своих детей к могилам за руки. Расстреливали группами по 10–12 человек в затылок. Я видел окровавленную массу людей с размозженными головами. Потом полицейские принялись за дележку одежды, обуви и прочих вещей расстрелянных. Мне, как могильщику, выдали несколько пар ботинок, брюки, френч, и головной дамский платок».

# НЕМЕЦКИЕ БАНДИТЫ СОЖГЛИ ДЕРЕВНЮ АУДРИНЫ И УНИЧТОЖИЛИ ВСЕХ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ

В январе 1942 года в Резекнеском (Режицком) уезде немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено следующее извещение на немецком, латышском и русском языках:

«Командир германской полиции государственной безопасности Латвии сим извещает следующее:

. . . . . .

2. Жители деревни Аудрины, Режицкого уезда, более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности. **В борьбе с такими элементами были расстреляны латышские полицейские.**

3. Как наказание я назначил следующее:

a) Смести с лица земли деревню Аудрины.

b) Жителей деревни Аудрины арестовать.

c) 30 жителей мужского пола деревни Аудрины 4.I-42 г. **публично** расстрелять на базарной площади гор. Режицы.

И впредь приму строжайшие меры как против лиц, которые думают настоящий порядок саботировать, также против лиц, которые этим элементам оказывают какую-либо помощь.

Командир германской полиции государственной безопасности Латвии

Штраух, СС оберштурмбанфюрер».

Деревня Аудрины, в которой имелось 41 хозяйство, была подвергнута ограблению и полностью сожжена. Все ее жители в количестве 194 человек, в том числе женщины, старики, дети, были арестованы и заключены в Резекнескую тюрьму. Из них 30 человек мужского пола были публично расстреляны на базарной площади в городе Резекне (Режица), в том числе мальчик 12 лет. Все остальные арестованные были вывезены в Анчупанские горы и там расстреляны.

Всего в городе Резекне и в уезде немцы истребили 15.200 мирных граждан, в том числе свыше 2 тысяч детей.

## Кровавая расправа немцев с еврейским населением Латвийской ССР

С первых же дней оккупации немцы приступили к кровавой расправе с еврейским населением Латвийской республики. Евреев истязали, подвергали издевательствам и пыткам, расстреливали в тюрьмах, на улицах городов, в собственных квартирах. Евреи обязаны были носить желтую звезду на груди и спине, не имели права показываться в общественных местах, производить покупки в магазинах «для арийцев», ходить но тротуарам. Немцы загоняли евреев в синагоги, наглухо запирали все выходы и затем сжигали здания вместе с людьми. Так были сожжены вместе с 2.000 евреев синагоги: на Столбовой и Гоголевской улицах, на Старом еврейском кладбище и в Югле.

В октябре 1941 года в Риге было организовано «гетто», куда гитлеровцы загнали 35 тысяч евреев. «Гетто» было оцеплено, двумя рядами проволочных заграждений, и доступ туда был закрыт. Заключенных из «гетто» выпускали в город только в рабочих колоннах, под охраной полиции. Скученность в «гетто» была ужасающая, вызывала эпидемические заболевания и огромную смертность.

Свидетель Баринбаум Г.Л. сообщил: «На работу нас водили в колоннах под надзором полиции. После работы полицейские у входа в «гетто» всех нас обыскивали и при этом избивали резиновыми дубинками или просто кулаками. Специально избивались те лица, у которых немцы находили куски хлеба или папиросы. По ночам в «гетто» приезжали эсэсовцы. Они грабили и избивали людей, глумились над девушками».

В ноябре 1941 года немцы отобрали в «гетто» 4.500 работоспособных мужчин и 300 женщин, а остальных 30 ноября и 8 декабря 1941 года расстреляли.

Свидетельница Долгицер Л. следующим образом описывает картину расстрела евреев из «гетто»: «Люди с маленькими детьми, старики и старухи высыпали на улицу, где их выстроили в ряды. Отправка совершалась в автобусах, но большей частью людей гнали пешком. По улицам тянулись бесконечные колонны евреев. Отправка продолжалась с субботы, с 5 часов дня, всю ночь и

закончилась в воскресенье к вечеру. На улице была гололедица, люди падали, и их тут же на месте расстреливали. Улицы «гетто» окрасились кровью. Беспощадно расстреливались дети, матери. Люди совершали свой последний, смертный путь... Маленьких детей немецкие звери вырывали из рук матерей, хватали за ноги и разбивали о столбы и заборы...».

Евреи были расстреляны в Румбульском лесу, расположенном в 12 километрах от Риги. О расстрелах евреев в Румбульском лесу случайно спасшаяся от смерти Фриде Ф.3. рассказала следующее: «Я попала к яме первого декабря 1941 года. Перед рассветом нас заставили раздеться до нижнего белья. Пытавшихся сопротивляться беспощадно избивали резиновыми палками. Одежду надо было класть отдельно от обуви. Не доходя до ямы, я умышленно упала; охрана приняла меня за убитую, а обреченные на расстрел, проходя мимо, забросали обувью. В течение всего дня до вечера мне пришлось слышать душераздирающие крики и вопли расстреливаемых. Пролежав до ночи, я незаметно для охраны подползла к одежде, оделась и, пользуясь темнотой, убежала в лес...».

В Даугавпилсе (Двинске), как показали свидетели Бляхман А.С, Рожанский В.В., Ляк С.Г., Яковлев В.В., Гравец П.Л. и другие, в июне и июле 1941 года немцы арестовали около 3.000 евреев и расстреляли их возле тюрьмы в железнодорожном садике. Всех остальных евреев – стариков, женщин и детей гитлеровцы заключили в «гетто». Сюда же были помещены евреи из близлежащих городов и местечек – Вышки, Краслава, Дагда и др.

---

(Окончание см. на 3-й стр.)

**PRAVDA**

2 5 April 1945, No 81

# Report
# of The Extraordinary State Commission for the Fact-finding and Inquiry into the Atrocities of the German-fascist invaders and their accomplices

## ON CRIMES COMMITTED BY THE GERMAN-FASCIST INVADERS IN THE LATVIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

When they seized the Latvian Soviet Socialist Republic, the German-fascist invaders abolished its independence and set out to enslave the Latvian people. They declared Riga the principal city of 'Ostland' (Eastern Territories) and the residence of the headquarters of Reichsminister Rosenberg, Reichskommissar of the Baltic Lose, and General Commissioner of Latvia Drexler.

In their criminal activities, the German invaders were guided by the directives of the Reichsführer-SS H. Himmler, not only to colonise the 'Eastern Territories' but to turn them into German provinces and populate them with Germans.

In August 1942, 'Das Schwarze Korps', the main SS newspaper (Berlin), published a leading article entitled 'Shall we Germanise it?' It stated as follows:

"For one of the issues of the –magazine 'Deutsche Arbeit', dealing with the problem of settling in the East, the Reichsführer-SS wrote the following slogan: 'Our task is not to Germanise the East in the literal sense of the word… but to see to it that people of Germanic blood inhabit the East'.

And further:

"… We must create conditions whereby the settlers our nation sends to the East... develop the biological force, which will impregnate the region in the future, will rule and shape it".

"In the immense territories he (the German soldier) acquires for his people, with the unlimited opportunities they offer, there will be no more drop in the births rate, no worries about food, no limitation in housing, no sickly city-bred children, no departure from the natural development to the suffocatingly narrow civilisational confines. In natural conditions, German mothers will again be able to bear many children to their husbands…"

Seizing the land that belonged to the Latvian peasants and giving it to barons and landowners, the Germans ruthlessly exterminated civilians – men, women and children. The

Commission members who have investigated the facts of the German crimes are: J. L. Kalnberzin (Deputy to the USSR Supreme Soviet; V. T. Lacis (Chairman of the Latvian SSR Council of People's Commissars); Writers – F. J. Rokpelnis and J. K. Sudrabkalns; A. F. Deglav (Chairman of the Riga City Executive Committee), and N. N. Dymov (the Extraordinary State Committee representative), with the participation of the following medico-legal experts: A. A. Asaturian (Chief of the Army ambulance service); S. N. Krivtsov (Army Medico-legal expert); V. A. Kuzema (Chief of the Army medico-legal diagnosis department) and O. P. Il'inskii (pathologist).

On the basis of the inquiry and the testimony of numerous witnesses, the Extraordinary State Commission has established that the German invaders had caused vast damage to the cities of Riga, Daugavpils and Resekne; wrecked the scientific and cultural institutions of the Latvian SSR; ruined the agriculture; deliberately exterminated over 250.000 civilians and 327,000 Soviet prisoners of war, and drove into German slavery 175,000 Latvian citizens.

## THE GERMAN INVADERS DESTROYED LATVIAN CITIES AND LOOTED ITS SCIENTIFIC, CULTURAL AND ART INSTITUTIONS

For more than 3 years, the German invaders wrecked enterprises, public utilities, libraries, museums and houses in Lavian cities. The Hitlerites tried to destroy everything associated with the national traditions of the Latvian people. Streets and boulevards in Riga named after Rainis, Valdemāra and other Latvian writers and public figures were renamed with German names. Brīvības (Liberty) street was renamed to Adolf Hitler Street. German was declared the official state language.

The German invaders plundered invaluable libraries in Latvia. They wrecked 8 library buildings in Riga and turned the building on Anglican Street – an outstanding piece of the XIII-XIVth centuries architecture – into army barracks. Rosenberg's headquarters shipped to Germany 100,000 volumes of books and 70 boxes of ancient periodicals and valuable monographs.

The Germans burned down the Riga City Library, founded in 1524, with the rarest books and manuscripts. Nearly 800,000 pieces of various sorts perished when this library was burned down. This is a tremendous loss to Latvian national culture.

The Hitlerites turned the painting gallery of the Riga City Museum into storerooms and army barracks, while paintings by famous Latvian, Russian and foreign artists were shipped to Germany. The German occupational authorities stole many paintings of such Latvian artists as Rosenthal, Strahl, and others. General Commissioner Drexler stole 10 paintings; Schroeder, the Police general, stole 4 paintings; Gebietskommissar Medem – 6; Dr Benner – nine, and Dr Zimmermann – 4.

The Germans looted the Art Academy, State Conservatory and the Music College; they turned them into army barracks. They blew up the building of the former Craftsmen's Society with its large concert hall; 65 schools in Riga were destroyed. The exhibits of the State History Museum, the Riga Duma Museum and the Museum of Military History were shipped by them to Germany.

Many Latvian intellectuals were imprisoned by the Germans, taken to prisons and concentration camps, tortured to death in the Gestapo jails, and shot; many were forcibly deported to Germany.

The German executioners shot one of the biggest figures in public education, deputy of the Supreme Soviet of the Latvian SSR J. Lieknis, artist Jānis Aižens, dramaturge Roberts Lukss, actor B. K. Tserov, famous historian Professor S. M. Dubnov, engineer G. Polonskii, Dr Ginzburg, teacher M. Lat, deputy of the Latvian SSR Supreme Soviet T. Strupovich. And F. Leja, a young writer, who contracted an acute form of tuberculosis after the Germans had pumped out his blood.

The German invaders destroyed the largest factories in Riga: the VEF state electrical factory, the Vairogs State wagon factory, the Kvadrat rubber goods factory, and 13 hotels; they also made the water supply and telegraph unusable and telephone networks.

They blew up the Ķegums hydroelectric power plant with a capacity of 55,000 kilowatts, destroyed the Port of Riga and the railway junction, destroyed 300 kilometres of railway and 6 kilometres of tram tracks, destroyed 100 kilometres of overhead power lines, damaged 330 tram cars and shipped 200 buses to Germany.

The Germans destroyed 2,789 residential houses in Riga; entire neighbourhoods with houses dating to XV-XVII centuries were destroyed. In Daugavpils (Dvinsk) the Hitlerites blew up the People's House, the railway station, coach repair workshops, depot, and power station. Forty local industry enterprises, the city library with all the books, 32 schools, 4

hotels, 15 bathhouses, the telephone and telegraph network, and 2,896 dwelling houses were also destroyed.

In their brutal hatred of the Latvian people, the German invaders, when retreating, burned, blew up and destroyed schools, libraries, hospitals, dwellings and industrial plants.

## GERMAN INVADERS DEVASTATED AGRICULTURE IN THE REPUBLIC OF LATVIA

Immediately after the occupation of the Soviet Republic of Latvia, the German invaders ravaged agriculture. They took away roughly 600 thousand hectares of land from the agricultural workers, landless and land-poor peasants that the Soviet government of Latvia had given them.

The Germans confiscated the peasants' livestock and all agricultural equipment; the Soviet government of Latvia had given the peasants a loan of 27,179 thousand rubles to purchase the above. German invaders began to restore the landed gentry and kulak farms, repopulating Latvia with people of 'German blood only'. Germans deprived more than Latvian peasant families 75,000 families of their land and attached them to the German barons, Latvian landowners, and kulaks.

Germans plundered all machine and tractor stations in Latvia and, according to incomplete data, shipped to Germany 700 tractors, 180 motor vehicles, 4,057 ploughs, 2,815 cultivators, 3,532 harrows, 10,600 reapers and haymakers, 506 threshers and other equipment; 628,329 tons of various agricultural products, 3 million poultry were destroyed.

As a result of this agricultural devastation by the German occupiers, Latvia's livestock decreased by 127,300 horses, 443,700 cattle, 318,200 pigs and 593,800 sheep.

## GERMAN MURDERERS EXTERMINATED 250,000 LATVIAN CIVILIANS

Following their unfailing policy of mass extermination of freedom-loving nations, the German executioners murdered over 170,000 Riga civilians: men, women, children and the elderly. Germans organised concentration camps for civilians around Riga: in Salaspils, Mažaparks, Strazdumuiža, Bīšu Muiža, Milgravis and other places. Thousands of citizens were arrested and incarcerated in prisons: Centralnaia [Central], Srochnaia [Urgent], Citadel and others.

In the camps and prisons, German executioners physically abused, tortured, and shot prisoners. At Central Prison, the prisoners were beaten and tortured. Day and night, the cries and moans were heard in the cells. Every day between 30 and 35 people died of torture. The survivors would return to their cells unrecognisable, covered in blood, with burns, and with their body parts torn. There was no medical assistance for those tortured. The torture was reported to the Commission by eyewitnesses at the Central Prison: A. Iu. Gluzde, S. E. Zarankin, R. Lauks, M.Ia. Jakobson, V. Vanags, Ia. Ia. Trifonov, lawyer K. G. Munkevich and many others.

The Hitlerites tortured and physically abused Soviet people everywhere in the Latvian SSR.

The witness G. M. Osipov, imprisoned by the Germans in Daugavpils (Dvinsk), testified: “The German executioners beat me with a rubber pipe and tortured me with electric current. All prisoners suspected of being Soviet sympathisers were beaten and tortured. Many had their hands knotted together with the barbed wire during interrogation”.

The German monsters spared no one. They killed men and women, children and old people, the healthy and sick. At the Central Prison in Riga, they murdered over 2,000 children separated from their parents and over 3,000 children at the Salaspils camp. In Riga’s First and Second Psychiatric Hospitals, they killed all the mentally ill.

According to Dr Hermanis Saltups, a physician at the Second Psychiatric Hospital, the Germans took more than 350 mentally ill people from the hospital on 29 January 1942 and killed them. V.I. Drikitis, a physician at the First Psychiatric Hospital, testified: “On 14 April 1942, the SS men came to the hospital and took away over 200 patients. The administration advised me to make a note on the case records: ‘evacuated by SS police’. In October 1942, the Germans took about 100 more mentally ill. The Germans shot all the mentally ill in the Biķernieki forest”.

Below are the German documents found on the premises of the ‘Department of the Security Police and SD Commander’, which confirm the massacre of the mentally ill by the Hitlerites:

“The Security Police and SD Commander

Riga, 19/5/1942, Latvia. **Confidential**.

Division II DV No. 109/42 d.

To the Riga Civil Records Bureau

Subject: Notification of deaths.

Reference: –.

Attachments: 10.

I hereby certify that 368 incurable mental patients listed in the attachment died on 29.1.1942.

Acting SS Sturmbannführer Kirste".

Attached to this report is a list of the executed patients by name.

And 2 other documents of precisely the same kind, with lists signed by the same Kirste: one dated 28 May 1942, on the 'death' of 243 mentally ill patients on 14 April 1942, and one dated 15 March 1943, of 98 mentally ill patients who 'died' on 22 October 1942.

On 22 August 1941, the mentally ill patients of Daugavpils Psychiatric Hospital were shot in the town of Aglona – about 700 adults and 60 children, including 20 healthy children, who had been temporarily moved from the children's home to the hospital premises.

Police officer A. A. Motisan, an accomplice to the execution of the mentally ill, who was arrested by the Soviet authorities, testified under interrogation: "At the time of the execution I was standing by the pit with a shovel. The execution lasted about 6 hours. People were shouting and crying, but there was no mercy. After the execution, 2 barrels of beer were brought in for the executioners, and the drinking feast had started".

In 1942, the Germans established the Salaspils camp for civilians on the territory of an old garrison shooting range, 18 kilometres from Riga. The camp's regime was an elaborate system for killing people. The barracks for 100 to 150 people held 500 to 600 men, women and children. The barracks were not heated. Due to the lack of space, some of the prisoners were also kept outside in winter.

The prisoners were subjected to backbreaking work. The working day lasted 12-14 hours. The sick were referred to a doctor, and if the doctor found that they could not work for health reasons, the prisoners were shot.

At the beginning of 1943, the Germans brought Leningrad, Kalinin, Vitebsk and Orel regions' residents to the Salaspils camp. The overcrowding at the camp reached horrendous

proportions, people were dying by the hundreds every day. The Germans organised a so-called ‘quarantine’ to combat epidemic diseases.

Witnesses K. A. Laugalaitis, A. N. Jaskiewicz and others reported that in order to observe this ‘quarantine’, the Germans forced “all the prisoners at the camp to undress, and then go naked through the mud and snow to the baths, which were 600 to 800 metres away from the barracks.

The women’s hair was cut with scissors in the bathhouse courtyard. Moreover, to humiliate them, they either left shreds of hair or, in places, cut it down to the skin. They were sheared like sheep... In the bathhouse, the inmates were forced to wash with cold water. After washing, all the prisoners were taken back to the barracks, where they had left their clothes. However, the clothes were no longer there. The naked people were held in barracks with broken windows for 4 days, after which they were given some rags”. As a result of this torture, hundreds of Soviet people died at the Salaspils camp.

Prisoners at the camp were subjected to all kinds of torture. Former prisoner E. Viba reported to the Commission that the camp commandant Krause “regardless of the time of year, would force the prisoners to lie down on the ground and instantly get up and jump on squats. The command was given: ‘lie down’, ‘get up’, ‘jump’, while Krause’s dog would attack the prisoner and tear him up. Krause and other fascists used to watch the punishment scene and laugh at the victim. Often after such torture, the prisoner was no longer able to rise from the ground, so the police officers would beat him with rubber sticks...”.

The executioners buried those shot and died at the Salaspils camp as a result of hunger, disease, torture and beatings in the old garrison cemetery, not far from the camp. Nine huge graves with a total area of 3,043 square metres were discovered there by the Commission.

The medico-legal experts examined the burial sites, measuring the graves and exhuming the corpses. On the basis of this data and numerous testimonies of witnesses, including former camp inmates J. A. Bakshs, V. M. Zekunde, F. L. Kuzmin, Ia. Ia. Trifonov, I. I. Kroniš and others, the Commission established that the Germans had tortured more than 56,000 civilians at the Salaspils camp.

The Germans also exterminated the inhabitants of Riga and its surroundings in the Biķernieki Forest, Dreiliņu Forest and Rumbula Forest.

The Hitlerites shot 46,500 civilians in the Biķernieki Forest on the outskirts of Riga. Witness M. Stabulnek, who lives near this forest, said: “On Friday and Saturday before Easter of 1942, buses with people were going round the clock from the city to the forest. I counted 41 buses that passed by my house on Friday morning until noon. On the first day of Easter, many residents, myself included, went into the woods to the firing point. We saw one large open pit in which women and children were shot, naked or in underwear. The bodies of women and children showed signs of torture and abuse – many had blood stains on their faces, abrasions on their heads; some had had their hands and fingers cut off, eyes plucked out, and bellies ripped open”.

The facts of mass shootings in the Biķernieki Forest were confirmed by witnesses living near the shooting places: M. J. Karkliņš, Z. Aleksnis, M. T. Tsiemgals, A. I. Shapochka, J. A. Berziņš, Z. F. Dzedulys and many others.

The Commission found 55 graves on a total area of 2,885 square meters at the execution site.

The Germans shot more than 13,000 civilians and prisoners of war in the Dreiliņu Forest, 5 to 7 kilometres east of Riga, along the Luban Road. Witness V. Z. Ganus testified: “From August 1944, the Germans organised the excavation of graves and burned the corpses for a week. The forest was cordoned off by German sentries armed with machine guns. Around 20 August, covered black cars started to arrive from Riga, with people, among whom were women and children; the so-called ‘refugees’ were shot and their corpses were immediately burnt... I hid in the bushes and saw this terrible scene. People were screaming terribly. I heard shouts: ‘Murderers, executioners!’ Children were screaming, ‘Mummy, don’t leave me’. The killers’ bullets would interrupt the screams”.

Mass shootings of Riga civilians were also carried out by the Germans in the Rumbula Forest.

On the basis of the Commission’s inquiry and the testimony of witnesses: C. I. Krumiņš, M. S. Lutryn, E. A. Spul, L. S. Kalsons, P. J. Prieda, F. A. Ceirulis, M. M. Kalsons and many others, it was established that the Germans had shot 38,000 civilians in this forest.

In Daugavpils (Dvinsk) the Germans shot hundreds of Soviet people daily, took them to prisons and camps. On the territory of Zolotaia Gorka, near the prison (between Pogulianka village and Budrevich’s dacha), the Germans shot over 40,000 men, women and children.

A participant in the German atrocities in Daugavpils, gravedigger P. A. Wiltzan, testified: “Mass executions of civilians in Daugavpils started at the end of July 1941. As a gravedigger, I had to work in Srednaia Pogulianka [Viduspoguļanka]. We prepared a 100 m long, 3 m wide and 2,5 m deep grave for 800 to 1,000 people. By dawn, the Germans had brought sentenced to death to this grave, including women and children of different ages. The undressing and robbing of the condemned began. Shouts, groans, and cries of children were heard. Mothers were leading their children to the graves by the hand. They shot in groups of 10 to12 people in the back of the head. I saw a bloody mass of people with their heads crushed. Then the police officers started dividing the dead’s clothes, shoes, and other belongings [among the participants]. As a gravedigger, I received several pairs of boots, trousers, a field jacket, and a ladies’ headscarf”.

## GERMAN BANDITS BURNED DOWN THE VILLAGE OF AUDRIŅI AND WIPED OUT ALL ITS INHABITANTS

In January 1942, the Germans eradicated the village of Audriņi in the Rēzekne (Rezhitsa) county, with all its inhabitants, allegedly for helping the Red Army. On this occasion, the following notice was posted in Latvian cities in German, Latvian and Russian:

“The Commander of the German State Security Police of Latvia hereby notifies the following:

. . . . . .

2. The Audriņi inhabitants in the Rezhitsa county have been hiding Red Army soldiers in their homes for more than a quarter of a year, sheltering them, giving them weapons and assisting them in all manner of anti-state activities. **In the struggle against such elements, Latvian policemen were shot.**

3. As punishment, I prescribed the following:

a) To eradicate the village of Audriņi.

b) To arrest the inhabitants of Audriņi.

c) To shoot **publicly** 30 male inhabitants of Audriņi on the market square of the town of Rezhitsa, on 4.1.1942.

I will henceforth also be taking the strictest measures against those who are thinking of sabotaging this order, as well as against those who assist these elements in any way.

Commander of the German State Security Police in Latvia

Strauch, SS Obersturmbannführer".

The village of Audriņi, with its 41 farms, was looted and burned to the ground. All of the 194 villagers, including women, the elderly and children, were arrested and incarcerated in the Rēzekne jail. Out of them, 30 men were publicly shot in Rēzekne (Rezhitsa) Market Square, including a 12-year-old boy. All the rest of the arrested were taken to Ančupāni Hills and shot there.

All in all, 15,200 civilians, including over 2,000 children, were exterminated in the Rēzekne town and county.

## THE GERMAN MASSACRE OF THE LATVIAN SSR JEWISH POPULATION

From the very first days of the occupation, the Germans began to massacre the Jewish population of the Republic of Latvia. Jews were tortured, physically and mentally abused, shot in prisons, on city streets and in their own flats. Jews were obliged to wear a yellow star on their chests and backs and were not allowed to show their faces in public places, to shop in 'Aryan' shops, or walk on pavements.

The Germans would force the Jews into the synagogues, lock all exits and then burn the buildings together with the people. Thus, the synagogues on Stolbovaia and Gogolevskaia Streets, in the Old Jewish Cemetery and Jugla were burned together with 2,000 Jews.

In October 1941, a 'ghetto' was set up in Riga, where the Hitlerites placed 35,000 Jews. The 'ghetto' was cordoned off with two rows of wire fences, and access was denied. 'Ghetto' prisoners were only allowed into the city in working convoys guarded by police. The crowding in the 'ghetto' was appalling, causing epidemic diseases and enormous mortality.

Witness G. L. Barinbaum reported: "We were taken to work in convoys under police surveillance. After work, the police would search all of us at the entrance to the 'ghetto' and beat us with rubber truncheons or simply with fists. Especially they would beat those hiding pieces of bread or cigarettes. At night the SS would come to the 'ghetto'; they would rob and beat up, and abuse young women".

In November 1941, the Germans rounded up 4,500 able-bodied men and 300 women in the 'ghetto' and shot the rest on 30 November and 8 December 1941.

Witness L. Dolgitser describes the execution of Jews from the ‘ghetto’ as follows: “People with small children, old men and women, poured out into the street, where they were lined up. The dispatches were made in buses, but most people were herded on foot. The streets were lined with endless columns of Jews. The dispatch continued from Saturday, 5 o’clock in the afternoon, through the night and ended on Sunday evening. It was slippery with icy, and people fell and were shot immediately on the spot. The streets of the ‘ghetto’ were stained with blood. Children and mothers were mercilessly shot. People were making their last, mortal journey... German beasts snatched small children from their mothers’ arms, grabbed them by the legs and smashed against posts and fences...”.

Jews were shot in the Rumbula Forest, 12 kilometres from Riga. F. Z. Friede, who escaped death by chance, told the following about the shootings of Jews in the Rumbula Forest: “I found myself by the pit on 1 December 1941. Before dawn, we were forced to strip down to our underwear. Those who tried to resist were mercilessly beaten with rubber sticks. The clothes had to be put separately from the shoes. I deliberately fell down before reaching the pit; the guards assumed me to be dead, and those to be shot threw their shoes on me as they passed by. Throughout the day and into the evening, I had to hear the heart-rending screams and cries of those being shot. After lying there until nightfall, unnoticed by the guards, I crawled to my clothes, got dressed and, taking advantage of the darkness, escaped into the forest...”.

In Daugavpils (Dvinsk), as witnesses A. S. Bliakhman, V. V. Rozhanskii, S. G. Liak, V. V. Iakovlev, P. L. Gravets and others have shown, in June and July 1941 the Germans arrested about 3,000 Jews and shot them near the prison in the railway garden. All other Jews – old people, women and children – were incarcerated by the Hitlerites in the ‘ghetto’. Jews from nearby towns and villages – Višķi, Krāslava, Dagda, and others – were also placed there.

---

(see the end on p. 3)

**ПРАВДА**

2 11 августа 1944 г., № 192 (0649)

# Лагерь на Майданеке

Борис Горбатов

1.

Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить.

Ветер с Майданека приносил в город ужас. Из высокой трубы крематория в лагере круглые сутки валил смрадный дым. Дым относило ветром в город. Над люблинцами нависал тяжкий смрад мертвечины. К этому нельзя было привыкнуть. «Печами дьявола» звали поляки печи крематория на Майданеке, и «фабрикой смерти» – лагерь.

Немцы не стеснялись в своём генерал-губернаторстве – в Польше. Они даже желали, чтоб поляк повседневно дышал запахом смерти, – ужас усмиряет строптивые души. Весь Люблин знал о фабрике смерти. Весь город знал, что в Крембецком лесу расстреливают русских военнопленных и заключенных поляков из Люблинского замка. Все видели транспорты обречённых, прибывающих из всех стран Европы сюда, в лагерь. Все знали, какая судьба ждёт их: газовая камера и печь.

Ветер с Майданека стучал в окна: поляк, помни о печах дьявола, помни о смерти! Помни, что у тебя нет жизни, – есть существование, временное, непрочное, жалкое. Что ты только сырьё для печей дьявола. Помни и трепещи! Трупный запах стоял над Люблином. Трупный запах висел над Польшей. Трупный запах поднимался над всей замордованной гитлеровцами Европой. Трупным запахом хотели немцы удушить людей и управлять миром.

2.

«Дахау номер № 2» – так сначала называли немцы концентрационный лагерь войск СС под Люблином. Потом они отбросили это название. И по своим размерам, и по размаху «производства смерти» лагерь на Майданеке превзошёл страшный лагерь в Дахау. Мы нашли здесь пленников из Дахау, Бухенвальда, Осьвенцима.

– Здесь страшнее – говорят они – О, здесь!..

На 25 квадратных километров раскинулась эта фабрика смерти со своими агрегатами: полями заключения, межпольями, газовыми камерами, крематориями, рвами, где расстреливали, виселицами, где вешали, и публичным домом для обслуживания немецкой охраны лагеря.

Лагерь расположен в 2 километрах от Люблина, прямо у шоссе Люблин–Хелм. Его сторожевые вышки видны издалека. Его бараки – все одинаковые – выстроены в ряды с линейной точностью. На каждом – чёткая надпись и номер. Все вместе они образуют «поле». Всего в лагере 6 полей, и каждое – особый мир, огражденный проволокой от другого мира. В центре каждого поля – аккуратная виселица для публичной казни. Все дорожки в лагере замощены. Трава подстрижена. Подле домов немецкой администрации – цветочные клумбы и кресла из необструганной берёзы для отдыха на лоне природы.

В лагере есть мастерские, склады, – немцы называли их магазинами, – водопровод, свет. Есть магазин, где хранился в банках «циклон» для газовых камер. На банках жёлтые наклейки: «специально для восточных областей» и «вскрывать только обученным лицам». Есть мастерская, где делают вешалки. На них значок – СС. Эти вешалки выдавались заключённым перед «газованием». Обречённый сам должен был повесить своё платье на свою вешалку.

На полях лагеря буйно цветёт капуста. Пышная, грудастая. На неё немыслимо смотреть. Её нельзя есть. Она взращена на крови и пепле. Пепел сожжённых в крематориях трупов разбрасывался немцами по своим полям. Пеплом человеческим удобрялись огороды.

Весь лагерь производит впечатление фабрики или большого пригородного хозяйства. Даже печи крематория кажутся, – если не слышать трупного запаха, – маленькими электропечами для варки стали. Немецкая фирма, изготовив что эти печи, предполагала в дальнейшем усовершенствовать их: пристроить змеевик к печам для того, чтобы всегда иметь бесплатную горячую воду.

Да, эта фабрика, – немыслимая, но реальная, – фабрика смерти. Комбинат смерти. Здесь всё – от карантина до крематория – рассчитано на уничтожение людей. Рассчитано с циркулем и линейкой, начертано на кальке, проконсультировано с немецкими врачами и инженерами, словно речь шла о бойня для скота.

Немцам не удалось при отступлении уничтожить лагерь. Они успели только сжечь здание крематория, но печи сохранились. Цел стол, на котором палачи раздевали и рубили жертвы. Сохранились полуобгоревшие скелеты в «складе трупов». До сих пор стоит над крематорием страшный запах мертвечины.

Сохранился весь лагерь. Газовые камеры. Бараки. Склады. Виселице. Ряды колючей проволоки с сигнализацией и дорожками для собак. Остались в лагере и собаки – немецкие овчарки. Они исподлобья глядят из своих будок и, может быть, скучают без дела. Им не надо теперь никого рвать и хватать. Спасены уцелевшие в лагере заключённые. Есть свидетели, их много. Схвачены палачи. Мы говорили и с теми, и с другими, и с третьими.

– Я это пережил! – говорит спасённый, и сам удивляются тому, как он сумел всё это пережить.

– Я это видел! – говорит свидетель и сам удивляется: как же он не сошёл с ума, видев то, что он видел?

– Мы это делали, – тупо признаются палачи.

Каждое слово из того, что будет рассказано дальше, можно подтвердить документами, показаниями свидетелей, признаниями самих немцев.

Уже можно приподнять завесу над Майданеком и поведать всему миру страшную повесть о Люблинском лагере – «лагере для уничтожения».

3.

Лагерь для уничтожения. Фернихтунгслагерь. Международный лагерь смерти. На воротах его можно было высечь надпись: «входящий сюда, оставь все надежды. Отсюда не выходят». Из всех стран оккупированной Европы приходили сюда транспорты обречённых на смерть. Из оккупированных районов России и Польши, из Франции, Бельгии, Голландии, из Греции, Югославии, Чехословакии, из Австрии и Италии, из концентрационных лагерей Германии, из гетто Варшавы и Люблина прибывали сюда партии заключённых. Для уничтожения.

То, что немцам неудобно было делать на западе или даже в самой Германии, можно было совершить здесь, в далёком восточном углу Польши. Сюда пригоняли на смерть всех, кто выстоял, вынес каторжные режимы Дахау и Флоссенбурга. Всё, что

ещё жило, дышало, ползало, но уже не могло работать. Всё, что боролось и сопротивлялось. Все, кого немцы осудили на смерть. Люди всех национальностей, возрастов, мужчины, женщины и дети. Поляки, русские, евреи, украинцы, литовцы, латыши, итальянцы, французы, албанцы, хорваты, сербы, чехи, норвежцы, немцы, греки, голландцы, бельгийцы. Женщина из Греции, остриженные наголо, с номерами, татуированными на руке. Слепые мученики подземного лагеря-завода «Дора», где производились «ФАУ-1» – самолёты-снаряды. Политические заключенные немецких лагерей с красными треугольниками на спине, уголовники с зелёными, «саботажники» с чёрными, сектанты с фиолетовыми, евреи с жёлтыми. Дети от грудных до подростков. Те, кому не было ещё 8 лет, находились при родителях. Восьмилетние же преступники заключались в общем бараке. Совершеннолетие в немецких лагерях смерти наступает очень рано. Сколько сотен тысяч было уничтожено в этом международном лагере смерти? Трудно сказать. Пепел сожжённых развеян по полям.

Но сохранился страшный памятник.

На задворках поля за крематорием есть огромный склад. Он весь доверху заполнен обувью, раздавленный, смятой, спрессованной в кучи. Тут сотни тысяч башмаков, сапог, туфель...

Это – обувь замученных.

Крохотные детские ботиночки с красными и зелёными помпонами. Модные дамские туфли. Грубые простые сапоги. Старушечья тёплые боты. Обувь людей всех возрастов, состояний, сословий, стран. Изящные туфли парижанки рядом с чоботами украинского крестьянина. Смерть уравняла всех. Вот так же, в общий ров – тело к телу – ложились умирать владельцы этой обуви.

Страшно смотреть на эту груду мертвой обуви. Всё это носили люди. Они ходили по земле. Мяли траву. Они знали: высокое небо над головою. Эти люди дышали, трудились, любили, мечтали... Они были рождены для счастья, как птица для полёта.

Откуда свалилась на них коричневая беда? За что скосила их смерть? Вот их нет теперь… Их пепел развеян... Только мёртвая обувь, раздавленная, растоптанная, кричит, как умеют кричать только мёртвые вещи...

Зачем немцы сохранили этот страшный памятник? Зачем собирали они и хранили обувь в складе?

В дальнем углу барака мы находим ответ. Здесь лежат груды подмёток, каблуков, стелек. Всё по-немецки тщательно отсортировано. Каждая партия – отдельно. Всё это шло к немцам. Как пепел на поля, как тепло из крематория в змеевик. Кровь на подмётках не пахнет!

Нет, только немцы способны на такое!

4.

Заместитель начальника лагеря был эсэсовец Туман. Свидетели рассказывают о нём, что он никогда не расставался с огромной овчаркой.

Немцы любят собак.

Они любят играть с ними, кормить их и ссориться с ними. С собаками у них быстрее находится общий язык. Шеф крематория Мунфельд имел комнатную собачонку. Начальник поля русских военнопленных играл с большим догом.

Эсэсовец Туман не пропускал ни одного расстрела, ни одной казни. Он любил лично присутствовать на них. Если автомобиль был доверху набит жертвами, он вскакивал на подножку и ехал на казнь. Шеф крематория Мунфельд даже жил в крематории. Трупный запах, от которого задыхался весь Люблин не смущал его. Он говорил, что от жареных трупов хорошо пахнет.

Он любил шутить с заключёнными.

Встречаюсь с ними в лагере, ласково спрашивал:

– Ну как, приятель, скоро ко мне, в печечку? – и, хлопая побледневшую жертву по плечу, обещал: – Ничего, для тебя я хорошо истоплю печечку...

И шёл дальше, сопровождаемый своей собачонкой.

– Я видел, – рассказывает свидетельство Станислав Гольян, житель соседнего села, мобилизованного со своей подводой на работу в лагере. – Я сам видел, как обер шарфюрер Мунфельд взял четырёхлетнего ребёнка, положил его на землю, стал ногой на ножку ребёнка, а другую ножку взял руками и разорвал, – да, разорвал бедняжку

пополам. Я видел это собственными глазами, как все внутренности ребёнка вывалились наружу...

Разорвав малыша, Мунфельд бросил его в печь. Потом стал ласкать свою собачонку.

Впрочем, уезжая из лагеря на новое более высокое место, Мунфельд не взял с собой собачки. Он нежно простился с ней и бросил её... в печь. Он и здесь остался верен своей природе.

Эсэсовец Шоллин, захваченный нами, занимал в лагере скромное место: он был фюрер кладовой. Он принимал одежду новоприбывших заключённых. Он обыскивал голых людей. Заставлял их раскрывать рты. У него были специальные никелированные щипцы, – он вырывал ими золотые зубы.

До войны Шоллин был мясником на бойне. Его призвали в армию, потом отпустили: мясники нужны были в Германии на бойнях. В 42-м году его всё-таки снова призвали и направили сюда, в лагерь. Теперь мясники были нужны здесь.

Шоллин стоит сейчас перед нами и плачет. Он пойман. Слёзы эсэсовца – какие это отвратительные слёзы! Прежде он не плакал. Немцы в лагере на Майданеке любили смеяться и шутить.

Вот одна из их добрых немецких шуток:

Эсэсовец подходил к заключённому – любому – и говорил:

– Сейчас я тебя расстреляю!

Заключённый бледнел, но послушно становился под выстрел. Эсэсовец тщательно и долго прицеливался. Наводил пистолет то на лоб, то на сердце, словно выбирал: как лучше убить. Потом отрывисто кричал:

– Пли!

Заключённый вздрагивал и закрывал глаза.

Раздавался выстрел. На голову жертвы обрушивалось что-то тяжёлое. Он терял сознание и падал. Когда он через несколько минут приходил в себя, он видел склоненные над ним лица: того, который расстреливал его, и того, который незаметно ударил его сзади палкой по голове.

Эсэсовцы хохотали до слез.

– Ты умер! – кричали они своей жертве. – Ты умер, и ты теперь на другом свете. Что? Видишь? И на том свете есть мы. Есть немцы. Есть СС!

5.

Да, они были уверены, этих гитлеровские молодчики, что весь мир земной и весь мир небесный принадлежит им.

Для этого нужно только истребить пол-Европы. Сжечь в крематории.

Они строили лагерь на Майданеке с гигантским размахом, 3 года. Это была только первая очередь стройки. Лагерь строили заключённые. Они осушали болото, копали котлованы, рыли канавы.

Они знали, что строят тюрьму для себя. Бараки, чтобы им в них гнить, проволочные заграждения, чтобы им не убежать. Виселицы, чтобы их там вешали. Крематорий, чтобы их там сжигали.  Проклятая немецкая система! Приговорённые к смерти сами копают себе могилу.

Лагерь вырос на костях и крови заключенных. Умирали и на работе, и в лагере. Замерзали зимой. Валились от истощения.

Каждый вечер на поверке всех выстраивали и осматривали. Тому, кто с трудом держался на ногах, приказывали: лечь наземь. Несчастные ложились. Они знали: это смерть. Встать они уже не могли.

Так лежали они всю ночь в поле. Утром их – и мёртвых и ещё живых – уволакивали прочь. Зацепив крючками, тащили к крематорию или жгли на кострах, – индийским способом: ряд брёвен – ряд трупов, и снова ряд брёвен – ряд трупов.

Волочить труп товарищей немцы приказывали заключённым. Кто не подчинялся, сам тотчас же становился трупом. Здесь были короткие расправы, в этом лагере уничтожении. Человеческая жизнь здесь стоила дешевле пистолетного патрона. Убивали железными палками.

Заключённые же посылались и на работу в крематорий. Туда выбирали самых отупевших и уже сломанных людей. Их щедро поили водкой, хорошо кормили. Пьяные, одуревшие от смертного смрада, они, ничего не сознавая, копошились у печей

дьявола. Они знали, что через месяц сами пойдут печь. «Неудобные свидетели» – так немцы официально называли их.

Ну, что ж! Печь так печь. Они знали, что всё равно печь сожрет их поздно или рано. Из этого лагеря нет выхода. Пусть это будет раньше. И они работали у проклятых печей, заливая водкой душу.

Через месяц их всех отправляли в газовую камеру и затем – в печь...

Ненасытная печи пожирали всё. Они дымились круглые сутки. Пять печей сжигали в день 1.400 трупов.

Немцы думали о строительстве второй очереди лагеря. Им мерещился гигантский комбинат смерти. Если б дать им волю, они всю Польшу превратили бы в крематорий…

Красная Армия стремительным наступлением положила конец адской работе печей дьявола.

Пришло время расчёта и ответа...

г. Люблин.

(Продолжение следует)

**PRAVDA**

2 11 August 1944, No 192 (0649)

# A CAMP AT MAJDANEK

Boris Gorbatov

1.

When the wind blew in from Majdanek, people in Lublin would shut the windows. The wind brought a putrid smell into the city. It was impossible to breathe. It was impossible to eat. It was impossible to live.

The wind from Majdanek brought horror to the city. Stinking smoke billowed from the camp's tall crematorium chimney around the clock. The wind blew the smoke into the city. The terrible stench of the dead would hang over the Lubliners. One could not get used to it. The Poles used to call the crematorium furnaces at Majdanek – the 'Devil's furnaces', and the camp – the 'Death factory'.

The Germans were not shy in Poland, their General Government [Generalgouvernement]. On the contrary, they even wished for a Pole to breathe daily the smell of death, since horror tampers stubborn souls. The whole of Lublin knew about the death factory. The city knew that Russian prisoners of war and the imprisoned Poles from the Lublin Castle were being shot in the Krepiecki Forest. Everyone saw the transports of the doomed, arriving from all over Europe here, to the camp. Everyone knew what fate awaited them: the gas chamber and furnace.

The wind from Majdanek knocked on the windows: Pole, remember the devil's furnaces, remember death! Remember that you have no life, you have a temporary, fragile and miserable existence. You are nothing but raw material for the devil's furnaces. Remember and tremble! The putrid smell hung over Lublin. The putrid smell hung over Poland. The putrid smell was wafting over all of Hitler's Europe. With the putrid smell, the Germans wanted to suffocate humans and rule the world.

2.

'Dachau No. 2' was the name first given by the Germans to the SS concentration camp near Lublin. Then they dropped the name. Both in its size and the scale of the "death production", the camp at Majdanek surpassed the terrible camp at Dachau. We found here prisoners from Dachau, Buchenwald, and Auschwitz.

– It is more atrocious here, they say, – Oh, here!

Spread out over 25 square kilometers, this death factory had its facilities: detention fields, interfields, gas chambers, crematoria, ditches where people were shot, gallows where people were hanged, and a brothel to serve the German camp guards.

The camp is located 2 kilometers from Lublin, just off the Lublin– Chełm highway. Its watchtowers are visible from afar. Its barracks, all identical, are lined up in rows with linear precision. Each one is clearly marked with an inscription and a number. Together they form a "field". There are 6 fields in all, and each one is a special world, fenced off from the rest of the world by a wire. In the centre of each field is a neat gallows for public execution. All the paths at the camp are paved. The grass is cut. Around the German administration houses, there are flowerbeds and armchairs made of plain birch for rest in the middle of nature.

The camp has workshops, warehouses (the Germans called them shops), water supply, electric light. There is a shop where 'Zyklon', in jars, for the gas chambers, was stored. The jars have yellow stickers on them: 'especially for eastern regions' and 'to be opened only by trained persons'. A workshop that makes hangers. They have an SS badge on them. These hangers were given to prisoners before the "gassing process". The condemned had to hang his own clothes on his own hanger.

In the camp's fields, cabbage is in full bloom. It is lush and bosomy. It is impossible to look at. It is impossible to eat. It is grown on blood and ashes. The Germans scattered the ashes of corpses burned in crematoria in their fields. Human ashes fertilized their gardens.

The whole camp gives the impression of a factory or a large suburban farm. Even the crematorium furnaces seem to be small electric furnaces for boiling steel (unless you can hear the stench of corpses). Having manufactured these furnaces, a German company intended to improve them further by adding a coil to them to have free hot water permanently.

Yes, this factory – inconceivable but real – is a death factory. An industrial complex of death. Everything in here, from the quarantine to the crematorium, is calculated to destroy human beings. It is calculated with a compass and ruler, drawn on tracing paper, and discussed with German doctors and engineers as if it were a slaughterhouse for cattle.

The Germans failed in destroying the camp during their retreat. They only managed to burn down the crematorium, but the furnaces had survived. The table on which the executioners undressed and chopped up the victims is intact. There are also half-burned

skeletons in the ‘corpses storeroom’. The frightening smell of dead flesh still lingers over the crematorium.

The entire camp is intact. The gas chambers. The barracks. The warehouses. The gallows. The rows of barbed wire with alarm system and dog tracks. The dogs, German shepherds, remained at the camp. They stare sullenly out of their kennels and are perhaps bored doing nothing. There is no need for them to tear and snatch now. The survivors of the camp have been rescued. There are witnesses, many of them. The executioners have been captured. We have spoken to the first, second, and third parties.

– I have survived it! – says a rescued man and is amazed himself at how he managed to survive it all.

– I saw it! – says a witness and wonders himself: how could he not have gone mad, seeing what he had seen?

– We did it, – bluntly admit the executioners.

Documents, witness testimony, and confessions by the Germans themselves could confirm every word of what follows.

The veil over Majdanek can already be lifted, and the terrible tale of the Lublin camp, the “extermination camp”, can be told to the world.

3.

An extermination camp. Vernichtungslager. An international death camp. One could carve this inscription on its gates: “Whoever enters here, forsake all hope. There is no way out”. From all countries of occupied Europe, the doomed to death arrived here. Shipments of prisoners arrived here from the occupied regions of Russia and Poland, France, Belgium, Holland, Greece, Yugoslavia, Czechoslovakia, Austria and Italy; from the German concentration camps, Warsaw and Lublin ghettos. For extermination.

What the Germans were uncomfortable doing in the West, or even in Germany, they could do here, in the remote eastern corner of Poland. All those who had held out and survived the drudgery conditions of Dachau and Flossenburg were driven here to their deaths. All that still lived, breathed, crawled, but could no longer work. Everything that struggled and resisted.

All those condemned to death by the Germans. People of all nationalities, ages, men, women and children. Poles, Russians, Jews, Ukrainians, Lithuanians, Latvians, Italians, French, Albanians, Croats, Serbs, Czechs, Norwegians, Germans, Greeks, Dutch, Belgians. Women from Grece, shaved naked, with numbers tattooed on their arms. Blind martyrs of the underground camp-plant 'Dora', where the 'V-1' (flying bombs) were produced. Political prisoners of German camps with red triangles on their backs, criminals – with green ones, 'saboteurs' – with black ones, sectarians – with purple ones, Jews – with yellow ones. Children, from infants to teenagers. Those under eight were with their parents. Eight-year-old criminals, on the other hand, were held in the common barrack. Adulthood in German death camps comes very early. How many hundreds of thousands were exterminated in this international death camp? It is hard to say. The ashes of the burned are scattered in the fields.

One terrible monument, nevertheless, remained.

At the back of the field, behind the crematorium, there is a huge warehouse. It is filled to the top with footwear – a crushed, crumpled, piled up footwear. There are hundreds of thousands of shoes, boots, women's shoes...

The footwear of the tortured.

Tiny children's shoes with red and green pompoms. Fancy ladies' shoes. Rugged, simple boots. Old women's warm boots. Footwear of people of all ages, incomes, social classes and countries. The elegant shoes of a Parisian woman next to the traditional boots of a Ukrainian peasant. Death equalised all. In the same way, as their owners lay down to die in a common ditch – body to body.

It is scary to look at this pile of dead shoes. It was all worn by people. They walked on the ground. They crumpled the grass. They knew the sky was high above their heads. These people breathed, worked, loved, dreamed... They were born to be happy, like a bird to fly.

Where did the brown disaster come from? What have they done to deserve to die? They are now gone, their ashes scattered. Only dead shoes, crushed and trampled, are screaming, as only dead things can scream...

Why did the Germans preserve this terrible monument? Why did they collect and store footwear in the warehouse?

We find the answer in the far corner of the barrack. Here lie piles of soles, heels and insoles. Everything is carefully sorted out in a German manner, each batch is separate. It all

went to the Germans. Like ashes to the fields, like heat from the crematorium to the coil. Blood on soles does not smell!

Only the Germans are capable of such a thing!

4.

The camp's commander deputy was a SS [Anton] Thumann. Witnesses say that he was always with his huge shepherd.

Germans love dogs.

They love to play with them, feed them and get angry at them. They get along better with dogs. The crematorium chief, [Erich] Mühsfeldt, had a lap-dog. The Russian prisoners of war "field" chief used to play with a big mastiff.

The SS Thumann never missed either a shooting or an execution. He loved to attend it personally. If a vehicle was full of victims, he would jump on its step and drive to the execution. Chief Mühsfeldt even lived in the crematorium. The deadly smell that suffocated all of Lublin did not bother him. He said that roasting corpses smelled good.

He liked to joke with the prisoners.

Meeting them in camp, he would ask them affectionately:

– So, my friend, it's time for you soon to come to my little furnace? – and, patting the pale victim on the shoulder, he would promise: – That's all right, I'll make a good little furnace for you...

And he would continue on his way, accompanied by his little dog.

"I saw – testifies Stanislav Gol'ian, of a neighbouring village, who was mobilised with his cart to work at the camp. – I personally saw how Oberscharführer Mühsfeldt took a four-year-old child, put him on the ground, put his foot on the child's leg, took the other leg with his hands and tore it; yes, he ripped the poor thing in half. I saw it with my own eyes as all the child's insides spilt out...".

After ripping the kid open, Mühsfeldt threw it into the furnace. Then he started petting his little dog.

However, when leaving the camp for a new higher position, Mühsfeldt did not take the doggie with him. He bade her a fond farewell and threw it... into the furnace. Here, too, he remained true to his nature.

The SS Rottenführer Theodor Schöllen, captured by our forces, occupied a modest position at the camp: he was the storeroom fürer. He collected the clothes of the newly arrived prisoners. He searched naked people. He made them open their mouths. He had a pair of special nickel-plated tongs, which he used to pull out gold teeth.

Before the war, Schöllen was a butcher in a slaughterhouse. He was drafted into the army, and then released: butchers were needed in Germany's slaughterhouses. In 1942 he was called up again and sent to this camp. Butchers were needed here now.

Schöllen is standing in front of us now, crying. He is caught. The tears of an SS – what disgusting tears they are! Before, he did not cry. At the Majdanek camp, the Germans were fond of laughing and joking.

Here is one of their good German jokes:

A SS would walk up to any prisoner and say:

– I am going to shoot you now!

The prisoner would turn pale but obediently stand up to the shot. The SS would take long, careful aim. He would aim the gun at the prisoner's forehead, then at his heart, as if choosing the best way to kill him. Then he would shout: "Fire!"

The prisoner would shudder and close his eyes.

A shot would be heard. Something heavy would fall on the victim's head. He would faint and fall down. A few minutes later, when he would regain consciousness, the faces would lean over him: the one who had shot him and the one who had discreetly hit him on the head with a stick from behind.

The SS would laugh themselves to tears.

– You are dead! – They would shout to their victim. – You are dead, and you are now in another world. Do you see? In the other world, too, there is us. There are Germans. There is the SS!

5.

Yes, they were sure, those Hitler's fellows, that both the entire earthy world and the heavenly belonged to them.

All they had to do was exterminate half of Europe. Burn it in crematoria.

They were building the camp at Majdanek on a gigantic scale, for 3 years. It was only the first phase of construction. The camp was built by prisoners. They drained the swamp, dug pits, and ditches.

They knew they were building a prison for themselves. Barracks to rot in, wire fences to keep them from escaping. Gallows to hang them there. Crematoria to burn them there. Bloody German system! Those condemned to death dig their own grave.

The camp grew on the prisoners' bones and blood. They died both at work and at the camp. They froze to death in winter, and dropped dead from exhaustion.

Every evening at the inspection, everyone was lined up and examined. Those who could hardly stand on their feet were ordered to lie down. The unfortunate lay down. They knew: this was death. They could not get up.

So, they would lay there all night in the fields. In the morning, they were dragged away, dead and alive. They were dragged with hooks to the crematorium or burned on pyres – the Indian way: row of logs, row of corpses, and again row of logs, row of corpses.

The Germans ordered the prisoners to drag the corpses of their comrades. Whoever did not obey would immediately become a corpse himself. The carnage did not take time here, at this extermination camp. Human life here was worth less than a pistol cartridge. They killed with iron sticks.

Prisoners were also sent to work at the crematorium. They chose for this work the dumbest and already broken persons. They were lavishly given vodka and well-fed. Drunk, stupefied with the stench of death, they rummaged around by the Devil's furnaces without realising what they were doing. They knew that in a month, they would go to the furnaces themselves. The Germans officially called them 'Inconvenient witnesses'.

Oh, well! Let it be the furnace. They knew the furnace would swallow them sooner or later, anyway. There was no way out of this camp. Let it be sooner then. So, they worked at the damned furnaces, drowning their souls in vodka.

After a month, they would all be sent to the gas chamber and then to the furnace...

The insatiable furnaces devoured everything. They were blazing all day long. Five ovens burned 1,400 corpses a day.

The Germans were thinking of building the second phase of the camp. They envisioned a gigantic death factory. If they had their way, they would have turned the whole of Poland into a crematorium...

Red Army's swift offensive put an end to the infernal work of the Devil's furnaces.

The time to get even and respond has come...

Lublin.

(To be continued)

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№189, 10 августа 1944 г. 3

# Лагерь уничтожения

(от специального корреспондента «Красной звезды»)

К. Симонов

То, о чем я здесь собираюсь писать, слишком огромно и страшно для того, чтобы целиком его осмыслить. Нет никаких сомнений в том, что в этом страшном деле будут долго разбираться юристы, врачи, историки и политики. В будущем, в результате подробнейших расследований, выяснится весь размах и все подробности того преступления перед человечеством, которое совершили немцы. Сейчас я знаю далеко не все факты, далеко не все цифры — я говорил только, может быть, с сотой частью свидетелей и видел, может быть, только десятую долю действительных следов преступления. Но человек, видевший это, не в состоянии молчать, не в состоянии ждать. Я хочу рассказать именно сейчас, сегодня, о первых раскрытых следах преступления, о том, что я слышал в эти дни, и о том, что я видел своими глазами.

## I.

В конце 1940 года в двух километрах от Люблина на огромном пустыре, тянувшемся справа от Хелмского шоссе, появилось несколько офицеров войск СС и землемеры с рулетками. Через несколько дней здесь был отмерян огромный участок, захватывавший почти весь пустырь общей площадью в 25 квадратных километров. На составленных в гестапо планах этого земельного участка было нарезано 16 огромных квадратов и в каждом из них помещалось по двадцать одинаковых прямоугольников. Прямоугольники обозначали бараки, квадраты — так называемые поля, секторы, окруженные со всех сторон колючей проволокой. Наверху, на первом плане, стояло исчезнувшее впоследствии заглавие «Лагерь Дахау 2». Гестапо предприняло под Люблином строительство невиданного масштаба концентрационного лагеря, который по системе своей представлял точную копию знаменитого лагеря Дахау в Германии, но по размерам в несколько раз превосходил его.

Строительство началось зимой 1941 года. На первых порах к нему было привлечено некоторое число польских гражданских инженеров и рабочих, к которым вскоре, в качестве основной рабочей силы, присоединили поляков и евреев —

военнопленных, захваченных во время немецко-польской войны 1939 года, а примерно с августа 1941 года в строящемся лагере в качестве рабочей силы была поселена первая тысяча русских военнопленных и мирных людей. К этому времени в лагере было наполовину застроено первое поле или, как немцы называли его, «первый блок», на котором уже стояли десять бараков. Строительство продолжалось всю осень 1941 года и зиму 1942 года.

Число работавших на строительстве людей постепенно возрастало. Вскоре, вслед за русскими, прибыли большие группы политических заключенных чехов и поляков и переведенных из других лагерей, где они в большинстве своем сидели еще с 1933 года. Осенью 1941 года сюда были переведены на работу первые две тысячи евреев из люблинского гетто. Вслед за ними в декабре 1941 года из люблинского замка прибыло 700 поляков. Потом в лагерь попали 400 польских крестьян, не сдавших своевременно налогов немецкому государству. В апреле 1942 года в лагерь пришли транспорты с 12 тысячами человек из Словакии — это были евреи и политзаключенные. Весь май прибывали все новые и новые транспорты из Чехии, Австрии, Германии. Строительство лагеря шло самыми напряженными темпами, и к маю были закончены 1, 2, 3 и 4 бараки, рассчитанные примерно на 40 тысяч мест.

Май 1942 года можно считать концом первого этапа в истории лагеря. Это был период лихорадочного строительства, погони за увеличением общей кубатуры помещений. Теперь, когда были закончены бараки на 40 тысяч человек, выстроены основные, подсобные и специальные помещения, когда все было обведено двойными рядами колючей проволоки, большей частью электрифицированной, гестапо сочло, что лагерь вступил в строй. Он продолжал расширяться и дальше и расширялся бы до бесконечности, если бы не взятие Люблина нашими войсками, но темпы строительства уже были иные. С мая 1942 года достраивали лагерь постепенно, не торопясь, вводя всевозможные усовершенствования. В мае 1942 года этот лагерь, именовавшийся в официальных бумагах «Люблинским концентрационным лагерем войск СС» стал в неофициальных документах, письмах, записках и устно называться по-новому: «Фернигтунглагерь», что значит по-русски: «Лагерь уничтожения».

В двух километрах от Люблина на пустыре, расположенном справа вдоль Хелмского шоссе, немцы построили крупнейший в Европе «комбинат смерти», главной

и единственной целью которого было наиболее простое, утилитарное и скорое уничтожение наибольшего количества людей — военнопленных и политических заключенных. Организация лагеря была во всех отношениях своеобразна, и если в других немецких учреждениях смерти можно по отдельности найти все элементы, которые входили в систему люблинского «лагеря уничтожения», то в таком полном и так сказать комплексном виде эти страшные порождения немецкого изуверства нигде еще с такой очевидностью не представали нашим глазам. Нам известны такие места, как С**а**[о]бибор или Белжца, куда на расположенное в глуши пустое поле привозили по узкоколейке поезда со смертниками, которых тут расстреливали и сжигали. Нам известны такие лагери, как Дахау, Осьвенцим или «Гросслазарет» в Славуте, где заключенных и военнопленных постепенно умерщвляли побоями, голодом и болезнями. Но в люблинском «лагере уничтожения» было сочетание и того и другого. Здесь в бараках жили десятки тысяч заключенных, которые беспрерывно строили, достраивали и перестраивали свою тюрьму. Здесь были тысячи военнопленных, которые, начиная с осени 1942 года, не допускались к работам и, получая уменьшенный даже по сравнению с заключенными паек, с ужасной быстротой умирали от голода и болезней. Здесь были поля смерти с кострами и кремационными печами, где уничтожали тысячи и десятки тысяч людей, задерживая их в лагере только несколько часов или дней в зависимости от величины партии для того, чтобы обыскать и раздеть догола. Здесь были обычного типа «душегубки» на автомашинах и прочно построенные бетонированные казематы для удушения газом «циклон». Здесь жгли по древнеиндийскому способу, самым примитивным образом — ряд бревен, ряд трупов, ряд бревен, ряд трупов. Здесь жгли в кремационных печах кустарного типа, сделанных в виде больших железных котлов, и здесь жгли в специально построенном и усовершенствованном крематории для блиц-сжигания. Здесь расстреливали во рвах и убивали ударом железных палок, перебивая шейные позвонки. Здесь топили в бассейне и вешали разными способами, начиная от обыкновенной виселицы с перекладиной и кончая усовершенствованной походной виселицей с блочной системой и маховиком. Это был комбинат смерти, количество ежедневных смертей в котором регулировалось двумя обстоятельствами: первое — числом поступивших в лагерь людей и второе — необходимым количеством рабочей силы, на том или ином этапе бесконечно продолжающегося строительства.

Окончательные цифры уточнятся впоследствии. Но некоторые предварительные начинают выясняться уже сейчас. В общей сложности лагерь

функционировал больше трех лет. Когда в Люблин пришла Красная Армия, она застала в нем только несколько сот русских. По показаниям свидетелей, когда мы весной подошли к Ковелю, немцы эвакуировали из лагеря от 12 до 16 тысяч заключенных. Даже если принять цифру 16 тысяч, то в общем к концу существования лагеря в нем оставалось менее 17 тысяч человек. Между тем, средняя цифра наличия заключенных, по ежедневным сводкам комендатуры лагеря, в 1943 году составляла около 40 тысяч человек, колеблясь на несколько тысяч в ту или другую сторону. Если же взять общие цифры числа людей, поступивших в лагерь за три года с лишним, то выясняется, что между последней цифрой 17 тысяч и количеством привезенных в лагерь будет существовать разница во много сотен тысяч человек. Это примерно и будет соответствовать цифре людей, уничтоженных непосредственно в лагере, не считая тех, кто прошел через него прямо на смерть, не будучи зарегистрированными в качестве заключенных. Все эти данные взяты из официальной отчетности администрации лагеря за все годы его существования.

Говоря о поступлении заключенных во время первоначального строительства лагеря, я остановился на мае 1942 года. В апреле и мае 1942 года в лагерь стали поступать массовые партии евреев из люблинского и окрестных гетто. За лето из Словакии и Чехии пришло еще 18 тысяч человек. В июле 1942 года прибыла первая партия поляков, обвиненных в партизанской деятельности. Только эта первая партия состояла из 1.500 человек. В том же месяце пришла большая партия политзаключенных из Германии. В декабре 1942 года из лагеря Осьвенцим под Краковом прибыло несколько тысяч евреев и греков. 17 января 1943 года привезли 1.500 поляков — мужчин и 400 женщин из Варшавы. 2 февраля прибыло 950 поляков из Львова, 4 февраля — 4.000 поляков и украинцев из Таломы и Тарнополя. В мае 1943 года пришла 60-тысячная партия из варшавского гетто. Всё лето и осень 1943 года, с интервалами в несколько дней прибывали транспорты из всех основных германских лагерей — Аксенгаузена [Саксенгаузена?], Дахау, Флоссенбурга, Нойгамма, Гроссенрозена, Бухенвальда. Ни в одной из этих партий не было меньше тысячи человек. О том, откуда прибыли новички, в лагере узнавали не только из их слов — узнавали сразу и по их внешнему виду — каждый из лагерей накладывал свою печать. Например, в Осьвенциме было принято всех заключенных, включая женщин, брить наголо и номера вешать не на шею, как всюду, а выжигать на руке. Из Бухенвальда приходили люди, с трудом переносившие солнечный свет: в филиале этого лагеря, называвшемся «Дора», существовал в скалах подземный завод, на котором производились пресловутые «Фау-

1» — немецкие самолеты-снаряды. Там работали исключительно славяне, главным образом поляки и русские. Они работали, не выходя на дневной свет, и через полгода подземной работы зрение их настолько ослабевало, что их немедленно партиями отправляли в «лагерь уничтожения» в Люблин.

Я назвал только некоторые цифры и некоторые лагери не для того, чтобы дать действительное исчисление погибших, а только для того, чтобы можно было представить себе хоть часть картины. В дополнение к этому надо сказать несколько слов о национальном составе людей, попадавших в лагерь. Большое число погибших падает на уничтоженных в лагере поляков. Тут были заложники, партизаны, действительные и мнимые, и родственники партизан, и огромное количество крестьян, в особенности выселенных из тех районов, где проводилась немецкая колонизация. Вслед за поляками идет огромное число уничтоженных русских и украинцев. Столь же велико число истребленных немцами евреев, свезенных в лагерь буквально со всех стран Европы, начиная от Польши и кончая Голландией. Далее внушительные цифры, каждая из которых переваливает за несколько тысяч. Это — французы, итальянцы, голландцы, греки. Меньшие, но тоже внушительные цифры, падают на бельгийцев, сербов, хорватов, венгров, испанцев (последние, очевидно, из числа захваченных во Франции республиканцев). Кроме того, среди документов погибших найдены принадлежавшие самым разным людям самых разных наций — норвежцам, швейцарцам, туркам и даже китайцам. В одной из комнат канцелярии лагеря, пол которой целиком завален документами, паспортами, удостоверениями убитых, я, беря наугад эти бумаги, в течение десяти минут нашел документы представителей почти всех европейских наций. Тут был паспорт Софьи Яковлевны Дусевич из села Константиновка Киевской области, украинки, рабочей, родившейся в 1917 году. Тут был документ со штампом «Репюблик Франсе». Эжена Дюраме, француза, металлиста, родившегося в Гавре 22 сентября 1888 года. Тут было свидетельство, выданное народной школой Банья-Лука Рало Жуничу, кончившему школу в 37-м году, исламского вероисповедания, с отметками «добар», то-есть «хорошо», за «мораль, познавание природы и чистописание». Тут был паспорт, выданный в Хорватии Ятирановичу, родившемуся в Загребе, получившему этот документ 2 января 1941 года. Тут был паспорт Якоба Боргардта, родившегося в Роттердаме 10 ноября 1918 года. Тут был документ Эдуарда Альфреда Сака, родившегося в 1914 году в Милане на Виа-Плимо, дом №29, «рост 175, телосложения плотного, особых примет нет». Тут было удостоверение № 8544, выданное Саваранти, греку с острова Крит. Тут был немецкий

паспорт Фердинанда Лотманна, инженера из Берлина, родившегося 19 августа 1872 года. Тут была рабочая книжка со штампом «генерал-гувернимента», принадлежавшая Зигмунду Ремаку, поляку, рабочему, родившемуся 20 марта 1924 года в Кракове. Тут был какой-то китайский документ с фотографией и иероглифами, которых я не мог прочесть. Тут были документы, залитые кровью и размытые водой, разорванные пополам и растоптанные ногами. Эта ужасная гора документов была надмогильным холмом целой Европы, суженным до пределов одной комнаты.

Трудно даже предсказать, какие кошмарные подробности смогут выясниться при детальном разборе этих документов и опросе бесчисленных свидетелей. Быть может, здесь найдутся следы исчезнувших и погибших за годы германского владычества крупнейших людей Европы. Я пробыл в этом лагере всего несколько дней и говорил с незначительной долей тех свидетелей, которые там имеются. И однако уже в эти дни я наткнулся на один ошеломляющий рассказ. Двое люблинских инженеров, работавших на строительстве в лагере при проведении здесь канализации, как наемные гражданские специалисты, — русский Петр Михайлович Денисов и поляк Клавдий Елинский, среди всего прочего рассказали мне о том, как в конце апреля или в первых числах мая 1943 года они были в лагере на складе строительных материалов и встретили там одного из люблинских евреев, знакомого им обоим еще по мирной жизни. Заключенный переносил на складе доски. Он обратился к ним и, показывая на какого-то дряхлого старика, также переносившего доски, сказал:

– Знаете, кто этот старик? Это Леон Блюм.

Увидев, что поблизости нет никого из эсэсовцев, оба инженера подошли ближе. Произошел следующий разговор.

– Вы Леон Блюм? — спросил Денисов.

– Да, я Леон Блюм.

– Премьер-министр Франции?

– Да, премьер-министр Франции.

– Как вы сюда попали?

– Я попал сюда вместе с последней партией французских заключенных.

– Почему вы не пробовали спастись там, у себя. Неужели вы не могли? – спросил Денисов.

– Не знаю, может быть, и мог, – сказал Леон Блюм, – но я решил разделить судьбу своего народа, – и на глазах его показались слезы.

Тут появилось несколько эсэсовцев. Блюм вместе с кем-то поспешно поднял на плечо тяжелую вершковую доску и понес. Через несколько шагов, оступившись, он упал. Кто-то из бывших рядом заключенных помог ему подняться. Он снова встал, поднял доску на плечи и пошел дальше.

Денисов и Елинский снова попали на этот склад только через неделю. Они опять увидели здесь того человека, который показал им Леона Блюма, и спросили, где он. Тот лаконично ответил:

– Там же, где скоро буду и я, – и показал пальцем на небо.

Вот только один факт из жизни этого лагеря смерти, – факт упорно, во всех подробностях подтверждаемый обоими свидетелями, находящимися сейчас в Люблине. А сколько страшных разоблачений, касающихся судьбы самых различных людей из самых различных уголков Европы появятся, когда будут раскопаны все материалы и допрошены все свидетели?!

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ.

KRASNAIA ZVEZDA

№189, 10 August 1944 3

# EXTERMINATION CAMP

(FROM OUR SPECIAL CORRESPONDENT, 'KRASNAIA ZVEZDA')

K. SIMONOV

What I am about to write here is too vast and scary to comprehend in its entirety. There is no doubt that lawyers, doctors, historians and politicians will have to deal with this terrible case for a long time. Extensive future investigations will reveal the full extent and detail of the crime the Germans committed against humanity. Presently I am far from being aware of all the facts and of all the figures – I have spoken to perhaps one-hundredth of the witnesses, and I have seen perhaps only a tenth of the actual traces of the crime. But a person who has seen this is incapable of keeping silent and cannot wait. I wish to tell you now, today, about the first uncovered traces of the crime, about what I have heard these days and about what I have seen with my own eyes.

## I

At the end of 1940, several SS officers and land-surveyors appeared with tape measures on a vast wasteland stretching to the right of Chełm Road (2 kilometres from Lublin). A few days later, a massive plot of land was measured off, covering almost the entire wasteland area of 25 square kilometres. The plans for the plot of land drawn up by the Gestapo were cut into 16 large squares, each containing 20 identical rectangles. The rectangles marked the barracks, the squares – the so-called fields or sectors surrounded on all sides by barbed wire. At the top, in the foreground, was the now-defunct name 'Dachau camp 2'. The Gestapo undertook the concentration camp construction near Lublin on an unprecedented scale; its system was an exact replica of the famous Dachau camp in Germany but several times larger.

Construction began in the winter of 1941. At first, a number of Polish civil engineers and labourers were employed, soon joined by the Polish and Jewish prisoners of war, captured during the German-Polish war in 1939 as the main labour force; from about August 1941, the first thousand Russian prisoners of war and civilians were placed as labourers at the camp under construction. By this time, the first field, or as the Germans called it, 'the first block', was half-built, with already a row of 10 barracks in it. Construction continued throughout the fall of 1941 and winter of 1942.

The number of builders gradually increased. Soon, following the Russians, came large groups of Czech and Polish political prisoners and those transferred from other camps, where most of them had been incarcerated since 1933. In the fall of 1941, the first two thousand Jews from the Lublin Ghetto were transferred here to work. 700 Poles from the Lublin Castle followed them in December 1941. After that, it was the turn of 400 Polish peasants who had failed to pay their taxes on time to the German government. In April 1942, 12,000 people from Slovakia – Jews as well as political prisoners – were transported to the camp. More and more transports arrived from the Czech Republic, Austria, and Germany throughout May. Construction of the camp proceeded apace, and by May, barracks 1, 2, 3 and 4, with a capacity of about 40,000 beds, were finished.

May 1942 can be considered as the end of the first phase in the camp's history. It was a period of feverish construction, the pursuit of the total cubic capacity of the premises' growth. Now that the barracks for 40,000 men were finished, the main, auxiliary and special premises were built, and double rows of barbed wire surrounded everything (most of it electrified), the Gestapo considered the camp to be operational. It continued to expand further and would have expanded indefinitely had it not been for the capture of Lublin by our troops, but the pace of construction was already different. From May 1942, the camp was built up gradually, slowly, introducing all kinds of improvements. In May 1942, the camp, referred to in official papers as the "SS Lublin concentration camp", was given a new name in unofficial documents, letters, memos and orally: "Vernichtungslager", which means in Russian: "Extermination Camp".

Two kilometres from Lublin, on a wasteland to the right along Chełm Road, the Germans built Europe's largest "death factory", whose primary and sole purpose was to kill the largest number of people – prisoners of war and political prisoners – in the easiest, quickest and most practical way possible. The organisation of the camp was unique in every respect, and while in other German death facilities, separately, one can find all the elements that made up the Lublin extermination camp system, nowhere else did these terrible vestiges of German bestiality appear so clearly to our eyes, in such a complete and so to speak integrated form. We know of places like Sobibor or Bełżec, where trains on the narrow-gauge rail, loaded with the sentenced to death, were brought to an empty field in the middle of nowhere and then shot and burned. We know of camps such as Dachau, Auschwitz or 'Grosslazaret' in Slavuta, where the incarcerated and prisoners of war were gradually put to death by beatings, hunger and disease. The Lublin extermination camp, however, was a

combination of both. Here, tens of thousands of prisoners, who incessantly built, completed and rebuilt their prison, lived in barracks. Here, thousands of prisoners of war, who were not allowed to work from the autumn of 1942 and thus received reduced rations even in comparison with the incarcerated, were dying of starvation and disease with terrible rapidity. Here, one finds death fields with pyres and cremation furnaces, where thousands and tens of thousands of people were exterminated; they were at the camp only a few hours or days, depending on the size of the group, the time to be searched and stripped naked. Here was the common type of 'gas vans' as well as solidly constructed concrete casemates for asphyxiation by 'Zyklon' gas. Here, people were burnt in the ancient Indian way, the most primitive: a row of logs, then a row of corpses, and again, a row of logs, a row of corpses. Here, they burned in artisanal-type cremation furnaces, in the form of large iron cauldrons, but also in a specially built and perfected blitz-burning crematorium. Here, they shot in ditches and killed with an iron stick blow, breaking cervical vertebrae. Here, they drowned in a pool and hanged by various means, ranging from simple gallows with a crossbar to advanced rolling gallows with a block system and a flywheel. It was a death factory in which the number of deaths per day was regulated by two circumstances: the first by the number of people entering the camp, and the second by the amount of workforce required, at one stage or another, of the endlessly ongoing construction.

The final figures will be clarified later. Nevertheless, some preliminary ones are beginning to emerge now. In total, the camp functioned for more than three years. When the Red Army entered Lublin, it found only a few hundred Russians there. According to witnesses, when we approached Kovel in spring, the Germans evacuated from the camp 12 to 16 thousand prisoners. Even if we accept the figure of 16,000, all in all, by the end of the camp's existence, less than 17,000 people remained in it. Meanwhile, according to the daily reports of the camp commandant's office, the average number of prisoners in 1943 was about 40,000, varying by several thousand in one direction or another. If, however, one takes the total number of people admitted to the camp over a period of more than three years, it becomes clear that there is a difference of many hundreds of thousands between the latter figure of 17,000 and the number of those brought to the camp. This would roughly correspond to the number of people destroyed directly in the camp, not counting those who went straight through it to their deaths without being registered as prisoners. All these figures are taken from the camp administration's official records for all the years of its existence.

Speaking of the intake of prisoners during the initial construction of the camp, I focused on May 1942. In April and May 1942, mass loads of Jews from Lublin and the surrounding ghettos began to arrive at the camp. Another 18,000 people arrived from Slovakia and the Czech Republic during the summer. In July 1942, the first batch of Poles accused of being partisans arrived. This first batch alone consisted of 1,500 people. A large batch of political prisoners from Germany arrived in the same month. In December 1942, several thousand Jews and Greeks arrived from the Auschwitz camp near Kraków. On 17 January 1943, 1,500 Polish men and 400 women were brought from Warsaw. On 2 February, 950 Poles arrived from Lvov, and on 4 February, 4,000 Poles and Ukrainians from Taloma and Ta[**e**]rnopol. In May 1943, 60,000 people arrived from the Warsaw ghetto. All summer and autumn of 1943, at intervals of a few days, transports arrived from all the main German camps: Sachsenhausen, Dachau, Flossenburg, Neuengamme, Grossenrozen and Buchenwald. None of these parties had fewer than a thousand men. The newcomers' last place got known at the camp not only by their word; they were also immediately recognised by their appearance, as each of the camps had its own characteristics. In Auschwitz, for example, it was customary for all prisoners, including women, to be shaved naked and for numbers to be hung not around their necks, as elsewhere, but burned on their arms. From Buchenwald came people who could hardly stand the sunlight: in a branch of that camp called 'Dora', there was an underground plant, in the rocks, that produced the notorious 'V-1', the German flying bombs. Only Slavs, mostly Poles and Russians, worked in it. They worked without going out to daylight, and after six months of underground work, their eyesight was so impaired that they were immediately sent in batches to the 'extermination camp' in Lublin.

I have only mentioned some figures and camps, to give at least a partial picture, and not an accurate tally of the dead. In addition to this, a few words must be said about the national composition of the people who ended up in the camps. A large number of the exterminated were the Poles. They were hostages, partisans, real and imaginary, relatives of partisans, and a considerable number of peasants, especially those evicted from the areas where German colonisation was taking place. Vast numbers of Russians and Ukrainians follow the Poles. Equally high is the number of Jews exterminated by the Germans, brought into the camp from literally every country in Europe, from Poland to Holland. Then come the impressive figures, each exceeding several thousand, of the French, Italians, Dutch, and Greeks. Less significant but also impressive figures belong to the Belgians, Serbs, Croats, Hungarians, and Spaniards (the latter, obviously, from the Republicans captured in France). In

addition, the documents of the dead found belonged to a wide variety of people and nations – Norwegians, Swiss, Turks and even Chinese. In one of the rooms of the camp office, where the floor was entirely covered with documents, passports and IDs of those killed, picking up these papers at random, and within ten minutes, I found documents from nearly all European nations. Sofia Iakovlevna Dusevich's passport, from the village of Konstantinovka, Kiev region, a Ukrainian labourer, born in 1917. A document stamped 'Republique France', belonged to Eugène Durhamet, a French metalworker, born in Le Havre on 22 September 1888. A certificate issued by the public school in Banja Luka to Ralo Junić, a Muslim pupil who graduated in 1937, with 'dobar' (meaning 'good') notes for "morals, knowledge of nature and handwriting". And a passport issued in Croatia to Jatiranović, born in Zagreb, who received this document on 2 January 1941. And Jacob Borgardt's passport, born in Rotterdam on 10 November 1918. And Eduard Alfred Saka, born 1914 in Milan, Via-Plimo 29, "height: 175 cm, solid build, no distinguishing features". There was an identity card number 8544, issued to Savaranti, a Greek from Crete. There Ferdinand Lottmann's German passport, an engineer from Berlin, born on 19 August 1872. There was a workbook stamped 'General Government' that belonged to Sigmund Remak, a Polish worker born on 20 March 1924 in Krakow. There was a Chinese document with a photograph and hieroglyphs, which I could not read. There were papers drenched in blood, washed out with water, and torn in half and trampled underfoot. This awful mountain of documents was the gravestone of an entire Europe, narrowed down to the confines of a single room.

It is difficult even to predict what nightmarish details might emerge from the detailed examination of these documents and the questioning of countless witnesses. It is not impossible that traces of Europe's most remarkable people, vanished or dead during the years of German rule, would be found here. I spent only a few days at the camp and talked to only a fraction of the witnesses present. And yet, within these few days, I happened to come already across one staggering account. Two engineers from Lublin who worked as recruited civilian labourers to construct the sewage system in the camp, the Russian – Petr Michailovich Denisov and the Pole – Klaudiusz Eliński, told me the following story among the rest. In late April or early May 1943, they were at the camp's building material warehouse and met a Jew from Lublin whom they both knew from civilian days. The prisoner was carrying planks in the warehouse. He turned to them, pointed at an old man, also carrying planks, and said:

– Do you know who this old man is? It is Leon Blum.

As there were no SS around, the two engineers came closer.

Here is what the dialogue was about.

– Are you Leon Blum? – Denisov asked.

– Yes, I am Leon Blum.

– The Prime Minister of France?

– Yes, the Prime Minister of France.

– How did you get here?

– I got here with the last batch of French prisoners.

– Why didn't you try to escape, there, back home? Could you not? – Denisov asked.

– I don't know, perhaps I could, – said Leon Blum, – but I decided to share the fate of my people, – and tears appeared in his eyes.

At that moment, a few SS men approached. Blum, along with someone, hastily lifted the heavy verst board on his shoulder and carried it. After a few steps, he stumbled and fell. One of the other prisoners helped him up. He got up again, lifted the board on his shoulders and walked on.

Denisov and Elinski did not get to this warehouse again until a week later. They again saw the man who had shown them Leon Blum and asked where he was. The man replied laconically:

– Where I will soon be, – and pointed the finger at the sky.

This is just one fact from the life of this death camp. A fact confirmed by both witnesses now in Lublin, persistently and in every detail. And how many other terrible revelations on the fate of the most diverse people from the most diverse corners of Europe will appear when all the materials are uncovered, and all the witnesses are questioned?!

(TO BE CONTINUED)

1-st BELORUSSIAN FRONT

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№190,11 августа 1944 г. 3

# Лагерь уничтожения*

(от специального корреспондента «Красной звезды»)

К. Симонов

**2.**

Когда вы идете по Хелмскому шоссе, справа, всего в каких-нибудь 300 метрах от шоссе, вырастают очертания целого города: сотни низких серых крыш, построенных в правильные ряды, разделенные проволокой. Это большой город, в котором могут жить десятки тысяч людей. Вы сворачиваете с шоссе и въезжаете через ворота за колючую проволоку. Ряды чистеньких бараков с аккуратными палисадничками, со сбитыми из березовых палок креслами и скамейками. Это бараки эсэсовской охраны и начальства. Тут же и «зольдатенхейм» – специально построенный небольшой барак, где помещался публичный дом для охраны, в который брали женщин исключительно из числа заключённых и уничтожали, как только какая-нибудь из них беременела.

Дальше идут камеры, где дезинфицировалось платье, снятое с заключенных. В потолке проделаны трубы, через которые забрасывалось дезинфицирующее вещество. Потом они замазывались, двери герметически запирались и производилась дезинфекция. И это действительно так: стены бараков, сбитые из досок, и двери, не окованные железом, — все это построено слишком непрочно для того, чтобы здесь могло производиться что-нибудь другое, кроме дезинфекции платья.

Но вот мы открываем следующую дверь и попадаем во вторую дезинфекционную камеру, построенную уже по совершенно иному принципу. Это квадратное помещение, высотой немного больше двух метров и размером примерно 6 х 6 метров. Стены, потолок, пол – всё состоит из сплошного серого бетона. Никаких полок для платья, которые мы видели в предыдущем помещении, нет и в помине. Всё голо и пусто. Единственная большая стальная дверь герметически закрывает вход в помещение. Она защелкивается снаружи внушительными стальными скобами. В стенах этого бетонного склепа три отверстия: два из них, – идущие снаружи и выведенные внутрь трубы, третье отверстие – глазок. Это – маленькое квадратное окошечко, загороженное вделанной изнутри в бетон толстой и частой стальной решеткой. Толстое стекло вделано с наружной стороны стены так, чтобы через решетку нельзя было до него дотянуться.

Куда проделан глазок? Чтобы ответить на этот вопрос, откроем дверь и выйдем из камеры наружу. Рядом с ней пристроена вторая маленькая бетонная камера, в которую выходит глазок. Здесь проведен электрический свет и есть выключатель. Отсюда через глазок видна вся внутренность камеры. Здесь же на полу стоят несколько круглых, герметически закупоренных банок, на которых написано «циклон» и дальше мелко – «для специального использования в восточных областях». Содержимое этих банок и засыпали через трубу в ту соседнюю камеру, когда она наполнялась людьми.

Люди были голые, их ставили вплотную друг к другу, и они не занимали много места. На 40 квадратных метрах камеры втискивали свыше 250 человек. Их вталкивали туда, закрывали за ними стальную дверь, обмазывали края ее глиной для более герметической закупорки, и через трубы специальная команда, надевшая противогазы, засыпала туда из этих круглых коробок «циклон». Это мелкие голубые, невинные с виду кристаллы, которые при соединении с кислородом немедленно начинают выделять отравляющие вещества, действующие сразу на все центры человеческого тела. Сквозь трубы засыпался «циклон», командовавший удушением эсэсовец повертывал выключатель, камера освещалась, и он сквозь глазок со своего наблюдательного пункта следил за удушением, которое, по разным показаниям, длилось от двух до десяти минут. Сквозь глазок он безопасно мог видеть всё – и страшные лица умирающих, и постепенное действие газа. Глазок сделан как раз на уровне человеческого тела. И когда люди умирали, наблюдателю не надо было смотреть вниз: умирая, они не падали – камеру набивали так, что и мертвые продолжали стоять в тех же позах.

Между прочим, «циклон» – это действительно вещество, предназначенное для дезинфекции. Им действительно дезинфицировали в соседних камерах платье. Всё прилично, всё аккуратно, всё соответствует действительности. Вопрос только в том, какую дозу «циклона» засыпать в камеру.

Пройдем несколько сотен шагов дальше. Пустое место. Судя по некоторым признакам, здесь раньше было какое-то строение. Да, здесь до осени прошлого года был крематорий. Осенью был окончен строительством другой – усовершенствованный, к которому мы пойдем дальше, а этот был разрушен. Примитивно построенный, он обладал недостаточной пропускной способностью, гораздо меньшей, чем хорошо продуманная, усовершенствованная газовая камера. Этот крематорий представлял собою просто большой барак с цементным полом, где на кирпичных фундаментах были

установлены два огромных железных котла, положенных вдоль. Сжигание в них производилось слишком медленно. Правда, окончательного превращения трупов в пепел здесь не ожидали, но даже рассыпание трупа на истлевшие кости происходило не раньше, чем через два часа. Одновременно в обе топки закладывалось 14 трупов. Таким образом, крематорий не мог пропустить больше полутораста человек в сутки, в то время как газовая камера даже только при одном, как тут выражаются, «газовании» пропускала в сутки 300 человек. Поэтому до строительства нового крематория в дни больших уничтожений значительную часть трупов приходилось отсюда вывозить грузовиками в поле, расположенное за лагерями, и там закапывать.

Ограда состоит из двух рядов четырехметровых столбов с проволокой, которая наверху еще загибается в виде навеса. Оба ряда столбов отделены один от другого двухметровым пространством, в котором по диагонали, от верха одного ряда столбов до низа другого, вкось идет третий ряд проволоки. Он установлен на изоляторах и был электрифицирован, через него пропускался смертельной силы ток, исключавший всякую возможность побега.

Такую электрифицированную систему установили не сразу. Первоначально в лагере были те же самые проволочные заграждения, но без тока. Переход на электрическую систему был результатом следующего эпизода. В мае 1942 года партия русских военнопленных, посланная закапывать расстрелянных в Крембецком лесу, поблизости от лагеря, лопатами перебила семерых немцев из охраны и разбежалась. Двое из были них пойманы, остальные пятнадцать скрылись. Тогда оставшихся в лагере 130 военнопленных (из 1000 помещенных сюда в августе 1941 года в живых осталось только 130) перевели в блок, где помещались заключенные. Как-то вечером в конце июня, видя, что всё равно они здесь погибнут, русские военнопленные решили бежать. Несколько десятков заключенных остались. Собрав все имевшиеся одеяла и сложив их по пяти штук одно на другое, пленные составили из этих одеял мосты через колючую проволоку и бежали. Ночь была темная, только четверо из них были застрелены, остальным удалось скрыться. Оставшихся 50 человек сейчас же после побега вывели во двор, положили на землю и расстреляли из автоматов. Но этой репрессией немцы не ограничились. Факт удачного побега оставался фактом, и немцы срочно провели электрификацию четырех из пяти блоков. Только один остался неэлектрифицированным, в нем содержались женщины, от которых было трудно ожидать побега.

Перед нами новый подсобный блок. Он огорожен менее тщательно, чем жилые. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: сюда прибывали мертвые или полумертвые, или предназначенные к умерщвлению под усиленной охраной. Здесь, за этой проволокой, никто, за исключением эсэсовцев и команды крематория, не жил больше часа. Посреди пустого поля мы видим высокую четырехугольную каменную трубу с примыкающим к ней длинным и низким кирпичным прямоугольником. Это и есть крематорий. Он сохранился во всей своей первозданной целости.

Чуть поодаль – остатки большого кирпичного строения. За те несколько часов, что остались у команды лагеря между известием о прорыве обороны и приходом наших частей, немцы пытались замести следы. Они не успели взорвать крематорий, но подсобное помещение подожгли. Несмотря на это, следы не стали менее очевидными. Страшный трупный запах наполняет воздух.

Подсобные помещения крематория состоят из трех основных камер. Одна камера набита полусожженными остатками одежды. Это невывезенная отсюда одежда последней партии погибших. В соседней камере сохранилась только часть стены. В эту стену вмазано несколько труб более мелкого диаметра, чем в газовой камере, которую мы уже видели раньше. Это тоже газовая камера, тут тоже производилось удушение (пока еще не выяснено, тем же «циклоном» или другим газом). Когда производилось особенно большое истребление и основная газовая камера не успевала справляться, часть людей приводили сюда и «газовали» непосредственно рядом с крематорием. Третья, самая большая, камера, очевидно, была предназначена для складывания трупов, которые ждали здесь своей очереди для сожжения. Весь пол ее покрыт полуистлевшими скелетами, черепами и костями. Это не результат планомерного сожжения, а результат поджога помещения: когда немцы подожгли третью камеру, то трупы, заваливавшие ее, сгорели. Их много – может быть, десятки, может быть, сотни, – трудно сказать, потому что невозможно сосчитать это месиво полуистлевших костей с обрывками полусгоревшего мяса.

Теперь нам нужно сделать всего несколько шагов, чтобы перейти к самому крематорию. Он представляет собою большой прямоугольник, сложенный из кирпича самой высокой огнеупорности – из динаса. Одна рядом с другой в этой каменной стене расположены пять больших топок, закрывающихся герметическими чугунными дверцами. Круглые дверцы сейчас открыты. Глубокие топки до половины наполнены истлевшими позвонками и пеплом. Перед печами, на площадке против каждой топки, лежат полуистлевшие вследствие пожара приготовленные немцами к сожжению

скелеты. Против трех топок – это большие скелеты мужчин или женщин, против двух – скелеты детей, судя по размерам, примерно 10–12 лет. Против каждой топки 5–6 скелетов. Это соответствует их вместимости: в каждую топку полагалось закладывать сразу шесть трупов. Если шестой труп не влезал, команда крематория обрубала невлезавшую часть тела – руку, ногу, голову – и после этого герметически закрывала дверцы.

Всего топок пять. Пропускная способность их была очень велика. Крематорий был рассчитан на сожжение трупов в течение 45 минут. Но постепенно немцы научились форсировать его работу и за счет повышения температуры удваивали пропускную способность: вместо 45 минут они добивались сожжения за 25 минут и даже меньше. Эксперты уже рассматривали этот динасовый кирпич, из которого устроены топки крематория, и по его деформации и перерождению обнаружили, что температура здесь была свыше 1500 градусов. Добавочным свидетельством служат чугунные шибера, которые тоже деформировались и оплавились. Если взять за среднее, что каждая партия трупов сжигалась за полчаса, и добавить к этому всеобщее свидетельство, что, начиная с осени 1943 года, труба крематория дымилась день и ночь, не переставая, и он, как доменная печь, не останавливался ни на минуту, – получится цифра пропускной способности крематория: за сутки примерно 1400 трупов.

Необходимость постройки крематория была в значительной степени вызвана историей с катынским делом. Немцы, боясь дальнейших разоблачений при вскрытии ям, где они закапывали трупы убитых, предприняли на территории Люблинского лагеря, начиная с осени 1943 года, грандиозные раскопки. Они выкапывали полуистлевшие трупы расстрелянных из огромного количества рвов, расположенных вокруг лагеря, и сжигали их в крематории, чтобы окончательно замести следы.

Пепел и истлевшие кости из топок крематория ссыпались в те же самые рвы, откуда были вынуты трупы. Один из таких рвов уже раскопан. В нем обнаружен почти метровый слой золы и пепла.

За лагерем есть еще один недостроенный блок. Тут за колючей проволокой только кирпичные фундаменты. Стены еще не выведены, до конца выстроен всего один барак, в котором не устанавливали нар. В нем не жили люди, но он тем не менее стал, быть может, самым страшным свидетелем всего, что здесь происходило. Этот барак, длиной и шириной в несколько десятков метров, наполовину, на высоту более двух метров, во всю свою длину и ширину, наполнен обувью казненных здесь за три года. Трудно сказать, сколько здесь пар обуви. Может быть, миллион, может быть, и больше.

Обувь не помещается в бараке, она вываливается из окон и из дверей наружу. В одном месте ее тяжесть проломила стену, и часть стены вывалилась вместе с горами обуви.

Здесь есть всё: и разорванные русские солдатские сапоги, и польские солдатские ботинки, и мужские штиблеты, и женские туфли, и резиновые ботики, и, главное, – что самое страшное – десятки тысяч пар детской обуви: сандалии, туфельки, ботиночки с десятилетних, с восьмилетних, с шестилетних, с годовалых. Трудно представить себе что-либо страшнее этого зрелища. Ужасное, молчаливое свидетельство смерти сотен тысяч мужчин, женщин и детей! Если пробраться по горам обуви и зайти в правый угол сарая, то можно сразу найти объяснение существованию этого чудовищного склада. Здесь отдельно сложены тысячи, десятки тысяч подметок, союзок, отдельно сложены обрезки кожи. Здесь разбирали и сортировали ту часть обуви, которая в целом виде уже была негодна к употреблению — отдельно отбирали подметки, отдельно союзки, отдельно каблуки. Как и всё в лагере смерти, этот склад был устроен с утилитарной целью: после убитых ничто не должно было пропасть – ни одежда, ни обувь, ни кости, ни пепел.

В Люблине в одном из больших городских домов – последнее отделение лагеря. В десятке помещений, в десятках больших и малых комнат, там устроен огромный сортировочный склад всего снятого с казненных. В одной комнате мы можем увидеть десятки тысяч женских платьев, в другой – десятки тысяч брюк, в третьей – десятки тысяч пар белья, в четвертой – тысячи дамских сумочек, в пятой – десятки тысяч комплектов детской одежды, в шестой — приборы для бритья, в седьмой – кепки и шляпы.

Я говорил с пленными немцами, которые проходили мимо крематория, мимо рвов с трупами. Они отрицали свое участие в этом. Они говорили, что это сделали не они, что это сделали СС. Но когда потом я допрашивал одного из работавших в лагере эсэсовцев, он, говоря о массовых казнях, утверждал, что это делали не СС, а СД – то-есть гестапо. Гестаповцы говорят, что это сделали эсэсовцы. Не знаю, кто из них жег, кто из них просто убивал, кто снимал ботинки, и кто сортировал женское белье и детские платьица, – не знаю. Но когда я смотрю на этот склад вещей, я думаю, что нация, породившая тех, кто сделал это, должна нести на себе и будет нести на себе всю ответственность и проклятия за то, что сделали ее представители.

(Окончание следует)

***** *Продолжение*. Начало — в № 189 «Красной звезды».

1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ.

KRASNAIA ZVEZDA

№ 190, 11 August 1944 3

# EXTERMINATION CAMP*

(FROM OUR SPECIAL CORRESPONDENT, 'KRASNAIA ZVEZDA')

K. SIMONOV

**2**

As you walk along Chełm Road, to your right, just some 300 metres from the road, you can see an outline of a real city: hundreds of low grey roofs, constructed in regular rows, separated by wire. It is a big city where tens of thousands of people could live. You turn off the road and drive through a gate behind the barbed wire. There are rows of tidy barracks with neat front gardens and birch-stick chairs and benches. These were the barracks of the SS guards and superiors. And here is also the 'Soldatenheim', a small purpose-built barrack that served as a brothel for the guards. Women were selected exclusively from among the prisoners and exterminated as soon as any of them got pregnant.

Next, come the cells where the clothes taken off the prisoners were disinfected. Pipes were made in the ceiling through which disinfectant was thrown. Then they were caulked, the doors were hermetically sealed, and disinfection was carried out. And it is true: the walls of the barracks, made of boards, and the doors, not iron-bound, are all too flimsy to allow anything other than the clothes' disinfection to take place here.

When, however, we open the next door, we find ourselves in the second disinfection chamber, which is built on a completely different principle. It is a square room, a little over 2 metres high and measuring about 6 x 6 metres. The walls, ceiling and floor all consist of solid grey concrete. There are no shelves for clothes at all, here as we had seen in the previous room. Everything is bare and empty. A single large steel door hermetically seals the entrance to the room. It is latched from the outside with imposing steel brackets. There are three openings in the walls of this concrete vault: two of them come from outside and are piped inside, the third opening is a peephole. It is a small square window, blocked by a thick and frequent steel grating built into the concrete from inside. The thick glass is cut into the wall's outside so it cannot be reached through the lattice.

Where is the peephole leading? Let us open the door and walk out of the cell to answer this question. Next to it, there is another, a small concrete cell, and the peephole's other side. It is equipped with electric light, and there is a switch. From here, through the peephole, you can see the inside of the cell. There are also a number of round, hermetically sealed cans on

the floor, with the inscription ‘Zyklon’ and, in small letters, “for special use in the Eastern regions”. The contents of these cans were poured through a pipe into that neighbouring cell when it was filled with people.

Naked people were placed close together, and they did not take up much space. Over 250 people were crammed into a 40-square metre cell. They were pushed in, the steel door was closed behind them, and the edges were covered with clay for a more airtight seal; a special team, wearing gas masks, poured in ‘Zyklon’ from these round boxes, through pipes. These tiny blue, innocent-looking crystals, when combined with oxygen, immediately start releasing toxic substances that affect all centres of the human body at once. The ‘Zyklon’ was poured through the pipes. The SS man in charge of the asphyxiation would flip the switch illuminating the cell and watch the asphyxiation through the peephole from his observation point; according to various accounts, the process could last from two to ten minutes. Through the peephole, he could safely see everything – both the horror-filled faces of the dying and the gradual action of the gas. The peephole was made just at the level of the human body. And when people were dying, the observer did not have to look down: they did not fall, as the cell was stuffed to the extent that the dead continued to stand in the same poses.

By the way, ‘Zyklon’ is really a substance designed for disinfection. It was actually used to disinfect the dress in the neighbouring cells. Everything is decent, everything is neat, and everything corresponds to reality. The only question is the dosage of ‘Zyklon’ to use in the cell.

Let us walk a few hundred steps further. The place is empty. From some signs, there used to be a building here. Yes, there was a crematorium here until last autumn. In the autumn, another one, an improved version, was completed (which we will go to next), and this one was demolished. Primitively built, it had insufficient throughput, much less than the well-designed, improved gas chamber. This crematorium was simply a large barrack with a cement floor, with two huge iron boilers laid lengthwise on brick foundations. The process of burning in them was all too slow. True, the final transformation of corpses into ashes was not the aim here, but even the decomposition of corpses into decaying bones did not happen in less than two hours. Fourteen corpses were put into both furnaces at the same time. Thus, the crematorium could not process more than 150 people a day, while the gas chamber, even with only one, as they say here, ‘gassing’, could process 300 people a day. Therefore, until the new crematorium was built, on the days of major massacres, a considerable number of corpses had to be taken from here by trucks to the field behind the camps and buried there.

The fence consists of 2 rows of 4-metre-high posts with wire, which is also curved at the top as a canopy. Both rows of posts are separated one from the other by a 2-metre space, in which the third row of wire runs diagonally from the top of one row of posts to the bottom of the other. It was mounted on insulators and electrified, with a lethal current running through it, eliminating any possibility of escape.

This sort of electrified system was not installed immediately. Initially, the camp had the same wire fences but without electricity. The switch to an electrified system was the result of the following episode. In May 1942, a party of Russian prisoners of war, sent to bury the executed men in the Krepiecki Forest near the camp, killed 7 German guards with shovels and ran away. Two of them were caught, and the other 15 escaped. The remaining 130 POWs (only 130 of 1,000 who were brought here in August 1941 remained alive) were transferred to a block in which the incarcerated were kept. One evening at the end of June, seeing that they would die here anyway, the Russian POWs decided to escape. A few dozen prisoners stayed behind. Collecting all the blankets they had and stacking them by 5 on top of each other, the prisoners made bridges over the barbed wire and fled. The night was dark, only 4 of them were shot, and the rest managed to escape. The remaining 50 were taken out into the courtyard immediately after the escape, put on the ground and shot with submachine guns. But the German repressions did not stop there. The fact of the successful escape remained a fact, and the Germans urgently electrified 4 of the 5 blocks. Only 1 was left un-electrified; it housed women, who were hardly expected to escape.

In front of us is the new ancillary block. It is less carefully fenced than the living quarters. After all, it is not surprising: the dead or half-dead were brought here, or those to be put to death, under heavy guard. Here, behind this wire, no one except the SS and the crematorium crew survived for more than an hour. In the middle of an empty field, we see a tall quadrangular stone chimney with a long, low brick rectangle adjoining it. This is the crematorium. It has been preserved in all its pristine integrity.

A little further away, we see the remains of a large brick building. In the few hours that remained for the camp crew between the news of the breakthrough and the arrival of our units, the Germans tried to cover their tracks. They did not manage to blow up the crematorium but set fire to the ancillary building. Despite that, the traces are not less evident. The terrible stench of corpses fills the air.

The crematorium's ancillary building consists of 3 main chambers. One chamber is full of half-burned remnants of clothing. These are the clothes of the last batch of the dead that were not removed from here. In the next chamber, only part of the wall remains. This wall has several pipes of a smaller diameter than the gas chamber we had seen earlier. It was also a gas chamber, asphyxiation was also carried out here (it is still unclear whether it was with the same 'Zyklon' or another gas). When there was particularly large extermination, and the main gas chamber could not cope, some people were brought here and 'gassed' right next to the crematorium.

The third, the largest, was evidently a chamber for stacking corpses that were waiting here for their turn to be burned. The entire floor is covered with half-decayed skeletons, skulls and bones. It was not the result of a systematic burning, but an arson attack on the room: when the Germans set fire to the third cell, the corpses piled up there were burned. It is difficult to say how many there are – maybe dozens, maybe hundreds – as it is impossible to count the mess of half-decayed bones with scraps of half-burnt meat.

Now we only need to take a few steps to get to the crematorium itself. It is a large rectangle made of the highest fire-resistant bricks, the silica. One beside the other in this stone wall are 5 large furnaces, closed by sealed cast-iron doors. The round doors are now open. The deep furnaces are up to half full of decayed vertebrae and ashes. In front of the furnaces, on the square in front of every furnace, lie skeletons, half-decayed from the fire, prepared by the Germans for burning. In front of 3 furnaces, on a platform, there are large male or female skeletons, and in front of 2 furnaces, there are the skeletons of children (judging by their size, about 10 to 12 years old). There are 5 or 6 skeletons opposite each furnace, which corresponds to its capacity: 6 corpses were supposed to be placed into each furnace at once. If a sixth corpse did not fit, the crematorium team would cut off the part of the body that did not fit – an arm, leg or head – and then hermetically close the doors.

There are 5 furnaces in total. Their throughput was very high. The crematorium was designed to burn corpses in 45 minutes. But gradually, the Germans learned to speed up its work and by increasing the temperature doubled the capacity: instead of 45 minutes, they achieved burning in 25 minutes or even less. Experts have already examined this silica brick, of which the furnaces of the crematorium were made, and from the deformation and rebirth of the brick, they found that the temperature was higher than 1,500 degrees Celsius. The cast-iron chimney stoppers, which were also deformed and melted, are a piece of additional evidence.

If we take as an average the fact that each batch of bodies was burnt in half an hour, and add to this the general evidence that from autumn 1943 the crematorium chimney was blowing non-stop day and night, and that, like a blast furnace, it never stopped, we get the figure for the crematorium throughput: approximately 1,400 bodies a day.

The need to build a crematorium was largely prompted by the Katyn affair. The Germans, fearing further exposure of the pits where they buried the corpses of the murdered, undertook enormous exhumations at the Lublin camp from autumn 1943 onwards. They dug up the half-decayed corpses of the executed from the vast number of ditches around the camp and burned them in the crematorium to completely cover their tracks.

Ashes and decayed bones from the crematorium furnaces were poured into the same ditches from which the bodies had been removed. One of the ditches has already been excavated. A layer of cinder and ashes, nearly a metre high, has been found in it.

There is another unfinished block behind the camp, with only brick foundations behind the barbed wire. The walls have not yet been erected, only one barrack has been completed, and no bunks in it. It was not inhabited, but it was, nevertheless, perhaps the most terrible witness of the events that took place there. This barrack, several dozen metres long and several dozen metres wide, halfway up, more than 2 metres high, is filled with the footwear of those executed here over 3 years. It is hard to say how many pairs of shoes there are. Maybe a million, maybe more. The shoes do not fit in the barracks, they fall out of the windows and out of doors to the outside. At one point, their weight broke through the wall, and part of the wall fell out with the piles of shoes.

There is everything here: torn Russian soldiers' boots, Polish soldiers' boots, men's shoes, women's shoes, rubber boots, and most importantly – and most frighteningly – tens of thousands of pairs of children's footwear: sandals, little shoes – of 10-year-olds, 8-year-olds, 6-year-olds, 1-year-olds. It is hard to imagine a more horrifying sight. A terrible, silent witness to the death of hundreds of thousands of men, women and children! If one manages to get through the mountains of shoes and into the right-hand corner of the barn, one can immediately find the explanation for the existence of this monstrous warehouse. Thousands, tens of thousands of soles and vamps are stacked here, and scraps of leather are stacked separately. Here they sorted and separated the footwear which was no longer fit for use as a whole, selecting the soles, vamps and heels. Like everything else at the death camp, this

warehouse was set up for a utilitarian purpose: nothing was to be lost from the dead – clothing, shoes, bones or ashes.

One of Lublin's big city houses is the last branch of the camp. There is a huge sorting warehouse for everything taken off the executed in its dozen rooms, big and small. In one room we can see tens of thousands of women's dresses, in another tens of thousands of trousers, in the third tens of thousands of pairs of underwear, in the fourth thousands of handbags, in the fifth tens of thousands of sets of children's clothes, in the sixth shaving appliances, in the seventh caps and hats.

I have spoken to German prisoners who passed by the crematorium, past the trenches with the corpses. They denied their involvement in it. They said that they had not done it, that it was the SS. But when I later questioned one of the SS men who had worked in the camp, he claimed, when talking about the mass executions, that it had not been done by the SS but by the SD, that is, the Gestapo. And the Gestapo say the SS did it. I do not know which of them burned, which just killed, who took off the shoes, and who sorted women's underwear and children's dresses. I do not know. But when I look at this hoard of stuff, I think that the nation that spawned those who did this should and will bear all the responsibility and curses for what its representatives did.

(TO BE CONTINUED)

THE1-ST BELORUSSIAN FRONT.

* Part II. See the beginning in 'Krasnaia Zvezda' No189.

ПРАВДА

2 5 августа 1943 г., № 194 (9330)

# Коричневый дурман

Алексей Толстой

В конце июня я вылетел из Москвы на Северный Кавказ, чтобы оформить вещественными доказательствами и свидетельскими показаниями следы немецких преступлений. Их много, и они ужасны по жестокости, по количеству жертв, ни в чём не виноватых, по методичности убийств.

Я верю, что ещё немало людей, живущих вдали от войны, с трудом и даже недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей – на полметра в глубину, на сто метров протяжением – лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины, прижимающие истлевшими руками младенцев, у которых медицинская экспертиза обнаружила во рту землю, так как они были закопаны живыми. С трудом можно вообразить немецких солдат, торопливо перекликающихся в огороде, где они ищут маленькую девочку, которая спряталась, потому что её дедушка и мать они только что убили за найденную в сундуке фотографию лейтенанта Красной Армии: они находят девочку в высокой кукурузе и пристреливают. Трудно поверить, что немцы на накануне отступления продавали по сходной цене на городском рынке спирт и питьевую воду, причём спирт был метиловый, а в пакетиках с надписью «сода» находилась щавелевая кислота. Но они действительно продавали это, и свыше 700 доверчивых жителей города Георгиевска отравилось, – заболело и умерло. Следственный акт, а за ним и – обвинительный, ожидает виновных в этом отравлении, чтобы предать их суду.

Половина моей жизни прошла в те годы, когда европейская цивилизация расцветала под солнцем почти полувекового мира.

Я бесстрашно останавливался в немецких гостиницах и спал там, не запирая двери на ключ; в Германии у меня ни разу не украли моих чемоданов. Я свято верил, что каждая капля моей крови принадлежит мне, и ни один немец не вправе выпустить её через дырку, просверленную ножом или пулей. Я человек старого поколения. Я не понимаю современных немцев. За пять месяцев оккупации Кавказа, в одном только Ставропольском крае они насильно отобрали у населения (ограбили), зарезали и съели

и частично угнали в Германию сто сорок девять тысяч 674 коровы, один миллион восемьсот пятьдесят тысяч 259 овец и коз, сто девяносто шесть тысяч 462 свиньи, восемьсот пятьдесят тысяч кур, гусей и знаменитых чёрных индеек, и так далее…

Я не понимаю современных немцев, которые, торопливо отступая в январе месяце с Северного Кавказа, делали то, что обычно делает уголовный преступник, уходя из награбленного дома, где он перерезал хозяев, – омерзительно пачкает на самом видном месте. Во всех городах и станицах областей и Республики Северного Кавказа и Кубани немцы взорвали и сожгли всё – без исключения – школы, театры, кино, гостиницы, библиотеки вместе с книгами, больницы, санатории, дворцы пионеров и общественные здания.

В тех местах, куда из-за спешки отступления не успевали прибыть взрывные команды, там немецкие солдаты с кирками и ломами и разбивали окна, ванны, умывальники и уборные, даже вентиляционные решётки, стреляли из автоматов по лепным украшениям, отбирали и ломали мебель, искалывали штыками оцинкованные крыши, – что несомненно указывает на немецкую добросовестность в работе и на вкус к разрушению. В Железноводске – курорте, равному которому по медицинскому оборудованию и комфорту не было в Европе, немцы устроили мясокоптильни; в великолепных санаториях, отделанных драгоценным деревом и мрамором, они сложили печи и пять месяцев дымили салом и свиной копотью в разбитые окна этих дворцов и в январе – при бегстве из Железноводска – взорвали все санатории и дома отдыха.

Всё, чём я рассказываю, я видел своими глазами. Но я видел гораздо более печальное. На Северном Кавказе немцы убили всё еврейское население, в большинстве эвакуированные за время войны из Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма. Здесь было много учёных, профессоров, врачей, эвакуированных вместе с научными учреждениями. Подготовку к массовым убийствам немцы начали с первых же дней оккупации. Они организовали еврейские комитеты, будто бы для переселения евреев в мало заселённые области Украины, и одновременно создали для них невыносимые и унизительные условия жизни: старики, подростки, больные, ученые, врачи, старухи, едва передвигавшие ноги, равно выгонялись на тяжёлые земляные работы, без оплаты и без хлебного пайка; приказывалось носить на груди жёлтую звезду и запрещалось входить в столовые, магазины и общественно места. Запрещался выезд из города. Таким образом, когда, наконец, объявлен был «день переселения», евреи с величайшим

облегчением собрались в указанных местах вместе с семьями, с багажом в двадцать килограммов на человека и продовольствием на два дня. Ключи от квартир они оставили в домоуправлении, – в приказе командующего армией им была гарантирована неприкосновенность их имущества. Один армянин рассказал мне, что в это утро он пришёл на вокзал в Кисловодске; шумная и оживлённая толпа грузилась в девятнадцать открытых и закрытых вагонов, двадцатый был для членов еврейского комитета; армянин разыскал в толпе знакомую женщину и сказал: «Отдайте мне на воспитание вашу дочь, вы не доедете до Украины». Семилетняя дочка этой женщины была такая красавица и умница, что все заглядывались на неё. Он долго уговаривал женщину, она задумалась, обняла дитя. «Нет, – ответила –, что будет, то будет, мы не расстанемся».

К часу дня поезд, в котором находилось около тысячи восьмисот человек, проехал на станцию Минеральные воды, остановился в поле, и сопровождающие немецкие офицеры в бинокль осмотрели складки местности; осмотр их не удовлетворил, поезд задним ходом вернулся в Минеральные воды, прошёл на запасной путь и остановился у стекольного завода. «Вылезай, прыгай на землю!» – закричали немцы-конвоиры. Тогда началось беспокойство. Члены еврейского комитета, среди которых была четыре известных врача и пожилой писатель Бергман, успокаивали: «Немцы – враги, немцы – суровы, но они же культурные люди, мы должны верить обещанию командования…». Последовал приказ сдавать драгоценности. Торопливо снимал серьги, кольца, часы и бросали в пилотки охранником. Прошло ещё минут десять. Подъехала штабная машина с начальником Гестапо Вельбен и комендантом Поль. Последовал приказ: «Раздеться всем догола...».

Всё это мне рассказал единственный из оставшихся в живых старик Фингерут, – он спрятался на запасном пути в траву между колёсами вагонов. Когда был приказ – раздеваться – люди поняли, что сейчас – конец жизни, сейчас – казнь. Люди начали кричать, метались, и так кричали, что вылезали глаза, и многие сошли с ума. Многие раздевались непонятно зачем, женщина оставались в трусиках, мужчины – в кальсонах. Охранники погнали толпу этих людей по полю аэродрома к противотанкового рву, стоящему в километре от стекольного завода. Фингерут увидел немецкого солдата, который волок за руку двух детей, вынул револьвер и застрелил их. Тех, кто пробовал бежать, убивали выстрелами. Несколько автомобилей кругами мчались по полю, из них

стреляли по разбегающимся. Не легко убить тысячу восемьсот человек, – подогнав их к противотанкового рву, их расстреливали от часу дня до вечера.

Ночью к этому рву стали подходить закрытые машины из города Ессентуки. Там – точно так же – спровоцированные через еврейский комитет, по приказу коменданта Бек, в здании школы – на окраине Ессентуков собрались для переселения, с багажом и продовольствием 507 трудоспособных евреев и около полутора тысяч детей, стариков и старух. Они весь день ждали отправки. После двадцати часов охранники начали грабить их багаж и партиями грузить людей в машины. К утру следующего дня все две тысячи человек были умерщвлены и свалены в противотанковый ров в Минеральных Водах.

Показаниями свидетелей и медицинским исследованиям трупов можно установить, что для умерщвления немцы применяли, кроме расстрела, также удушение окисью углерода в герметически закрытых, специально для такого убийства построенных машинах. Военнопленный автомеханик ФениОхель дал нам подробное описание такой машины, построенный на «Заводе строительства автокузовов а/о Берлин».

В Пятигорске, точно также, две тысячи восьмисот евреев – взрослых и детей – были провокационно созваны для переселения, отвезены в машинах в Минеральные воды, умерщвлены и свалены в тот же противотанковый ров. Немцы очищали Пятигорск и в дальнейшие дни. Свидетельница Островенец рассказывает нам: «Я жила во дворе, где немцы устроили камеры с замурованными окнами для заключенных. Я наблюдала как к этим камерам приезжала вплотную чёрная, закрытая автомашина. Тогда по камерам разносилась команда: «Раздевайся». Начинались дикие крики заключенных женщин и детей. Затем их – полураздетых – выталкивали из камер, загоняли, втаскивали за волосы в автомашину. Дверь её плотно закрывалась. Из тёмного помещения выходил офицер и другие гестаповцы, они всегда почему-то осматривали низ машины. После этого шофёра включал мотор, который издавал сильный гул, однако он полностью не заглушал ужасного крика и топанья ног находящихся в машине. Гестаповцы начинали свистеть и громко смеяться. Так продолжалось минут пять–семь, после чего в машине становилось тихо и она уезжала...».

Произведённые под моим наблюдением раскопки противотанкового рва в Минеральных Водах обнаружили плотную массу трупов на протяжении ста пяти метров. Мы определили цифру убитых более 6.000 человек, она несколько уменьшена сравнительно с показаниями свидетелей по вывозу еврейского населения из Кисловодска, Ессентуков и Пятигорска. Очевидно, не все ещё могилы обнаружены. Так, под Кисловодском в овраге, близ Коль**п**[ц]о-гора, сильными дождями начало размывать детские трупы. Раскопками в двух местах этого оврага обнаружен 161 труп взрослых людей и 70 детских трупов. В Ставрополе на аэродроме при расчистке щелей до сих пор обнаруживают трупы.

В Пятигорске на Машук-горе, в старых каменоломнях, открыто и опознано около трёхсот трупов граждан русской национальности. Ещё и сейчас на крутом известковом обрыве каменоломни видны чёрные пятна и брызги крови и между камнями – обрывки одежды и женские локоны. Сюда немцы привозили из тюрем мужчин и женщин, иногда полуживых от ужасных пыток. Следы пыток обнаружены медицинским осмотром, – вырванные челюсти, изломанные обожжённые конечности, скальпированная черепа. Людей ставили на краю обрыва, расстреливали, затем на упавших обрушивали взрывом камни. На Машук-горе, на кирпичных заводах и в других местах обнаружено до 356 трупов, в числе их женских и детских – 66.

В городе Ставрополе немцы 10 августа умертвили окисью углерода в машинах 660 больных психиатрической больницы. 12 августа немцы вывезли в район аэродрома 3.500 жителей еврейской национальности и расстреляли их из автоматов. 15 августа вывезли на территорию психиатрической больницы ещё 500 граждан еврейской национальности, расстреляли, зарыли в силосных ямах. Кроме этих массовых убийств, немцы арестовывали и уничтожали русское население города, – людей им нежелательных по тем или иным причинам. Всего немцами убито в Ставрополе свыше 5.500 человек русских и евреев.

Спасшийся от расстрела гражданин Коневский рассказывает об убийствах… «12 августа нам дали лопаты и приказали сесть в крытую брезентом автомашину с группой 30 человек арестованных. Нас привезли за город в сопровождении двух легковых машин с вооруженными немцами. На окраине города машина остановилась, немцы отделили 8 человек пожилого возраста, и нас в количестве 22 человек повезли дальше к месту, называемому Холодный родник. Там нас повели к цементной яме – примерно, 8 на 12 метров – она была наполнена трупами людей и немного присыпана землёй, сквозь

которую сочилась кровь. Когда мы лопатами засыпали эту яму, нас заставили засыпать другую – поменьше, в которой тоже были трупы. Когда и эта яма было засыпана, нас всех повезли за километр к нескольким ямам и траншеям, наполненным трупами расстрелянных мужчин, женщин и детей, лежавших в нижнем белье или совсем раздетых. Неподалёку от одной из траншей лежали вниз лицом те 8 человек, которых от нас делили. Они были живы. Когда мы начали работать, подъехал на машине офицер, по его приказанию мы легли вниз лицом, а тех восьмерых немцы ударами заставили подняться и подойти к траншее, в них выстрелили из автомата, и они упали туда, после чего мы продолжали зарывать трупы.

Вместе с нами был профессором математики Гойх, в засыпаемой яме он вдруг узнал трупы двух своих детей, бросил лопату и прыгнул в яму. Офицер подошёл и застрелил профессора. Примерно, в полдень к этому месту подъехали 3 грузовых машины, на которых лежали и сидели раненые красноармейцы. Нас заставили снимать раненых, на наших глазах их расстреливали. Казнь производили офицеров гестапо, человек 25–30, фамилию одного из них я знаю, – Байер».

И так далее, и так далее, – я переворачиваю скорбные страницы показаний свидетелей массовых убийств, пыток гестапо, насилие немцев над женщинами и подростками... Я читаю показания потерпевшей Настасьи Супрун. Она рассказывает, как её пытал и мучил следователь Фишер, добиваясь признания связи с разведкой. В камере с ней сидела её четырнадцатилетняя племянница Ниночка Сучкова. Её также допрашивал Фишер… «Ниночку опять принесли после пытки, она три часа лежала без сознания с пеной у рта. Когда очнулась – сказала только: «Тётя Ася, что будет со мной?». Когда после массовых убийств вернулась машина смерти, Ниночку послали убирать и мыть её. Ниночка рассказала, что на полу в машине валялись куски рваного белья, волосы, очки, испражнения. «Ниночку опять взяли на допрос, били палками и опять она была без сознания...». 4 ноября Ниночку взяли из камеры, и больше её никто не видел...».

Что всё это такое? Я спрашиваю, кто такие немцы? Как мог немецкий народ пасть так низко, чтобы его армия совершила дела, о которых тысячу лет с омерзением и содроганием будет вспоминать человечество? Каким раскаянием и какими делами немцы смогут смыть пятно позора? Пятно позора – это нацизм. Немецкий народ не плюнул в глаза своему соблазнителю и пошёл за Гитлером убивать и грабить. Горе тем немцам, кто теперь же, не откладывая на завтра, не очнётся от коричневого дурмана.

PRAVDA

2 5 August 1943, No 194 (9330)

# The Brown Drug

Alexey Tolstoy

At the end of June, I flew from Moscow to North Caucasus in order to document through material evidence and witness testimony the traces of German crimes. They are numerous, horrific in their cruelty, in the number of entirely innocent victims, and the methodicalness of the murders.

I believe that there are still many people living far away from the war who can hardly imagine or who even relate to the following with distrust: the anti-tank ditches, where under the earth (half a metre deep and a hundred metres long) lie respectable citizens, old women, professors, Red Army soldiers with crutches, schoolchildren, young girls. And also, women clutching babies in rotting arms; the forensics found the earth in babies' mouths, which means that they were buried alive. One can hardly imagine German soldiers scurrying around in a vegetable garden looking for a little girl hiding from them. She is hiding from them because they have just killed her grandfather and mother – for a photograph of a Red Army lieutenant found in their trunk; they find the girl in the tall corn and shoot her.

It is hard to believe that on the eve of the retreat, the Germans were selling alcohol and drinking water at a bargain price at the town market – the alcohol was methyl, and in the bags labelled 'soda' was oxalic acid. They did sell it, nevertheless, and over 700 gullible Georgievsk residents were poisoned, fell ill and died. An investigation report, followed by a conviction, await to bring to justice those responsible for this act.

Half of my life was spent in the years when European civilisation flourished under the sun of nearly half a century of peace.

I fearlessly stayed in German hotels and slept there without locking the doors; I never once had my suitcases stolen in Germany. I firmly believed that every drop of my blood belonged to me, and no German had the right to let it out through a hole drilled with a knife or a bullet.

I am someone of the old generation. I do not understand today's Germans. During the five months of occupation of the Caucasus, in the Stavropol region alone, they forcibly took from the population (robbed), slaughtered and ate, and partly transferred to Germany: one hundred forty-nine thousand 674 cows, one million eight hundred fifty thousand 259 sheep

and goats, one hundred ninety-six thousand 462 pigs, eight hundred fifty thousand hens, geese and the famous black turkeys, and so on...

I do not understand today's Germans, who, in their haste to retreat from the North Caucasus in January, did what a criminal usually does when leaving a looted house, where he has slaughtered the owners: he smears, disgustingly, in the most visible places. In all the regional towns and villages and the North Caucasus republic as well as in Kuban, the Germans blew up and burned down everything, without exception: schools, theatres, cinemas, hotels, libraries together with books, hospitals, sanatoriums, pioneer palaces and public buildings.

In those places where, because of the hurried retreat, the bombing teams did not have time to arrive, German soldiers, with picks and crowbars, broke windows, bathrooms, washbasins and latrines, even ventilation grilles, fired machine guns at stucco decorations, took away and broke furniture, bayoneted galvanised roofs. It certainly indicates German work conscientiousness and taste for destruction.

In Zheleznovodsk, a resort which had no equal in medical equipment and comfort in Europe, the Germans set up meat-smoking plants; in magnificent sanatoria decorated with precious wood and marble, they stacked ovens and, for five months, smoked fat and pig soot through the broken windows of these palaces. In January, when they fled from Zheleznovodsk, they blew up all sanatoria and rest homes.

Everything I am telling here I have seen with my own eyes. But I have seen much sadder things. In North Caucasus, the Germans murdered the entire Jewish population, most of whom evacuated here during the war from Leningrad, Odessa, Ukraine and Crimea. Many scientists, professors, and doctors evacuated along with their scientific institutions.

The Germans began preparing for mass murders from the very first days of the occupation. They organised Jewish committees, ostensibly to resettle Jews in the sparsely populated areas of Ukraine; at the same time, they created unbearable and degrading living conditions for them: old people, teenagers, the sick, scientists, doctors, old women who could barely move their legs were equally forced to do hard earthworks, without pay and bread rations. They were ordered to wear a yellow star on their chest and forbidden to enter canteens, shops and public places. They could not leave the city. Thus, when at last "the relocation day" was announced, the Jews, with their families and twenty kilograms of luggage per person and food for two days, gathered at the designated places with great relief. They left

the keys to their flats at the housing office, as an order from the Army commander assured them of the inviolability of their property. An Armenian told me that that morning he had gone to the railway station in Kislovodsk; a noisy and lively crowd was loading into nineteen open and closed carriages, the twentieth was for the members of the Jewish committee; the Armenian sought out a woman he knew in the crowd and said to her: “Leave your daughter with me, I will bring her up, you will not make it to Ukraine.” This woman’s seven-year-old daughter was so beautiful and clever that all would feast their eyes on her. He tried persuading the woman for a long time; she hesitated, then embraced the child. “No, she replied, what will be will be, we will not be separated”.

By one o’clock in the afternoon, the train, carrying about one thousand eight hundred people, had passed Mineralnye Vody station, stopped in a field, and the accompanying German officers examined the terrain folds through binoculars; their examination was not satisfactory, the train reversed back to Mineralnye Vody, got to the reserve track and stopped at the glassworks. “Get out, jump to the ground!” – shouted the German convoys. The anxiety began to set in. The members of the Jewish committee, among whom were four prominent doctors and the elderly writer Bergman, were reassuring: “The Germans are enemies, the Germans are harsh, but they are cultured people, we must believe the promise of the command...”. The order to surrender the jewels followed. Earrings, rings and watches were hastily taken off and thrown into the guards’ caps. Another ten minutes passed. A staff car with Gestapo chief Welben and Commandant Pohl drove up. The order was given: “Everyone strip naked...”.

The only survivor, old Fingerut, told me all this; he had hidden in the grass between the wheels of the wagons on the reserve track. When there was an order to undress, people realised that this was the end of life, this was an execution. They began to scream, tossing and screaming so hard that their eyes would pop out, and many went insane. Many people undressed for reasons unknown. The women remained in their panties and the men in their underpants. The guards chased the crowd of these people across the airfield field to the anti-tank ditch, one kilometre from the glass factory.

Fingerut saw a German soldier dragging two children by the hand, pulling out a revolver and shooting them dead. Those who tried to run were killed by gunfire. Several vehicles raced in circles across the field, firing shots at those who were running away. It is not easy to kill a thousand eight hundred men. After herding them up to the anti-tank ditch, they were shot from one o’clock in the afternoon until evening.

At night, closed cars from Essentuki began to approach this ditch. Precisely in the same manner – instigated through the Jewish committee, on the orders of Commandant Beck – in a school building on the outskirts of Essentuki, 507 able-bodied Jews and about a thousand and a half children, old men and women gathered for resettlement, with luggage and food. They had been waiting all day to leave. After eight o'clock in the evening, the guards began looting their luggage and loading people into cars in batches. By the next morning, all two thousand people had been killed and piled in the anti-tank ditch in Mineralnye Vody.

Witness testimony and medical examinations of the corpses show that besides shooting, the Germans also used carbon monoxide asphyxiation in hermetically sealed, purpose-built vehicles for such killings. A prisoner of war, mechanic Fenichel gave us a detailed description of such a vehicle, built by the 'Truck body Construction Plant Ltd, Berlin'.

In Piatigorsk, similarly, two thousand eight hundred Jews (adults and children) were provocatively summoned for relocation, taken in cars to Mineralnye Vody, put to death and dumped into the same anti-tank ditch. The Germans kept clearing Pyatigorsk also in the following days. Witness Ostrovenets tells us: "I lived in the house which yard faced the cells with bricked-up windows for the prisoners set up by the Germans. I used to watch as a black, covered vehicle would drive right up to these cells. Then the command "Take off your clothes" would spread through the cells. Women and children would start shouting wildly. Then they would be pushed out of their cells, half-naked, and dragged by the hair into a car. The door would shut tightly. An officer and other Gestapo men would come out of a dark room, and for some reason, they would always inspect the underside of the car. The driver would then start the engine, making a loud noise, but this could not entirely drown out the terrible cries and feet-stamping of those inside the car. The Gestapo men would start whistling and laughing loudly. It would go on for five to seven minutes, then it would become quiet in the car, and it would drive away...".

Excavations under my supervision of the anti-tank ditch in Mineralnye Vody revealed a dense mass of corpses over a distance of one hundred and five metres. We have established a figure of over 6,000 dead, which is somewhat smaller in comparison to the witnesses' testimony of the Jewish deportation from Kislovodsk, Essentuki and Pyatigorsk. Apparently, not all the graves have yet been discovered. For example, near Kislovodsk, in a ravine near Kol'tso Mountain, heavy rains began to wash away children's corpses. Excavations in two

spots of this ravine revealed 161 corpses of adults and 70 corpses of children. In the Stavropol airfield, the corpses are still found when the cracks are cleared away.

In Pyatigorsk, on Mashuk Gora [Mountain], in old quarries, about 300 corpses of citizens of Russian ethnic origin have been discovered and identified. Even today, on the steep limestone cliff of the quarry, one can still see black stains and splashes of blood; there are scraps of clothing and female curls between the stones. It is where the Germans brought men and women from prisons, at times half-dead from horrific torture. The medical examination found traces of torture: ripped out jaws, broken burnt limbs, and scalped skulls. People were placed on the cliff's edge, shot, and then blasted rocks would rain down on them. On Mashuk Gora, at brickyards and other places, up to 356 corpses were found, including 66 female and children.

In Stavropol, on 10 August, the Germans killed with carbon monoxide in cars 660 psychiatric hospital patients. On 12 August, the Germans took 3,500 inhabitants of Jewish origin to the airfield area and shot them with machine guns. On 15 August, they took another 500 citizens of Jewish origin to the psychiatric hospital area, shot them and buried them in the silos. Besides these mass murders, the Germans also arrested and exterminated the Russian population of the city – those who were undesirable for one reason or another. All in all, over 5,500 Russians and Jews were murdered by the Germans in Stavropol.

Citizen Konevskii, who escaped a firing squad, tells of the murders: "On 12 August, we were given shovels and ordered to get into a tarpaulin-covered vehicle with a group of 30 people arrested. We were brought outside the city, accompanied by two passenger cars with armed Germans. On the outskirts of the city, the car stopped, the Germans put aside 8 elderly people, and 22 of us were taken further to a place called "The Cold Spring". There we were led to a cement pit, about 8 by 12 metres, which was filled with corpses and slightly covered with earth, and blood was oozing through it. When we shovelled this pit, we were forced to do the same with a smaller pit, which also had corpses in it. When this pit had also been filled in, we were all taken a kilometre away to several pits and trenches full of corpses of the shot men, women and children, lying in their underwear or completely naked. Not far from one of the trenches, there were the 8 men, separated from us earlier, lying face down. They were alive. When we started working, an officer drove up and ordered us to lay face down while the 8 men were punched to get up and come to the trench; they were then shot with machine guns, and they fell in there, after which we continued to bury the bodies.

Professor Goikh, a mathematics professor, was with us; in the pit we were filling in, he suddenly recognised the bodies of his two children, dropped the shovel and jumped into the pit. An officer walked over and shot the professor. At about noon, 3 trucks drove up to the place, with wounded Red Army soldiers lying and sitting in them. We were forced to take down the wounded, and they were shot before our eyes. The execution was carried out by Gestapo officers, some 25 to 30 of them, one of whom I know by name – Bayer".

And so on, and so on, I turn over the sorrowful pages of eyewitness accounts of the mass murders, Gestapo torture, German violence against women and teenagers... I read the testimony of the victim, Nastas'a Suprun. She tells how she was tortured and tormented by interrogator Fischer to make her confess her connection with the intelligence service. Her fourteen-year-old niece, Ninochka Suchkova, was in the cell with her. She was also interrogated by Fisher... "Ninotchka was brought back once again after the torture; she lay unconscious for 3 hours with foaming at the mouth. When she woke up, she said only: 'Auntie Asia, what will happen to me?'. When the death car returned after a mass massacre, Ninochka was sent to clean and wash it. She said that pieces of torn underwear, hair, glasses, and defecation were lying on the car's floor. "They took Ninochka for interrogation again, beat her with sticks, and she was unconscious again...". On 4 November, Ninochka was taken out of the cell, and no one saw her again...".

What is all this? I am asking, who are the Germans? How could the German people have fallen so low that their army committed deeds humanity will remember with disgust and shudder for a thousand years? With what remorse and deeds can the Germans wash away the stain of shame? The stain of shame is Nazism. The German people did not spit in the eyes of their seducer and followed Hitler to kill and pillage. Woe to those Germans who right now, without delay, do not wake up from the brown drug.